

Марина Эльденберт

Парящая для дракона.
Обрести крылья

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Главный дракон страны, тот, кто мечтает сделать меня своей, по-прежнему видит во мне лишь куклу. Но я вернулась в Ферверн исключительно ради дочери. То чувство, которое горит во мне, я усмирить смогу. Пусть даже оно сводит с ума, особенно когда он рядом. Пусть даже только оно способно растопить лед его сердца и помочь мне... обрести крылья, крылья любви.

- [Марина Эльденберт](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
-

Марина Эльденберт

Парящая для дракона. Обрести крылья

Глава 1

Мне кажется, что кто-то изобрел машину времени или с помощью какой-то неведомой силы закинул меня в прошлое. В ту самую минуту, когда я ждала его в своей спальне после случившегося в ресторане, ждала, чтобы с ним поговорить, чтобы высказать ему все, что не давало мне покоя. Чтобы извиниться. Ситуация повторяется почти с точностью до ощущений, но эти ощущения – всего лишь отголоски того, чему не суждено сбыться. Я сейчас не дома, у меня и дома-то нет. На мне – больничная рубашка, и я не так давно рассказала всему миру, как убегала от отца своего ребенка, который сейчас стоит передо мной. Но что самое главное, я не испытываю по этому поводу ни малейшего чувства вины, и, будь у меня выбор, я поступила бы так же.

Возможно, поэтому моими первыми словами становятся именно эти:

– Я буду с тобой говорить только в присутствии своего брата.

Кажется, не такого он ожидал. Или ожидал, но чего-то совершенно иного, потому что в его представлении Лаура должна бежать поджав хвост или дрожать от одного взгляда на великого и могучего. Ну как минимум от страха за свою семью, из разряда «не впутывать сюда своего брата, своих друзей и так далее». Но я уже их впутала – тем, что родилась, что была с ними связана по рождению или по знакомству, как с Рин и Сэфлом. Уверена, Сэфл не просто так стал начальником службы безопасности. Он им стал, потому что был моим лучшим другом. А Торну нужны все инструменты, чтобы разрушить мою жизнь.

– Ты будешь говорить со мной здесь и сейчас, Лаура, – произносит он.

Странно, что палата не покрылась льдом изнутри и не осыпалась осколками прямо на нас.

Я улыбаюсь. Показываю на смартфон.

И отворачиваюсь.

Не так-то это и легко – выдерживать тяжесть его присутствия, особенно учитывая, что в глубине души (когда-то очень давно, безумно давно, видимо, в другой жизни) я надеялась на эту встречу. Надеялась,

что она случится и что она будет... не такой, как сейчас. Но, как говорится, что имеем, то имеем. Надо исходить из сложившихся обстоятельств.

За спиной раздаются шаги, и я чувствую, что он приближается, каждой клеточкой своего тела. Каждым вздохом, который, кажется, сейчас вырвется из моей груди облачком пара. От позорного бегства спасает только то, что бежать в больничной рубашке не лучшая идея – это первое. И второе: я не хочу показывать ему свой страх. Я хочу, чтобы он ушел.

Что там случилось такого, что Халлоран вот так просто пустил его ко мне, я не знаю, но, вероятно, это было из разряда: «Заберите свою бомбу замедленного действия и деактивируйте ее в Ферверне». Что же, посмотрим, как у него это получится.

Теперь.

– Я говорил с твоим отцом.

Это звучит по меньшей мере неожиданно. Остановившись рядом со мной, Торн складывает руки на груди и смотрит на раскинувшийся за окном Мэйстон. Меня должно волновать то, что он говорил с моим отцом? Точнее, с мужчиной, который меня называет своей дочерью? Не должно. Но волнует, и я больше чем уверена, что он это прекрасно знает. Да, он прекрасно знает, на что, как и куда надавить, чтобы я немедленно пасанула.

Прости, Торн. Не в этот раз.

– Я попросила тебя уйти, – отвечаю я. – И если ты не оставишь меня в покое...

– Твоя мать жива.

Откат от этих слов такой мощный, что я чудом держусь на ногах. Лед прокатывается по позвоночнику, собираясь в кончиках пальцев – и снова растекаясь по телу морозным туманом, отпечатывающимся в сознании каждым словом, как клеймом.

Твоя.

Мать.

Жива.

Эти раскаленные буквы проступают сквозь густую пелену ледяного дыхания, как неон сквозь густую метель.

Я не могу дышать, даже двигаться не могу, поэтому просто спрашиваю:

– Что?

Звучит очень тихо.

– Твоя мать жива, Лаура. В прошлом, когда твои родители переживали не лучшие времена, она согласилась принять участие в тестировании препарата. – Он поворачивается ко мне, я чувствую его взгляд, но по-прежнему смотрю на Мэйстон, словно каждое здание, каждый флайс и каждый неоновый щит в этом городе стали мощнейшим магнитом. – Это были закрытые исследования, за которые заплатили очень хорошо. Когда Оррис Хэдфенгер согласилась на эксперимент, она не знала о том, что беременна. Ты – часть этого эксперимента, Лаура. Я больше не уверен, что ты человек.

Мир, который я только что более-менее собрала, снова разлетается осколками. К счастью, это настолько стало привычным, что сейчас я уже не впадаю в прострацию или не пытаюсь кричать о том, что он лжет. Я мысленно сопоставляю факты: пламя ребенка, прорывающееся сквозь меня, которое мне удавалось контролировать. Невозможность отдать мне приказ. То, как сквозь харргалахт Бена прорывался ледяной огонь.

Пальцы сами собой тянутся к рубашке на груди, чтобы сгрести и смять ткань в том месте, где по-прежнему стоит метка истинного пламени, но я ее отдергиваю. Мне приходится приложить все силы, чтобы не думать сейчас о маме и о том, что я только что узнала. Потому что даже после всего, что произошло, для меня это – слишком.

– Она... где она? – Я все-таки поворачиваюсь к нему.

– Она в коме, Лаура. – Торн холодно смотрит на меня. – Пока неизвестно, где ее спрятали, но я ее найду и во всем разберусь. Сложно сказать, как будет развиваться твоя беременность, но в Ферверне, где собраны все знания по ледяному пламени от самых истоков, от перворожденного иртхана, убереечь тебя и твоего ребенка будет проще. Еще проще будет с информацией по твоей матери и экспериментам, которую в Аронгаре тебе передадут так, как будет выгодно им.

Можно подумать, ты свою выгоду упустишь, Торн Ландерстерг.

– Хочешь сделать мне предложение? – спрашиваю я. Звучит очень двусмысленно, особенно после всего, что между нами было, но мне сейчас не до подбора слов.

– Нет. Хочу, чтобы ты поехала со мной по своей воле.

– А если я откажусь?

Никогда не думала, что этот взгляд может стать еще холоднее.

– Значит, поедешь в капсуле гибернации. Что касается твоего заявления, каким бы ни был общественный резонанс, я не оставлю своего ребенка на волю случая. Час на сборы, Лаура. И лучше не трать его на запись очередной душещипательной истории, потому что никто не поверит матери, ставящей жизнь своего ребенка под угрозу.

Он развернулся и вышел до того, как я успела ответить.

Напоследок окатив холодом, на который что-то тонко отозвалось внутри.

Несколько минут я стояла неподвижно, пытаюсь это прочувствовать. Реакцию Льдинки на отца. Но то ли она была настолько мимолетной, что уловить ее невозможно, то ли я сама себе это придумала, потому что больше ничего не было. Никаких откликов. Никакого проявления пламени, что само по себе было странно.

Хотя где я и где странно?

Торн рассказал мне о том, что моя мать жива и находится в коме непонятно где. Мой отец при всем при том женился и умудрялся рассказывать мне, что я стала причиной ее смерти. Словом, начиная с рождения все то, что для других характеризуется словом «странно», для меня было нормально. Нормально – отнять у меня и у Даргела мать, а потом жениться на Ингрид?! Нормально ни словом не обмолвиться, что женщина, которая мне подарила жизнь, – жива? Сколько раз я смотрела на ее фото и думала о том, как все могло бы быть!

На этой мысли я прикрыла глаза и глубоко вздохнула. Не самая лучшая идея – думать об этом сейчас. Если я не хочу превратить частную клинику в ледяной грот, разумеется. Спасибо экспериментам.

– Лаура.

Да вы издеваетесь! Это закрытая территория или проходной двор?!

Я обернулась – на сей раз к Бену.

– Не помню, чтобы у нас была назначена встреча.

– Может, мы уже нормально поговорим?

– Зачем?

– Затем, что я знаю, к чему склоняется Халлоран.

Он приблизился, остановился напротив меня.

– Переговоры с Ландерстергом бессмысленны, и он считает, что в сложившихся обстоятельствах проще всего будет выдать тебя Ферверну.

– Это он тебе сообщил? Чтобы ты в срочном порядке побежал на мне жениться?

Бен, собиравшийся что-то сказать, осекся. Правда, потом все-таки произнес:

– Браво, Лаура. У тебя огромный потенциал.

– Мой потенциал стремительно вырос, когда я осознала, что каждый из тех, кто предлагает помощь, собирается использовать меня в своих целях.

Определенно, какая-то прелесть во всем случившемся была. Если раньше, не так давно, мне было больно его видеть, сейчас – уже нет. Ледяное пламя, оказывается, может не только жечь, оно еще и отличный анестетик. И здорово помогает в ситуациях, когда нужно держать эмоции под контролем.

– Это было смело. То, что ты сделала.

Я пожала плечами. Не говорить же ему, что это был жест отчаяния. Хотя любой, кто мало-мальски разбирается в психологии, поймет, что это был жест отчаяния. Интересно, какой жест будет у меня следующим? После того как я переоденусь в выданную мне одежду, чтобы меня выдали Ферверну (в гибернационной капсуле или без, перевязанную ленточкой).

– Хваленая защита Халлорана дала трещину, – сказала я. – Поэтому мне пришлось защищаться самой.

– Что он тебе предложил?

– Умереть.

Я все-таки отошла от окон, потому что в ином случае мне грозило впасть в пол и провести этот час в раздумьях о своей тяжелой ноше. Тяжкой, может стать, ноша и была, но я не собиралась об этом думать. Мне надо было думать о том, что я буду делать дальше. В Ферверне.

Где помимо Солливер Ригхарн еще и Арден под арестом, не считая Сэфла и Рин.

– Я рад, что ты не согласилась. – Бен подошел ко мне и сел рядом со мной на аэропостель. – Инсценировка смерти – не самое удачное начало для новой жизни.

– Доверяю мнению профессионала.

Он поморщился.

– Лаура, я действительно сожалею. Когда я во все это ввязывался, даже не представлял, что ты станешь мне дорога. Насколько ты станешь мне дорога.

– Не надо. – Я подняла руку. – Просто не надо, Бен. Давай оставим твои чувства, прошлые, настоящие и будущие, на другом плане. Иначе разговора у нас не получится. Я сейчас не то чтобы готова верить в любовь и во все хорошее.

– Ладно.

Вот и чудесно. Тем более что я все равно не представляла, о чем нам вообще говорить. Кроме как...

– Я так понимаю, что ты пришел снять харргалахт?

Бен нахмурился.

– Нет.

– Нет?

– Вообще-то, Лаура, я пришел сказать, что хочу поехать с тобой.

Видимо, молчала я слишком громко, потому что он тут же добавил:

– Тебе потребуется защита в Ферверне. Сейчас я единственный, кто сможет тебя сопровождать – потому что мы обручены.

Я покачала головой.

– Это тоже идея Халлорана?

– Моя. – Бен коснулся моего бедра. – Лаура, посмотри на меня. Несмотря на все масштабы власти Ландерстерга, тебе потребуется защита. От всех, кто будет не очень или, говоря прямо, очень не рад твоему возвращению. Я буду рядом с тобой круглосуточно. Не отойду от тебя ни на шаг, и в силах Халлорана выдвинуть такое требование – после твоего выступления.

– Ты кое-что забыл, Бен. Тебя выслали из Ферверна.

Он усмехнулся.

– Ландерстерг считает себя единоличной властью Ферверна, но при всем при том всегда существует возможность создать общественный резонанс. Да, он отец твоего ребенка и имеет такие же права на него, как и ты, особенно учитывая, что это – его первенец. Но он не имеет права разлучать тебя с будущим мужем, да еще в таких обстоятельствах.

– Давай я расскажу тебе, как все будет, Бен. – Я раскрыла ладонь. – Даже если Халлоран сумеет продавить эту тему, в чем я сильно сомневаюсь, ты действительно сможешь поехать со мной. Но пресс-служба Торна очень быстро обыграет мое замужество таким образом, что, заполучив от него ребенка, я тут же прыгнула в постель к тебе. Это первое.

Я загнула палец.

– Из этой темы они выжмут все до последнего, до того, когда мои слова о любви ко Льдинке не будут иметь никакого значения. Потом, когда это случится, когда все поверят в то, что я – ветреная особа, которая решила сыграть на жалости к детям, под эгидой сохранения опасной беременности меня посадят в какой-нибудь исследовательский центр, куда тебе точно не будет доступа – потому что это секретный объект Ферверна, а ты гражданин другой страны. Это второе.

Я загнула второй палец.

– Мне продолжать? Или ход моих мыслей тебе понятен? Странно, что все это тебе говорю я.

Он явно собирался возразить, но я подняла руку.

– Все кончено, Бен. Пора это признать. Теперь я сама за себя, и я благодарна тебе за информацию, которую ты мне дал. Все, чем ты можешь сейчас мне помочь, – это максимально быстро и безболезненно снять харргалахт.

Я смотрю ему в глаза и вижу отражение себя. Такое бывает, если вглядываться в радужку, особенно в темную. Еще я вижу знакомые искры пламени, и на миг снова обжигает ставшим почти привычным для меня чувством – чувством бесконечной, безграничной неопределенности в отношении этого мужчины. Я так и не поняла, что испытываю к нему и испытываю ли что-то вообще. Возможно, это к лучшему, потому что иначе было бы в разы больнее. Сейчас и тогда, когда я узнала правду.

– Ты правда этого хочешь?

Иногда меня пугает наше созвучие.

С Торном такого никогда не было. Было все: отчуждение, страсть, сначала осторожная, а потом изматывающая любовь, но такого не было.

– Правда, Бен. Сними его. Сейчас.

Какое-то время он молчит, потом произносит:

– Тебе придется расстегнуть рубашку, Лаура.

На его лице сейчас отражается только бесконечная усталость, если и есть что-то еще, то это «что-то еще» запрятано гораздо глубже, чем у меня есть допуск. Не уверена, что этот допуск есть у него самого.

Я расстегиваю рубашку ровно настолько, чтобы был виден харргалахт. Приходится чуть потянуть ее в сторону, потому что если расстегивать дальше – это будет уже не совсем в тему, а так узор наполовину скрыт под тканью. В глазах Бена вспыхивают искры, на кончиках пальцев – пламя. Почему-то, когда он касается кожи, оно почти не обжигает. Может, это теперь тоже моя особенность? Связанная с тем, во что меня превратили еще до рождения?

Уже в следующий момент я понимаю, что рано радовалась, потому что пламя «кусается». Оно не просто кусается, оно обжигает с такой силой, что слезы не наворачиваются на глаза исключительно потому, что они во мне закончились. Чтобы отвлечься, я смотрю, как пламя закручивается спиралями на его пальцах, по ощущениям, будто вытягивая себе подобное с моей кожи.

Возможно, так оно и есть.

Когда все заканчивается, Бен убирает руку, а я невольно смотрю на пылающую кожу у себя на груди. Ощущение по-прежнему такое, как будто к ней приложили раскаленный металл.

– Скоро все пройдет.

– Я зн... – Я обрываю себя на полуслове. – Спасибо.

Он качает головой.

– Тебе не за что меня благодарить.

Взгляд его тоже задерживается на покрасневшей коже над грудью, и я поспешно дергаю ткань туда, где ей самое место. Застегиваю рубашку на все пуговицы. Спрашивается, зачем, сейчас все равно переодеваться (разумеется, если я не выберу путешествие в медицинской капсуле).

– Я все равно поеду в Ферверн, Лаура.

– В Ферверн ты поедешь, только когда там сменится власть.

Я слышу этот голос, и по коже бежит мороз, а может быть, этот холод я чувствую раньше, чем слышу голос, – в любом случае они неделимы. В глазах Бена вспыхивает пламя, он поднимается.

Я вскакиваю следом и натыкаюсь на драконий, страшнее ледяной волны, взгляд Торна.

Глава 2

Я от него так устала. От этого взгляда.

От его обладателя. От того, что он все портит – все, к чему прикасается. По крайней мере, в моей жизни так точно. Он умудрился изгадить самое светлое, что было в моей жизни, – первые месяцы осознания того, что я стану матерью. Первый раз, когда я увидела Льдинку комочком плоти, пожалуй, не успел, но только потому, что его не было рядом. И после всего этого он опять приходит ко мне в палату и сверкает тут своими ледяными глазами.

Внутри поднимается такая злость, что впору звонить Танни Ладэ-Гранхарсен и интересоваться, не занят ли ее сын.

– У меня что-то с ощущением времени или уже прошел час? – спрашиваю я.

Получается очень колко.

– В этот час не входили разговоры с ним.

– О. – Я приподнимаю брови. – А может, перечислишь, что в него входило, Торн Ландерстерг? Два раза сходить в туалет, четыре посмотреть в окно, дышать строго в установленном порядке и соблюдать сердцебиение согласно мировым нормативам?

Хорошо, что тут Бен, потому что иначе я бы уже чем-нибудь в него запустила. Капельницей, например, вернее, штативом под капельницу. А может быть, и чем-то еще. Ладони начинает привычно покалывать, поэтому я сжимаю и разжимаю пальцы.

– Выйди, – коротко командует он.

Разумеется, это относится к Бену, в глазах которого тут же вспыхивает знакомое пламя.

– Я, как бы это поточнее выразиться, Ландерстерг, вне пределов твоей юрисдикции.

– Это определенно плюс, ферн Эстфардхар. В любом случае я могу всегда запросить вас в качестве важного свидетеля – или правильнее будет сказать опасного подозреваемого? Который нарочно подвергал жизнь моего первенца опасности. Вряд ли вам понравится то, что за этим последует.

– А говорил, не пустишь меня в Ферверн. – Бен усмехается и делает шаг вперед.

Хрусть!

Ну что я могу сказать... я в него все-таки кое-чем запустила. Точнее, не в него, а между ними, и теперь смотрела на ледяной островок, с шипением расплзающийся на полу. Над моими пальцами клубился ледяной дымок и оба, как по команде, уставились на меня.

Ну, по крайней мере перестали мериться хвостами, и то ладно.

– Бен, оставь нас, пожалуйста, – попросила я. – Прошу тебя, потому что в случае ферна Ландерстерга моя просьба обречена.

– Я принесу Гринни, – говорит он. – Она здесь. Двумя этажами ниже.

Проходит мимо Торна, и, когда дверь за ним закрывается, его ледяное единовластие шагает ко мне.

– Сегодня ты первый и последний раз возражала мне в присутствии кого бы то ни было, Лаура.

– Правда? – интересуюсь я, падая в ледяное небо этих глаз. – А что еще я сегодня делала в последний раз? И... ой, погоди, разве это было в первый?

Он прищуривается, а я продолжаю:

– Давай сразу рассадим всех драконов по вершинам. Я возвращаюсь с тобой по своей воле, но ты больше не станешь диктовать мне условия. Мне нужно, чтобы ты понимал, что я еду с тобой исключительно ради моей девочки. Ради ее безопасности, ради того чтобы она родилась здоровой. Но это не значит, что я стану общаться с тобой или каким-то образом тебе подчиняться. Свою власть надо мной ты потерял в тот день, когда отказался меня слушать и со мной говорить.

– Все сказала? – по-прежнему холодно уточнил он.

– Пока – все.

– Хорошо. Потому что я забираю тебя исключительно ради безопасности своего первенца, Лаура. У меня нет ни малейшего желания управлять твоей жизнью или мешать тебе портить ее еще больше, как ты любишь это делать. Все, что мне от тебя нужно, – чтобы ты родила. Здорового. Сильного. Ребенка.

– Рожу, – спокойно ответила я. – Можешь не сомневаться.

– Замечательно.

– Но твоим он не будет. Точнее, твоей. Попытаешься отнять ее у меня, Торн Ландерстерг, очень сильно об этом пожалеешь. Я уже доказала, что не остановлюсь ни перед чем. И, если мне потребуется защищаться, я сделаю все. Все, чтобы моя дочь осталась со мной.

– И как ты собираешься ее воспитывать? – Торн посмотрел на меня сверху вниз, привычно, но это больше не работало. То ли я подросла, то ли перестала воспринимать его как... как кого?

– Ты сам сказал: я неведома зверушка. Так что сил воспитать сильного ирлхана у меня хватит, мне нужно найти хорошего наставника, не так ли? Кстати, надеюсь ты им меня обеспечишь. А еще достойным уровнем безопасности, которая у тебя хромает на обе лапы, и своевременной информацией, которая будет касаться меня и моей семьи. На таких условиях я согласна вернуться в Ферверн по своей воле. В противном случае у меня есть еще полчаса, чтобы записать видеообращение о том, как Главный Дракон Ферверна заботится о своем первенце.

– Угроз я выслушал на целую жизнь вперед.

– Это не угрозы, а условия нашего взаимовыгодного сотрудничества. Пункты договора, если пожелаешь, в любом договоре есть санкции.

– Справедливо. В таком случае вот мои: ты будешь выполнять все предписания моих медиков и моей службы безопасности. Показывать свой характер будешь исключительно при личных беседах – не переживай, их будет не так много. В случае нарушения первых пунктов я действительно изолирую тебя в исследовательском центре и попрошу свою пресс-службу рассказать о том, почему я это сделал. В случае нарушения последнего я надену на тебя таэрран.

– Ферверн всегда был противником таэрран, – хмыкнула я.

– Историю ты знаешь хорошо, я в курсе. Но перемены неизбежны, Лаура Фил. Искренне надеюсь, что мы друг друга поняли, и... – Он бросил взгляд на часы на запястье. – У тебя осталось двадцать семь минут и тридцать одна секунда, чтобы собраться. Эстфардхара к тебе больше не пустят, так что ты совершила ошибку, когда с ним не попрощалась.

Я прикрыла глаза, чтобы не сказать лишнего.

– Ты не посадишь меня в тюрьму. И не станешь выбирать, с кем мне общаться!

– В тюрьму? Ну что ты, Лаура. – Он покачал головой. – Я как никто забочусь о твоей безопасности и сохранности твоего здоровья. Как думаешь, встреча с агентом вражеской разведки попадает в список допустимых для этого мероприятий?

Его зрачок дернулся, и пламя снова кольнуло в ладони. Кольнуло неправильно, словно безумно стремясь... слиться с его?!

– Я тебя ненавижу! – выдохнула я.

– Взаимно, ферна Хэдфенгер. Или Фил, признаться, мне это совершенно безразлично.

Он снова направился к дверям, а я подавила желание запустить в него снежком, развернулась и пошла переодеваться.

Это куда лучше, чем думать обо всяких ледяных.

Одежду мне, разумеется, принесли новую. Через пятнадцать минут из тех двадцати семи, которые выдали на сборы (оставшиеся от безрассудно – по мнению Торна – потраченного на Бена времени), и я, разумеется, ее не надела. Из принципа надела то платье, в котором летала в Зингспридскую пустошь, хотя и довольно смутно представляла себе, как пойду в этом самом платье по парковке Хайрмарга, и в легких летних туфлях тоже.

Если честно, мне было без разницы. Кто у нас там первое лицо Ферверна? Вот пусть и выкручивается как хочет.

– Ты в этом поедешь? – В палате добавилось кондиционирования, когда его ледяное величие заявилось в назначенный час.

– Да. Мне не хватило времени переодеться, Торн. Когда принесли новую одежду, я побоялась, что не уложусь в твой график.

– Того, что я заставлю тебя переодеваться в моем присутствии, ты не побоялась?

– Нет. Надо? – Я завела руки за спину, чтобы расстегнуть замок, и не без наслаждения отметила, как изменилось лицо Дракона номер один.

– Мы опаздываем, – резко произнес он. После чего сдернул с пальто, которое доставили вместе со строгим костюмом, чехол и завернул меня в его содержимое наподобие пледа. Была бы возможность, еще и пояс бы завязал, причем поверх, как в смирительной рубашке. Судя по выражению лица, ему этого безумно хотелось.

Хотелось, но не оставалось ничего другого, кроме как ждать, пока я застегиваю пуговицу за пуговицей.

– Сапоги, – скомандовали мне.

Я пожала плечами и принялась открывать коробку. Тоже очень медленно.

Сверху донеслось рычание, и рядом со мной склонилось его ир்தханское драконобесподобие. Крышку от коробки постигла участь чехла, а вслед за ней улетели всякие уплотнители для носов и пяток, сохраняющие обуви форму.

– Вперед, – скомандовал Торн, вручая сапожки мне.

– Мне наклоняться сложно. Голова кружится, – сообщила я. – Поможешь?

И, невинно хлопнув глазами, протянула обувь ему. Второй раз за последние несколько минут лицо у него стало такое, словно он пытался понять, как это могло случиться с ним.

– Нет? Ну тогда я сама. Сейчас, только в кресло сяду.

Кажется, я услышала натуральное рычание, ничем другим этот выдох не мог являться. У меня отобрали сапожки с таким видом, что я на миг с ними попрощалась. Сейчас превратятся в ледяные и развалятся у меня на глазах – а между прочим, дорогие были. От Эгго Хьюса.

– Ногу. – Это было сказано таким тоном, что впору было за нее опасаться.

Тем не менее смотреть на Торна сверху вниз было непривычно, возможно, именно поэтому страх не шел. Зато шло что-то другое, когда его пальцы скользили по коже вслед за молнией. По коже, не прикрытой даже тонкой преградой чулок, от которых я в последнее время совсем отвыкла.

С кровати на нас с интересом взирала Гринни, которая решила поспать перед новым путешествием. Видимо, она с ними смирилась и даже перестала переживать по этому поводу.

– Ай, – сказала я, когда Торн слишком резко дернул замок на сапоге.

Он поднял голову, и взгляд у него был просто убийственный.

– Я сейчас безумно чувствительная. – Я глубоко вздохнула. – Судя по всему, беременность так сказывается.

Это был скрежет зубов дракона или под ботинки Торна на полу что-то попало, я так и не поняла. Когда второй сапог был застегнут, а Дракон номер один поднялся, мне указали на дверь. Я попыталась было шагнуть к Гринни, но Торн преградил мне дорогу. Сам подхватил изрядно подросшего зверя на руки и на выходе сунул его в руки одному из мергхандаров.

– Осторожнее с ней, она кусается, – предупредила я.

Правда, судя по выражению морды, все, что Гринни сейчас хотела, – спать. Убедившись, что нас с ней не разлучают и что мергхандар движется в правильном направлении, то есть в ту же сторону, что и я, виари прикрыла глаза и положила на мергхандара хвост. В прямом и переносном смысле.

До самого флайса мы с Торном больше не разговаривали, и с нами тоже особо никто не разговаривал. Халлоран попрощаться не пожелал – видимо, не проникся моим выступлением по поводу его предложения, а Бен... Бена ко мне предсказуемо не пустили. Когда он принес Гринни, я успела только перехватить его взгляд, а потом закрыла дверь. Не сказать даже, что по чьему-то приказу, просто поняла, что так будет проще.

Нас связывало слишком многое и в то же время абсолютно ничего, чтобы сейчас растягивать это прощание.

Парковка, на которую мы вышли, была накрыта защитным куполом. Никакого транспорта, кроме нашего и флайсов сопровождения, здесь не было. Аронгарские вальцгарды стояли по периметру, пока мы всей крайне занимательной процессией двигались к машинам.

Напоследок я обернулась – чтобы посмотреть на Мэйстон.

Так получилось, что этот город стал для меня своеобразным символом перерождения, и я пообещала себе и ему (мысленно), что обязательно вернусь сюда с Льдинкой, когда она чуть-чуть подрастет. Отметила разбросанные по воде острова, заполненные высотками, знаменитый на весь мир мост – кажется, он назывался Центральный, и высотку Лаувайс, аналог фервернской Айрлэнгер Харддарк, после чего шагнула к распахнутой двери флайса.

Торн сел следом за мной, и мы оказались друг против друга.

Как в старые добрые времена.

Те времена действительно можно назвать добрыми, а вот настоящие... пока что я не определилась, какую им придумать характеристику. Торн коснулся капли наушника, коротко ответил:

– Да, – и наш флайс плавно взмыл в воздух.

Я увидела, как по защитному куполу прошла рябь, и спустя минуту наш кортеж был уже на верхней аэромагистрале, специально расчищенной для нас.

Поскольку с городом я уже попрощалась, смотреть в окно больше не стала.

Достала мобильный и, смахнув сотню непринятых вызовов, открыла живую ленту. Помимо подсуетившихся репортеров, быстренько подхвативших эту тему по всему миру, мне писали самые обычные люди. В личку, под видео – люди из всех уголков мира, иногда скрытые за аватарками мультяшных героев или экзотических мест, иногда с фото крупным планом, иногда на фото держащие на руках своих детей – тем не менее все они выражали мне свою поддержку.

Двадцать две с половиной тысячи комментариев, число которых росло с каждой минутой.

«Мы с тобой!»

«Держись, Лаура!»

«Ничего не бойся!»

«Вот наблы! Ничего, на всех найдется управа!»

«Ты даже не представляешь, как я тебя понимаю. В свое время мой муж...»

– Довольна? – Ледяной голос вернул меня в реальность. Неосознанно подняв голову, я ударилась о холод в синих глазах. – Довольна тем, что ты устроила, Лаура?

– Что я устроила? – уточняю.

Хотя мне хочется спросить это совершенно иначе, сейчас не время. Не уверена, что когда-нибудь еще наступит такое время и я буду спрашивать его о чем-то иначе.

– Это шоу. – Он кивает на мой смартфон.

– Это не шоу, это самозащита, – говорю я. – Должна же я была найти хоть кого-то, кто действительно готов меня защищать, при этом не используя в своих целях. Сейчас их...

Я смотрю на стремительно растущую цифру комментариев.

– Уже двадцать семь тысяч. Двадцать семь тысяч человек, которым ничего от меня не нужно и которые выражают мне свою поддержку. Просто так.

Торн прищуривается.

– По-твоему, это игрушки, Лаура?

– Моя жизнь? Жизнь моей дочери? Определенно нет. – По ощущениям, мой взгляд сейчас холоднее его взгляда. – А теперь, если не возражаешь, я бы хотела минут пять посидеть в тишине и с закрытыми глазами.

Разумеется, я вру, но вру достаточно убедительно. Убедительно для того, чтобы закончить этот разговор, а самой не сорваться в бессмысленные упрёки. Вроде тех, что «Какого набла я должна была бегать по странам от отца своего ребенка?!» или «Почему, когда ко мне в квартиру ввалились вооруженные до зубов убийцы, ты ходил под ручку со своей Солливер?!»

Проблема в том, что она действительно его Солливер, а я – больше не его Лаура. Деловое соглашение, которое между нами, держится на хрупкой замерзшей ниточке, и в моих же интересах, чтобы эта ниточка дожила до рождения Льдинки. Потом, думаю, будет не легче, но потом я хотя бы буду спокойна, что мои чувства никак не повлияют на нее. Сейчас я не могу себе позволить никаких эмоциональных всплесков, потому что отвечаю не только за себя, но и за свою кроху.

У меня почему-то холодные руки, но я подавляю желание спрятать их в карманы пальто, равно как и обхватить себя руками тоже. Это такие беззащитные жесты, а ему я свою беззащитность показывать не собираюсь.

– Лаура, – слышу его голос.

– Что?! – Это получается резче, чем я рассчитывала.

– Я не хочу быть тебе врагом.

Нет, ну это уже слишком.

– Не хочешь – не будь, – отрезаю я и снова закрываю глаза.

К счастью для всех, больше он разговаривать не пытается, а я справляюсь с нахлынувшими чувствами гораздо быстрее, чем сделала бы это раньше. Возможно, мне это только кажется, но, когда мы подлетаем к Мэйстон-телепорт, меня уже не трясет от непролитых слез и желания высказать ему все.

ВИП-парковка свободна от журналистов, но не здание, в которое мы заходим. Здесь тоже кордон вальцгардов, через которые не пробиться, но это не мешает особо активным кричать из-за спин военных:

- Ферн Ландерстерг, как вы можете прокомментировать видео?!
- Лаура! Всего один вопрос!
- Вы уезжаете по своей воле?!
- Что вы можете сказать...
- Лаура!

Мне кажется, что это никогда не закончится, но благодаря совместным усилиям вальцгардов и мергхандаров, а еще, разумеется, особому, короткому коридору для ВИП-персон мы оказываемся в закрытом холле очень быстро, оставив за собой и волну журналистов, и глазеющую на нас со всех ярусов огромного пассажирского зала толпу.

Сотрудница Мэйстон-телепорт, в темно-зеленой форме и белой блузке, с оранжевым шейным платком, вежливо улыбается:

– Ферн Ландерстерг, добро пожаловать на частный рейс. Ферна Фил.

Я смотрю на надпись за ее спиной, и меня чуть не пробивает на смех.

«Зал номер один».

Смех я вовремя сдерживаю, потому что понимаю, что это будет больше напоминать нервное хихиканье. Внутри зала мягкие удобные диванчики, зона, где я могу съесть все, что может влезть, а заодно посмотреть визор, чтобы скоротать ожидание перехода. Стоит мне поднять глаза, как я тут же понимаю, что там показывают нас, идущих сквозь толпу. Сотрудница телепорта оказывается понимающей и быстро переключает на музыкальный канал.

Тут уже впору хвататься за голову, потому что на экране – клип Сибриллы Ритхарсон на ее наблову новую песню, которую она исполняла у нас на вроде как помолвке. На Торна я принципиально не смотрю, поэтому не знаю, как он реагирует, сама же отворачиваюсь, беру тарелку с первой попавшейся на глаза выпечкой и подхожу к окну.

Разве так все должно быть?

Разве я должна сейчас стоять, не имея ни возможности, ни желания прямо сказать обо всем, что меня тревожит?

Я оборачиваюсь и врезаюсь во взгляд Торна: он смотрит на меня.

– Мост свободен, – комментирует сотрудница телепорта, – можете проходить в зал перехода.

Мы проходим. Привычная процедура, когда нужно приложить ладонь к сканеру, чтобы получить допуск на переход, сопровождается комментарием Торна:

– Она беременна.

Это сказано таким тоном, что портпроводник слегка бледнеет и смотрит на сидящих за пультом управления телепортационным кольцом, как будто они могут ему помочь и спасти.

– Ферн Ландерстерг, беременность не является противопоказанием, – комментирует он. – Все показатели ферны Фил в норме.

– Руку, Лаура.

Я хотела сказать, что вполне могу пройти через телепорт сама, но передумала. Во-первых, у нас была договоренность, что я с ним не спорю на людях (и отнюдь не из-за таэрран, а из-за того, что выполнять условия соглашения должны оба), а во-вторых... я так и не придумала, что там во-вторых, поэтому просто вложила руку ему в ладонь. Пальцы привычно кольнуло холодом, правда, на этот раз я не смогла понять чьим – моим или нашим со Льдинкой.

Это прикосновение на миг выдернуло меня в прошлое, когда его ладонь касалась моей, а наши пальцы сплетались. Поэтому телепортационный переход – ощущение, что ты в чем-то увязаешь, взлетаешь, а после тебя выплевывает с высоты, как-то прошло мимо. Я едва успела опомниться, когда осознала, что мы – в резиденции, и это, пожалуй, было все, что я успела.

Потому что дверь распахнулась, в зал влетела Солливер Ригхарн и со словами:

– Ох, Торн, я так волновалась, – бросилась ему на шею.

Глава 3

Меня сейчас стошнит.

Не уверена, что не буквально, потому что волна тошноты поднимается неожиданно и отказывается отступать. В тот самый момент, когда Торну приходится отпустить мою руку, чтобы отцепить от себя брошку Солливер и прокомментировать:

– Что ты здесь делаешь? – меня начинает тошнить еще сильнее.

– Извините, – говорю я и опрометью бросаюсь к дверям, потому что смутно (по памяти) еще представляю, где здесь туалет.

Ближайший – вон за тем поворотом, очевидно созданный для тех, кого слегка уболтало в телепортационных волнах. Или для меня было слишком много этих телепортационных волн. Он даже не гостевой, я не представляю, как его назвать, это огромный роскошный санузел, в который я вовремя влетаю, оставив позади счастливых жениха и невесту, Тиуса и добрый взвод мергхандаров. К тому моменту, когда во мне заканчивается то, чего быть не должно было в принципе – по моему, я не ела очень и очень давно, вся эта команда зависает в дверях.

Точнее, первым заходит Торн, за ним просачивается Солливер, Тиус, и мергхандары остаются на заднем плане.

– Вы шутите? – спрашиваю я, отводя волосы за спину. – Мне даже блевануть нельзя в одиночестве?

Знаю, что «блевануть» – это звучит грубо, но мне сейчас не до светских бесед. Меня только что вырвало, желудок до сих пор в бунте, и последняя, кого я хочу при этом видеть, – Солливер Ригхарн. Торн здесь тоже совершенно лишний, надеюсь, я донесла это до них с первого раза.

– Драконы, Торн! – выдает будущая первая ферна Ферверна. – Она же беременна!

Да вы что?!

Прежде чем я успеваю подняться, Солливер подбегает ко мне:

– Лаура, ты как?

Меня. Опять. Тошнит.

Может, это реакция не на телепорт?

– Сможешь подняться? – продолжает вирчать она. – Давай я тебе помогу.

Она наклоняется ко мне так близко, что я могу рассмотреть даже золотистые крапинки в ее больших зеленых глазах. А еще у нее духи... набловы духи!

Меня снова выворачивает, и Солливер отшатывается так резко, словно боится за свое идеально сидящее платье. В этот момент к нам приближается Торн, берет ее за локоть и вытаскивает за дверь. Дверь захлопывается, слава всем драконам, и я остаюсь одна! Желудок еще продолжает нервно подергиваться, но больше в нем, кажется, не осталось ни частички того, с чем можно расстаться. Поэтому я медленно поднимаюсь, нажимаю на слив и подхожу к раковине.

Умываюсь, вглядываясь в свое отражение – бледное, с глазами на пол-лица.

Да, Солливер Ригхарн определенно в мою картину мира не вписывалась. По крайней мере, не так скоро. Разумеется, я понимала, что рано или поздно наши пути сойдутся, но надеялась, что это произойдет поздно, а не рано.

Что ж, не всем надеждам суждено сбываться. Кому, как не мне, это знать.

Я достаю запакованную одноразовую расческу, привожу волосы в порядок. Наконец-то расстегиваю пальто, чуть пощипываю щеки, чтобы не напоминать собственную тень, и выхожу в коридор. Здесь, к счастью, поубавилось сопровождения. К еще большему счастью, поубавилось правильно: ушел дворецкий, несколько мергхандаров и Солливер Ригхарн. Можно надеяться, что до ближайшей комнаты я дойду без тошноты и головокружения?

– Ты как? – Торн вглядывается в мое лицо.

– Твоя невеста только что интересовалась тем же.

Драконы, укусите меня в язык! Ладно, что сказано, то сказано.

– Чудесно, – добавляю, хотя перебить уже сказанное вряд ли получится. – Хочу как можно скорее остаться одна и поспать. У меня окончательно перемешались все часовые пояса.

– Здесь раннее утро, – произносит Торн. – Или глубокая ночь.

– Значит, все в тему. И еще я хочу увидеть Верража.

– Это подождет до утра.

– Не подождет. Тем более что ты только что сказал, что здесь раннее утро.

Гринни, которую мергхандар несет на руках, вдруг оживает. Я замечаю это, потому что она начинает вирчать, даже оборачиваясь.

– Отпусти, – командует Торн.

Виари опускают на пол, и она, скрежеща когтями, улетает вдаль, скрывается за поворотом.

– Она его чувствует, – говорю я. – Но это же...

Понимаю, что мы идем как-то совершенно иначе. Коридоры мне незнакомы, холодные, больше похожи на складские помещения.

– Придется зайти с другой стороны, – говорит он. – Знакомое тебе крыло пострадало во время оборота. Через холл в него не попасть.

Ты обернулся здесь?!

Вопрос застывает на губах, я буквально глотаю его. Мне точно не стоит вести с ним такие беседы, особенно учитывая, что с нами под одной крышей его невеста. Которая... ой нет. Поблизости нет туалета.

У закрытых дверей приплясывает Гринни, колотит хвостом – от нетерпения. Оглядывается на меня: ну давай же, быстрее, быстрее!!! Стоит мергхандару приложить ладонь, дверь уезжает в сторону, и виари устремляется вперед.

Сейчас мы уже в доме, правда, пока в нежилой его части. Комнаты в основном запечатаны, даже двери еще оклеены строительной защитой от повреждений. Где начинается жилая, становится понятно по работающим вмонтированным в стену светильникам-полоскам и пляшущей перед одной из дверей Гринни.

– Он здесь, – говорит Торн. – Но он давно тебя не видел, Лаура.

– Он меня любит, – отвечаю я.

Дожидаюсь, пока он откроет дверь, вхожу следом за верещащей виари, превратившейся в шустрый летающий ком, и за Торном. Комната не похожа на ту, где Верраж с Гринни жили раньше, она пустая и необжитая, но здесь валяются их игрушки. Виари нарезает круги около ошалевшего от таких событий драконенка, который стоит, растопырив чешуйки.

На меня он смотрит так, будто не верит своим глазам.

Замирает на месте, только кончик хвоста подергивается, зрачки раскрываются и стягиваются в тоненькие полоски.

– Верраж. – Я опускаюсь на корточки, протягиваю ему руки. – Иди ко мне.

Драконенок подходит – осторожно, медленно. Так же осторожно тыкается носом мне в одну руку, в другую, потом в плечо. Не обращая внимания на радостное верещание Гринни, шумно вздыхает, а потом обнимает меня крыльями и начинает урчать.

Он урчит так громко, что это передается мне, от кончиков пальцев, которыми я касаюсь горячих растопыренных чешуек, до самых пяток, на которых сижу в коконе из крыльев.

– Прости, – говорю еле слышно. – Я не хотела от тебя уходить. Я больше никогда тебя не оставлю, слышишь?

Урчание становится еще громче, хотя куда уж громче – непонятно. Вдобавок ко всему раздается шуршание, и снизу в наш кокон заползает Гринни. Выражение морды обиженное: «Что это вы тут без меня обнимаетесь?!»

Я кладу вторую руку ей на голову и впервые за долгое время чувствую себя невыносимо счастливой. Ровно до тех пор, пока не раздается покашливание. Приходится отодвинуть крыло и выглянуть из-за него: Торн смотрит на нас крайне выразительно.

– Ты хотела спать, Лаура.

– Да, но я передумала насчет остаться одной. Я хочу остаться с ними.

– Здесь ничего не обустроено.

– Мне вполне хватит вот этого, – киваю на матрас, который, очевидно, служит лежанкой для Верража.

Кажется, мне удалось перебить эффект от сапожек: лицо Дракона номер один сильно вытягивается.

– Очень смешно. Пойдем.

– А я не смеюсь, мне не привыкать к походным условиям. – Поднимаюсь, но Верраж от меня не отходит. Стоит рядом и урчит. – Я не собираюсь бросать его сейчас. Снова.

– Тебе нужны нормальные условия. И безопасность.

– Самые нормальные условия в Ферверне – рядом с ним. Не говоря уже о том, что рядом с ним самое безопасное место во всем Хайрмарге.

То, что Верраж кому угодно откусит за меня голову, я знаю. Сама не представляю как, но знаю – возможно, это знание приходит с

пламенем, а может быть, это просто чувства и интуиция.

– Лаура, – жестко произносит Дракон номер один.

– Торн, я останусь с ними, – отвечаю не менее жестко.

Дракон смотрит на меня, я – на него, раньше мне хватало минуты, чтобы под этим взглядом начать ледяную кристаллизацию, но сейчас, видимо, мои температурные режимы несколько изменились. Поэтому я спокойно выдерживаю его холод, и наши гляделки продолжают.

Чтобы потом очень резко закончиться.

Торн выходит за дверь, вместо него появляется мергхандар. Я замечаю в мисках нетронутую еду и хмурюсь.

– Опять тебя кормить? Ну что ты как маленький.

Показываю на корм.

Верраж не двигается с места, только когда я приближаюсь к месту кормления, следует за мной.

– Ешь.

Драконенок осторожно опускает голову, но тут же ее поднимает.

– Я никуда не уйду. Ешь.

Раздается хруст. Гринни с любопытством следит за кормежкой, а потом буквально влезает между Верражем и миской и хватает его корм. Этот кусок – размером с ее голову, тем не менее она гордо волочет его по полу, после чего укладывается у окна и принимается грызть с видом победительницы. Д-добыча!

Мергхандара снова сменяет Торн, и я поворачиваюсь.

– Кровать поставят сюда. Временно, – говорит он. – Ты не можешь постоянно жить в зверинце.

– Почему? – интересуюсь я.

– Лаура, хватит.

– Что – хватит? Я всего лишь задала вопрос.

– Ты бессовестно пользуешься своим положением.

– А ты бессовестно пользуешься властью. Мне кажется, сейчас мы впервые на равных условиях.

Прежде чем Торн успевает ответить, я говорю:

– Мне нужно увидеться с отцом. Пусть по видеосвязи, но это важно. Я хочу с ним поговорить о матери.

– Ты сможешь увидеться с ним лицом к лицу. Твоя семья вернулась в Ферверн.

От неожиданности я не сразу нахожусь что ответить, а потом приносят кровать. С помощью специальных контуров аэропереноски разворачивают прямо над полом – так, чтобы она прошла в дверь целиком, после устанавливают у противоположной стены, напротив матраса Верража. Следом за мергхандарами приходят горничные, которые ее застилают.

Здороваются, с опаской косятся на Верража, но драконенок сидит смирно и наблюдает, Гринни – тоже. Для них это все в новинку, только когда слишком длинный край простыни падает на пол и виари пытается цапнуть ее зубами, Торн командует:

– Сидеть, – и виаренок прирастает к месту.

До тех пор пока горничные не заканчивают и не исчезают за дверью.

– Свободна, – говорит он Гринни, касается кнопки включения встроенного камина и поворачивается ко мне. – В душ тебе все равно придется идти в другую комнату. Здесь еще не установили сантехнику. Пока будешь в ванной, все прогреется.

Я киваю:

– Хорошо.

– Довольна?

– Ты сегодня об этом уже спрашивал. И да, ответ снова положительный.

Я направляюсь к дверям, но Торн меня останавливает. Просто шагает наперерез, и мне, чтобы не влететь в мощную драконью грудь, приходится резко сбавить скорость.

– Мы еще не закончили, Лаура. Нам нужно обсудить вопрос наставничества.

От этого взгляда – совершенно непохожего на тот, что был некоторое время назад, более глубокого, сильного, яростного – начинает покалывать подушечки пальцев. Не знаю, как его чувствует Льдинка, но я его чувствую на двести пятьдесят процентов. Раньше такого не было.

– Для меня это уже вопрос решенный, – пожимаю плечами.

Торн приподнимает брови.

– Я хочу в наставники Ардена.

– Нет.

Это звучит резко, холодно и жестко.

– Это единственный человек, – я смотрю ему в глаза, – из твоего окружения, которому я доверяю. К тому же он врач, и, насколько мне известно, хороший.

– Ему не доверяю я.

Кажется, мы плавно подошли к тому, почему Арден оказался в тюрьме.

– Почему?

– Это не важно. Достаточно того, что ты услышала, Лаура.

– Мне – нет. Мне нужны причины, чтобы не доверять кому-то. Чтобы понять, почему я не могу попросить этого человека... прости, ирхана себе в наставники. Причины, Торн, а не ответы в стиле: «Моя ледяная драконья задница так изволит». В противном случае я могу решить, что мы вернулись к тому, от чего ушли, и что нам наплевать на наши договоренности. Надеюсь, что это не так.

Вряд ли камину под силу справиться с тем, как резко холодает в комнате.

– Ты играешь с огнем.

– Скорее со льдом. А ты говоришь, как киношный злодей.

Собиравшийся продолжать Торн на мгновение замолкает, зато я больше молчать не намерена.

– Когда я была в Рагране, Арден был единственным, кто говорил со мной нормально. Единственным, кто не имел каких-то скрытых мотивов и не рычал на меня так, что мне грозило родить прямо сейчас. Он рассказал мне обо всем, что меня ждет. Честно. К сожалению, я его не послушала. Арден просил меня вернуться в Ферверн, говорил, что только здесь я буду в безопасности. Именно поэтому я хочу в наставники его, Торн. Потому что ему я верю. И считаю, что Льдинка будет в безопасности только с ним. Как я уже сказала, безопасность моей дочери – превыше всего. Поэтому, если у тебя есть аргументы, по которым мне не стоит ему доверять, я внимательно слушаю.

Нас тоже внимательно слушают. Двое. Две пары глаз уставились на нас – Гринни и Верраж сидят бок о бок и сопят. Даже не представляю, сколько им придется так сидеть, а мне так стоять, но ничего. Я терпеливая.

Подожду.

Зрачки Торна едва уловимо подергиваются, заостряясь кверху и книзу, но звериными так и не становятся. Наконец он произносит:

– Арден в тюрьме.

– Я знаю.

Когда я просила в его наставники, я не задумывалась о том, что буду говорить. Но вот что удивительно – слова приходят сами собой.

– Откуда? – Голос Торна становится еще холоднее.

«От дракона», – хочется сказать мне. Вместо этого я отвечаю:

– Мне звонил отец Эллегрин Рэгстерн. Просил передать, что его дочь очень встревожена по этому поводу и что я должна сделать все, что от меня зависит, чтобы заставить тебя передумать. Именно тогда я тебя набрала, Торн.

– Ты звонила мне, чтобы просить за него?

– Да.

Его зрачки все-таки вытягиваются в вертикаль, и в этот момент Гринни с Верражем пригибаются к полу, а у меня по коже прокатывается пламя. Знакомое пламя, только с утроенной силой, и что-то с не менее яростной силой отзывается на это пламя внутри.

– Он отказался выполнить мой приказ.

– Какой?

– Это не имеет значения. Тот, кто не подчиняется приказам, будучи на военной службе, потенциально опасен.

– Еще как имеет, Торн. Жизнь – это не военная служба, и мы не на войне. Но ты, похоже, считаешь, что все только и обязаны делать, что исполнять твои приказы. – Слова срываются с губ – видимо, той самой силой, что швыряет меня к нему. Я приближаюсь почти вплотную, обжигаясь о лед его глаз. – Но это так не работает.

– А как это работает? – «Р» получается рычащей, возможно, именно поэтому внутри тоже рождается рычание. Рычание, а еще желание сократить оставшийся между нами минимум на уровне тел и огней. За несколько мгновений до этого я отступаю назад.

– По-разному, – говорю я. – У всех по-разному, Торн. В разговорах. В компромиссах. В откровенности.

Стягиваю пальто и бросаю его поверх покрывала на кровать.

– Попробуй. Тебе понравится.

Не дожидаясь ответа, обхожу его и направляюсь к двери. Оборачиваюсь, только чтобы сказать:

– Мне нужен Арден. Больше я никого не приму.

На этот раз он не пытается меня остановить, до комнаты, которая должна была стать моей, меня провожают мергхандары, и там же я принимаю душ. Смываю с себя все напряжение последнего времени, а вместе с ним – остатки жалящего кожу ледяного пламени. Свое (или Льдинкино, или наше) я смыть не могу, поэтому оно бьется внутри. Прислонившись к дверям душевой кабины, кладу руки на живот:

– Давай не будем так остро реагировать на твоего папу. Иначе ничем хорошим это не кончится.

Кому я это говорю?

Ей? Или себе?

Чтобы выиграть немного времени, вытираю волосы полотенцем. Кажется, я вытираю их столько, что можно уже не сушить, но потом все равно сушу. Когда они начинают разлетаться в стороны от теплого воздуха, выключаю фен, заворачиваюсь в халат и возвращаюсь в комнату.

Торн по-прежнему там, а вот зверей нет.

– Их увели на прогулку, – комментирует он, а потом протягивает мне электронный браслет. – Медицинский. Снимать его не стоит, он будет отслеживать колебания твоего пламени на протяжении всей беременности.

«Колебания пламени» и «на протяжении всей беременности» очень хорошо возвращают в реальность. Первое – потому что я никак не могу привыкнуть к тому, что у меня есть пламя, а у него есть колебания, второе – потому что это четко обозначает: на время беременности ему есть до меня дело, потом я могу хоть самозаморозиться.

К счастью, я слишком устала, чтобы об этом думать, а тем более чтобы по этому поводу переживать.

– Так и будешь здесь стоять? – интересуюсь у Торна, который отвернулся к окну.

– Да.

– Тогда доброй ночи.

Я залезаю под одеяло прямо в халате, поворачиваюсь к окну спиной. Его присутствие от этого более далеким не становится, но так я хотя бы его не вижу. Закрываю глаза, но сон не идет. Несмотря на всю усталость, я лежу и считаю виарчиков до тех пор, пока с прогулки не возвращаются Гринни и Верраж, от которых пахнет морозом и

снегом. Первая с разбегу запрыгивает ко мне на постель, мокрой лапой наступает мне на руку.

– Эй!

Сзади раздается «грюк», и кровать скрипит: это прибыл Верраж. Драконенок отлично размещается на второй половине кровати, шумно вздыхает и снова заводит моторчик. Согнать их рука не поднимается, к тому же я ведь этого и добивалась – быть с ними. Поэтому устраиваюсь поудобнее, подтягивая одеяло, насколько это возможно, потому что Верраж его придавил плотно. И, как ни странно, в окружении урчаще-сопящих почти мгновенно проваливаюсь в сон.

Глава 4

Торнгер Ландерстерг

Когда все стало так сложно?

В ту минуту, когда дракон рванулся к ней, обжигаясь о чужую печать, отшатнулся, не веря тому, что случилось? Или когда я сам увидел ее уже без харргалахт, а рядом с ней – того, кто ее поставил и кто только что ее снял? Того, кто касался ее кожи и кого хотелось скрутить и вышвырнуть за дверь, невзирая на то, как это будет выглядеть?

Даже тогда, когда она попросила его уйти.

Даже тогда, когда я вышел сам, чтобы наткнуться на него в коридоре у лифтов.

– Далеко собрался, Ландерстерг? – поинтересовался Эстфардхар, сунув руки в карманы.

Он совершенно точно нарывался, и, если честно, сейчас отчаянно хотелось поддаться этому чувству. Отбросить все, что мешало, – начиная от собственного статуса и окружающих нас мергхандаров, и от души отполировать его физиономией двери лифта.

– Свободны, – сказал я сопровождению.

И, когда мы остались одни, шагнул к нему.

– Если ты еще раз возникнешь на моем пути, очень сильно об этом пожалеешь.

– Угу. – Эстфардхар кивнул. – А теперь послушай меня, всесильный правитель всея морозильника. Эта девочка, которую ты сейчас оставил за дверями, не знала о том, что беременна. Когда я ее увез, она была в шоке. Иначе не побежала бы покупать тот наблов тест на беременность, хотя я ее предупредил о твоей паранойе. Все это время она с ума сходила из-за того, что ее ребенок будет расти без отца. Без настоящего, по ее мнению, отца, хотя я предлагал ей весь мир. И надо признаться, в последнее время вполне искренне. Я мог бы сделать ее счастливой, но ей это было не нужно, ей не нужен был я. Между нами ничего не было. Она согласилась на харргалахт только потому, что боялась потерять свою дочь. И да, я этим воспользовался, потому что на тот момент был ничем не лучше тебя. Не уверен, что

лучше сейчас, но в одном я уверен, Ландерстерг. Если ты причинишь ей боль, если ты позволишь кому-то причинить ей боль, я тебя найду и убью.

– Начни со своего отчима, – сказал я. – И уйди с дороги.

Эстфардхар медленно отступил, а я коснулся наушника, возвращая мергхандаров, и вместе с сопровождением шагнул в лифт. Не вполне осознавая зачем.

В центральном холле был кофейный автомат, к нему я и направился.

Возможно, все стало непросто именно в тот момент, когда я пытался избавиться от звучащих в сознании слов Эстфардхара «между нами ничего не было», а может быть, именно тогда, когда увидел ее в легком летнем платье, снова бросающей мне вызов. Женщиной, которая действительно готова сражаться за свою дочь.

Когда взял ее руку в свою, на миг ударившись о слишком далекие воспоминания.

Или когда увидел ее спящей. Я продолжал на нее смотреть, на то, как подрагивают густые ресницы, как приоткрываются губы, когда она глубоко вздыхает – ей что-то снилось. Смотрел и испытывал безотчетное желание склониться над ней и позволить зверю внутри себя снова почувствовать то, что она свободна.

Увы, позволить себе подобное я не мог.

Не только потому, что в кабинете меня ждала Солливер – хотя и поэтому тоже, но потому, что после этого все станет гораздо сложнее, чем есть сейчас. Признавший свою пару дракон никого другого не примет, он и до этого умудрялся выдавить меня из моего собственного сознания. Что будет, если я позволю ему пробиться сквозь боль ее несвободы, до сих пор звучащую во мне отголосками, я представлял смутно.

И проверять не хотел.

Поэтому, напоследок взглянув на спящее трио, вышел из комнаты. Стоявшие по обе стороны от дверей мергхандары вытянулись в струну. Я бросил на них короткий взгляд и направился в сторону кабинета, на ходу набрал Роудхорна.

– Мне нужно, чтобы ты подобрал людей, которым доверяешь, лично. Для ее защиты, до завтрашнего утра.

– Сделаю.

- Семья Хэдфенгер?
- Они у себя дома. Их квартира еще не продана.
- Им тоже потребуется охрана.
- Понял.

Чтобы попасть в кабинет, мне пришлось пройти под открытым небом. Завалы после оборота уже расчистили, но восстановительные работы начнутся только утром. Разумеется, все будет сделано быстро, но пока что пришлось пройти между изломов стен и развороченных комнат, прежде чем оказаться перед дверью кабинета и толкнуть ее.

Солливер сидела на диване, закинув ногу на ногу, заметив меня, поднялась.

– Я поддерживаю твоё решение привезти ее, Торн, но это... – Она кивнула на дверь. – Совершенно точно недопустимо.

– Совершенно точно недопустимо – что? – уточняю я, проходя в кабинет и опускаясь в кресло. Можно было остаться стоять, но я впервые за долгое время чувствую себя простым смертным мужчиной. Который смертельно хочет спать.

Не знаю, что в этом самое дикое – сравнение меня с простым смертным в собственных мыслях или же то, что я хочу спать. У меня буквально глаза закрываются. Им не позволяют это сделать только долгие годы дисциплины и яркое осознание того, что наш с Солливер разговор еще не закончен. По большому счету он и не начинался.

– То, что она будет жить в нашем доме. То, что ты проводишь с ней время. Я понимаю, что она мать твоего ребенка, точнее, твоего будущего ребенка, но это – уже слишком. Ты не хуже меня представляешь, во что это может развить пресса.

Мне все равно.

Я чуть не говорю это вслух, но, к счастью, если Халлорану в лицо можно сказать «мне все равно», то в этом случае это будет чистой воды наблейшество.

– Пресса все равно во что-нибудь это разовьет, Сол, – говорю я, кивая на кресло по другую сторону стола. – Сядь, пожалуйста.

Она приподнимает брови, но все-таки приближается к столу и садится.

– Лаура не просто беременна моим первенцем, она сама – результат неизвестного эксперимента.

– Что?!

– Это долгая история. Она не человек и не иртханесса, анализы ее крови показывают то, что показывать не должны. Честно говоря, я вообще не представляю, во что все это выльется, и именно поэтому она останется здесь. Ее сила совершенно неконтролируема, более того, она непредсказуема. За ней нужно систематическое наблюдение, и это систематическое наблюдение обеспечить я могу только здесь.

Солливер откидывается на спинку кресла, качает головой:

– Как такое возможно, Торн?

– Я не знаю, – пожимаю плечами. – Не знаю, но я это выясню.

Она покусывает губы.

– Не представляю. Ты говоришь, что ее сила непредсказуема. Но разве не проще тогда отправить ее в какой-нибудь медицинский центр? Туда, где за ней будет круглосуточный уход и наблюдение и команда медиков всегда наготове?

– Она может уничтожить их всех. Случайно.

Солливер открывает рот, потом его закрывает.

– Этого не произойдет, я более чем уверен. Но я должен перестраховаться. Тем более что... – Мне хочется потереть глаза, вместо этого я в упор смотрю на нее.

– Тем более что?

– Я не знаю, кому сейчас могу доверять.

– Что-то случилось в Аронгаре?

– Случилось. Много.

Она глубоко вздыхает, чуть подается вперед и поднимается. Обходит стол, садится на краешек с моей стороны.

– Торн, тебе нужно в постель.

Я качаю головой.

– Мне много всего нужно сделать.

– Дела подождут. До завтра. – Она отводит прядь волос с моего лица, едва касаясь его кончиками пальцев. – Ты совершил оборот, пролетел над океаном, и я больше чем уверена, что твое общение с Халлораном не было праздником. Я знаю, что мы договаривались о партнерском браке, но, как твой партнер, я вынуждена настаивать. Тебе нужно отдохнуть, Торн. У всех есть предел.

Самое паршивое, что я сейчас это чувствую. Чувствую этот предел, на котором стою, – раньше мне казалось, что его у меня нет.

– Ты права, – говорю я. – Оставлю до завтра все, что может подождать.

– А что-то не может? – Она улыбается.

– Да. Тебя нужно проводить домой.

Солливер снимает мою гарнитуру раньше, чем я успеваю ее коснуться.

– Мой дом отныне и навсегда рядом с тобой, Торн. Я остаюсь.

– Ты же помнишь, что я сказал про ее силу? – уточняю я.

– Я не боюсь никакой силы, пока ты рядом. – Она наклоняется и касается губами моих губ.

Это прикосновение отдается в теле еще большей усталостью. Странно, но я не чувствую ничего, когда она меня целует, – только легкое скольжение губ по губам. Это поразительный парадокс, с одной стороны, я давно не чувствовал себя настолько живым, с другой – полное отсутствие чувств к женщине, которая скоро станет моей женой и первой фермой. К женщине, которая действительно заботится обо мне.

– Пойдем, – говорю я и поднимаюсь. – Спальня уже готова.

По-хорошему, мне не стоит спать, и я не уверен, что буду, но пара часов в кровати, чтобы расслабилось тело, мне точно нужны.

Потому что иначе расслабиться не получается. Стоит мне оказаться в душевой, под упругими струями воды, как я снова мысленно возвращаюсь в комнату, где спит Лаура. Словно снова смотрю на нее, на подрагивающие ресницы и разметавшиеся по подушке волосы. Эта женщина не просто проблема, она – мое наваждение, и, кажется, надо с этим смириться. Равно как и с тем, что я сделал все, чтобы оттолкнуть ее от себя.

Поэтому, когда я выхожу, а Солливер направляется в ванную, я говорю:

– Комната в твоём распоряжении, Сол.

Она складывает руки на груди.

– Завтра здесь будет команда медиков, но пока – это моя ответственность.

– Пока? – Ее голос становится жестким. – Вспомни, что она сделала, Торн.

– Я все отлично помню, – отвечаю, отбрасывая полотенце. – Но я говорю тебе это не потому, что готов обсуждать с тобой. А потому, что

мы с тобой партнеры.

– Партнеры, – Солливер шагает в сторону ванной, но возле двери оборачивается, – обычно все обсуждают, Торн. Возможно, ты не создан для партнерства в каком бы то ни было виде.

Она скрывается в ванной, а я одеваюсь и выхожу. Возвращаюсь в комнату, из которой ушел, плотно закрываю за собой дверь. Лаура повернулась на бок и спит, закинув руку на Верража. Драконенок совершенно не возражает, напротив, он развернулся мордой к ее лицу и уткнулся носом ей в щеку, от его дыхания на ее коже остаются морозные искорки. Что касается Гринни, та спит на ее волосах, забинтованная грудка ровно вздымается.

– Ну и что мне с вами делать? – спрашиваю я.

Вопрос не подразумевает ответа даже от меня, поэтому я отхожу к матрасу, брошенному на пол, ложусь на него и вытягиваюсь, глядя в потолок. Это напоминает мне мою молодость в казармах академии, мгновения, когда после выматывающих тренировок на полигоне я падал на койку и вырубался. В этом была своя прелесть. Равно как и в том, чтобы лежать вот так, почти на полу, слушая тройное сопение.

Непонятно почему эта мысль заставляет меня улыбнуться. И на мгновение прикрыть глаза.

Солливер Ригхарн

Он действительно уходит. Уходит, закрывает дверь с той стороны и идет к ней. К своей Лауре.

От нее мужчины не уходили никогда, не считая того случая. Первого и единственного, когда она, как дура, влюбилась в парня, у которого на уме была только другая девица, озабоченная перекрестными отношениями.

Именно поэтому Солливер прекрасно знала, что если мужчина уходит – он не вернется. То есть он может вернуться номинально, присутствовать в твоём поле или даже трахаться с тобой, но мыслями он все равно там. Там, с ней.

И с этим надо что-то делать, даже если хочется что-то разбить. Невыносимо.

Вот только делать все и всегда нужно на трезвую голову.

Солливер достала смартфон и набрала номер.

– Привет, напарничек, – едко сказала она. – Ты, наверное, уже понял, в какой заднице мы оказались.

– Ты специально это делаешь? – шипит он. – Специально звонишь, чтобы дать им больше инструментов споткнуться о нас?

– А им, – она выделяет последнее слово, – нужны инструменты? Тебе не кажется, что это ты должен был меня набрать и предупредить?

– У меня есть проблемы посерьезней. В частности, Роудхорн и Стенгерберг.

– Вот как. И в чем же проблема?

– Торн что-то подозревает, поэтому Стенгерберга велено притащить на допрос. А Роудхорн не остановится, когда я его уберу. Теперь понимаешь, в какой заднице мы с тобой, дорогая?

Солливер закусила губу.

Да, задница оказалась чуть глубже, чем она рассчитывала, но бывали проблемы и посерьезней. Правда, не на таком уровне, но проблема – она и в Аронгаре проблема. Просто висит и требует решения, а не паники и нытья.

– Лаура Хэдфенгер – результат какого-то непонятного эксперимента, – произносит она.

– Что?!

– Я пока еще мало узнала, сам понимаешь, что лезть в это – особенно после всего, что случилось, было бы очень подозрительно. Тем не менее это так, и у нас с тобой есть одно серьезное преимущество: ее сила опасна. Настолько опасна, что Торн даже не хочет отправлять ее в исследовательский центр, потому что, по его словам, она может там все заморозить.

– А я говорил, что ее нельзя подпускать к нему! – рычат по ту сторону связи.

– Ты меня плохо слышишь? – Солливер приоткрыла дверь в комнату, убедилась, что там по-прежнему никого нет, и понизила голос. – У нее убийственная сила, и все, что мне нужно, – это чтобы она разочек вырвалась на свободу. Что касается Роудхорна, я подумаю, что можно сделать со своей стороны, но мы – как ты правильно заметил – теперь однозначно не сможем общаться. Потому что если этот... гм, друг Хэдфенгер начнет копать, все это может всплыть на поверхность.

– Я уничтожаю все данные о наших звонках.

– Иногда достаточно миллисекунды, чтобы кто-то что-то узнал, а я не хочу рисковать. Так что теперь ты сам по себе, а я сама по себе. По крайней мере, пока у нас есть общая проблема Роудхорна. Не мне тебя учить, как ее решать, Крейд.

– Не мне тебя учить, что не стоит называть меня по имени.

Она улыбается.

– Даже не собиралась. Давай договоримся так: мне потребуется помощь с камерами в резиденции. Не в ближайшее время, возможно, через пару недель. Нужно будет, чтобы произошел сбой.

– И как мне понять, что тебе это потребовалось, а главное – когда именно?

Солливер задумалась, разглядывая душевую кабину, плачущую потеками воды на уже прозрачных стенах.

– Я дам тебе знать. Не переживай. Главное, подготовь все и начинай заниматься проблемой Роудхорна.

Из динамика донесся смешок.

– Ты не мое руководство.

– Нет, твое руководство – он. И в наших общих интересах, чтобы это долго не продлилось.

Она нажала отбой, зная, что, когда заглянет в вызовы, последнего номера там уже не будет. Тем не менее сделала это сразу же: осторожность превыше всего. Доверять Крейду было не лучшим вариантом, но пока он ей нужен. Пока что – пока существует проблема Роудхорна и Хэдфенгер, а потом придется решить вопрос с Крейдом по-своему.

Потому что, как показывает практика, в таких делах партнерство не только опасно, оно способно разрушить все.

Правда, сейчас у нее проблема посерьезнее, потому что Лаура Хэдфенгер тоже способна все разрушить, и, чтобы этого не случилось, придется разрушить ее. Первенец Торна должен быть от нее, Солливер.

И он будет от нее.

Солливер улыбнулась своему отражению, расстегнула платье, позволяя ему скользнуть вниз, к ногам, и шагнула в душевую кабину.

Глава 5

Я давно не спала так хорошо. Говоря по правде, всякий раз, когда я собиралась поспать, ко мне то дракон прилетал, то убийцы наведывались, то Бен рогалики приносил – чтобы «скормить» дурочке Лауре вместе с ними очередную историю о том, как он хочет ей помочь. Сейчас я в пещере у дракона, откуда не так-то просто выбраться, но, возможно, именно потому, что сюда не так просто и забраться, я и выпалась.

Хорошенько потягиваюсь в темноте, задевая сладко сопящую Гринни, которая переползла ко мне в ноги, Верраж вскидывает морду, а я сажусь.

Чтобы увидеть картину, достойную запечатления, потому что на матрасе Верража, сладко посапывая... нет, вру, громко храпя, спит Торн. Первым порывом было потереть глаза и попытаться проснуться второй раз, но я уже немного научилась отличать реальность от вымысла (особенно созданного собой), поэтому сейчас только смотрю на него, и мои брови медленно ползут вверх.

– Ущипните меня, – прошу непонятно кого как раз в тот момент, когда Дракон номер один всхрапывает громче и... продолжает спать. Не вполне отдавая себе отчет в том, что делаю, я хватаю с тумбочки телефон, навожу на него камеру, приближаю. Ночной режим частично высветляет изображение, но тут скоро и так начнет светлеть (судя по времени), поэтому я тыкаю в кнопку.

Клац!

От щелчка камеры просыпается Гринни, а Дракон номер один продолжает дрыхнуть! Он спит так, как будто не спал месяца два! Хотя я точно проверить не могу, потому что я ни разу не засыпала с ним, но выглядит это именно так. Раскинув руки, в своей элитной рубашке, элитных брюках и элитных ботинках.

Откладываю смартфон, осторожно выбираюсь из-под одеяла. Здесь достаточно тепло (то ли мы вчетвером насопели, то ли отопление хорошее, то ли и то и другое вместе). Как бы там ни было, босым ногам не холодно, когда я спускаю их на пол. В этот момент храп снова

повышается, потом обрывается, и Торн поворачивается на бок. Спина к нам.

– Очешуешь, – выдаю я известное, в общем-то, ругательство, и осторожно приближаюсь к нему.

Скажи мне кто-нибудь, что такое возможно, я бы покрутила у виска пальцем, но, видимо, мне суждено удивляться снова и снова – его многогранной драконьей натуре. Теперь многогранная драконья натура совсем не выглядит устрашающей. Волосы растрепаны, рубашка, застегнутая на все пуговицы, кроме одной, сбилась и смята, уголок даже торчит из брюк, открывая полоску кожи. Выбивается из всей этой картины только перчатка, которая под тонкой рубашкой просвечивает плотным покрытием до самого локтя.

Я помню, что под ней скрывается, но почему-то совершенно этого не боюсь.

Странное дело, я рядом с Торном – и я его не боюсь. Видимо, во мне сломалась боялка или что-то еще, но сейчас я осторожно опускаюсь на корточки, чтобы рассмотреть его лицо. Последнее, что мне удастся рассмотреть – «выползшую» из-под перчатки чешуйку на коже, до лица я добраться не успеваю.

Потому что Торн резко открывает глаза, а я так же резко оказываюсь на матрасике, прямо под ним. От такого кульбита слегка перехватывает дух, и еще больше его перехватывает от близости ударившего в меня пламени. Такой взгляд я вижу у него впервые, чистый неразбавленный огонь, впрыснутый через него в мои вены, заставляющий мою кровь кипеть. Его выдох больше похож на рычание, а поцелуй – на укус, и я кусаюсь в ответ. С такой силой, что обжигает сначала пламенем, потом привкусом крови, и только после – осознанием того, что мы творим.

Мой халат задрался до неприличия, белья на мне нет, а между моих ног – его колено. Не считая того, что в мое бедро упирается совершенно прямое доказательство его половой принадлежности и кое-чего еще. Спасибо хоть, что под брюками.

– Ыррр, – выдыхаю я, пытаюсь его оттолкнуть.

Звериный зрачок стягивается в человеческий как раз в тот момент, когда сбоку и сверху доносится:

– Торн, я пришла сказать, что тебя не могут найти. – Солливер демонстрирует каплю гарнитуры на ладони. – Но ты, судя по всему,

занят.

Она швыряет гарнитуру на пол и выходит, дверь захлопывается.

А я чувствую себя как в анекдоте «Возвращается жена из командировки...»

И даже не на месте жены.

Впрочем, Солливер ему тоже не жена. Пока.

М-да.

Кажется, я порвала все шаблоны.

Все шаблоны хорошей девочки. Все шаблоны примерной дочери. Да в принципе все, если отставить хороших девочек и дочерей подальше, потому что ни первым, ни вторым я не являюсь, а именно все собственные.

– Сползите с меня, ферн Ландерстерг, – говорю я ледяным тоном.

Как раз в тот момент, когда он собирается подниматься. Точнее, и поднимается, протягивает мне руку, но я ее не принимаю. Мне вообще хочется провалиться – той части маленькой Лауры, которая ко всему этому не готова, но взрослая Лаура запахивает халат и поднимается сама.

После чего обходит его и направляется к кровати, на которой два наблюдателя снова во все глаза смотрят на нас. Меньше всего мне сейчас хочется услышать «Это больше не повторится», – сказанное тон в тон тому, что случилось в кабинете. Хотя, по-хорошему, это стоит сказать мне. Я даже открываю рот, чтобы это сделать, но потом закрываю, потому что чувствую, что это не мое.

Все, хватит бултыхаться в прошлом.

Прошлого больше нет.

– Сегодня к тебе приедет отец.

В любой неловкой ситуации говорите про отца Лауры.

– Чудесно, – отвечаю я и поворачиваюсь.

– Ближе к обеду. Вместе с ним приедут медики, которые будут тебя наблюдать.

– И мой наставник? – уточняю я.

– Лаура.

Спокойное рычание, вот как это звучит.

– Что? Мне нужно научиться управлять своей силой. Ради Льдинки и ради всех тех людей, которые окажутся рядом со мной.

– Я сам подберу тебе наставника.

– Или Арден, – говорю я в упор. – Или никто.

– Значит, никто. Будешь сидеть в изоляции, пока не поумнеешь.

О да, вот это уже знакомо.

– Значит, буду сидеть, – отвечаю я, высушивая попытавшиеся откуда-то вылезти слезы еще на полете. Нечего им здесь делать, особенно – по поводу него. – Столько, сколько потребуется. Вас там ждут, ферн Ландерстерг. Невеста и неотложные дела. Освободите помещение, пожалуйста.

К счастью, это человекоподобное выходит, и мне становится легче дышать. Ненадолго, правда, когда я представляю себе, что безвылазно сижу в какой-нибудь комнате и ничего не могу сделать... А впрочем, почему же ничего.

Я переодеваюсь в платье, в котором была вчера (благо в комнате действительно тепло), и выглядываю в коридор.

– Мне нужен ноутбук, – говорю мергхандарам.

Те переглядываются.

– Мы должны уточнить у ферна Ландерстерга...

– Уточните, – отвечаю я. – Предвосхищая дальнейшие вопросы, он мне нужен для прохождения онлайн-курсов по сценарному мастерству и написанию сценария.

После чего захлопываю дверь.

Спустя минут пять она снова открывается:

– Ваш завтрак, ферна Хэдфенгер.

На тележке, как в отеле, такое количество еды, как будто для меня накрыли персональный фервернский стол.

– Нет рогаликов, – говорю я.

Мергхандар непонимающе на меня смотрит.

– Рагранские рогалики. – Я показываю размер пальцами. – С самой разной начинкой. Ничего вкуснее не ела.

Двигаю к себе аэротележку.

– Это не к вам вопрос. Просто попробуйте.

Дверь закрывается, я остаюсь с Верражем и Гринни, которые живо заинтересовались запахами с огромного подноса. Позволяю тележке «подлететь» к кровати, сажусь на постель, открываю крышки горячих блюд.

– Налетай! – говорю драконенку и виари, и вместе мы сметаем завтрак в считанные секунды.

Урчание зверей говорит о том, что им маловато, и они тут же устремляются к мискам. Миски принадлежат Верражу, для Гринни еще не поставили, но она проделывает вчерашний трюк: вытаскивает огромную кормину и грызет ее прямо на полу. Верраж дохрумкивает свое как раз вовремя, мергхандары приходят, чтобы забрать их на прогулку.

Я снова остаюсь одна.

Можно было бы пойти с ними, но в таком платье прогулка вряд ли получится удачной, даже с пальто и сапогами, а другой одежды у меня нет.

Подхожу к окну, касаюсь панели, чтобы поднять автоматические жалюзи.

Заснеженный пейзаж пустоши, раскинувшейся на сотни километров, кажется бесконечным. Едва взошедшее солнце пробивается через прерывистую пелену туч, создавая половины света и тени. Тени становятся все больше и больше, она наползает на солнечную сторону и наконец полностью ее «съедает». Густая завеса не позволяет пробиться ни единому лучику, в комнате становится темно.

– Хочу в Аронгару, – говорю непонятно кому. – В Зингсприд.

И желательно без всяких снежных происшествий.

Интересно, когда теперь такое получится?

Я возвращаюсь к кровати, беру телефон, на экране все еще фотка храпящего Торна. Смахиваю ее в корзину и набираю номер Даргела. Он отвечает сразу.

– Лаура! Я не могу до тебя дозвониться уже...

– Я заблокировала все входящие.

– Замечательно.

– В этом нет ничего замечательного, но мне надо было побыть одной.

– Как так получилось, что о беременности и преследовании своей сестры спецслужбами я узнаю из новостей и вирусного видео?

Я молчу.

– Лаура! Я думал, ты устраиваешься на новом месте. Не хотел тебе звонить, чтобы не напрягать... А теперь я узнаю, что ты была на грани выживания. Это, по-твоему, нормально?

– Нет, Дар, это ненормально. Но я уже смутно понимаю, что в нашей семье нормально, а что нет.

– Что? Ты о чем?

Я глубоко вздыхаю.

– У отца был секрет по поводу мамы.

На том конце такая продолжительная пауза, что мне кажется, Даргел уже никогда не заговорит.

– Я узнала об этом вчера, но в общих чертах. Я не представляю, что на самом деле произошло и как это возможно, но я считаю, что ты должен об этом знать. Отец сегодня приедет ко мне в резиденцию Ландерстерга, ближе к обеду. Если хочешь, свяжись с ним и приезжайте вместе.

Странно, но, когда дело касается моей семьи – отца, мамы, Даргела, я словно проваливаюсь в глубокую заморозку. Я говорю так, будто я – это не я, а какая-то механическая кукла с куском льда вместо сердца. По крайней мере, со стороны может показаться именно так, но я знаю, что, если сейчас позволю себе чувствовать, никому хорошо не будет. Именно поэтому я настолько спокойна.

Или стараюсь быть спокойной.

Хочется верить, что у меня это получается.

– Разумеется, я приеду, Лаура, – произносит Даргел, и я мысленно выдыхаю. – Тебе что-нибудь нужно? Что-нибудь привезти?

– Привези себя, – отвечаю я. – Я очень соскучилась.

Не дожидаясь ответа, нажимаю отбой и залезаю с ногами на кровать.

До обеда время есть, а значит, буду искать и выбирать курсы сценарного мастерства.

Глава 6

В обед прибывают отец, Даргел и медики. Медики очень недовольны тем, что их нужно «подвинуть», но так уж случилось, что беременных волновать нельзя, поэтому сначала – разговор с семьей. Даргела я обнимаю, когда он подходит, может быть, чересчур коротко, гораздо короче, чем было бы раньше, что касается отца... на него мне смотреть не хочется, но приходится.

Вряд ли с кем-то можно построить разговор, если ты постоянно смотришь этому кому-то за плечо или сквозь него.

– Лаура, ты... – начинает было он, но я перебиваю:

– Я очень жду и вся внимание.

Отец осекается, а Даргел смотрит на меня удивленно, но никто и не обещал, что будет просто, правда? Хотя бы потому, что мы сейчас в кабинете Торна, а я за его столом. Подозреваю, что Солливер задушила бы меня на месте, если бы такое увидела, но в этом доме кабинет Торнгера Ландерстерга – единственное место, где можно нормально поговорить. Не отвлекаясь на сопящих, пыхтящих, требующих внимания и игр, и не сидя на кровати, когда другим приходится стоять.

Подозреваю, что Торн тоже меня задушит, когда узнает, но это получилось примерно так:

– Мне нужен кабинет ферна Ландерстерга для переговоров.

– У ферна Ландерстерга сейчас совещание, мы не сможем с ним связаться.

– Вам не нужно с ним связываться.

И мне не нужно было.

– Достаточно того, что я пообщаюсь со своей семьей в комфортной обстановке и не буду волноваться.

После слов «не буду волноваться» волноваться начали мергхандары. Волновались они недолго, волевым усилием того, кто у них тут главный, было принято решение запустить меня в кабинет, поскольку тут нет никакой конфиденциальной информации. Здесь по большому счету только мебель, даже ноутбука нет (Торн забрал его с собой).

– Дочка, мне бы не хотелось, чтобы наш разговор начинался так. – Отец шагает ко мне, но я качаю головой.

– Мне бы не хотелось – первое, чтобы ты называл меня дочкой, и, второе, чтобы этот разговор продлился дольше, чем я узнаю все о своей матери. Всю правду, разумеется. – Я смотрю на него в упор. – А не то, чем ты пичкал нас с Даргелом долгие годы.

– Лаура! – Это уже Даргел.

Я перевожу взгляд на него, и больше он почему-то ничего не говорит. Не знаю, это магия торновского кабинета, или я окончательно приморозилась, но у меня действительно нет ни малейшего желания растягивать общение с Юрганом Хэдфенгером. Все, что мне нужно, – это правда.

Отец намекает понимает, потому что отходит и садится во второе кресло, рядом с братом. Я смотрю на него.

– Когда мы с твоей матерью только поженились, у нас не всегда были удачные времена. Иногда получалось так, что денег хватало только на аренду квартиры и все самое необходимое, иногда...

– К делу, – комментирую я, и больше уже никто не удивляется.

– Самый нелегкий период начался в тот момент, когда Даргел был маленьким. Его нужно было отдавать в садик, чтобы мы оба могли работать, но у нас не было на это средств. Несколько раз мы приглашали няню, но ее услуги тоже нужно было оплачивать, а моя практика провисала по всем фронтам, поэтому твоя мать согласилась на клинические испытания экспериментального препарата. Это были закрытые исследования в центре, финансируемом правительством.

– Чьим? – уточняю я.

– Ферверна. Предположительно.

Ключевое слово – предположительно.

– Как бы там ни было, мы согласились, потому что иначе нам было только ехать в Рагран или оставаться без денег с маленьким ребенком на руках.

Я перевожу взгляд на Даргела: он на меня не смотрит. Сейчас брат настолько отстраненный, что кажется, его вообще здесь нет, но он слишком здесь, так же как и я. Слишком глубоко в себе, чтобы показывать что-то, кроме этой пустой маски, за которой может скрываться все, что угодно.

– Я позволил ей пойти на этот эксперимент, Лаура, но не было потом ни дня, чтобы я не... чтобы я не сожалел о том, что случилось.

Я не отвечаю, и отцу не остается ничего другого, кроме как продолжить:

– Сам исследовательский центр был огромный и очень современный. Возможно, именно поэтому я и согласился. Не знаю. Мне казалось, в таком центре работают передовые специалисты. Оррис записалась на этот проект, но она не знала, что уже беременна. Они, вероятно, узнали сразу, но нам ничего не сказали. Когда она узнала, было уже поздно – половина курса уже прошла. Мы были в шоке. И я, и она... мы... – Он развел руками. – Сам проект свернули через два месяца, но у Оррис начались осложнения. Она начала задыхаться, падала в обмороки, у нее было критическое понижение и повышение температуры при том, что, когда все это заканчивалось, анализы не показывали ничего необычного. Как будто что-то в ее крови появлялось и исчезало. Снова и снова. Раз за разом.

Мне сложно в это поверить. Мне настолько сложно в это поверить, что временами хочется его остановить и сказать, чтобы он не молол чушь – потому что это больше напоминает сюжет фантастического триллера. Тем не менее я сейчас представляю свою маму – свою маму, так светло улыбающуюся на фото, которой через все это пришлось пройти, и хочется кричать. Наорать на этого человека, который позволил своей жене пройти через клинические испытания непонятно чего, а потом... что – потом?

– Нам говорили, что нужны дополнительные обследования, но дополнительные обследования тоже ничего не дали. Рассказать о проекте, в котором Оррис принимала участие, мы не могли – потому что иначе потеряли бы все деньги, по условиям контракта мы не имели права разглашать информацию, а потом все прекратилось. Все прекратилось и было нормально до самого дня родов. До той минуты, пока нам не сказали, что ты ее... убиваешь. И тогда она ответила: спасайте мою дочь.

Я убрала руки со стола и сжала их на коленях. Иногда чувства – это не то, что поддается контролю, но, если я случайно отморожу что-нибудь отцу, с этим я смогу жить. А вот если зацепит Даргела – вряд ли.

– У Оррис началось сильное кровотечение, его удалось остановить, ее отправили на операцию, но из-под наркоза она так и не вышла. Какое-то время мы еще надеялись... я надеялся. А потом раздался звонок. Мне предложили забрать ее из городской клиники и перевести в частную, где содержать ее будут за счет исследовательской компании. Сказали, что для всех ей придется умереть, но что они сделают все, чтобы она пришла в себя.

– И ты согласился. – Голос Даргела прозвучал так, что даже я вздрогнула.

– Я согласился, потому что выбора не было! Никто не мог ей помочь, не зная, что с ней случилось...

– И тебя не смутила фраза «Она должна умереть»?! – Даргел почти рычал. Сейчас я бы ни одному дракону не пожелала рядом с ним оказаться, потому что у моего обычно спокойного, выдержанного брата сверкали глаза, а еще я чувствовала исходящую от него ярость. Я ее настолько чувствовала, что у меня кожа покрылась мурашками и меня саму затрясло.

– Хватит. – Мой голос звучит на удивление спокойно. – Дар, мы с тобой здесь, чтобы узнать, что произошло с мамой, а не бросаться друг на друга.

– Как ты можешь быть такой спокойной, Лал?! – Брат резко подается вперед. – Как?! Тебе что, наплевать?!

«Могу, – хотела ответить я, – потому что от этого зависит моя жизнь, жизнь моего ребенка, ваши и всех, кто находится в резиденции».

Разумеется, ничего такого я сказать не могла, а если бы и могла, все равно не сказала бы. Потому что меня оглушило воспоминаниями-словами Ардена. О том, что, когда мать Торна была беременна, ей приходилось пользоваться подавляющими пламя пластинками. О том, что его сила перебивала ее. И о том, что Торн с младенчества был безумно силен.

Настолько, что... он не может чувствовать.

Просто не может себе это позволить.

– Лал, – повторил Даргел, на этот раз поднимаясь с кресла, – да что с тобой там случилось?! В этом Рагране?

– Где моя мать сейчас? – Я перевела взгляд на отца.

– Не знаю. Лаура, я не знаю. Они забрали ее и спустя время исчезли. Я долгие годы о ней ничего не слышал. Признаюсь, когда я встретил Ингрид, я и впрямь считал, что Оррис мертва. Но я не мог пойти в полицию, Лаура, понимаешь? Не мог. И я не лгал тебе, потому что думал, что...

– Это какой-то бред! – Даргел снова его перебил. – Отец, ты вообще себя слышишь?! Ты понимаешь, что ты несешь?!

– Понимаю. – Отец также резко поднялся. – Пойми и ты: у нас был ты, Даргел. И нам нужно было тебя кормить. Одевать. Нужно было тебя отдать в школу, и не в какую-нибудь, где ты превратился бы в уличного хулигана уже на второй год, а в нормальную, в достойном районе с достойными людьми.

– Ты всегда был зациклен на деньгах. – Даргел шагнул к нему. – Я думал, одна Ингрид помешана на роскоши и статусе, но нет, ты тоже. Только мне в голову прийти не могло, что ты на передовую бросишь ее. Женщину, которую, как ты говоришь, ты безумно любил!

– Довольно! – Я поднялась тоже. – Если вы пришли сюда, чтобы ссориться, можете сразу выйти и закрыть за собой дверь. Потому что, как вы оба уже знаете, я беременна и моему ребенку не пойдет на пользу, если вы решите сейчас выяснять между собой отношения.

Сработало: оба сразу посмотрели на меня.

– Ты не ответил на мой вопрос, пап.

– Ты же просила не называть тебя дочкой. – Лицо Юргарна Хэдфенгера исказилось.

– Я была не права. От того, что мы начнем делать больно друг другу, никому хорошо не будет. Расскажи, как ты узнал о том, что мама жива.

Я снова опустилась в кресло, отец последовал моему примеру. Последним сел Даргел.

– Со мной связались противники реформы Торна, Лаура. Представители оппозиционной партии, очень категорично настроенные против его идеи о том, что брак ирлхана и человека, правление ирлхана и человека – это сила, а не слабость. Всплыло старое дело, за которое я в свое время взялся по той же причине, по которой ваша мама пошла на эти исследования, но это дело ничего не значило бы... Когда все это случилось, когда обо всем стало известно Стенгербергу, мне позвонили и сказали, что твоя мать жива. И что,

если я хоть слово скажу о том, что я на самом деле не связан с оппозицией, уничтожат не только меня, но и ее.

– И ты им поверил? Поверил, что она жива?

– Я целых две минуты смотрел на нее, Лаура. На нее, подключенную к системам жизнеобеспечения, пока все следы этого не были уничтожены вместе с моим ноутбуком. Он сгорел.

– Как ты можешь быть уверен, что это она? – выдохнула я. – Как ты... откуда ты знаешь, что это не актриса в гриме, очень на нее похожая, потому что...

– Лаура, – мягко перебил отец, – я сделал много плохого. Я совершил ошибку, когда позволил ей подписать тот контракт и отдал ее им после родов. Но я не лгал, когда говорил, что безумно любил Оррис. Я узнал бы ее даже через сто лет.

Я обхватила себя руками и откинулась на спинку кресла. Меня начинало знобить.

Может быть, потому что я узнала о маме. О том, что она до сих пор где-то. Совсем одна.

А может быть, потому что я узнала о Торне.

– Когда Торну стало известно о твоей связи с оппозицией?

– Примерно тогда, когда случился скандал в ресторане.

Я прикрыла глаза.

– Лаура, – позвал Даргел. – Лаура, тебе нехорошо?

Я не знала, как это назвать. Это чувство, когда вдоль позвоночника дрожью ползет холод и от него же по спине растекается пламя, грозящее вот-вот вырваться наружу.

– Вам лучше уйти, – сказала я, поднимаясь.

– Лал...

– Уходите. – Я покачала головой. – Пожалуйста, мне сейчас очень нужно остаться одной.

– Лали, я твой брат. – Даргел шагнул ко мне как раз в тот момент, когда ладони обожгло холодом.

Отдернула их от стола, но было уже поздно, плеснувший из-под них иней морозным узором расползлся по столу, пожирая стальную поверхность.

– Назад! – хрипло крикнула я: голос не слушался.

Я обхватила себя руками, не позволяя пламени вырваться в комнату, и ледяная мощь ударила в меня с такой силой, что стало

нечем дышать. Последнее, что я увидела – рывком открывшуюся дверь и ворвавшихся в кабинет врачей и мергхандаров. Где-то смазанным пятном мелькнуло лицо отца, и я соскользнула в окутавшую меня метель.

Глава 7

– С ней все будет хорошо. Пламя пока стабильно.

Уверенный сильный голос внушал надежду. А вот слово «пока» – не особенно.

– Даргел! Пап!

Я подскочила там, где лежала, заставив датчики взорваться возмущенным пискom.

– Лаура, тебе нужно лежать. – Шагнувший ко мне Торн мягко надавил на плечи, возвращая в горизонтальное положение.

– Даргел...

– С ними все в порядке. Они по-прежнему в резиденции. – Торн внимательно посмотрел на меня, а я облегченно вздохнула.

Все в порядке. С ними все в порядке. С ними...

– Я никому не навредила? – Снова чуть приподнялась.

– Нет. Никому. Стабилизирующие пластины сделали свое дело. – Он указал на мои руки.

Ну что я могу сказать? Пластинами меня оклеили, как обоями в самый разгар ремонта. Кажется, не осталось даже кусочка кожи, куда не была бы наляпана пластина.

– Но это не вариант. – Торн по-прежнему смотрел мне в глаза. – Мы не знаем, сколько потребуется пластин завтра. Послезавтра. Через неделю.

– И что ты предлагаешь?

– Как ты вообще додумалась заикнуть пламя на себе? – В его голосе звенел обжигающий льдом металл, но после того, как меня в очередной раз чуть не приморозило моим собственным, вряд ли это имело значение. Вернее, значение оно имело, а вот воздействие – нет. Не на меня так точно.

– У меня был выбор: убить всех или попытаться это остановить. Я сделала то, что первым пришло мне в голову.

– На самом деле ты все сделала правильно, Лаура.

Я открыла рот, потом закрыла.

У меня что, слуховые галлюцинации, или Торнгер Ландерстерг только что сказал, что я что-то сделала правильно?

– Пламя не может причинить вреда его носителю, если направить его вовнутрь. Ты немного не рассчитала и направила на себя, но на внешний контур.

– Я сейчас не поняла, это ты меня так похвалил? – уточнила я. – Или собираешься сказать, что я – буйнопламенная и меня нужно держать в изоляции?

– Хочу сказать, что тебе нужно учиться управлять пламенем, Лаура. Как можно скорее и под руководством опытного наставника.

– Да, и об этом мы тоже уже говорили. – Я сделала упор на слове «уже». – Кажется, пока не пришли к единому мнению.

– С единым мнением в этом случае все очень и очень сложно, – произнес Торн. – Тем не менее для меня важно, чтобы ты была в безопасности.

Из-за того что он заслонял собой практически весь обзор, я даже не могла рассмотреть, где именно нахожусь. Но, судя по дизайнерскому оформлению потолков, точно не в переоборудованных под медицинские нужды комнатах (о том, что такие теперь есть в резиденции, мне перед встречей с отцом и Даргелом сообщили врачи). Не у Верража и Гринни, там таких потолков не было, и даже не в комнате, которая изначально должна была быть моей, – тоже, там были другие цвета.

– Ты у меня, – произнес Торн: судя по всему, я слишком шустро крутила головой. – В твоей комнате нет кровати, а для зверей сейчас не время и не место.

– Есть еще импровизированная больница, – напомнила я.

– Там пока тоже нет кровати. Только медицинское кресло.

– Серьезное упущение, – хмыкнула я, а Торн неожиданно улыбнулся.

Настолько неожиданно, что горизонтальное положение было ну очень в тему. Падать повторно как-то не хотелось, а его улыбка обладала сногшибательным эффектом. Буквально. В смысле, потому что раньше он так не улыбался.

– Мне нужен ноутбук! – быстро сориентировалась я.

Ну а что? Может, пока он такой... странный, у меня все получится?

Или нет: Торн перестал улыбаться. А следом из-за его спины донеслось покашливание. Хотя покашливание – это громко сказано,

кто-то очень выразительно хмыкнул. Или рыкнул.

– Мы не одни? – уточнила я.

Нет, я, разумеется, слышала какой-то голос (как в тумане), когда пришла в себя, но почему-то в моей Вселенной сейчас подразумевалось, что мы одни.

– Как я уже сказал, твоя безопасность сейчас в приоритете.

Торн чуть отступил в сторону, и я увидела Ардена.

В ошейнике.

Электронном, по которому периодически пробегали ледяные импульсы.

То есть ошейник я представить могла. Отдельно от Ардена. На виаре. На виари. Но Ардена в ошейнике – нет. Совсем.

Эти двое в одну единицу времени в одной точке пространства у меня не стыковались.

Я чуть не спросила, какого набла, но вовремя тяпнула себя за язык. Ощутимо так, до боли и, судя по металлическому привкусу, даже до крови.

– Арден, пожалуйста, могу я вас попросить оставить нас на пару минут?

За которые я постараюсь не убить Торна и не заморозить все к наблам. Хотя морозить тут всего ничего, полуразрушенная резиденция, дальше природа и без меня постаралась.

Я дождалась, пока Арден выйдет, набрала в грудь побольше воздуха, и...

– Прежде чем ты что-то скажешь, Лаура, хорошенько подумай.

– Прежде чем ты что-то сделаешь, Торн, хорошенько подумай! – Я села так резко, что аппаратура разразилась ругательствами, но мне было плевать. Пришлось понизить голос, чтобы случайно никто (случайно Арден) ничего не услышал. – Это что такое? – Я ткнула в закрывшуюся дверь.

– Это ошейник.

К счастью, его ледянейшество не стал ходить вокруг да около и изображать долбанувшегося о скалы дракона.

– Это я вижу. Пытаюсь понять, как он на нем оказался.

– Это ошейник заключенного. Таэрран на него я не могу надеть по понятной причине.

Все-таки Торнгер Ландерстерг выигрывает первый приз за звание «отмороженная задница года», хотя, как по мне, так столетия. А заодно медальку за умение лишить дара речи в любых обстоятельствах.

– То есть ты считаешь нормальным заставлять его ходить в ошейнике?!

– Он заключенный, Лаура. То, что я вообще позволяю ему здесь ходить, – так это исключительно благодаря тебе, потому что он действительно способен обеспечить твою безопасность и помочь тебе справиться с пламенем.

У меня снова кончились слова. Цензурные. Нецензурные я решила не использовать, потому что к такому быстро привыкаешь и потом начинаешь вести себя соответственно.

– Он меня спас!

Дважды уже.

– Это не отменяет того, что он заключенный.

– За что?!

– Он отказался выполнить мой приказ.

Желание побиться головой о стену я подавила.

– Какой?!

– Привезти тебя из Раграна.

Предполагаю, что последние пару минут нашего разговора я напоминала рыбку. Мой рот столько раз открылся и закрылся беззвучно, что со стороны это могло выглядеть как немое кино.

– Давай-ка разберемся, Торн. Как ты хотел вывезти меня из Раграна с помощью Ардена, если на мне была харргалахт другого иртхана?

Я нарочно не назвала Бена по имени, чтобы кое-кого не драконить, хотя, видит небо, мне очень хотелось. Мне хотелось не просто его драконить, а еще и постучать ему по голове капельницей, чтобы наконец дошло, что так не поступают!

Ни с бывшими любимыми женщинами (ладно, слово «любимая» тут можно опустить), ни с теми, кто по-настоящему тебе предан. Не сказать, что я сильно давно знала Ардена, но наши короткие встречи и разговоры убедили меня в том, что этот иртхан целиком и полностью на стороне Торна.

Тем не менее я терпеливо ждала. Ждала, что же мне ответят.

Как ни странно, мне действительно ответили:

– Ардену ты доверяла. Он вполне мог этим воспользоваться и тебя убедить.

– Но не захотел, – подвела итог я.

– Не захотел, – подтвердил Торн. – Учитывая, что это был приказ, а Арден – военный врач, он нарушил приказ главнокомандующего. В военное время за такое было бы куда более суровое наказание, сейчас же...

– Сейчас же?

– Будет военный суд.

– Да, я в курсе. И ты позволишь суду независимых физиономий решать, что делать с тем, кто отказался воспользоваться наивностью одной беззащитной женщины, которую нужно было силком притащить к тебе во имя высочайшего произвола?

– Я позволю суду решать, что делать с тем, кто нарушил приказ, – припечатал Торн. – Это не обсуждается, Лаура. Арден будет с тобой круглосуточно, за исключением того времени, когда рядом смогу присутствовать я. На нем будет ошейник. Когда угроза твоей жизни и жизни ребенка останется в прошлом, состоится суд. На этом все, и к этой теме мы больше не вернемся.

Я покачала головой.

– Знаешь, Торн... только ты начинаешь делать что-то... человеческое, как потом опять все возвращается на круги своя.

– Проблема в том, – его взгляд сверкнул льдом, – что я никогда не был человеком, Лаура, но ты с этим так и не смирилась.

Он вышел, но, к счастью, я слишком хорошо владела собой, чтобы оставить что-то от эмоций нашего разговора, когда вошел Арден.

Признаюсь честно, я смутно представляла, что сказать – что вообще можно сказать после того, что учудил Торн. Поэтому сказала первое, что пришло мне в голову:

– Ты был прав. Мне стоило вернуться сразу. Самой.

Он усмехнулся, приближаясь к аппаратуре.

Коснулся дисплея планшета, явно проверяя какие-то показатели, потом все-таки посмотрел на меня.

– Честно говоря, Лаура, сейчас я уже не настолько в этом уверен.

– Арден, если ты сейчас скажешь, что мне надо бежать, я покроюсь льдом и пролежу здесь до конца беременности, чтобы ничего не видеть и не слышать.

Он покачал головой:

– У тебя специфическое чувство юмора.

– У меня сумасшедшее желание выжить и родить здорового ребенка. Скажи мне, что для этого сделать, и я клянусь, что сделаю это от и до.

Арден оставил планшет в покое и подошел ко мне.

– К сожалению, сейчас это зависит не только от тебя.

– Что? О чем ты?

– Вокруг Торна очень серьезный заговор, которого он в упор не видит.

– Если он чего-то не видит, возможно, на то есть причины?

Не сказать, что Арден открыл мне Аронгару, но холодок по спине все-таки прошел. О чем-то похожем мне говорил Бен, правда, Бен вообще был невысокого мнения о Торне и его системе, поэтому вряд ли можно считать его слова беспристрастными. Что касается Ардена... наверное, теперь тоже. Сложно уважать того, кто нацепил на тебя ошейник.

– Причины есть. Он долгое время доверял Стенгербергу, очень близко подпустил его к себе. Всеми вопросами безопасности занимался именно он.

– Сейчас ими занимается Сэфл. – Я поправилась: – Роудхорн. О чем мы вообще говорим? Почему ты поднял эту тему?

– Чтобы ты поняла, Лаура, что ты в опасности. Не только из-за серьезной беременности, но и из-за того, что происходит вокруг Торна.

– Вот прямо сейчас ты делаешь все, чтобы я совсем не волновалась.

– Я не из тех, кто считает, что молчание об опасности способно уберечь.

– О какой опасности ты говоришь?!

– Эллегрин.

– Что?!

– Эллегрин Рэгстерн. Я знаю ее... – Арден помолчал, потом продолжил: – Очень давно. Эта женщина может быть жесткой, она привыкла получать все, что хочет, и очень остро реагирует на отказ. Она умеет ненавидеть и не умеет прощать, но она не подлая. Если ты понимаешь, о чем я.

– Пока что смутно.

Я и вправду смутно понимала, при чем здесь Эллегрин Рэгстерн, которая устроила мне веселье в ресторане, и как после всего этого ее можно охарактеризовать словами «не подлая». Разве что частица «не» сюда случайно затесалась.

– Все очень просто. – Арден подвинул стул и сел рядом с кроватью. – Или очень сложно. Мы встречались. Хотя... это сильно сказано. Эллегрин с детства была влюблена в Торна, а я был рядом, лучший друг... и любовник, когда нужно снять напряжение и обиду от его льда.

Об этом Бен мне рассказывал – о том, что у Ардена была связь с Эллегрин, но я по-прежнему совершенно не понимала, какое отношение это имеет к моей безопасности.

– Тем не менее я знаю ее достаточно хорошо. Считал, что знал, пока не произошло то, что произошло, – с тобой. Сначала я не хотел это верить. Потом понял, что, не будь у Торна стопроцентных доказательств того, что она все это подстроила, он не объявил бы о ее аресте. Для него она тоже была важна, по-своему, но важна. Вопрос только в том, откуда они взялись, эти стопроцентные доказательства. И в том, как они все это подстроили. Эллегрин – иртханесса. Чтобы поработать над ее сознанием и заставить ее признаться, нужно было не просто отдать ментальный приказ, нужно было заставить ее поверить в то, что она совершила.

– Арден. – Я хотела коснуться его руки, но передумала. В конце концов, мы с ним не друзья, а помимо этого он еще в ошейнике ходит из-за меня. – Я понимаю, что ты ее любишь. Понимаю, что ты хочешь верить в то, что Эллегрин Рэгстерн тут ни при чем... но...

– Понимать я мог это до того, как встретился с ней в тюрьме, Лаура, – его голос звучал очень резко, – до того, как увидел ее. Нам позволили одну встречу...

– Торн позволил?

– Предполагаю, что да. Такое не осталось бы без его внимания, в любом случае... когда мы с ней оказались лицом к лицу, я увидел то, что долгое время изучал. В ее глазах. Последствия сильнейшего ментального воздействия на сознание иртхана.

– А...

Я даже не представляла, что сказать, если честно.

– После того как правящий Ферверна продолжительное время был под воздействием, мягко говоря, психопата, стали изучать все возможные проявления – как внешние, так и внутренние – продолжительного ментального приказа, отданного иртхану. Одним из признаков было взрезание пламени. Это когда в пламя иртхана вплетается чужое, остаточное после ментальной атаки, все еще продолжающей работать. Проявляется оно крупницами чужеродной силы в родной, то есть если у иртхана ледяное пламя, а у атакующего алое, это будут алые искры. Если истинное, то оранжевые, и так далее.

– И? Что ты видел?

Я почему-то замерла, забывая дышать. Сама не знаю, почему зацепилась за «истинное пламя» и мысли о Бене. Нет, мне не хотелось думать, что он ко всему этому причастен, но после всего, что случилось... рассказ Ардена казался нереальным, хотя, если уж говорить прямо, нереальность – это я, тем не менее я существую. Не человек, не иртханесса. Вообще непонятно кто.

– Черные. Черные искры.

Когда Арден это произнес, я вздрогнула. Во-первых, потому что слишком ушла в себя, а во-вторых...

– Разве существует черное пламя?

Он посмотрел в сторону, как будто искал ответ на стене, потом снова взглянул на меня.

– Существует. У глубоководных драконов.

Ладно. Предположим, я даже сейчас не стану удивляться: мне, как результату неизвестного эксперимента, не положено.

– Глубоководных фервернских же нельзя подчинить. Насколько я знаю, не существует ни одного иртхана с таким пламенем.

– Не существует, – подтвердил Арден. – Точнее, не существовало, это попытался изменить Гранхарсен.

Тот, который сошел с ума, а не тот, который делает шоу, да.

– Но его постигла та же участь, что и всех до него.

– Всех?!

– Лаура, ты зря думаешь, что попытки влить себе кровь глубоководных никогда не предпринимались. С самого начала времен, когда шаманам впервые это удалось, люди основательно взялись за всех драконов. Вот только именно глубоководные давали такой побочный эффект. Безумие.

– Я не претендую на очень хорошее знание истории иртханов, но... разве такое возможно в принципе? Как вообще можно было влить себе кровь глубоководного, если они живут под водой, и... мягко говоря, никак никому не подчиняются?

Арден улыбнулся.

– А как, ты думаешь, первые шаманы стали иртханами?

Я пожала плечами.

– Понятия не имею. Развели костерок с травкой, драконы прибалдели, и они выкачали из них кровушку?

– А потом прилетели и убили всех, кто это сделал, если продолжать твою историю. Ты же знаешь про общую память драконов?

Если вспомнить историю Бена, то да. Ему до сих пор нельзя соваться в пустоши из-за того, что сделал его отец, но как же тогда...

– погоди! – Я натянула одеяло повыше, чтобы сесть. Несмотря на то что на мне была сорочка (кстати, я не хочу думать, кто меня переодевал, не хочу и не буду, и откуда она взялась – тоже!), показываться в ней Ардену не хотелось. – Ты говоришь, что драконы добровольно делились кровью?

– Именно так, Лаура. Они выбирали тех, кому отдать свою кровь. Свое пламя. Свое наследие.

Оу.

– Можно выманить дракона, можно отдать ему приказ, прокачать свою силу и стать врагом на тысячелетия. А можно было сделать, как поступали шаманы. Обрести доверие и пламя, которое отдали тебе добровольно. Насилие над пламенем и драконами никогда ничем хорошим не заканчивалось. И это еще одна причина, по которой я сказал тебе, что, возможно, был не прав.

Я пристально посмотрела на него.

– Торн душил своего дракона. Он обернулся, чтобы лететь к тебе, но он постоянно пытается его контролировать и подавлять. Ничем хорошим это не кончится, и это уже началось. Его рука – это только начало. Я рассчитывал, что все изменится, когда ты вернешься, но я ошибался.

Арден замолчал, и я тоже. Даже под теплым покрывалом кожа покрылась мурашками. Я смутно представляла, как происходит взаимодействие в тандеме иртхан – дракон, но если Арден прав, если

предположить, что они – единое целое, то Торн просто убивает часть себя, когда подавляет свою вторую суть.

Почему он так делает?!

Я чуть было не спросила это вслух, но поняла, что не Ардену отвечать на этот вопрос. Зато он мог ответить на другие.

– Почему сила глубоководных сводит с ума?

– Потому что это пламя слишком мощное для тела человека или даже иртехана. Его можно выдержать, только будучи в драконьей форме. Но, как ты понимаешь, если постоянно находиться в другой форме, ничего не останется от человеческого сознания.

То есть тот, кто сделал это с Эллегрин, либо псих, либо глубоководный дракон. Учитывая, что глубоководному дракону политика до лампочки, остается вариант первый. В результате мы получаем Гранхарсена дубль два, который был совершенно неубиваемый и которого с трудом побороли три дракона. Точнее, три иртехана, обернувшиеся драконами, но сути это не меняет.

М-да. Кажется, мне снова нужна консультация Гроу, и на этот раз не по поводу шоу-бизнеса.

– А Торн... ты сказал, что на Эллегрин было воздействие, которое заметно. Почему он этого не увидел?

– Потому что это проявляется не сразу. И не постоянно – во время нашего разговора было всего две вспышки, когда у нее пробивалось собственное пламя. Вероятно, во время допроса и общения с Торном вспышек еще не было, потому что прошло слишком мало времени после ментального вмешательства.

Хорошо, это я понять могу. А вот чего не могу, так это...

– Почему ты не сказал Торну?

– Потому что я не знаю, кто из его окружения – враг. Не представляю, как он будет действовать. Я боюсь, что они что-то сделают с Элль. – Арден посмотрел мне в глаза, и меня пронзило странным, выносящим чувством от макушки до пят. – Боюсь, что они с ней могут сделать, если узнают о том, что стало известно мне, и в то же время я не мог не сказать обо всем тебе, Лаура. Я не знаю, какой у них доступ и каким будет следующий шаг, но я сделаю все от меня зависящее, чтобы тебя защитить.

Вот теперь я все-таки накрыла его руку своей.

– А я сделаю все от меня зависящее, чтобы помочь тебе с этим разобраться.

Арден явно хотел возразить, но я его опередила:

– Сейчас начальник службы безопасности Торна мой друг. Или... мой бывший друг, что, в общем-то, дела не меняет. Если он поставил его – значит, тоже о чем-то догадывается, или, по крайней мере, что-то подозревает. Может быть, Сэфл и я больше не сможем быть друзьями, но в нем я не сомневаюсь и никогда не стану сомневаться. Он предан тому, что делает, и он хороший человек... иртва, Арден. Нам надо найти способ с ним поговорить, и, кажется, у меня есть идея.

Арден резко поднялся, нахмурился.

– Я рассказал это тебе не для того, чтобы ты в это лезла, Лаура. Исключительно чтобы ты была осторожна, не больше и не меньше.

– Ну а я не привыкла сидеть на месте, когда меня или моих друзей пытаются убить, подставить и все такое, – смело встретила его взгляд. – Так что ты либо можешь помогать мне, либо будешь узнавать новости, когда они у меня будут.

Арден долго смотрел на меня. Очень долго.

Поскольку я пока никуда не торопилась, я тоже продолжала смотреть на него. Пока он наконец не произнес:

– Отговорить тебя не получится, я полагаю?

Я покачала головой.

– Нет. И вот еще что. Ты уверен, что на Торна не могут воздействовать так же?

– У меня чувство, что та Лаура, с которой я говорил в Ферверне, и ты настоящая – два разных человека.

– Не совсем человека, – поправила я. – А бегство по странам и попытки спастись от наемных убийц здорово меняют сознание. Не скажу, что рекомендую это в качестве инструмента для саморазвития.

– Торна проще убить, чем попытаться взломать его сознание, – произнес Арден.

Я успела только облегченно вздохнуть, когда он протянул мне руку:

– Договорились. Работаем вместе.

– Работаем вместе, – подтвердила я.

Вслух говорить не стала, но мысленно пообещала себе (и ему), что, если Эллегрин действительно невиновна, я сделаю все от меня

зависящее, чтобы она оказалась на свободе. И чтобы тот, кто все это устроил, занял ее место в тюремной камере. Надолго. Если не сказать — на всю жизнь.

Глава 8

Торнгер Ландерстерг

Раньше я даже представить не мог, что буду бегать между Хайрмаргом и резиденцией по десять раз на дню. С другой стороны, раньше в моей жизни не было Лауры Хэдфенгер.

Утром я едва успел провести встречи по финансам и экономике, переговорить с Кадгаром о предстоящей пресс-конференции по поводу оборота, получить от Роудхорна информацию о том, что по Кроунгарду Эстфардхару нет никаких сведений, хотя задействованы все спутники и все силы мирового сообщества, включая усилия Мирденхарда, а в довершение – от Крейда, что Стенгерберг тоже исчез, когда узнал, что у Лауры случился всплеск пламени.

Его более или менее удалось стабилизировать, но более или менее – это не то, что я хотел знать и слышать в отношении матери своего первенца. Поэтому и только поэтому Арден сейчас оставался в резиденции с ней, а я снова шел по коридорам Айрлэнгер Харддарк, совершенно не представляя, что мне со всем этим делать.

По-хорошему, ничего.

Охрана у нее лучшая из лучших, все, кто защищает резиденцию, отобраны Роудхорном. Арден из тех, рядом с кем Лауре действительно ничто не угрожает, он знает о ледяном пламени все, он лучший врач Ферверна, если не сказать всего мира. Вот только почему-то при мысли о том, что он останется на ночь в ее спальне, дракон внутри обрастал ледяными шипами.

И, наверное, надо уже себе в этом признаться, не только дракон.

Я тоже.

С учетом того, что я еще не переговорил с Солливер о случившемся утром, это напоминало не просто дурной тон, а какой-то дешевый фарс. Утром мы с ней вместе прошли через телепорт, не сказав друг другу ни слова. Разошлись каждый со своим сопровождением, я – в сторону Айрлэнгер Харддарк, она в свою квартиру. Разумеется, я знал о ее местонахождении, и, судя по донесениям службы безопасности, квартиру она не покидала.

Что было на нее непохоже: раз в день Солливер посещала салон, в обязательном порядке делала уход за лицом, волосами и массаж. Бегать в парке после случившегося она не могла по понятной причине, но у нее был абонемент в закрытый элитный фитнес-центр – и спорт, которому она уделяла два-три часа в день, сегодня тоже остался в стороне.

Я не мог об этом не думать.

Равно как не мог не думать о том, что мне нужно с ней переговорить, но до пресс-конференции это представлялось возможным только по видеосвязи, а такие вопросы не решаются по видеосвязи.

Стоило мне войти в приемную, как Одер вскинула голову:

– Ферн Ландерстерг, вас искал Кадгар. Сказал, это очень срочно.

– Пригласи его ко мне.

Она кивнула, а я едва успел войти и опуститься в кресло, как пресс-секретарь влетел ко мне в кабинет так, словно за ним гнались глубоководные фервернские. Правда, тут же опомнился и приблизился к столу уже совершенно спокойно, чего нельзя было сказать об окружающем его эмоциональном фоне и лихорадочно блестящих глазах.

– Что-то случилось? – поинтересовался я.

– Да, ваша вторая... то есть ваша будущая первая ферна, ферна Ригхарн, выложила у себя в живой ленте сообщение, что приходит в себя после ранения и благодарит всех за участие.

– И?

– Это всколыхнуло самую настоящую волну в сети. Все интересуются, как она себя чувствует – не столько после ранения, сколько после того, что вы привезли с собой ферну Хэдфенгер, которая к тому же беременна вашим первенцем. Разумеется, от ферны Ригхарн никаких комментариев не последовало, и я думал, что мы обойдемся без этого... Изначально предполагал, что зацепим тему видеообращения ферны Хэдфенгер, но сейчас понимаю, что этого будет мало. Нам нужна ферна Ригхарн. Нужны ее официальные комментарии, если мы не хотим скандала и лишних домыслов.

– Лишние домыслы будут всегда, Кадгар.

– Но не в таком ключе. Нам нужно, чтобы она сказала о своих чувствах по этому поводу. Два-три вопроса, не больше.

Я даже представлять не хочу, что Солливер может сказать о своих чувствах по этому поводу.

– То, что она сейчас приходит в себя после ранения, никого не смущает?

– Боюсь, что нет. Ее фото уже есть в сети – в смысле, что она уже выходила из квартиры, поэтому ферну Ригхарн обязательно нужно представить журналистам и людям. Нужно озвучить ее реакцию, ферн Ландерстерг.

– Хорошо. Я тебя понял.

– Я подготовлю список допустимых вопросов и свяжусь с ферной Ригхарн...

– Подготовь список допустимых вопросов, с ферной Ригхарн я поговорю сам.

– Хорошо.

Пресс-секретарь поднялся и вышел, а я заблокировал дверь и коммуникатор и набрал номер Солливер. Она ответила не сразу, но, когда ответила, ее голос звучал глухо. Так, будто она только что плакала.

– Я тебя слушаю, Торн.

Нужно быть последним наблом, чтобы после такого сказать: «Я хочу, чтобы ты участвовала в пресс-конференции». Поэтому я сказал совершенно другое:

– Нам нужно встретиться в самое ближайшее время.

– Зачем?

Когда женщина, а особенно – обиженная женщина, начинает делать вид, что ничего не понимает, это нормальная ситуация. Я считал, что Солливер выше этого, а может быть, по-другому видел наши отношения. Кажется, это не первый раз, когда я ошибался за последнее время.

– Ты считаешь, что нам не о чем говорить?

– Я считаю, что не хочу делать это сейчас.

– А я не хочу говорить то, что собираюсь сказать на пресс-конференции, не переговорив об этом с тобой. Впрочем, решать тебе, Солливер. Мы можем встретиться в Айрлэнгер Харддарк, или ты все узнаешь из СМИ.

– Ты мне угрожаешь, Торн? – Кажется, слезы у нее кончились, потому что в голосе звенел металл.

– Я начал разговор с того, что хочу тебя видеть. Надеюсь, не мне одному кажется, что сейчас не время для взаимных обид. Водитель и сопровождение у тебя, через два часа будет отлично.

Прощаться я не стал, поскольку был уверен, что она приедет. В чем в чем, а в недалёковидности Солливер Ригхарн было сложно обвинить. Кадгар прислал вопросы минут через пятнадцать, но я лишь мельком на них взглянул. Погрузившись в работу, почти не заметил, как пролетело время, и, когда Солливер вошла ко мне в кабинет – стильная и безупречная, как всегда, на миг вспомнил нашу первую встречу.

Тогда мне казалось, что это будет идеально: союз, построенный на договорных отношениях. В мире правящих так бывало часто, особенно частыми были браки иртханов, заключаемые по силе. Иногда жениху и невесте было лет по пять, когда их родители проверяли пламя детей и договаривались о том, что они станут супругами. В современном мире, казалось бы, такого не должно было быть, но, когда речь заходила о пламени, а именно о сильном пламени, которое позволяло семьям надолго задержаться у власти, все решалось именно в пользу последней.

– Продолжим с того, на чем остановились. – Солливер прошла в мой кабинет и опустилась в кресло. – Я тебя внимательно слушаю, Торн.

Я коснулся панели блокировки двери и внимательно посмотрел на Солливер. Если присмотреться, можно было действительно обнаружить, что она плакала – припухлости почти не осталось, благодаря современной косметике и не такое возможно, но вот глаза по-прежнему были чуть красные.

– Начнем с того, что произошло утром, – произнес я. – Считаю, что это совершенно недопустимо.

– Да ты что?! – В ее голосе звучал сарказм. – Недопустимо – что именно? Обжиматься со своей беременной бывшей или не закрывать при этом дверь?

– Солливер, – холодно произнес я.

– У меня слов не хватает, чтобы выразить свои чувства, поэтому приходится импровизировать. Да, мы договаривались о том, что у нас с тобой исключительно партнерские отношения, но партнерские отношения – помимо деловой стороны – подразумевают еще взаимное

уважение. Тебе очень повезло, что зашла я, а не кто-нибудь из мергхандаров, потому что изначально я хотела попросить передать тебе твою гарнитуру. Представляешь, как это могло повернуться тогда? Если бы я действительно это сделала?

– Представляю. Я согласен с тобой во всем – начиная от партнерских отношений, которые требуют уважения, и заканчивая тем, что ты не обязана меня прикрывать. Эта ситуация несколько вышла из-под контроля, потому что мой дракон видит в Лауре Хэдфенгер пару. Из-за ее силы или потому, что он ее выбрал, – не представляю.

Солливер глубоко вздохнула. Эмоции, отголосками которых меня полоснуло, – неверие, обида, ярость – тут же отступили, словно скрытые за не пропускающей никаких сигналов стеной. Если бы я не знал, что в ее жизни не было иртханов, решил бы, что ее учили управлять фоном чувств в присутствии дракона.

– Потрясающе, – произнесла она наконец. – Просто потрясающе, Торн. И ты мне предлагаешь скушать это и не подавиться? Зная, что твой дракон нацелен на твою бывшую, как на перспективную самку, с которой он хочет спариться? И... прости, ты сейчас сказал, что не можешь это контролировать?

– Я такого не говорил, Солливер. Я всего лишь сказал, что тяга к Лауре Хэдфенгер очень сильна и что это связано не только и не столько с драконом, сколько со мной.

Глаза Солливер сверкнули.

– То есть ты сейчас мне сообщаем, что она записала душещипательное видео и все – заметь, все, – что было до этого, автоматически аннулируется? Эта женщина сбежала, выставив тебя идиотом перед всем Ферверном, потом бегала от тебя по странам, насколько я поняла из ее откровений, а сейчас ты мне говоришь, что у тебя к ней тяга, я правильно понимаю, Торн? Я не имею ничего – заметь, ничего против Лауры Хэдфенгер, а если быть точной, не имела до этого утра. Но женщина, которая так легко меняет решения и облизывает чужого жениха – не совсем та, к кому я могу сохранять расположение. Мне совершенно без разницы, что было между вами в прошлом, но в настоящем – это уже перебор. Мы выбрали друг друга потому, что могли друг на друга положиться. Я доверяла тебе, Торн, и, надеюсь, сегодняшнее недоразумение останется всего лишь

недоразумением. Скажи мне, я смогу доверять тебе в будущем, потому что если нет...

– Я собираюсь расторгнуть нашу помолвку.

Солливер осеклась. Точнее, это я ее перебил, и сейчас она молчала.

– Ты – что? – спросила все-таки после затянувшейся напряженной паузы.

– Я расторгаю нашу помолвку, Солливер, – повторил я. – Сегодня на пресс-конференции я об этом скажу. Как я уже говорил, партнерские отношения между нами не предполагают моего повышенного внимания к Лауре Хэдфенгер, а у меня к ней неизменно будет повышенное внимание. Потому что эта женщина носит моего первенца.

– И потому что твой дракон почувствовал в ней пару, – выплюнула Солливер.

– Поэтому тоже, но это – не главное. Для меня главное, чтобы с ребенком все было в порядке, по этой причине я буду постоянно присутствовать в резиденции. Поскольку вопросов по этому поводу будет бесчисленное множество, проще закончить все прямо сейчас.

– Ты сказал, что хочешь со мной переговорить, – она поднялась, – но с тем же успехом мог выдать это на пресс-конференции. То, что я узнаю об этом от тебя в приказном порядке, дела не меняет.

– Мне жаль, Солливер, – произнес я и тоже поднялся. – Сейчас мне просто нужно снять харргалахт.

– Просто снять харргалахт, Торн? Просто? – Она усмехнулась. – Хорошо, снимай. Но если это – пусть даже случайно – навредит твоему непервенцу, ты очень сильно об этом пожалеешь.

– Непервенцу? – Мой голос прозвучал холодно. Слишком холодно для такой новости. – Каким образом?

– Каким образом? – Солливер обхватила себя руками. – Это все, что ты можешь сказать, Торн?! Или мне объяснить тебе, откуда берутся дети?

– Откуда берутся дети, я знаю. – Я обуздал холодную ярость, звенящую в моих интонациях. – Мне непонятно, откуда берутся дети в нашем случае. Когда я предохраняюсь.

– Тебе разве не говорили, что это – не стопроцентная гарантия? – Солливер шагнула ко мне. – Да что с тобой не так, Торн?! Я говорю

тебе о том, что я беременна! Бе-ре-мен-на! А ты на меня рычишь! Да, я не твоя любимая женщина, но, если честно, сомневаюсь, что ты вообще на это способен. Тем не менее я заслужила хотя бы капельку уважения и внимания с твоей стороны. На ее новости ты реагировал так же?

Я попытался вспомнить о своей реакции на беременность Лауры и наткнулся на холодную стену отчуждения. На ярость – от сознания того, что она мне лжет, на одно-единственное желание: найти ее и привезти в Ферверн. Не узнать, как она себя чувствует. Не спросить, что она испытала, когда узнала об этом, не разделить с ней эти эмоции, а просто найти и доставить в Хайрмарг.

Это отрезвило. Немного.

Я уже совершенно иначе взглянул на стоящую рядом женщину, а Солливер неожиданно покачала головой.

– Этот ребенок не входил в мои планы, Торн. Точно так же, как и в твои, но в отличие от тебя я от него отказываться не намерена. Поэтому все, что я могу предложить, – это провести полноценное обследование сразу после пресс-конференции. Выяснить, что снятие харргалахт ему не навредит, выяснить, когда произошло зачатие – чтобы ты наверняка был уверен, что он твой. Если врачи скажут, что ему не повредит манипуляция с пламенем, сделаешь то, что собирался. Потом соберешь вторую пресс-конференцию, на которой скажешь, что у тебя такое хобби – делать потенциальным первым фермам детей и выбрасывать их за ненадобностью!

Последнее она почти выкрикнула мне в лицо, после чего бросилась к двери. Рванула ее на себя:

– Открой!

– Тебе надо успокоиться, Солливер.

– Успокоиться? Я связалась с монстром. Никогда не думала, что такое скажу, Торн, но все, чего я хочу – это чтобы врачи подтвердили возможность снятия харргалахт. Потому что я не представляю, какое будущее меня ждет, если это окажется невозможным!

Я шагнул к ней, но Солливер вскинула руки.

– Не приближайся. Просто не приближайся, Торн. Оставь меня в покое хотя бы до вечера, когда придется опять лицезреть твое непробиваемое лицо! И открой дверь – мне нужно в туалет, потому что меня сейчас стошнит. Или тошнить может только твою Лауру?!

Я даже представить себе не мог, что эта женщина может быть такой. Что вся ее невозмутимость слетит, как ледяная корка. Те слезы, которые я видел после совершенного на Солливер покушения, не шли ни в какое сравнение с силой чувств, которой было по мне сейчас. Как ни странно, сейчас она была гораздо более уязвимой, чем тогда – когда я увидел ее в больничной палате в бинтах.

А ведь это случилось несколько дней назад.

Это мне казалось, что прошла вечность, на самом же деле – несколько дней. Столько всего. Солливер Ригхарн может хотеть казаться сколь угодно сильной, но все же она – женщина. Женщина, которая пережила то же самое, что и Лаура. Покушение. Новость о беременности. Новость о беременности, которая, возможно, свалилась на нее после взорвавшей мир видеозаписи.

– Когда ты узнала? – спросил я.

– Теперь ты хочешь знать, когда я узнала, – пробормотала она. – Ты меня совсем не слышишь, Торн? Совсем не слышишь, что я тебе говорю?

Солливер поднесла руку ко рту.

– Или мне можно сделать это прямо здесь?

Она и впрямь побледнела и судорожно вздохнула. Я коснулся панели управления, разблокировал дверь.

– Попроси Одер, чтобы сопровождала тебя...

– Сама справлюсь.

Она рванула дверь на себя, но в приемную вышла, расправив плечи и гордо вскинув голову. Я проводил ее взглядом и опустил в кресло, после чего набрал Крейда:

– Проследите за тем, чтобы с ферной Ригхарн все было хорошо и чтобы она не покидала Айрлэнгер Харддарк, пока не переговорит со мной.

– Хорошо, ферн Ландерстерг.

– В ближайший час у меня беседа с Мирденхардом, поэтому разместите ее максимально комфортно в гостевой комнате отдыха. Убедитесь, что у нее есть все, что необходимо, и не оставляйте одну ни на минуту.

– Понял. Мое присутствие на встрече с Мирденхардом не требуется?

– Нет.

Я нажал отбой и снова взглянул на приоткрытую дверь. Встреча с Мирденхардом предполагала обсуждение стратегии поиска Кроунгарда Эстфардхара и взаимодействие со спецслужбами других стран. Правда, я до сих пор не был уверен, что это взаимодействие способно дать какие-то плоды. Для того, кому известны все ходы отступления, кто жил этой жизнью не одно десятилетие и знает, как спецслужбы и разведка работают, – изнутри, – практически не существует границ. Буквально.

Нам всем здорово повезет, если мы хоть что-то узнаем о Кроунгарде Эстфардхаре в ближайшие пять – десять лет. Тем не менее я снова коснулся коммуникатора:

– Одер, я освободился и жду ферна Мирденхарда у себя.

– Хорошо, ферн Ландерстерг. Ферн Кадгар просил передать, что вопросы уже у вас на почте.

Вопросы, которые мне не потребуются.

Я не стал это озвучивать, поблагодарил секретаря и отключился.

Мельком взглянул на письмо Кадгара.

Вопросы.

В последнее время их становится слишком много.

Солливер Ригхарн

Когда все разваливается, лучшее, что можно сделать – это взять паузу. Взять паузу и напомнить себе, что ни один (пусть даже настолько высокопоставленный!) мужчина не достоин того, чтобы тратить на него свои нервы, и что она всегда – всегда! – выигрывает, заставляя их впоследствии очень горько сожалеть о том, что они с ней сделали. Как же ей нравилось смотреть им в глаза, когда она их бросала – всех этих считающих себя хозяевами жизни и думающих, что за деньги можно купить все.

Твари.

И Торн – та же самая тварь. Только гораздо более масштабная.

Как же она его ненавидит!

От того, чтобы расколотить зеркало, Солливер спасло только чувство собственного достоинства и осознание, что в любой момент сюда может кто-нибудь войти. Да, может быть, получилось бы очень в тему, но, по ее мнению, это был слегка перебор. Слегка чуть более

истерично, чем может позволить себе только что узнавшая о беременности и о том, что с ней хотят расторгнуть помолвку, женщина.

– Ненавижу! – прошипела она еле слышно, сжимая в руках смартфон.

Потом вернулась в кабинку, из которой только что вышла, закрыла дверь и набрала сообщение: «Нужно поговорить».

Ответ пришел сразу же: «Что, уже не боишься, что Роудхорн нас раскусит?»

Ехидного смайлика не было, но ехидные интонации сочлились сквозь каждое слово, если не сказать в каждой букве.

«Ты знал, что Хэдфенгер – его пара?»

«Да».

«Откуда?»

«Это не важно».

Не важно? Не важно?!

И когда, интересно, он собирался ей об этом сказать?!

«Это важно, наблы тебя дери! Ты должен был сказать об этом сразу, а не отделяться словами: «Не подпускай его к ней»!»

«Я ничего тебе не должен, дорогая. Достаточно уже того, что я для тебя делал. Это ты прокололась. И прокололась знатно. Должна радоваться, что я вообще с тобой разговариваю».

Впервые за долгое время Солливер захотелось убивать.

Это желание было спонтанным, хотя когда-то, перед тем как впервые решиться на такой шаг, она долго думала, колебалась и тряслась, как ветка под ударами ледяного ветра. Стоило ли? Тем более что сама она никогда не марала рук. Все ее недруги сталкивались с обстоятельствами непреодолимой силы... или с теми, кто их провоцировал.

Стоило немалых усилий не послать Крейда.

Прямо сейчас.

«И все-таки ты со мной разговариваешь. Значит, я зачем-то тебе нужна».

Смотреть на тающие сразу после отправки сообщения в мессенджере было странно и непривычно: они впервые общались таким образом.

«Мне очень интересно, что же ты учудила, что великий Торнгер Ландерстерг велел не выпускать тебя из Айрлэнгер Харддарк, при этом

обеспечить всем необходимым и сдуть с тебя пылинки».

Не выпускать из Айрлэнгер Харддарк? Сдуть пылинки?

Хм...

«Я сказала ему, что беременна. Потому что он собирался расторгнуть помолвку».

Сообщение исчезло, и какое-то время она смотрела в пустое поле, ожидая следующего и мысленно представляя, что сделает с Крейдом, когда тот станет ей не нужен. А ведь уже очень скоро он станет ей не нужен, особенно после того, что она сделает сегодня.

Возможно, Хэдфенгер – потенциальная пара Торна, но это вовсе не значит, что она станет ею на самом деле. Или уже стала? От этого будет зависеть то, что произойдет дальше, но это пока – второстепенная задача. Сейчас нужно решить вопрос с несуществующей беременностью, и сделать это нужно как можно скорее.

«Ты с ума сошла. Наше сотрудничество завершено».

«Прежде чем ты заблокируешь наш канал общения, хочу тебе напомнить, что я знаю о тебе слишком многое, Крейд. В Айрлэнгер Харддарк ты вряд ли от меня избавишься, и, если я правильно понимаю, мне в самое ближайшее время предстоит разговор с Торном?»

«Сделаешь это – и подставишь саму себя».

«Мне терять уже нечего. И да, на случай если тебе в голову пришла мысль, что ты сможешь от меня избавиться потом, в одном надежном месте хранится информация обо всем, что ты обо мне скрыл, и мое чистосердечное признание в нашем тесном сотрудничестве. В случае моей внезапной смерти кое-кто позаботится, чтобы оно стало достоянием общественности».

«Ты блефуешь».

«Хочешь проверить? Просто откажись мне помогать».

Солливер отправила последнее сообщение, после чего закрыла мессенджер. Нет, она не блефовала, потому что привыкла всегда прикрывать себя самостоятельно и предпочитала лишний раз перестраховаться – что, к слову, уже спасало ее, и не раз. Усмехнувшись, она положила смартфон в сумочку и вышла из туалетной кабинки. Сотрудница Торна, стоявшая у раковины и мельком взглянувшая на нее, изменилась в лице, пришлось изображать

попытку улыбнуться. В данном случае даже играть не приходилось. Почти.

Точно так же, как в минуту, когда Торн сказал о расторжении помолвки. Тогда эмоции обрушились на нее ураганом – отчаяние, боль, неверие, ярость, и она позволяла ему их считывать. Ровным счетом до того, как они не перешли в нечто иное. Ненависть. Ненависть, заставляющая дрожать даже кончики пальцев. Именно с нее она переключилась, отгораживаясь от эмоции стеной пустоты, ровного фона. Она училась этому два года: не позволять себя «прочитать» даже сильным мира сего. По аналогии с тем, как они учатся контролировать пламя перед ментальным приказом, она училась управлять своими чувствами и мыслями.

Чтобы ни один из них не сумел залезть ей в душу.

Сполоснув руки, она приложила к губам салфетку и вышла в коридор. Предсказуемо – там ее уже дожидались мергхандары. Сопровождение от Торна и Крейда, сотрудники службы безопасности проводили ее в роскошную комнату отдыха. Помимо дивана, кресел и туалетного столика там еще были панорамные окна, которые сейчас были прикрыты жалюзи, аквариум во всю стену, где плескались мелкие морские обитатели, и огромный плазменный экран.

Солливер едва взглянула на кулер, и один из мергхандаров тут же принес ей воды.

– Благодарю, – слабым голосом произнесла она и, опускаясь в кресло, ойкнула и положила руку на живот.

– Все хорошо, ферна Ригхарн?

– Да. Все в порядке. Мне просто нужно посидеть.

Мергхандары отошли к дверям, а она снова достала смартфон и развернулась вполоборота, чтобы видеть, если кто-то захочет к ней приблизиться.

«Так и будешь молчать?»

Судя по всему, это было десятое сообщение от Крейда, если не сказать сотое. Просто остальные исчезли быстрее, чем она их увидела.

«Прости, была занята. Я что-то пропустила?»

Судя по паузе, Крейд тоже думал о том, как ее убить. Но ничего не придумал, поэтому прислал следующее сообщение:

«Какой смысл говорить о сотрудничестве, если Ландерстерг все равно готов разорвать помолвку? Он не меняет своих решений».

«Не истери. В отношении Хэдфенгер поменял, к тому же у меня есть план, как все исправить».

«Какой?»

«Не все сразу. Впрочем, главным остается одно – мне нужно попасть в резиденцию. А для этого нужно, чтобы у меня случился выкидыш».

Глава 9

День прошел хорошо. Никто не пытался убить меня, я никого не убила и даже не подморозила. После того как пообщалась с отцом и Даргелом снова и заверила, что у меня все в порядке, их отправили в Хайрмарг, а я засела со смартфоном в поисках нужной информации по курсам и даже нашла те, которые мне понравились. Кто бы сомневался, что понравившаяся мне Школа сценарного мастерства располагалась в Аронгаре, но, к счастью, у них была возможность прохождения онлайн. Сейчас я читала договор и одновременно думала, с чего мне начать.

Учитывая, что я никогда не читала (и не писала) сценариев, познания мои в этой сфере были весьма скромными. А начать хотелось уже сейчас, как можно скорее! Прямо руки чесались. Тем более учитывая тот факт, что большую часть времени мне предстоит провести в резиденции... хотя о чем это я. До родов я тут живу, буду смотреть на окружающий мир по визору и в сети.

Честно говоря, здесь окружающий мир тоже был хорош. Заснеженный парк, скрипящий под ногами снег и резвящиеся вокруг нас с Арденом Гринни и Верраж. Мергхандары смотрели на эту идиллию исподлобья, но, видимо, нам не воспрещалось гулять вчетвером.

Пройтись вместе вообще была идея Ардена, он сказал, что чем больше я буду сейчас гулять, особенно на морозе и в пустоши, тем лучше. Это, видите ли, благоприятно влияет на ледяное пламя, которое чувствует близость стихии. Лично я (помимо икоты, которая на меня напала внезапно) чувствовала только, как мерзнет кончик моего носа. Что странно – разве не должно было ледяное пламя меня защищать? В общем, оно почему-то не защищало, равно как и утепленный лыжный костюм, который доставили вместе с остальной одеждой.

Я ничуть не удивилась тому, что моих личных вещей там не было, а были исключительно новые брендовые вещи с ценниками. Большая часть пакетов так и осталась стоять нераспакованными, а вот костюму, зимним ботинкам, варежкам и шапочке я искренне обрадовалась.

Потому как гулять в том, в чем я приехала, не представлялось возможным.

Вынырнув из воспоминаний, я дочитала договор, в котором меня все устроило, и отложила смартфон.

– После ужина опять пойдем? – поинтересовалась у Ардена, который тоже сидел уставившись в планшет. Правда, судя по его отсутствующему взгляду, вряд ли он вообще что-то там видел. А судя по тому, что мне ничего не ответили, я была права. – Кхм! Арден!

Он словно очнулся и поднял голову.

– Что?

– У нас скоро ужин. Гулять пойдем после? По-моему, наши друзья были в восторге.

– Это твои друзья.

– Мои друзья и твои друзья тоже.

Арден улыбнулся:

– Я о том, что они от тебя не отходят. На меня им плевать.

– Ничего не плевать, – возразила я. – Им очень понравилось летать за палками, которые ты им кидал.

– Им понравились палки, а не я.

Я фыркнула.

– Откуда такая самокритичность?

– Я реалист, Лаура.

Ох уж эти мне реалисты!

Продолжить разговор мы не успели, потому что прибыла еда на аэротележках.

– Как ты смотришь на то, чтобы пригласить Доража к нам присоединиться?

– Доража?

– Это тот, кто нас так вкусно кормит.

Арден пожал плечами:

– Я не против компании.

– Супер!

Я спрыгнула с кровати и направилась к двери. Уютный домашний костюм, теплый, с дракончиком на груди, тоже пришелся очень в тему, в нем я сейчас и расхаживала. В нем, а еще в мягких пушистых тапочках. Никогда раньше так не ходила. И никогда раньше не чувствовала себя настолько классно!

– Пригласите, пожалуйста, Доража Эмери, – сказала я мергхандару, высунувшись за дверь.

– Что-то не так, ферна Хэдфенгер?!

Да что же они за лю... иртханы такие-то?! Почему сразу не так?!

– Да, еда отравлена, – буркнула я и тут же об этом пожалела: мергхандар явно не понял шутки, изменившись в лице. – Чувство юмора! – Это я почти рявкнула. – Чувство юмора вам знакомо? Мне просто нужен Дораж Эмери, хочу пригласить его поужинать с нами.

– К вам запрещено подпускать кого бы то ни было, кроме Ардена Ристграффа.

– Людей, вы имеете в виду?!

Мергхандар замялся, а я нырнула обратно в комнату и вернулась на кровать.

– Как прошло? – поинтересовался Арден, который уже вплотную занялся ужином.

– Ты в курсе, да? В курсе, что ко мне запрещают подпускать людей?

– Это меры предосторожности, Лаура.

– Меры предосторожности, заставляющие чувствовать себя чудовищем.

– Это не так. Просто какое-то время... пока мы с тобой не найдем способ заставить твое пламя слушаться, лучше перестраховаться.

– Это не загородная резиденция, а тюрьма!

Арден изменился в лице.

– Поверь мне, Лаура. Тюрьма гораздо хуже.

Я хотела ответить, что сомневаюсь, но прикусила язык. Не стоит о ней вообще вспоминать, для Ардена это все слишком... живо.

– Теперь я не представляю, как мне связаться с Сэфлом. Точнее, как мне придумать причину, по которой я свяжусь с Сэфлом.

Мы не возвращались к этому разговору с той самой минуты, как договорились работать вместе, и, честно говоря, я уже начинала думать, что Арден меня всерьез не воспринимает. Как раз тогда, когда он все же ответил:

– А какая была изначально?

Я заглянула под крышку с жарким, подвинула блюдо к себе.

– Я хотела поговорить с ним якобы под предлогом встречи с Рин. То есть... у меня с ней сейчас натянутые отношения, – если не сказать,

никаких отношений вообще, – но мне хотелось бы это исправить.

– Так тебе действительно хочется это исправить? Или это лишь предлог?

– Не знаю. – Я ткнула вилкой в еду. – Последний раз, когда мы общались, она меня здорово обидела.

– Это точно никак не связано с моим вопросом. Хочешь ты с ней помириться или нет?

– Хочу, – честно призналась я. – Потому что она моя подруга. Потому что я ее люблю.

Арден не ответил: отвлекся на засветившийся экран смартфона, а я решила, что лучше буду жевать. Это лучше, чем думать про Рин и почему она так поступила, а главное – почему несмотря ни на что я действительно хочу с ней увидеться и откровенно поговорить. Это ведь моя Рин! Моя Рин, с которой мы друг за друга всегда были горой! Как так получилось, что сейчас между нами... вот это вот все?!

Спустя какое-то время я поймала себя на том, что все-таки провалилась в собственные мысли, а еще – на том, что в комнате уже довольно давно очень тихо. Оторвалась от еды и увидела Ардена, который пристально смотрел на меня. Так пристально, что впору волноваться – может, я уже кристаллизуюсь льдом, просто не заметила?

– Что-то не так? – уточнила я.

С мергхандарами Торна поведешься, еще и не того наберешься.

Он покачал головой, по-прежнему сжимая в руках смартфон.

– Арден, у меня тоже такое есть, – сказала я, кивнув на лежащий за спиной девайс. – Если что, я сама умею пользоваться сетью. Так что...

– Дело в Солливер Ригхарн. – Он не дал мне договорить. – С ней кое-что случилось.

– Кое-что – это что? – уточнила я.

– Пока что журналистам конкретики не сообщали. Известно только, что ей стало плохо в Айрлэнгер Харддарк и что из-за этого отменили сегодняшнюю пресс-конференцию.

В памяти всплывает информация о том, что мне рассказывал Халлоран: покушение на Солливер, примерно в то же время, когда было покушение на меня. Ну или не в то же, если честно, я запуталась во всех этих информационных поводах и кошмарах, которые

происходили в последнее время, но в эту минуту у меня в голове что-то щелкает, как будто начинает складываться кусочек пазла, который раньше не складывался никак.

– Помнишь ту историю с нападением на Солливер Ригхарн? – спрашиваю я у Ардена. – Можешь о ней рассказать подробнее?

– Если честно, Лаура, я мало что об этом знаю. Я был в тюрьме.

– Но хотя бы что-то тебе известно? Какие-то подробности?

– При чем тут это?

– При том, что, когда меня пытались убить агенты рагранских спецслужб, чуть раньше или примерно в то же время – я не знаю подробностей... хотя...

Я хватаю смартфон, набираю в поисковике: «Покушение на Солливер Ригхарн» – и вижу, что это случилось примерно за сутки до того, как меня чуть не исполосовали лазерными лучами.

– В общем, я думаю, что это был отвлекающий маневр.

– Отвлекающий маневр? – Брови Ардена приподнимаются. – Для кого?

– Для Торна.

Я быстро просматриваю статьи, посвященные теме, выхватываю строчки «Телохранители ферны Ригхарн мертвы...», «отделалась легким ожогом», «опасная пробежка» и все в том же ключе. Мне полагается чувствовать себя последней ларркой, потому что я не испытываю сострадания, но я почему-то себя ею не чувствую. Возможно, из-за того, что мне рассказал Бен. А может быть, потому что я предвзята к Ригхарн.

Арден смотрит на меня как-то слишком пристально.

– Ты что-то забыла мне рассказать, Лаура?

– Это долгая история. Один мой знакомый рассказал мне про то, что Солливер Ригхарн весьма умело избавляется от соперниц и делает все для достижения своей цели.

– Ты хочешь сказать, что Солливер отправила к тебе рагранские спецслужбы?

– Я не знаю. Я вообще уже ничего не понимаю, просто...

– Просто?..

– Просто нам нужен тот, кто поможет во всем разобраться. Если мы придем к Торну с доказательствами – прямыми доказательствами заговора, кто бы его ни плел, уже ничего не сможет поделаться.

В противном случае мы только дадим им преимущество и намек на то, что знаем, что что-то происходит. Для поиска доказательств нам нужен Сэфл, но, поскольку Рин ко мне не подпустят, я не вижу причины, по которой я захочу с ним поговорить – таких, чтобы не рассказывать обо всем Торну.

– Ты слишком все усложняешь. Попробуй поговорить с ним по телефону.

– Если ты прав – в том, что в ближайшем окружении Торна есть враг, – то этот враг с наибольшей вероятностью отслеживает все телефонные разговоры и все, что вообще можно отследить. А учитывая, что в наше время отследить можно практически все...

– Лаура, тебе не кажется, что это уже паранойя?

– Мне кажется, что я чуть не вышла замуж за агента рагранских спецслужб. Это наложило отпечаток на ход моих мыслей.

Арден покачал головой.

– Эстфардхар.

– Да. Эстфардхар. Ты что-то имеешь против?

– Он очень непростой.

– Никто и не говорит, что он простой, и слепо доверять его словам я тоже не намерена. Именно поэтому нам нужен Сэфл для Рин, в смысле, Рин для Сэфла... ну ты понял.

Арден вздохнул и перевел взгляд за окно.

Я посмотрела на поднос с едой, но аппетит окончательно пропал. Не возбуждали даже рогалики, которые невеста откуда здесь взяли. Напротив, сейчас они напомнили про Бена, и есть расхотелось окончательно. Даже при взгляде на умопомрачительно аппетитный джем и прочие гастрономические изыски.

– Я могу порекомендовать встречу с Рин как положительные эмоции для тебя, – наконец произнес он. – В моем присутствии. Но не могу обещать, что Торн ее утвердит.

Последние его слова совпали с шорохом открывшейся двери и последовавшим за ним вопросом:

– Что именно я должен утвердить?

Торн шагнул в комнату, и Арден незамедлительно поднялся. Я же искренне порадовалась, что уже не жую и что у меня пропал аппетит, потому что с выражением лица Торна сейчас можно было на дракона ходить без всякой ментальной магии и пламени. Будь я драконом,

развернулась бы и линяла в пустоши, потому что да ну его, с таким связываться – себе дороже.

– Мы с Лаурой разговаривали о возможности редких встреч с близкими людьми, – произнес Арден.

– С отцом и братом она виделась сегодня.

– Думаю, об этом вам лучше переговорить наедине.

И это называется «Я могу порекомендовать»?! Я так и сама могу! В смысле, сказать, что мне не помешают свободные встречи с близкими людьми.

– Торн, я бы хотел напомнить, что Лауре сейчас нужно как можно больше положительных эмоций. И что в моем присутствии она не сможет никому навредить.

Ладно, беру свои слова обратно.

Арден не стал дожидаться ответа Дракона номер один и вышел, а я подтянула под себя одну ногу и выразительно посмотрела на папу Льдинки.

– Почему ты ничего не съела?

– Кое-что я все-таки съела. – Я ткнула в развороченное жаркое.

– Тебе нужно нормально питаться.

– Я питаюсь так, как мне нормально. Сейчас не хочу. – Я сложила руки на груди.

Взгляд его драконейшества сверкнул льдом.

– С кем ты хотела увидеться?

– С Рин. Но все сложно. – Актерского мастерства у меня минус ноль целых и пять десятых, поэтому пришлось говорить правду. – Когда мы общались в последний раз, она немного не поняла меня из-за того, что я сбежала из Хайрмарга беременной. Потому что не знала о том, что я не знала о своей беременности. Тем не менее Рин не позволила мне и слова сказать, и мы разругались. Поэтому я очень хочу с ней поговорить, но перед этим я хочу поговорить с Сэфлом, чтобы узнать, стоит ли вообще это делать. Потому что мне нужны положительные эмоции, а не ругань.

– Ты же знаешь, что Сэфл теперь возглавляет службу безопасности Ферверна?

– И что? У него не найдется минутки заглянуть сюда и со мной поговорить? Я не собираюсь задерживать его на целый день.

Торн не успел ответить: в дверь постучали. Он загородил собой весь дверной проем, поблагодарил мергхандара, а когда повернулся, в руках у него была сумка.

– Ноутбук, – прокомментировал он, поставив сумку рядом с кроватью. – Он новый, но уже полностью настроен.

– Напичкан следящими программами, ты хочешь сказать?

Выражение лица у Торна стало еще более говорящим, и я, как тот гипотетический дракон, подумала: «Да ну его в пустошь». Совсем шуток не понимает.

– Я пошутила, – сказала на всякий случай. И добавила: – Спасибо. За это тоже.

Я подергала себя за дракончика на груди, вернее, за кофточку, после чего взгляд Торна слегка к этой самой груди припаялся. В этот момент я точно решила, что да ну его в пустошь, потому что ледяное пламя отозвалось мурашками на мгновенно ставшей чувствительной коже.

– К разговору про Рин мы еще вернемся, – сообщил он и направился к креслу, в котором только что сидел Арден.

Э...

– Ты что, опять будешь ночевать здесь?

– Да. Ардену нужно спать.

– А тебе не нужно?!

Не знаю, зачем я это спросила, само вырвалось. Потому что Торн неожиданно прищурился и поинтересовался:

– Хочешь пригласить меня к себе, Лаура?

Драконогад он, вот он кто. Дракон номер один – это профессия, а призвание – драконогад. Дракон. И гад.

– Что произошло с Солливер Ригхарн? – поинтересовалась я.

Исключительно в отместку.

Не собиралась я о ней говорить, вот правда не собиралась, пусть даже если для дела нужно... точно не хотела заводить этот разговор сейчас.

Выражение его лица стало таким, что я бы на месте драконов ушла под землю, как когда-то люди. Там всяко спокойнее.

Тем не менее Торн все-таки ответил:

– Угроза выкидыша.

Информация о Солливер – всегда лишняя. Когда я уже это пойму и перестану лезть туда, где можно здорово долбануться головой? Хотя сейчас больше было похоже на то, что долбануло меня. Снегом, шмякнувшимся на макушку с силой сошедшей с горы лавины.

– Супер, – сказала я. – Поздравляю, счастливый отец.

Мне, как женщине, а тем более как будущей матери, полагалось хотя бы чуточку посочувствовать, но все, чего мне сейчас хотелось, – это треснуть Торна его же ноутбуком, а сверху еще добавить аэротележкой. В последнее время такие кровожадные мысли меня посещали не раз и не два, в связи с чем у меня вопрос: это на меня беременность так влияет?

Главное – не начать истерить, Лаура. Главное – не начать истерить.

Торн почему-то молчал, поэтому я решила, что мне тоже лучше заткнуться, и полезла за ноутбуком. И даже не для того, чтобы треснуть им Торна, а именно для работы – над сценарием! Пусть сам разбирается со своими заговорщиками, производитель года наблов! Нет, я, разумеется, понимаю, что современные будущие муж и жена не только за ручки держатся на публику, но... но.

К счастью, все то, что я чувствовала и думала, никак не отражалось на моем лице. За последнее время я здорово научилась морозиться (а еще чувствовать приближение ледяного пламени). Поэтому, включая ноутбук, мысленно считала до десяти и обратно. Не хотелось бы второй раз за день фонтанировать инеем и снежинками. Да и с мергхандарами потом объясняйся, что ты не собиралась покушаться на жизнь его наб... леденейшества.

Ноутбук включился, Торн устроился в кресле, а я все не могла успокоиться.

Надо было не слезы по нему лить в Рагране, а переспать с Беном! Может, сейчас не было бы так обидно и больно. Хотя какое больно? С чего мне вообще должно быть больно?! Он мне вообще кто?

Я еще раз досчитала до десяти и обратно, но больно по-прежнему было. Что самое странное, не столько за себя, сколько за Льдинку.

– О чем ты думаешь, Лаура?

Хочешь знать, о чем я думаю?

– О том, зачем моей дочери такой отец.

Получилось холодно, очень холодно, и я мысленно себя поздравила. Молодец, Лаура. Просто супер! Будешь продолжать в том же духе – заработаешь звание «Ледяная мать года».

– Мне казалось, мы это уже обсудили. – В меня вонзился холодный взгляд.

– Это было до того, как вскрылись новые обстоятельства. Я решительно не понимаю, Торн, как буду объяснять своей дочери, почему ее братик или сестренка младше ее на месяц и что такое любовь.

Судя по тому, что Торн снова промолчал, он тоже не знал, что на это ответить. Ну ничего, у него пресс-служба есть, что-нибудь придумает.

– Я не хотел, чтобы так получилось, Лаура, – выдал он.

– Так – это как? – поинтересовалась я. – Чтобы у тебя два первенца подряд родились? Кажется, это несет в себе определенные проблемы твоему морально-этическому облику. Или ты хочешь вернуться к старой доброй традиции гаремов и отборов? Извини, но в таком случае твои рейтинги рухнут прямо на тебя.

– Дело не в политике. – Он посмотрел на меня. – Дело в нас.

– В нас? Ну из-за этого ты можешь не переживать, потому что «нас» нет уже очень давно. Я согласилась поехать с тобой ради дочери, но, если ты не можешь обеспечить ей адекватного отца, я вряд ли задержусь здесь надолго. Потому что Бен будет гораздо лучшим отцом, чем ты.

Я не успела понять, что произошло, потому что пламя прокатилось по комнате с такой силой, что меня только чудом не размазало по кровати. Волоски на коже встали дыбом, пламя внутри сжалось в тугую спиральку. Это было то, что я почувствовала, а следом – звериный взгляд с вертикальными зрачками, который в упор ввинчивался в меня.

– Никогда больше, – процедил Торн, – не смей упоминать его имя в сочетании со словом «отец» моей дочери.

Хуже всего было то, что меня снова трясло от его близости, а еще хуже – то, что внутреннее пламя до безумия стремилось слиться с его. Как же я это ненавижу! В ту минуту, когда я об этом подумала, огонь в его глазах стал еще ярче, а выдох больше напоминал рычание зверя.

Губы обожгло, а следом обожгло руку: пламя прожгло рукав пижамы с дракончиком, и вдоха не получилось.

Он остался во мне, запечатанный его ртом, как и стон дикой, животной страсти, отзывающейся на прикосновение покрытой чешуей ладони. Это пламя больше не жгло, оно обжигало – и моя кожа под этими пальцами искрилась тонкими фиолетовыми чешуйками. Я заметила это, когда уперлась ладонями ему в грудь, пытаюсь отстраниться, но тщетно. Внутри меня что-то рвалось к нему с той же неистовой силой, с которой что-то рвалось ко мне.

В ту минуту, когда они врезались друг в друга – дорвавшись до этих прикосновений и жажды обладания, внутри полыхнуло, и мир осыпался под наше рычание. Я видела, как из-под моих ногтей рождаются полосы на его коже и как чешуя вспарывает костюм, вползая на шею и грудь. В миг, когда это происходит, меня резким рывком переворачивают на живот, сдергивают брюки и так же резко – рывком – делают своей.

Воздух врывается в легкие жидким пламенем, и когда я кричу, это тоже больше похоже на рык. Простыни покрываются плеснувшим с кончиков пальцев льдом, огнем вспыхивает на шее укус – там, где его зубы впиваются в кожу, словно тысячи раскаленных игл удовольствия единственно верной принадлежности посылают сигналы в каждую клеточку тела. Выдох больше похож на урчание, а вдавливающие мои руки в постель ладони крошат коросту льда, ввысь взмывают иссиня-фиолетовые искры.

Он во мне, везде, в каждой точке слияния наших тел, и повсюду: мы – единое целое. Настолько единое, что каждый рывок отзывается в моем теле как собственный, а каждый удар сердца – сдвоенный и звучит в моих ушах ритмом.

До прокушенных губ, которые до сих пор полыхают его клеймом.

До спаянных на покрывале рук.

До сумасшедшей вспышки внутри и до последнего крика, который ломает грани реальности, словно превращает лед в крошево. Я вздрагиваю, содрогаюсь всем телом – уже на его коленях, спиной прижимаясь к сильной груди и чувствуя, как его ладонь скользит по моей, как его хриплый рык проходит сквозь мое тело и обрывается где-то извне.

Я почти падаю, но он подхватывает меня и осторожно пересаживает на постель.

В эту минуту на меня обрушивается действительность и взгляд ярко-синих глаз. Настолько близкий, что внутри снова вспыхивает пульсация, вызывающая желание непроизвольно сжать колени.

Эта реальность – отрезвляющая, сильная, жесткая.

И, несмотря на то что у меня кружится голова, я выворачиваюсь из его рук. Стягиваю верх костюма, который лишился половины рукава, выпутываюсь из брюк и, уже полностью обнаженная, поднимаюсь.

– Прости, – говорю ему. – Это больше не повторится.

После чего откидываю волосы за спину и иду в душ.

Глава 10

В душе меня посетило состояние, близкое к панике. Хотя я в общем-то уже взрослая девочка и понимаю, что после того, как пустила дракона в пещеру, факелом махать бесполезно, меня все равно начало потряхивать. То ли потому, что секс удался: гормоны в крови – это вам не чешуйками покрываться в процессе, то ли потому, что он удался, когда удаваться не должен был. Да его вообще не должно было быть!

Но был, Лаура. Был. Поэтому – смирись и живи дальше.

А если дальше моя драконья натура опять выскочит в самый неподходящий момент? Ладно хоть на Ардена не бросается.

– Лаура.

Голос Торна раздался так неожиданно, что я подпрыгнула. Головой о душевую не долбанулась – и на том спасибо.

– Мне не дозволено в одиночестве принимать душ?

– Когда ты в таком состоянии – нет.

Я тактично промолчала на тему, что «не в таком» состоянии я была, когда занималась с ним сексом, а сейчас все хорошо.

– Все хорошо, – решила оставить последнюю часть фразы.

– Не все. Ты не умеешь управлять драконьей сутью, поэтому вряд ли понимаешь, что произошло.

С губ сорвался смешок.

– Если тебя это порадует, я знаю, что произошло, и не испытываю по этому поводу никаких чувств.

– Тогда почему у тебя душевая покрывается инеем?

Инеем она и правда покрывалась. Я настолько ушла в себя, что приняла это за обычное запотевание, а зря. И что мне делать? Пускать сюда Торна, когда я голая, а он – почти, – не самая лучшая идея.

– Лаура, нам стоит поговорить о нас.

– Мы уже поговорили. Нас не существует.

– Пока мы не наделали очередных глупостей.

– Ты сказал: глупостей? В отношении себя? Прекрасно, спишу это на галлюцинации, как и все случившееся сегодня.

– Я хотел извиниться.

Так и запишем: смерть в душевой от шока, вызванного словами Торнгера Ландерстерга. Поскользнулась на мочалке, когда услышала слово «извиниться», произнесенное его голосом.

– У меня тут вода шумит, ничего не слышно.

– Лаур-р-ра.

– Вообще ничего.

Я демонстративно повернулась к нему спиной и взялась за мочалку.

– Мне стоило обо всем тебе рассказать. Тогда, до праздника.

– Но ты не рассказал, – хмыкнула я. – А теперь уже поздно.

– Никогда не поздно. Пока ты жив.

Вот не стоило ему этого говорить. Честное слово, не стоило.

– Знаешь, сколько раз я оставалась жива каким-то чудом, Торн? – поинтересовалась я, обернувшись. – Не собираюсь обвинять в этом тебя, потому что уехала я сама, но именно в тот момент, когда я узнала о нашем ребенке, – тебя не было рядом. Ты был на том конце связи и ледяным голосом сообщил мне, что мне лучше «во всем признаться», как будто моя беременность – самое страшное преступление против Ферверна. Знаешь, как весело было понимать, что ты отнимешь моего ребенка при первой возможности, а меня посадишь под замок? Когда я лежала на УЗИ и первый раз увидела Лыдинку, я поняла, что никому не позволю причинить ей боль. Тем более – тебе. Никогда не позволю тебе дать ей почувствовать, что она для тебя – просто часть политики, а не малышка из плоти и крови. Никогда не позволю ей услышать: она – мой первенец, а не моя дочь. Что она – продолжение реформы, а не самый любимый ребенок в мире. Поэтому у меня к тебе всего один вопрос: как ты можешь сейчас вот так спокойно приходить ко мне и сообщать: «Никогда не поздно»? То, что у нас был секс, – ничего не меняет. И уже ничего для меня не изменит. Никогда.

Выдохнув все это, я отвернулась снова. Желание кинуть в него мыльной мочалкой поутихло, а с подступающими слезами снова удалось справиться. Еще немного, и их вообще не останется, так же как все случившееся останется в прошлом. В том числе и случившееся сегодня.

– Лаура, мой дракон воспринимает тебя как пару.

– Чудесно.

Желание кинуть в него мочалкой вернулось, поэтому я сильнее сжала руку и принялась ожесточенно тереть тело, пытаюсь смыть горящие на коже воспоминания о его ласках.

– Это непросто.

– А по-моему, все просто. Твой дракон воспринимает меня как пару, и, судя по всему, моя драконья натура, проснувшаяся в результате непонятных экспериментов, ему милее любых других натур. Драконьих и человеческих.

К тому же моя драконья натура, похоже, повелась на это его: «Р-р-р, будь моей, будь, р-р-р!» – и с радостью дала себя покусать и не только.

Проститутка чешуйчатая.

– Не совсем так.

Я промолчала и полоснула мочалкой по коже так, что она вспыхнула огнем.

– Дракон воспринимал тебя как пару еще до того, как в тебе проснулась вторая суть.

Вот теперь я не выдержала, развернулась и запустила мочалкой в стену душевой. Вообще-то, аккуратно в ту точку, где маячило лицо Дракона номер один.

– Я очень рада за чувства твоего дракона! Передавай ему мой пламенный привет и сообщи, что мы разных видов и не сочетаемся генетически!

– Вообще-то, Лаура, очень даже сочетаемся. – Торн неожиданно улыбнулся. Он уже делал это при мне, но всякий раз получалось неожиданно, потому что выражение лица «готовьте подгузники, ничтожные людишки» шло Торнгеру Ландерстергу гораздо больше. – И наша дочь – прямое тому доказательство. Дракон никогда не оставит потомства с той женщиной, которую не воспринимает как мать своего наследника.

– Какое интересное введение в тему «Драконье продолжение рода».

– Но речь сейчас не об этом. – Торн сделал вид, что меня не слышит, а может, и не сделал – он действительно часто меня не слышал. – Не о чувствах дракона к тебе, Лаура. А о моих чувствах.

Я смотрю на стоящего передо мной мужчину. Остатки пиджака и рубашки, то, что не разлезлось клочьями от пламени, он, видимо,

просто снял. Именно поэтому отчетливо видны наливающиеся красным борозды от моих ногтей. Или правильнее будет сказать – от драконьих когтей? Вся его рука покрыта чешуей, и часть ее заползает на грудь и на шею. Взгляд – глаза в глаза – получается слишком сильным.

– Торн, ты совсем очешуел, – говорю я. – Если считаешь, что я сейчас стану говорить с тобой о твоих чувствах. Когда я пыталась поговорить о своих, когда это было мне нужно, ты просто от меня закрывался.

– А что сейчас делаешь ты?

– Это разные вещи.

– Такие уж разные? У меня были обстоятельства, по которым я от тебя закрывался. Да, я молчал о том, о чем должен был рассказать, но сейчас можно сделать все по-другому.

Я качаю головой.

– Нет, Торн. Уже нельзя. Уже нельзя, потому что у твоего любвеобильного дракона скоро появится второй наследник, а это – совершенно точно не моя история.

– Дракон тут ни при чем. Наследник – моих рук дело.

Сказала бы я, что из твоего организма сделало это дело, но мне воспитание не позволяет.

– Замечательно. Но это тоже не моя история.

– Лаура, я был страшно на тебя зол.

– И с радостью сбросил злость с другой женщиной?

Все, надо это прекращать. Надо прекращать этот разговор, пока он не зашел слишком далеко, а я не превратилась в истеричку, плюющуюся ядом в соперницу. Тем более что она мне вообще не соперница, и я ей не соперница. Все, что нас объединяет, если можно так выразиться, – это мужчина, от которого у нас будут дети.

Дети!

Моя Льдинка не виновата в том, что мы наворотили, но и тот малыш – тоже. Какой бы ни была его мать, что бы она собой ни представляла.

– Тебе стоит позаботиться о Солливер Ригхарн, а меня предоставь Ардену, – подвела итог я и снова отвернулась.

– Лаура, мне сложно говорить с твоей спиной.

– Сложно говорить со спиной – поговори с задницей.

Все, моя толерантность и воспитанность кончилась. Ему можно заявляться ко мне, сообщать, что от него беременна другая, а мне – ничего нельзя?

Дракон номер один не поленился, обошел душевую кабину и втиснулся с другой стороны так, что мог видеть мой профиль.

– В иртыханах изначально существует две ипостаси: драконья и человеческая. В идеале они начинают сливаться в подростковом возрасте, примерно тогда, когда впервые проявляется пламя. Точнее, раньше было именно так. Сейчас средний возраст слияния – шесть, семь, иногда даже пять лет. Подозреваю, что Вэйдгрейн Гранхарсен, мальчик, который тебя спас, еще более ранний. Сила пламени по миру возрастает с каждым годом, но я был единым целым со своим драконом еще в утробе матери. До того как все это произошло. Все, что ты испытываешь сейчас, я переживал с первого вздоха. Меня учили контролировать свою силу и своего дракона с первых шагов. Контроль – это единственное, что могло удержать от спонтанного оборота ребенка, которого, по сути, вернуть уже не смог бы никто.

Он замолчал. Молчала и я. Единственной говорящей в этом помещении была вода, потому что она просто лилась и шумела. Подозреваю, что я уже здорово перепринимала душ и выйду отсюда сморщенная, как ягодка кизи, но лучше так, чем сейчас, прямо в его руки, и особенно когда он поднял эту тему.

– Со временем я научился. Контролировать пламя, силу, контролировать его. По сути, как только я совладал с пламенем, угроза оборота отступила и не возвращалась до того самого дня, как я встретил тебя. На тебя он изначально реагировал странно. Обычно человеческую особь...

Я хмыкнула.

– Простую женщину дракон не замечает, но с тобой все было иначе.

– Потому что я была не самой обычной женщиной. И не самой простой.

– То, что не самой простой, – это точно. – Торн снова улыбнулся.

Мне не полагалось этого видеть, но я все-таки видела. Краешком глаза.

– Но ты и не иртыханесса, Лаура. Арден сегодня занимался анализами – твоими анализами, и он абсолютно уверен в том, что ты

не иртханесса.

Вот и верь после этого всяким Арденам. Как... как вообще можно ходить рядом со мной и заниматься анализами?! И при этом ничего мне не сказать. Ровным счетом ничего!

– Да, мы уже выяснили, что я – неведома зверушка. Вот твоего дракона на экзотику и потянуло.

Он вздохнул.

– Я не это имел в виду. Я говорил о том, что он выбрал тебя изначально, но не только он. Я выбрал тебя изначально, потому что когда увидел тебя впервые...

– Стоп! – Я подняла руку и все-таки выключила воду. – Можешь подать мне полотенце?

Капельки воды чертили полосы на запотевшем стекле, поэтому Торн в тумане ушел и в тумане вернулся. С полотенцем, которое я сдернула в приоткрытую щелочку с его руки и начала вытирать волосы.

– Так и будешь избегать разговора? – спросил он.

– Не буду, ты прав. – Я еще раз отжала волосы. – Но все, что ты хотел и мог мне сказать, сейчас уже попросту неактуально. Я поехала с тобой, а это значит, что я на твоей стороне. Но на твоей стороне – это не значит рядом с тобой. Не значит – твоя. Надеюсь, ты понимаешь, в чем разница?

Я завернулась в полотенце и распахнула двери душевой.

Теперь он как никогда четко стоял прямо напротив, за счет высоты душевой кабины мы оказались на равных.

– Что самое обидное, Торн, все это время – все время, что я была твоей, я ждала от тебя этих слов. Ждала даже после того, как уехала в Рагран. Даже, возможно, когда ты прилетел меня забрать.

Не возможно, а точно.

– Но не сейчас. Сейчас, когда у тебя... я ведь правильно понимаю, это не по желанию дракона, а по желанию иртхана вы с Солливер сделали ребенка? Между нами больше ничего нет и быть не может. Твое раздвоение личности, или твое единение личности, я точно не знаю, как правильно, – это твоя суть. Но моя суть – одна, это я, Лаура, а не Лаура с когтями и дикими необузданными инстинктами. Ты прав, я совершенно не умею этим управлять, но если ты еще раз попытаешься ее спровоцировать, воздействовать на эти инстинкты

через своего дракона, то, чтобы заставить меня остаться, тебе действительно придется запереть меня в исследовательском центре. Между нами слишком многое, чтобы между нами что-то могло быть. Позволь мне пройти, пожалуйста.

Он ожидаемо остался на месте, и мне пришлось выбрать другой маршрут, а точнее – просто его обогнуть. Когда я проходила мимо, он перехватил меня за запястье.

– Ты всегда была моей, Лаура. Была, есть и будешь – как бы ты ни пыталась это отрицать.

От прикосновения на коже вспыхнул ледяной браслет, но Торну об этом знать было необязательно. К счастью, умение сдерживать ледяное пламя мало чем отличается от контроля над чувствами.

– Всегда – слишком громкое слово, Торн. Все меняется. Даже это.

Я мягко разогнула его пальцы и вышла из ванной, оставив и его, и все, что между нами было, за спиной.

Глава 11

Торнгер Ландерстерг

Ночью Лаура писала сценарий. Я наблюдал за ней, сидя в кресле, она в мою сторону не смотрела вообще. Имела полное право, если так подумать, но, когда ближе к утру она все-таки заснула в обнимку с ноутбуком, я поднялся и подошел к ней. Убрал ноутбук, закутал в одеяло, а потом просто стоял рядом и смотрел на женщину, которую считал предательницей. Я привык руководствоваться логикой и фактами, но, когда дело касалось Лауры, все шло наперекосяк. Даже то, что я представлял ее рядом с Эстфардхаром, хотя единственной причиной, по которой она рядом с ним находилась, был я сам.

Не говоря уже о чем-то большем.

Во сне она хмурилась, а мне невыносимо хотелось лечь рядом с ней и провести пальцами по ее лбу, стирая эту крохотную морщинку. Тем не менее она была права: пока все не закончено с Солливер, я не должен ее трогать. Ни в каком смысле.

В комнату вошел Арден, и я обернулся.

– Она только что заснула. Проспит до обеда, не меньше.

– Продолжу исследования, – равнодушно ответил он и опустился в кресло.

За его спокойствием я читал примерно то же самое, что без всяких слов читалось в Лауре: нежелание иметь со мной ничего общего по своей воле.

– Ты говорил, что обнаружил в ее ДНК что-то странное.

– Да в ней все странное, Торн. С той минуты, как она забеременела, ее невозможно объяснить, причислить к какому-либо виду или вообще как-то охарактеризовать то, что с ней происходит. Когда я был в Рагране, я думал, что это связано с твоей силой, но теперь вижу, что это связано с ней. Эта беременность что-то в ней активировала.

– Почему именно беременность? Пламя?

– С наибольшей вероятностью да. Сильное пламя твоего ребенка спровоцировало ее раскрытие, и теперь совершенно непонятно, во что это все выльется.

– Во что бы это ни вылилось, Арден, – я посмотрел на него в упор, – если встанет выбор, спасти будешь ее.

Друг хотел что-то сказать, но осекся. Потом все-таки произнес:

– Понял.

– Ты все еще считаешь, что был прав? Когда отказался выполнять приказ?

Лицо его стало просто каменным.

– У меня не было верных данных. Насколько ты помнишь, я предлагал тебе поговорить с ней самому.

– У меня их не было тоже. Сегодня или завтра приедет Сэфл Роудхорн. Она хотела с ним поговорить. Что бы она ни говорила, не оставляй их наедине. Ее друзья – это слишком сильные эмоции. И последнее.

Я достал смартфон и открыл программу дистанционного управления. Ошейник пискнул и погас. Раздался щелчок разблокировки.

– Я найду ее мать, и все станет гораздо проще. То, что касается исследований ее ДНК.

Не дожидаясь ответа, вышел из комнаты и в сопровождении мергхандаров направился к телепорту. В Хайрмарге уже привыкли к экстренным переходам, которых в последнее время было множество, но сегодня у меня совершенно не было времени. Сначала нужно было заехать в квартиру, чтобы принять душ и переодеться: запасной костюм, в котором я провел бессонную ночь в кресле, выглядел слегка помятым. Потом – к Солливер, и только после этого в Айрлэнгер Харддарк, чтобы обсудить ситуацию с Кадгаром.

Солливер действительно была беременна, это подтверждали анализы, которые мне предоставили в клинике. Срок – минимальный, соответствующий тому, что у нас было, тем не менее для меня это ничего не меняло. В том, что Кадгар будет рвать на голове волосы, когда я озвучу ему свое решение объявить о разрыве помолвки, я не сомневался. Равно как и в том, что это негативно скажется на моих рейтингах в дальнейшем, но я привык нести ответственность за свои слова и свои действия. В данном случае к этому привели именно мои действия.

– В больницу имени Риджестерна, – бросил водителю, когда сел в флайс.

Вчера Солливер отказалась со мной говорить, и врач настаивал на том, что ей нужно прийти в себя и не нужны лишние волнения после случившегося. Я с этим согласился, но сегодня нам придется продолжить разговор, который мы не завершили накануне.

На этаже отделения, где лежала Солливер, была усилена охрана. Мергхандары застыли на постах, благодаря чему, кажется, не было ни одного присутствующего, который не знал о том, что здесь находится будущая первая ферна. Для них она по-прежнему была будущей первой ферной.

Врачи и медсестры подбирались при виде меня. Палата Солливер располагалась в платном закрытом блоке, и там я не ожидал никого встретить, по крайней мере, до разговора с ней. Ожидания, или в данном случае не ожидания, не оправдались – я почти коснулся панели, открывающей дверь, когда услышал:

– Ферн Ландерстерг!

Ко мне по коридору спешил ее лечащий врач, с которым я говорил вчера и который заверил меня, что угроза миновала.

– Ферн Хорд?

– Я могу переговорить с вами наедине? – Он взглянул на мергхандаров. – Это врачебная тайна.

Я кивнул, и мы вместе направились к его кабинету.

Стоило двери отрезать нас от моего сопровождения и от охраны Солливер, врач указал на кресло:

– Прошу, ферн Ландерстерг.

– Я буду благодарен, если вы будете говорить быстро и по делу. Я не располагаю большим запасом времени и рассчитывал переговорить с ферной Ригхарн.

– Дело как раз в ней. В ферне Ригхарн, – врач нахмурился, – но как пожелаете. Дело в том, что сегодня ночью у нее опять был кризис, и она отказывается вам об этом сообщать. По-хорошему, я и не должен, поскольку это врачебная тайна, но ферна Ригхарн также настаивает на том, чтобы покинуть больницу как можно скорее. Я не уверен, что это благоразумно, и уж тем более я не уверен в том, что ей сейчас вообще можно волноваться, а она, мягко говоря, в постоянном напряжении. Если вы знаете, чем это может быть вызвано, я бы рекомендовал этот источник убрать или хотя бы смягчить его

воздействие. Потому что, по моему опыту, закончиться это может очень и очень печально.

– Хорошо. Я вас услышал.

– И еще. Ферн Ландерстерг, ферна Ригхарн по-прежнему не хочет вас видеть. Если бы вы могли...

– Я вас услышал, – повторил я, и врач осекся.

Кивнул и отступил.

На этот раз на моем пути в палату больше не стоял никто, поэтому я открыл дверь и шагнул внутрь, чтобы испытать странное чувство повторения увиденного. Солливер снова утопала в подушках, правда, в отличие от прошлой встречи на меня она не смотрела.

– Я просила тебя не приходить, Торн.

– Это не самое взвешенное решение.

– Самым взвешенным решением было бы тебя никогда больше не видеть, но ни ты, ни я этого себе позволить не можем.

Она так и не повернулась, поэтому пришлось обойти ее с другой стороны и встать рядом, закрывая огромное панорамное окно и обзор на Хайрмарг.

– Солливер, я совершил ошибку.

Она все-таки взглянула на меня, хотя до этого смотрела на свою руку, к которой подключены датчики.

– Мы оба совершили, – сказала спокойно. – И я совершенно с тобой согласна, нам нужно как можно скорее расторгнуть помолвку.

– Я не хочу говорить об этом сейчас.

– А я хочу. Хочу, чтобы ты снял с меня харргалахт и вернул мне мою жизнь.

– Не сейчас.

– Не сейчас? – Она повысила голос, и меня полоснуло болью. – А когда? Через месяц? Два? Три? Когда все станет еще сложнее?! Нет уж, Торн, уволь меня от такого счастья. Я хочу выносить и родить этого ребенка, даже несмотря на то, что он не нужен его отцу.

– Я такого не говорил.

– Все, хватит. Давай просто закончим то, что не успели вчера, и я буду снова распоряжаться своей жизнью, а ты своей.

Пожалуй, так мерзко я не чувствовал себя еще никогда. В моей жизни было много непростых ситуаций и не менее сложных решений, обстоятельств, которые вынуждали меня действовать жестко, но

впервые за все время я понимал, что правильного решения в этой ситуации нет. Как ты ее ни поверни – получится драконье дерьмо, и что самое отвратительное, эту кучу я наложил сам.

– Я тоже хочу, чтобы этот ребенок родился, Солливер. Поэтому предлагаю отложить наш разговор до того, как ты окончательно поправишься.

– Я не больна! – Ее глаза сверкнули. – Мне просто нужно как можно скорее поставить в этом деле точку! Тебе, я так понимаю, тоже, поэтому не думаю, что мне помогут твои попытки выиграть время. Я не ледяная фигура, Торн, и не рассыплюсь осколками, но по той же самой причине я не хочу, чтобы все затягивалось. Чем быстрее все закончится, тем лучше будет для всех. В том числе для нашего...

Она осеклась, закусил губу и отвернулась.

Что я там говорил про драконье дерьмо? Это очень, очень слабо сказано.

– Я не смогу снять с тебя харргалахт, пока не буду уверен, что с ребенком все будет в порядке. И с тобой тоже.

Солливер сдвинула брови и приподнялась на подушках.

– Я...

– Ты останешься в клинике до тех пор, пока не минует угроза для твоего здоровья и здоровья ребенка. После этого, когда врач даст мне стопроцентную гарантию, что тебе можно пройти через телепорт, я отвезу тебя в резиденцию, где тебя обследует Арден. И только после того, как он скажет, что мы можем это осуществить, я сниму с тебя харргалахт и мы вместе – как ты и хотела, объявим о разрыве помолвки. Это решение окончательное и не обсуждается.

– У тебя никогда ничего не обсуждается, Торн. – Горечь в ее словах едва ли была сильнее той, что я сейчас чувствовал. – Даже если обсуждается, это всего лишь видимость, фальшивка. Полагаю, просто вернуться домой мне не позволят?

– Нет.

– Арден может приехать сюда и сделать это здесь? Может быть, не сегодня, но как можно скорее?

– Нет.

Потому что оставлять Лауру без Ардена и без себя я не могу, и в то же время я намерен присутствовать во время обследования Солливер. Мне нужно самому увидеть, что происходит, и нужны

комментарии Ардена. Я должен знать, какой уровень пламени ожидать в ребенке Солливер, и понимать, к чему готовиться дальше.

С наибольшей вероятностью пламя будет достаточно слабым, потому что это чистейшей воды генетика. Основное пламя первенцу отдает дракон, и, если его поддержки нет, даже первенец может получиться гораздо более слабым, чем второй ребенок от желанной женщины. Именно поэтому иртыханы так тщательно готовились к договорным бракам. Именно поэтому сочетание огней (когда огни иртыханов были просто совместимы) считалось плюсом, а слияние (которое могло как произойти, так и не произойти) – тем, к чему все стремились, когда речь заходила о сильных детях.

– И что ты предлагаешь делать сейчас? Будешь до бесконечности откладывать пресс-конференцию?

– Нет, я дам комментарии о том, что с тобой случилось. Лично.

– Знаешь, Торн, когда я рассказывала тебе о моем прошлом, я была уверена, что больше никогда ничего подобного не смогу чувствовать. – Она улыбнулась, но в этой улыбке не было жизни. – Все, что я могу тебе сейчас сказать, – тебе удалось его переплюнуть. Поздравляю. А теперь, пожалуйста, просто уйди. И оставь меня в покое до той минуты, как захочешь куда-то везти.

По сути, Солливер права: нам не о чем говорить. Мы сказали гораздо больше, чем советовал ее врач, и на этом поставили точку. По крайней мере, в наших отношениях, пусть даже сегодня я не скажу об этом на пресс-конференции. Я не представлял, что тут можно еще добавить, чтобы это не звучало фальшиво, мерзко или просто как желание переложить свою ошибку на нее. Поэтому кивнул и направился к двери.

Как бы там ни было, я сделаю все, чтобы она спокойно выносила и родила. Ни она, ни ребенок не будут ни в чем нуждаться, им будет обеспечена безопасность на уровне моей собственной.

Но это большее, что я могу ей дать.

Солливер Ригхарн

После ухода Торна Солливер долго рассматривала свои ногти. Идеальный маникюр, ровно настолько же идеальный, как и план, который они согласовали с Крейдом. И все действительно шло по плану.

Теперь осталось только полежать в клинике – ровно столько, сколько понадобится Крейду, чтобы подготовить все, что должно произойти в резиденции. Причем произойти до того, как к ней притронется Арден и выяснит, что никакого ребенка никогда не было и в помине.

– Как же меня все это достало, – прошипела она.

Крейд, вместо того чтобы бегать и говорить, что она не должна подпускать Лауру Хэдфенгер к Торну, мог бы позаботиться о том, чтобы Лауры Хэдфенгер больше не было. С другой стороны, если верить видеообращению, за ней уже приходили спецслужбы Раграна, и у них ничего не получилось. Торн говорил, что дело в ее нестабильном и очень сильном пламени, которое проявилось внезапно, и это все осложняло. Правда, Крейд обещал об этом позаботиться тоже, оставалось надеяться, что здесь он не проколется. Потому что второго шанса у них не будет, да и первый в случае малейшей нестыковки закончится полным провалом.

Разумеется, все будет хорошо.

Все получится.

Но что-то не давало Солливер покоя. Она привыкла все контролировать, а рядом с Крейдом это было нереально. Именно это нервировало настолько, что, будь она на самом деле беременна, у нее точно случился бы выкидыш. Что, по сути, ее бы не особо расстроило.

Солливер не хотела детей. По большому счету она понимала, что в браке с Торном рано или поздно придется родить ему ребенка, но лучше поздно, чем рано. Если бы была возможность оставить этого первенца от Хэдфенгер, чтобы он игрался с ним и не приставал к ней, – вообще было бы замечательно, но увы, это не представлялось возможным. Ребенок Хэдфенгер шел в комплекте с Хэдфенгер, а Лаура не просто мешала, она стала непреодолимым препятствием, которое в самое ближайшее время предстояло устранить.

Причем чем раньше, тем лучше.

Потому что когда речь заходила о ней, у Торна съезжала крыша. Он на ней помешался. Он не просто на ней помешался, он действительно считал, что может бросить ее, Солливер, ради этой девки. Если бы не мечта стать первой ферной, она бы уже давно повернула это все совершенно иначе. Уронить его рейтинги в глазах избирателей – что может быть проще, – особенно в сложившейся

ситуации. О да, она бы с удовольствием это сделала, а потом наблюдала за тем, как крошится вся его линия власти, тщательно выстраиваемая долгие годы.

Но – кто знает, возможно, она это сделает. Только позже, когда реформа уже наберет силу и когда она, Солливер, прочно укрепитя на месте первой ферны.

– Ферна Ригхарн, как вы себя чувствуете?

Солливер настолько погрузилась в собственные мысли, что не заметила появления симпатичной молоденькой медсестры.

Интересно, сколько им всем заплатили?

Или у Крейда другие методы?

Ей было плевать, главное – цель, которая вот-вот будет достигнута.

– Немного поташнивает, но ферн Хорд говорит, что это нормально.

– Мне унести еду? – Медсестра внимательно посмотрела на нее. – Чтобы не было посторонних запахов?

Значит, не в курсе.

– Оставьте, – чуть более слабым голосом, чем рассчитывала, произнесла Солливер, – возможно, получится что-то съесть. Ради него.

Она положила руки на живот, и девушка улыбнулась.

– Очень на это надеюсь. Все будет хорошо, ферна Ригхарн. Позвольте, я проверю ваши показатели?

Она коснулась портативного датчика, и тот ожил.

Солливер равнодушно смотрела, как на дисплее высвечиваются показания, и даже не взглянула в сторону медсестры, когда та вышла. Есть хотелось невыносимо, и, несмотря на то что кормили здесь отменно, меню составляли лично для нее с учетом «произошедшего» и ее пожеланий, чтобы она могла держать форму, все равно не получится все съесть. Если все съесть – это будет более чем подозрительно, и за это тоже нужно благодарить Лауру Хэдфенгер!

Ей-то точно сдерживаться не надо, будет жрать как не в себя и хлопать своими виарьими глазами, изображая невинность. Та еще невинность: лезет в койку к мужчине, у которого есть невеста.

Почему все на это покупаются? Лучше быть откровенной шлюхой, чем такой вот «ни в чем не виноватой виари», которая только и ждет, чтобы задрать хвост перед мало-мальски статусным мужиком!

А самое главное, все всегда на их стороне, потому что эти бедненькие-несчастненькие, которых нужно жалеть, прикрываются детьми, как щитами. Ладно, играть на равных – значит, играть на равных.

Солливер взяла смартфон, посмотрела в камеру. Несколько минут применяла фильтры, потом решила, что лучше будет естественный с легким макияжем. Особенно сейчас – будет лучше.

Еще несколько секунд присматривалась, выбирая нужный ракурс, а потом нажала запись:

– Доброе утро, мои дорогие! Вы просто забросали меня вопросами и словами поддержки, и я с радостью сообщаю, что с нами все хорошо... – Она улыбнулась в камеру. – Да, вы не ослышались, я сказала «с нами», потому что я жду ребенка.

Глава 12

С ноутбуком было гораздо проще – и писать сценарий, и общаться с куратором, который уже давал комментарии по поводу вводных заданий по обучению. Во вводном модуле было все просто: я должна была его изучить перед началом основных занятий, чтобы понимать, что такое вообще сценарий, как он создается, какие моменты нужно учитывать при создании сценариев именно для шоу, а не для кино, и так далее. Этим я сегодня и занималась почти целый день, а потом приставала к куратору, который по видеосвязи все подробно мне объяснил.

Арден ходил мрачный, как туча перед сильным снегопадом, и как я ни старалась выяснить почему, мне это не удавалось. Про ошейник он тоже ничего не сказал, в смысле, про то, как он исчез. То, что по приказу Торна, и так было понятно, а о чем-то большем я решила не спрашивать, понимая, что это не самая приятная для него тема. Впрочем, когда речь зашла о моих анализах, он все-таки кое-что рассказал:

– Вмешательство в твою ДНК произошло еще на стадии беременности твоей матери.

– То есть надо мной ставили эксперименты, когда я была еще эмбрионом?

– Я бы сказал, что это побочный эффект действия препарата, который ей вводили.

– Что это вообще был за препарат?

– У твоего отца в договоре прописано... я имею в виду, у твоих родителей в договоре, он просто подтверждал свое согласие на участие в исследовании, поэтому договор заключался на двоих – что препарат предназначен для быстрой восстановительной терапии людей, которые не могут позволить себе капсулу гибернации и дорогостоящую страховку.

– Пластина для быстрого сращивания косточек?

Арден хмыкнул.

– Не пластина. Инъекционный раствор, но да, препарат для улучшения регенерации. Что это было на самом деле, никто не знает.

И не узнает, по крайней мере, пока Торн не найдет твою маму.

Возвращение к этой теме всегда было для меня не самым приятным. Мысль о том, что мама до сих пор где-то в руках людей, которые подвергли ее такому, и о том, что, если бы не это все, я была бы самым обычным ребенком и росла с двумя любящими родителями, внушала непрощенные надежды. Надежды на что я и сама понимала смутно – все уже сложилось именно так, как сложилось. Отец уже не станет другим, а мама... я не знала, какой увижу ее и увижу ли вообще, поэтому изо всех сил старалась об этом не думать. Не хотела надеяться еще больше, так отчаянно, как никогда в жизни.

– Не смей больше от меня скрывать хотя бы что-то, что меня касается.

Это получилось жестче, чем я рассчитывала, и, предполагаю, именно благодаря мыслям о маме.

– Я не считаю, что скрываю от тебя что-то только потому, что не рассказываю в ту же секунду, как это узнал. Тем более что с тобой очень сложно зафиксировать какой-то постоянный результат – когда я тебя впервые увидел, ты была на сто процентов человеком.

– Я не представляю, как это вообще возможно.

– Я тоже. Тем не менее это так. Твои анализы из Аронгары, все маркеры указывают на то, что твоя ДНК ближе к ДНК иртеханессы, а то, что я вижу сейчас... – Арден покачал головой. – Не стоит грубить мне, Лаура, потому что я не представляю, что тебе говорить.

– Но Торну ты это говоришь.

– Я говорю об этом Торну, потому что мы вместе должны максимально быстро и эффективно принимать решения по поводу твоего здоровья.

– А я не должна? – Я сложила руки на груди. – Насколько я помню, Арден, умалчивание ничем хорошим не оборачивается.

– Умалчивание – это когда есть ответы. У меня только гипотезы, которые я проверяю по десять раз на дню.

Он действительно замучил меня анализами. Я уже привыкла к тому, что кровь у меня берут чуть ли не каждый час, не говоря уже обо всех датчиках, показания с которых передавались в режиме реального времени на его планшет и планшеты его исследовательской команды, датчиках, расположенных в том самом закрытом центре, где мы впервые познакомились.

– И какие у тебя гипотезы?

– Я не могу их тебе озвучить, потому что медицинские гипотезы иногда могут быть пугающими.

Я фыркнула.

– Меня достаточно пугали за последнее время, но, как видишь, со мной все в порядке.

– Потому что тебе повезло. Скоро придет Роудхорн, и мы...

– Не уходи от темы, Арден. Я хочу знать, что со мной происходит.

Мы играли в гляделки довольно долго. Достаточно долго для того, чтобы я успела решить, что он ничего мне не скажет, и как следует разозлиться, но он все-таки произнес:

– Твоя ДНК постоянно меняется. Сейчас. Каждый день. Каждую минуту. Поэтому, во что ты превратишься, я сказать не могу.

Он резко шагнул к креслу и опустился в него, а меня полоснуло на этот раз его яростью. Похоже, Арден тоже не на шутку разозлился из-за моих методов добывать информацию. Хотя злиться полагалось мне! Из-за того что я превращаюсь непонятно во что. Может, у меня завтра вырастут крылышки и я улечу в пустоши вить гнездо? Как ни странно, злобы у меня не было, я вообще чересчур спокойно восприняла эту новость.

В отличие от выскочившего на ноутбуке в мессенджере сообщения от неизвестного контакта.

«Лаура, ты сейчас можешь говорить? Это Бен».

Да они издеваются! Точнее, в настоящий момент – он.

Нет, и не смогу никогда.

Написать это я не успела, потому что следующее сообщение заставило меня пожалеть о том, что я вообще переступила порог кабинета Торна и повелась на это «долг перед семьей, долг перед семьей».

«Это очень важно и касается Ардена».

Я перевела взгляд на мужчину, который невидящим взглядом уставился в свой планшет. К счастью, у меня был мой сценарий, то есть пока что наметки по моему сценарию и обучение, поэтому я могла сколько угодно писать что хочу на своем ноутбуке. Надеюсь только, что служба безопасности Торна это не читает, иначе мне придет драконец.

«Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – написала я. – Откуда ты знаешь про Ардена?!»

В смысле... почему он пишет про Ардена прямо сейчас?!

«Кольцо».

Кольцо? Кольцо!

Одна из немногих вещей, которая приехала со мной из Раграна в Аронгару, а из Аронгары в Ферверн. Мало того что оно до сих пор было на моем пальце (в отличие от харргалахт, которая, видимо, перетянула все внимание на себя), так я еще и сексом с Торном занималась, когда у меня на пальце было кольцо Бена.

Я ужасная женщина.

Впрочем, Торн его не заметил, поэтому мы с ним друг другу подходим.

А Бен вообще сделал из него систему слежения, так что мы идеальное трио.

Когда и как, меня уже не интересовало, у него были тысячи возможностей это сделать, но сейчас первое, что сделала я, – это стянула кольцо и сжала его в кулаке.

Гораздо больше меня интересовало, когда и как моя жизнь превратилась в шпионский триллер.

«Что с Арденом?» – коротко написала я.

«Его шантажируют жизнью Эллегрин. На него вышли, когда он сидел в тюрьме. Некто Вильценбаргер, из службы безопасности Ландерстерга. Просто запомни эту фамилию и найди способ рассказать об этом Роудхорну сегодня».

Что значит – запомни?

Я отвлеклась на мгновение, чтобы снова взглянуть на Ардена, а когда вернулась в чат, там уже не было ни моих сообщений, ни сообщений Бена. Больше того, когда я попыталась написать в чат, он просто исчез. То есть сначала программа мессенджера зависла, потом выдала ошибку, а когда перезагрузилась, в ней не было ни следа того, что я только что видела.

Ну вот и что мне, спрашивается, со всем этим делать? Я хрупкая маленькая женщина, я хочу писать сценарий и спокойно родить, а мне теперь еще и заговор расследовать?! Как, спрашивается, мне передать сообщение Роудхорну под носом у Ардена? И как я могу быть уверена в том, что вообще могу доверять тому, кто все это писал?

Как мне доверять Бену?

После всего, что было.

Вздыхнув, откинулась на подушки, и Арден тут же взглянул на меня.

– Все хорошо, Лаура?

– Да, просто устала.

– Ты сегодня действительно много сидела за ноутбуком. Может, стоит просто отдохнуть?

– Может, – сказала я. – Но сценарий сам себя не напишет.

– Ты его тоже не напишешь, если тебя будет от него тошнить. Или если он будет угрожать твоему здоровью и Торн заберет ноутбук.

– Угрозу моему здоровью можешь озвучить только ты. Ты же этого не сделаешь, правда?

Взгляд Ардена потеплел.

– Если не будешь перенапрягаться – нет.

Я кивнула:

– Вот и договорились.

Чем ему угрожали? Тем, что Эллегрин покончит с собой? Или что еще может сделать ментальное вмешательство? Предполагаю, что многое. Как же звали того парня, о котором говорил Торн и который организовал мне перелом? Лодингер, кажется?

Я вбила фамилию Лодингера в поисковик на смартфоне и нашла одного фокусника с такой фамилией, который сейчас выступал в Лархарре со своим шоу. Это был маленький человечек, лысый, с большими грустными глазами, который совершенно точно не походил на опасного психопата, остальные Лодингеры были вообще неизвестными, то есть это были просто обычные странички самых обычных людей в соцсетях. От нечего делать я зашла на сайт шоу, полистала блог автора про иллюзии и уже собиралась уйти ни с чем, когда наткнулась на сообщение, где фокуснику советовали «сменить фамилию, дабы не быть как тот самый Лодингер, который показал голую девчонку всей школе».

В ветке к этому комментарию я и нашла фото Микаса Лодингера – смазливового красавчика с довольно неприятной улыбкой, больше напоминающей ухмылку, а еще с десятков архивных статей про то, как Баррет Лодингер и его сын получили политическое убежище после «неправомерного превышения полномочий» иртыханов в Аронгаре. В

одной из статей писали, что «несчастливого подростка» поместили в частную клинику, специализирующуюся на психических заболеваниях, и что ему просто поджарили мозги до состояния невменяемости одной фразой.

Это была выдержка из интервью его отца, где тот рассказывал о том, как его сына сначала выставили на посмеище, потом его руками попытались убрать «одну не самую приятную женщину» (подозреваю, что здесь имела место цензура, потому что речь шла о Леоне Халлоран), а после во время допроса просто произнесли одну фразу, которая превратила его в овощ.

Читать дальше мне резко расхотелось, и как-то сразу стало понятно, о чем говорил Бен. Если ментальное вмешательство способно на такое, то Эллегрин можно уничтожить одним словом, и Арден, который прекрасно это знает... Я даже не представляю, что он сейчас чувствует.

Я сунула кольцо под подушку и села на постели.

– Когда мы будем упражняться с пламенем? – спросила я. – В смысле, когда я буду учиться его контролировать?

– Сейчас важнее, чтобы твое состояние стабилизировалось.

– И сколько мы будем ждать?

– Столько, сколько потребуется, чтобы ты полностью восстановилась.

В этом заключается его «задание»? Быть рядом со мной, но не допускать меня к обучению? Чтобы в случае чего я не смогла себя защитить?

В это верилось с трудом. С очень большим трудом. Арден отказался везти меня в Ферверн и сел в тюрьму, но тогда от него не зависела жизнь Эллегрин. Только его собственная. Тем не менее он рассказал мне об Эллегрин – вероятно, то, что смог рассказать, и он просил Торна о встрече с Сэфлом. Случись ему на сто процентов работать с ними, разве он стал бы о таком говорить? Разве стал бы приглашать того, кто действительно может помочь все это раскрыть?

Прежде чем мой мозг окончательно закипел, в дверь постучали. В комнату заглянул мергхандар и произнес:

– Ферна Хэдфенгер, к вам Сэфл Роудхорн.

– Ты хотела меня видеть, Лаура? – Это прозвучало мгновение спустя, причем настолько официально, что я не успела даже мало-

мальски подготовиться.

Казалось, не было всех тех уютных вечеров, которые мы проводили вместе, походов на каток, встреч и поддержки – той единственной поддержки, которая точно была, когда у нас с Торном все развалилось. Сейчас передо мной стоял просто начальник его службы безопасности, такой же отстраненный, как Стенгерберг. В смысле, отстраненный не от обязанностей, а от меня.

В этот момент я поняла, что мысленно несу абсолютную чушь. И что очень сильно нервничаю. Последний раз я так нервничала перед встречей с Торном, который обернулся драконом и на меня нарычал за то, что на мне была харргалахт Бена. Сэфл с Рин тоже на меня нарычали на пару, и почему-то именно это сейчас придало сил и помогло собраться.

– Да, проходи, – произнесла я, поднимаясь.

Сидеть на постели при Ардене было можно, поскольку Арден – врач. Что касается Сэфла... он начальник службы безопасности Торна. Я проговорила это про себя несколько раз, прежде чем кивнула ему на второе кресло.

– Присаживайся.

Это тоже прозвучало не по-дружески, а очень официально. Но, в конце концов, не я первая начала.

Сэфл слегка опешил, но сориентировался достаточно быстро.

– Если я правильно понимаю, ты хотела поговорить про Рин? – Он посмотрел на Ардена, явно смещая внимание на него.

– Арден при всем желании не сможет оставить нас наедине, и Торн наверняка тебе об этом сказал.

– Забыл, видимо.

– Какая жалость.

Я опустилась на диван, и теперь наша донельзя странная троица сидела разделенная журнальным столиком.

– Хочешь чего-нибудь? Кофе?

Это получилось вообще не по-дружески.

– Нет, я здесь ненадолго.

Это тоже.

– Хорошо, в таком случае я бы хотела уточнить, чем вызвала ваше с Рин недовольство, чтобы раз и навсегда закрыть для себя эту тему.

Такого вопроса Сэфл, кажется, тоже не ожидал, потому что опять посмотрел на Ардена. И снова перевел взгляд на меня.

– Встречный вопрос: почему ты сбежала в Рагран, ничего не сообщив нам?

– Об этом Торн тебе тоже забыл сказать? – Мне невыносимо захотелось кинуть в него журнальным столиком. – О том, что я не сбежала, а уехала, а заодно и о том, что я узнала, что беременна, уже в Раграде?

– И предпочла стать невестой Эстфардхара?

– Кто мастер неудобных вопросов? Сэфл Роудхорн мастер неудобных вопросов, – хмыкнула я. – Но о'кей, если хочешь знать, на тот момент у меня не было оснований не доверять Бену, и он относился ко мне по-человечески, поэтому да – я предпочла стать его невестой. Насколько ты мог понять из видеообращения, в моей жизни все происходило достаточно быстро, настолько быстро, что у меня не было возможности позвонить вам с Рин и доложить о происходящем.

– Или... – Сэфл сделал паузу и посмотрел на меня в упор. – Ты просто не захотела.

Арден кашлянул.

– Я, разумеется, понимаю, что у вас много невысказанных претензий, ферн Роудхорн, но я бы предпочел, чтобы вы высказывали их не так концентрированно, учитывая состояние ферны Хэдфенгер.

На этот раз Сэфл перевел на него взгляд, уже не используя его как арденоотвод.

– Вы совершенно правы, ферн Ристграфф. Это больше не повторится.

На журнальном столике стоял графин, и я на него посмотрела.

– Лаура... – предостерегающе произнес Арден.

Потому что по графину пополз иней. Вода начала замерзать почему-то от донышка, но в отличие от предыдущего всплеска сейчас я делала это осознанно. Я даже удивилась, насколько осознанно я это делала, направляя силу ледяного пламени в воду, перерабатывая свою досаду, обиду и боль и позволяя ей концентрироваться в этом несчастном сосуде.

Крак!

Это вода замерзла полностью, а после графин развалился на две аккуратные половинки.

Сэфл вскочил, а вот Арден переводил взгляд с меня на планшет и обратно, как будто не мог поверить. Я, если честно, тоже была слегка в шоке. Не считая того случая в Рагране, когда мне самостоятельно удалось справиться с приступом и когда я полагала, что источник пламени – исключительно моя Льдинка, это было первое осознанное взаимодействие со своей силой. Которую мне совершенно точно и прицельно удалось собрать в одном месте и никому не навредить.

Как я это сделала?

Драконы знают, разбираться буду потом.

Я сжала в руках смартфон и посмотрела на Сэфла.

– Сядьте, пожалуйста, ферн Роудхорн, – произнесла я. – Мы с вами не закончили.

Сэфл нахмурился, но все-таки опустил в кресло. Я же перевела взгляд на экран смартфона.

– Знаете, в моей соцсети очень много доказательств нашей дружбы. – Я и впрямь открыла свою страницу, где были десятки наших с Рин фото и фото нас втроем. Я пролистывала их, не отрывая взгляда от дисплея, а потом нажала «добавить запись» и посмотрела на Сэфла. – И не только в сети. Вы были единственными, кто меня поддержал после праздника, когда на меня столько всего свалилось. Фото, когда вы провожали меня до телепорта, я до сих пор считаю одним из самых дорогих.

Закончив то, что хотела сделать, я поднялась, подошла к нему.

– Но я не собираюсь бегать за вами и объясняться, почему я поступила именно так, как поступила. Если вы не захотели понять... если Рин не захотела понять, значит, нам просто не по пути. Единственная причина, по которой я сейчас с тобой говорю, – это вера в то, что это очень важно для всех нас.

Я развернула смартфон к нему, показывая дисплей.

Разумеется, не наш совместный снимок, а сообщение в поле для публикации поста: «Ардена шантажируют жизнью Эллегрин. Она под серьезным ментальным внушением, возможно, есть отложенный приказ. Проверь Вильценбаргера».

Сэфл изменился в лице, а я быстро удалила черновик и швырнула смартфон на постель.

– Собственно, это все, что я хотела тебе сказать. Что касается Рин, она знает, как меня найти.

У меня слегка подрагивали руки, когда я повернулась к нему спиной и отошла к запотевшему окну. В тишине слышала только гулкое биение своего сердца и шаги Сэфла, который шел к двери. Потом раздался щелчок, и долгое время в комнате звенела тишина.

Арден решил нарушить ее первым:

– Почему ты ничего ему не сказала?

Я обернулась.

– Потому что не хочу рисковать жизнью друзей.

Он поднялся.

– Это я могу понять. Но твоя жизнь в опасности, Лаура.

– Пока ты рядом, со мной ничего не случится. – Я посмотрела ему в глаза. – Я ведь права?

Он не отвел взгляд.

– Да.

– В таком случае мне не о чем беспокоиться. У меня есть ты и... – Я кивнула на две половинки графина, лед в которых уже растаял, и теперь со столика капало на теплое покрытие пола. – Моя внезапность.

– Уверена, что о ней никто не знает?

– О том, что я сегодня полноценно управляла пламенем? Только ты.

Арден кивнул, а я снова отвернулась к окну.

Помимо этой внезапности у меня была еще одна, о которой точно никто не знал. Устойчивость к ментальному внушению, и почему-то сейчас она казалась мне гораздо более серьезным преимуществом, чем любое, даже самое сильное, пламя.

Глава 13

Ближе к ночи традиционно прибыл его ледянейшество. На этот раз я собиралась ночью спать, поэтому успела принять душ и уже засыпала, когда он пришел. Рядом со мной засыпали Верраж и Гринни, напрочь игнорируя тот факт, что это – его комната. О чем, разумеется, им не замедлили сообщить, а еще в приказном порядке скомандовали:

– К себе.

Два тяжких вздоха – один с лежащей рядом подушки, второй с другой половины кровати – говорили о том, что это не приказ, поэтому я разлепила веки. Теперь мы втроем смотрели на стоящего над нами Торна.

– Пусть они останутся, – попросила я.

– А мне ты где предлагаешь спать?

От такого заявления я как-то разом проснулась.

– Уж точно не в этой постели.

– В кресле тоже. Это отрицательно сказывается на моих управленческих способностях.

– На твоих управленческих способностях отрицательно сказывается абсолютно все.

Торн сдвинул брови.

– И что ты хочешь этим сказать, Лаура?

– То, что плохому дракону взлететь и крылья мешают?

В оригинальном выражении были не крылья, но, кажется, наш разговор все равно зашел не туда. Совершенно не туда, но это все исключительно потому, что я на ночь опять посмотрела живую ленту Солливер, где она с вдохновенным видом вещала о том, что беременна. Тот факт, что я узнала об этом от Торна, положение не спасал. Мне по-прежнему было больно. Наверное, уже надо признать этот факт, смириться с этим, как с данностью, и забыть.

– Вон отсюда. – Это было сказано зверям, и, судя по тому, что их сдуло с кровати, а у меня вздыбились все имеющиеся на теле волосы, дабы позволить мурашкам маршировать в их стройных рядах, Торну тоже было не очень приятно.

Ну и ладно.

Не все же мне одной так себя чувствовать.

Я отвернулась к окну и натянула одеяло на голову. Которое, впрочем, с меня тут же сорвали.

– Что? – взвилась я. – Хочешь спать здесь? Тогда я уйду.

Я попыталась подняться, но сделала это очень зря: меня толкнули на кровать и нависли надо мной, заключив в ловушку между двух рук.

– Я тебе позволяю так себя вести, Лаура, исключительно потому, что ты беременна.

– Ты не можешь мне ничего позволить или запретить, – ответила я. – Потому что ты для меня никто.

– Я отец твоего ребенка.

– И что?

Кажется, для Торна это был перебор, потому что он зарычал. То есть выдохнул, конечно, но прозвучало это как рык.

– Тебе нравится меня доводить?

– Мне нравится, когда тебя нет.

Сама не знаю, почему это получилось так остро. Даже для меня.

Пламя, дернувшееся в синих глазах, тут же погасло. Торн оттолкнулся от кровати и отступил. Ни слова не говоря, развернулся и вышел, а спустя минуту в комнате уже был Арден. Судя по тому, что с полотенцем в руке и пеной для бритья на подбородке, выдернули его буквально из ванной.

– Поругались? – уточнил он.

Хотя не уверена, что это был вопрос.

– Не сошлись во мнениях.

Арден вытер подбородок полотенцем.

– Зато я успел побриться.

– Успеешь принять душ и поспать, когда я засну, – пообещала я. – Обещаю среди ночи ничего не морозить.

– Не заморозила сейчас – уже хорошо. Но для твоего малыша не самый лучший вариант, когда мама и папа постоянно ругаются. Подумай об этом.

О чем я только не думала. Для моего малыша точно не очень хорошо знать, что его братик или сестренка родятся спустя месяц после него. Хотя, может быть, если я все сделаю правильно, для него это будет нормально. Насколько вообще может быть нормальным тот

факт, что папа трахнул другую женщину через месяц после того, как трахнул маму.

– Лаура, – Арден посмотрел на меня, – Солливер была. Просто прими этот факт.

Я и принимаю. Как умею. Потом, наверное, будет лучше, а пока так.

– Мне плевать на Солливер.

– Нет, не плевать. Я знаю, что такое любить, когда от тебя отворачиваются. Только я действительно не был нужен Эллегрин, а ты нужна Торну.

– Ты что, его защищаешь?! – Я даже села на постели.

– Нет, сопоставляю факты. Последнее, что я сейчас готов делать, – это его защищать, но вряд ли он стал бы расторгать помолвку, если бы ты была ему безразлична.

– Что?

– Торн мне об этом сказал. Только что. О том, что скоро помолвка будет расторгнута.

У меня только один вопрос: почему я обо всем узнаю последней? Ладно, в данном случае не последней, миллионы фервернцев еще не в курсе, что их ждет разрыв помолвки Торнгера Ландерстерга дубль два. Кстати, почему он их ждет? В то, что говорил Арден, верилось с трудом, поскольку в моем представлении к женщине, которая небезразлична, так не относятся. Но наши с Торном отношения изначально были странными. Или, попросту говоря, их не было.

Были какие-то игры в «соблазни Лауру и продержишься месяц», а в процессе «подари кольцо на глазах у всех». Как же я от всего этого устала! Но главное – Арден прав. Прав в том, что Льдинке не стоит слушать, как мама и папа постоянно драконятся. Я хочу, чтобы мой ребенок был счастлив, но не умею быть счастливой сама. Чему я смогу его научить? Обидам и претензиям?

Я вздохнула.

– Не подскажешь, где Торн?

– Последний раз, когда я его видел, он направлялся на улицу.

– На улицу, в смысле, туда? – Я ткнула пальцем в сторону окна.

– Другой улицы здесь не предусмотрено.

Другой улицы здесь и правда не было предусмотрено, а та, что была сегодня, совсем не освещалась. Парк, который был так чудесно

украшен в ночь праздника, сейчас отключили от освещения, основной резерв бросили на работы по переносу телепортационного кольца. Точнее, по созданию дополнительной точки, удаленной от резиденции, чтобы после завершения ремонта разрушенного драконом крыла открыть станцию перехода подальше от дома. Понятное дело, что в частной загородной резиденции телепорт используется не на уровне Главного телепорта Хайрмарга, но все-таки.

– Придется совершать вылазку в зимнюю ночь, – сказала я Ардену. – Ты готов?

– Ты обещала, что дашь мне поспать.

– Это не я пошла на улицу.

Арден махнул рукой, а я отправилась одеваться. Точнее, переодеваться. В очень-очень теплое.

Сегодня температура упала еще на несколько градусов, Ледяная волна постепенно накатывала из глубин пустоши, пока еще легкими всплесками, но вскоре нам всем предстояло испытать это ежегодное состояние, когда на улицу надо выходить в коконе и в дыхательной маске. Если, конечно, не хочешь превратить свои легкие в музейный ледяной экспонат.

– Нам нужно найти ферна Ландерстерга, – сообщила я мергхандарам, когда мы вышли из комнаты.

Один из них коснулся гарнитуры.

– Эрг, ферна Хэдфенгер хочет поговорить с ферном Ландерстергом.

Гарнитура крикнула.

– Он в бассейне. Нам туда. – Мергхандар указал в сторону разрушенного крыла. Точнее, некогда разрушенного, сейчас его уже подобрали.

– В бассейне? – переспросила я и посмотрела почему-то на Ардена.

Тот как-то едва уловимо, но очень по-мужски закатил глаза, из чего я сделала вывод, что Торну действительно могло прийти в голову искупаться посреди ночи. Подумаешь, любое живое существо в такую погоду ищет, в какое бы лишнее одеяло завернуться, а Торнгер Ландерстерг купается.

И это не считая того, что здесь теперь есть бассейн.

М-да.

– Ведите, – скомандовала я.

– Я без шапки, – напомнил Арден.

Я фыркнула.

– Думаю, ты уже можешь идти спать.

– Думаешь?

– Вряд ли со мной что-то случится, пока я иду по коридору.

– Вряд ли я буду спать спокойно, если не сдам тебя с рук на руки

Торну.

– Тогда иди за шапкой.

– Лаура, – теперь фыркнул Арден. – Я пошутил.

Продолжать тему шуток мы не стали и дружно выдвинулись в сторону бассейна. Понятно, почему я ничего о нем не слышала и не знала – располагался он справа от разрушенного крыла, в котором сейчас велись косметические работы. Точнее, днем велись косметические работы, поэтому сейчас мы прошли через ремонт и остановились у дверей (временно только дверного проема), ведущих к бассейну. Издалека его подсветка напоминала струящееся в ночь ледяное пламя, застывшие поодаль мергхандары казались статуями.

– Обычно здесь стоит защитный купол, – пояснил один из наших сопровождающих, – но сейчас он снят. Можете подойти.

Я не была уверена, что хочу: из-за «ледяного» света вода представлялась обманчиво теплой. Такой же теплой, как в Зингсприде, и это ненадолго отбросило меня в то мгновение, когда в разгар пляжного сезона в один из самых жарких городов мира пришла зима. Мысль вспорола сознание, как Торн вспарывал воду – резкими, сильными рывками. С такой скоростью мог бы плавать глубоководный дракон, но никак не человек. Даже не иртхан.

Тем не менее я все-таки подошла и как замороженная смотрела на приближающегося к нам Торна.

Бассейн был огромный, но не прошло и нескольких секунд, как он преодолел больше чем половину расстояния и вынырнул у бортика, где стояла я.

– Свободны, – его голос больше напоминал рычание, – все.

И в ту же минуту одним рывком подтянулся, оказываясь рядом со мной.

Если бы при этом еще не подхватил меня за талию, я бы точно кувыркнулась в снег, потому что резко отступать назад – не самая

лучшая идея.

Исходящая от бассейна подсветка делала Торна каким-то нереальным: начиная от цвета волос, который впитывал это ледяное сияние потемневшей от воды сталью, глаз – темных, ночных, синих, и заканчивая покрытой чешуей половиной тела. Никогда раньше я не осознавала так остро эту разницу между человеком (или иртханом) и зверем.

– Зачем ты пришла, Лаура? – хрипло спросил он.

Учитывая, что его рука по-прежнему лежала на моей талии, это прозвучало двусмысленно.

Я немного отодвинулась (на этот раз осторожно), что, правда, не изменило факта присутствия его ладони поверх моей куртки.

– Ты уверен, что не хочешь одеться?

– Уверен, – ответил он.

По коже, покрытой капельками воды, сейчас растекался иней.

– Ты не мерзнешь? – уточнила я. – Совсем?

– Уверена, что хочешь обсуждать именно это?

Нет, я уверена не была. Я вообще смутно представляла, зачем пришла – не считая того факта, что Льдинке будет хорошо, если мы начнем общаться нормально. Правда, сейчас я уже понимала, что рядом с ним нормально у меня не получится.

– Я хотела спросить, почему ты мне не сказал про разрыв с Солливер.

– Это имеет значение?

– Для меня имеет.

– С чего бы?

Он касался меня поверх куртки, а ощущение – что обнаженной кожи. Причем не просто касался, скользил самым бесстыдным образом – ладонью, покрытой чешуей, я очень хорошо помнила это прикосновение. Это или эти? Когда каждая клеточка тела превращается в источник чувственных ощущений, сосредоточенных на одном-единственном желании слиться с ним, стать единым целым.

– Отпусти. – Я еще шагнула назад.

– Снова сбежишь? – Он усмехнулся.

– Я не сбегаю.

– Ты только этим и занимаешься, Лаура. Бегаешь от меня. Бегаешь от себя. Бегаешь от любых проблем, которые кажутся тебе чуть более

сложными, чем те, что не могут пошатнуть твой маленький устойчивый мирок.

Я задохнулась. Естественно, потому что открыла рот, чтобы ему ответить, но у меня кончились слова, и вместо этого я глотнула ледяного воздуха, весьма отрезвляющего, надо сказать. Который обжег гортань, как мог бы это сделать самый крепкий алкоголь, вымораживая меня изнутри.

– Ты будешь мне говорить о том, что мой маленький мирок, – я выделила три последних слова, – пошатнулся? После всего, что произошло?

– Все, что с тобой произошло, – твоих рук дело. Ты совершенно спокойно могла бы оказаться со всем этим рядом со мной, и я бы не позволил ничему из того, что случилось, с тобой произойти. Как я уже говорил, я не могу отменить того, что случилось, и вряд ли это сумеешь сделать ты.

– Я не спала с Солливер, – заявила я. Просто потому, что ничего другого в голову не пришло.

– С Эстфардхаром тоже. – Это было утверждение, не вопрос. – Тем не менее ты появлялась с ним на людях, ты ходила с его харргалахт, ты поехала с ним в Зингсприд. При всем при том, Лаура, ты, разумеется, даже ни разу с ним не поцеловалась. Скажи мне, что это так, и я приму все твои претензии.

Поскольку глотнуть еще природно-кислородного коктейля мне не улыбалось (бармен Пустошь переборщила с кубиками льда), сразу я не ответила. Зато мне в голову пришло много интересных воспоминаний – в частности о том, как я провоцировала Бена. Да, я определенно не могла сказать, что я с ним не целовалась. И не только.

Задумавшись об этом, я несколько отвлеклась и упустила момент, из-за чего меня снова обожгло пламенем. Оно вспыхнуло в глазах Торна так яростно, что перекрыло даже подсветку – на миг, чтобы врезаться в меня, в самую мою суть обжигающе-собственнической яростью.

Дыхание перехватило, я дернулась назад, пытаюсь его оттолкнуть, но Торн перехватил мою ладонь, невольно сомкнув наши пальцы. Чешуя больно врезалась в кожу, но не обожгла. Мгновение – и я увидела, как наши руки окутывает соединяющееся пламя. Его –

ледяное. И мое струящееся от запястья к кончикам пальцев искрящейся фиолетовой дымкой.

Какое-то время я на него смотрела (это было красиво), а потом...

– Что это за пламя, Торн? Почему оно такое?

– Потому что оно твое. Это цвет твоего пламени, Лаура. Такого раньше ни у кого не было.

– Как у меня может быть пламя? Если я не иртханесса, не драконесса, и вообще...

Мне впервые стало по-настоящему страшно, и стоило мне об этом подумать, как пламя заискрило прямо на пальцах. Разомкнув слияние с ледяным, столпом ударило в небо. Хотя это, конечно, сильно сказано, оно просто рванулось ввысь, но прежде, чем что-то еще успело произойти, Торн меня обнял. Сила, бушующая внутри меня, полыхнула с такой мощью, что на мгновение показалось – меня просто разорвет. Я судорожно вздохнула, а в следующий миг почувствовала, как сквозь его объятия в меня вливается уверенная, мягкая, плавная мощь. Направляющая мою, помогающая ей успокоиться и...

Что там следует за «и», я так и не успела понять, потому что Торн подхватил меня на руки и пошел к дому. Он не произнес ни слова, и я тоже. Я – потому что боялась открыть рот, мне казалось, если я это сделаю, то просто дохну пламенем, как дракон. Он молчал по какой-то своей причине, и, наверное, это было правильно.

В отличие от того, что произошло дальше: оказавшись в комнате, Торн опустил меня на постель и начал раздевать. Относительно (я чувствовала его неровное биение) унявшееся пламя полыхнуло с новой силой, с пальцев полетели фиолетовые искры.

– Н-нет. – Я попыталась отцепить его руки, но он глянул на меня так, что, по идее, я должна была снова и надолго замолчать.

– Я тебя не трону, Лаура.

– А что ты сейчас делаешь? – Мне удалось произнести это нормально, хотя зуб на зуб не попадал оттого, что сейчас творилось внутри.

– Помогаю тебе справиться с тем, что в тебе просыпается.

Лучше бы оно там спало до скончания веков.

– Кто же спорит.

Я это вслух сказала?

– Да.

– Да? – переспросила я.

– Для меня – да.

Я моргнула. Потом еще. Несколько раз.

– К-к-ак?

– Хотел бы я знать, Лаура. Но ты говоришь со мной, не открывая рта.

К счастью, последние несколько раз я его открывала, иначе мне грозило остаться с навеки заклинившей челюстью. Страхи нахлынули с новой силой, а вместе с ними весь мой контроль полетел к драконьим предкам, которые явно отметились в моей новой сущности.

– Мне страшно, – выдохнула я.

– Я знаю, – ответил он. А потом просто отбросил мои брюки в сторону и притянул меня спиной к себе.

Свитер с меня он снять не успел, в итоге я сейчас сидела прижатая к его груди в свитере, белье и теплых носочках. Правда, теплые носочки не спасали от озноба.

– Я не хочу превращаться в это, – сказала я. – Что бы это ни было...

– Тсс... – удивительно мягко произнес он. – Тихо.

Сомкнув ладони поверх моих рук, еще сильнее привлек меня к себе, и сквозь безумие беснующегося внутри урагана я снова почувствовала тепло и силу уверенности в себе. Удивительное, ни с чем не сравнимое тепло, кажущееся нереальным посреди заснеженной пустоши, в которой воздух как ледяной коктейль. Еще более удивительное тем, от кого оно исходило. Мысль об этом заставила пламя внутри тревожно дернуться, и оно снова прокатилось волной через все тело.

– Расслабься, Лаура. – Торн коснулся подбородком моей щеки. – Расслабься и доверься мне, иначе я не смогу тебе помочь.

– Ты сказал «не смогу»? Торн Ландерстерг сказал «не смогу»? – Сарказм получился плохо.

– Да, именно так я и сказал. Мне нужно, чтобы ты себя отпустила.

– Если я себя отпущу, здесь все станет фиолетовым.

– Попробуй. Перестань этому сопротивляться.

Тому, чтобы спалить оставшуюся нетронутой часть резиденции?

– Я этого не допущу.

Ладно. Придется верить на слово.

– Придется.

Это было настолько дико: говорить с ним мысленно... точнее, я не хотела с ним говорить, но говорила! Ощущение, от которого волосы на коже вставали дыбом гораздо серьезнее, чем от пламени, грозящего превратить меня в уголек изнутри. Сменяющийся ознобом жар снова полыхнул в груди, и я подалась назад, прижимаясь к Торну и позволяя пламени быть. Оно текло сквозь меня, я чувствовала его неистовство, которое постепенно отступало на второй план, оставляя место совершенно другим ощущениям.

Прикосновению его рук к моим рукам, его ладоней, сомкнутых над моими ладонями. Обжигающую льдом чешую, царапнувшую кожу – не больно, но как-то очень остро. Биение его сердца, отдающееся в моей груди. Его дыхание, скользящее по моей шее. Тишину, в которой нет другого звучания, кроме шороха, когда он откинулся на подушки, увлекая меня за собой.

– Я тебя не трону, Лаура, – повторил, тут же погасив сгусток напряжения в моей груди.

А твой дракон?

Это почему-то вызвало у Торна смешок.

– Он тоже. Обещаю.

Не знаю, сколько мы так лежали, пока последняя искра пламени не растворилась в этом безмолвном спокойствии.

Кажется, мне больше не грозило сделать мир вокруг фиолетовым.

С этой мыслью я развернулась в его руках, оказавшись лицом к лицу с ним.

Глава 14

Так необычно и так непривычно было лежать рядом с Торном и просто смотреть ему в глаза. Еще непривычнее было думать о том, что между нами все могло бы быть по-другому.

– Спасибо, – сказала я. И добавила: – Я пришла к бассейну, чтобы поговорить о нас и о Льдинке. О том, что я хочу, чтобы между нами не осталось недопонимания и чтобы мы могли находиться вместе в одной комнате без боязни ее разрушить. Я хочу сказать, что моей дочери... нашей дочери нужно знать, что мы ее любим. По крайней мере, мне бы этого очень хотелось.

Торн какое-то время молчал, потом приподнялся на локте. Да, наверное, это было уже за гранью – лежать с обнаженным отцом своего ребенка в одной постели и вести серьезные разговоры, но в моей жизни и не такое бывало.

– Ты только за этим пришла? – спросил он.

– На тот момент, когда пришла, только за этим.

– Что изменилось сейчас?

Я внимательно посмотрела на него.

– Торн, в наших отношениях с самого начала все было запутано. Я не хотела за тебя выходить, но потом, когда я влюбилась в тебя, когда я по-настоящему готовилась к нашей помолвке, произошло то, что произошло. Ты закрылся от меня, когда я больше всего нуждалась в тебе, и, когда я пыталась с тобой хоть как-то поговорить, ты отгораживался от меня все сильнее. Сейчас я понимаю, почему ты это сделал, но тогда... ты ни слова не сказал о своем пламени. О том, что происходит с моим отцом. О том, что ты вообще думаешь по этому поводу. Поэтому все произошло так, как произошло. Я не считаю себя идеальной и не собираюсь говорить, что все это только на тебе... но первый раз, когда я увидела тебя с ней, я чуть не заморозила себя и Льдинку. Я сейчас говорю это не за тем, чтобы выставить какие-то претензии, я просто хочу, чтобы ты понял, что я чувствовала. И чувствую, когда слышу, что она от тебя беременна.

– Если тебе станет легче, когда я узнал, что ты сбежала с Эстфардхаром, я захотел свернуть ему шею.

Я покачала головой.

– Нет, мне не становится легче. Потому что я не сбегала с ним.

– Я знаю это. Сейчас. Но тогда я этого не знал.

Я вздохнула. Этот разговор все равно был заиклен на прошлом, а прошлое – очень странная штука. О нем можно бесконечно долго говорить, но исправить уже нельзя. Все, что можно исправить, находится здесь, в настоящем.

– Я безумно тебя ревновал к нему, – произнес Торн, крылья его носа дрогнули, а скулы обозначились резче. – Но мне проще было обвинить в этом тебя, чем задуматься о своих чувствах. Я не привык думать о своих чувствах, Лаура, потому что они разрушительны, и мне нельзя было их себе позволять.

– И как, помогло? – Я спросила это совершенно без сарказма. – Потому что мне – ни разу. Знаешь, как я справилась тогда, когда увидела тебя и Солливер? Впервые. Это был мой первый выброс пламени, и я собрала всю любовь, которая была во мне... всю любовь к этой девочке, к этой крохе, до появления которой еще так долго, и это помогло мне, ни разу не управлявшей пламенем, справиться с ним. Тогда я думала, что это ее пламя и что я просто успокоила ее, но сейчас... сейчас я поняла, что переключилась с отчаяния и боли на любовь. Попробайся я их запечатать, вероятнее всего, мы бы сейчас с тобой просто не разговаривали.

– Ты не училась контролю месяцами.

– Не училась, и я этому рада. Потому что для меня очень важно – чувствовать.

Он промолчал, поэтому я решила продолжить:

– Я не уверена, что у нас с тобой что-то получится, Торн. Но я уверена, что ты будешь чудесным отцом, если позволишь себе это чувство. Мы с тобой наделали столько всего, что я не представляю, как мы вообще можем сейчас разговаривать так. Единственное, что я знаю, – Льдинка будет счастлива, если у нее будет отец. И ради нее я готова попробовать начать все сначала. Без претензий из прошлого, только настоящее.

Тишина, которая воцарилась после этих слов, была достаточно долгой. Похоже, мы оба не могли произнести ни слова, потому что я еще не до конца верила в то, что только что сказала, а он... ну, судя по всему, он тоже не верил. Когда говоришь о чувствах, любая

неуверенность ощущается в десять раз сильнее, как-то интуитивно. Особенно после того, что произошло.

Я помнила, как наше пламя сливалось у бассейна, сливалось или стремилось слиться. Я не до конца отдавала себе отчет, что за сущность обитает внутри меня (было бы странно, если бы отдавала, потому что понять ее пока не мог никто), но волю ей точно не собиралась давать. Сейчас мне как никогда важно было удержаться на своей человеческой составляющей, позволять именно ей принимать решение, отбросив все слияния пламени и притяжения звериных натур. Хотя, насколько я поняла, от этого уже никуда не денешься, но тем не менее.

– Ты делаешь это только ради нее? Ради нашей дочери?

– Пока да, – ответила честно. – Она для меня сейчас важнее всего.

Торн приподнялся, вытащил из-под себя одеяло и завернул меня в него.

– Это твой ответ? – спросила я. – Заткнись и спи?

– Мой ответ заключается в том, что я тебе уже сказал, Лаура.

И как прикажете это понимать?

– Это понимать так, что я сейчас с тобой, и, даже если ты будешь брыкаться, вопить и пытаться превратить меня в ледяную статую, спать мы будем вместе.

Опять.

Я опять это сделала.

– А можно как-нибудь настроить переключатель ментального вещания? – спросила я. – Чтобы ты не все мысли мои читал.

– Там есть что скрывать?

Торн Ландерстерг – ходячий морозильник.

Я подумала это мстительно, но Торн почему-то остался безмятежным. Видимо, алгоритм ментального передатчика пока что не работал или не существовал в принципе, что превращало некоторые моменты в проблему, как, например, сегодняшнее общение с Беном и Сэфлом.

– Общение с кем, Лаура?

Ой.

Хотя «ой» – это слабо сказано.

Я представила примороженную к постели себя и мысленно поползла в сторону выхода. Не знаю, считал ли Торн этот мыслеобраз

или нет, потому что на самом деле я выпрямилась и села на постели.

– С Беном, – сказала, глядя ему в глаза.

– Ничего не хочешь мне рассказать?

– А что я, по-твоему, сейчас делаю? – поинтересовалась я. – Бен написал мне через какой-то защищенный протокол... или как это называется, я не сильна в компьютерных штучках.

– Зачем?

Тот факт, что мы все еще разговаривали, внушал надежду. Потому что вот это совершенно точно было неожиданно: как минимум меня должны были обрычать и разом обвинить в неблагодарности, в строительстве маленького мирка с помощью другого подрядчика и вообще раскатать ровным слоем по психологической поверхности.

– Затем, что он считает, что я здесь в опасности.

– Как считаешь ты сама, Лаура?

Как я считаю сама? Понятия не имею. Учитывая, сколько всего произошло – начиная от Эллегрин и заканчивая тем, что вообще творилось со мной...

– Что насчет Эллегрин?

Я закатила глаза.

– Торн, тебе не кажется, что это как подглядывать за мной в душе?

– В душе я за тобой подглядывал только потому, что ты разрешила. К слову, здесь все в точности так же. Если бы ты не хотела, чтобы я считывал твои мысли, я бы не смог этого сделать. Знаешь, как работает телепатическая связь в парах?

– Я знаю только то, что мы не пара. – Это заставило меня здорово напрячься.

– Все верно, но пока пара не образуется, прямая телепатическая связь между драконом и драконицей невозможна. Образование пары означает абсолютное доверие. Это значит, что ты мне доверяешь. Настолько, что позволяешь слышать свои мысли.

Сказала бы я, кто тебе доверяет. Но не хочу обижать свою вторую суть.

– Правильно, не надо ее обижать. Лучше расскажи, чем тебя опять напугал Эстфардхар.

– Тебя точно не подменили? – уточнила я.

– Если бы меня подменили, ты бы это заметила.

– Ну вот я и заметила, – хмыкнула. – Нормальный Торн Ландерстерг обычно рычит в такие моменты.

– Хочешь, чтобы я рычал? – Его зрачки подозрительно дернулись, а я вдруг поняла, что это – тот самый пресловутый контроль, о котором мы говорили.

Дракон меня задери, я и не заметила, он даже в лице не изменился! Точнее, изменился, приобрел тот самый вид, когда кажется, что ничего не происходит. То есть вообще. В игре Торн Ландерстерг и ледяная скала: найди десять отличий – даже парочки не наберется.

– Нет, – сказала я, – не хочу. И раз уж она тебе доверяет... мы говорили о том, что Эллегрин в опасности, и Арден тоже.

Торн прищурился.

– Всего-то. Как скоро ты собиралась мне об этом рассказать, Лаура?

– Если честно, не собиралась. Арден говорит, что у тебя в службе безопасности большой... – Я задумалась, как бы это получше охарактеризовать, но потом не стала комментировать. – В общем, он считает, что чем меньше ты знаешь, тем лучше.

– Я его обратно посажу, – с милой улыбкой сообщил Торн.

Ладно, улыбка не была милой, она больше напоминала драконий оскал перед тем, как пустошь превратится в каток под дыханием ледяного пламени.

– Не посадишь, – напомнила я. – Он тебе нужен.

– Я вас вместе посажу, – сообщил Торн, и вот совершенно непонятно было, шутит он сейчас или говорит правду. – Обеспечу всей необходимой аппаратурой, всеми препаратами и посажу. Может, хоть так мозги на место встанут.

– У кого? – решила уточнить я, чтобы знать, обижаться мне или нет.

– У вашего тандема. Или правильнее будет сказать – трио?

– Нет, Бен случайно появился, – призналась я. – Но Ардена шантажируют жизнью Эллегрин, поэтому вряд ли он тебе что-нибудь скажет.

– Рассказывай, Лаура.

Вот это уже прозвучало знакомо. Рычаще и с теми самыми интонациями, от которых позвоночник изнутри покрывается тонкой ледяной корочкой. Или не очень тонкой, но в данном случае я почему-

то чувствовала, что эта сила направлена не на меня. Даже стройные ряды мурашек не пошли на парад, возникли – и решили, что им лень. А я вздохнула и начала рассказывать. Все. Начиная с того, с чем ко мне пришел Арден (кстати, теперь было понятно, почему он говорил не рассказывать Торну, точнее, еще понятнее – и почему он говорил об угрозе моей жизни, потому что хотел меня предупредить о том, что наверняка знал), заканчивая тем, что сегодня мне выдал Бен, и тем, что я выдала Сэфлу.

Когда у меня закончились слова, я встала и пошла за водой, а когда вернулась, Торн по-прежнему, прищурившись, смотрел в одну точку. Я даже начала думать, что он завис, когда Дракон номер один поднял голову и посмотрел на меня в упор.

Так, что я чуть не поперхнулась водичкой.

– То, что с моей службой безопасности что-то не так, я понял, когда приехал за тобой, Лаура.

– Ты хотел сказать, прилетел. – Я попыталась переключить его внимание.

– Но вот чего я понять не могу, так это с какой радости ты решила молчать об этом. Ардена я еще предположительно могу понять – хотя не могу, но это детали. А ты?

– Между нами не было особого доверия, насколько ты помнишь, – ответила я. – Сегодня не считается, сегодня вообще странный день.

– Дело не в доверии. Когда речь заходит о службе безопасности страны, дело касается уже не только нас двоих, как ты понимаешь. Ты же это понимаешь?

Я обхватила себя руками.

– Я многое понимаю, Торн, но я не была уверена, что, если я тебе такое скажу, ты мне поверишь. Сегодня мы с тобой разговаривали о том, что раньше мы вообще не разговаривали. Поэтому я решила, что, если передать информацию Сэфлу, он сделает все, как должен, а после сообщит тебе. Так, чтобы никто больше не пострадал. С того самого дня, как я оказалась рядом с тобой, из-за меня гибнут люди. Или просто оказываются под ударом. Эллегрин, Арден, Лари Эрро...

При мыслях о девушке, от которой избавился отчим Бена, мне окончательно стало не по себе. Я не успела хорошо узнать Лари, да и вряд ли мы бы стали подругами, но теперь она уже никогда ни с кем не

подружится. Голова закружилась, меня затрясло. Очнулась от того, что меня притянули к себе и обняли.

Торн ни слова не произнес, просто коснулся губами виска.

– Я потерялась, Торн, – тихо сказала я. – С того самого дня, как поняла... как...

Мне почему-то не хватало воздуха, чтобы это сказать. Может, и не стоило этого говорить, но я все-таки сказала:

– Что мы не вместе и что я тебе не нужна. Для меня это было странно, потому что, когда все начиналось, я не думала, что будет так... я вообще собиралась участвовать в шоу и делать карьеру, а потом случилось... случилось...

– Случился я? – подсказал он.

С губ сорвался смешок.

– Можно и так сказать. Мне было так страшно, и...

Кажется, с откровениями пора заканчивать. Я хотела вывернуться из его рук, но не успела.

– Ты всегда была мне нужна, Лаура, – услышала низкое, рычащее, отдающее в самое сердце. – Нужна до безумия. Сейчас и всегда.

Я напрягаюсь в его руках. Настолько, что мне ощутимо становится неуютно.

– Торн, не надо, – говорю я. – Я к этому просто не готова. Ты тоже.

– Решай за себя, – отвечает он и разворачивает меня лицом к себе. – Я говорю то, что чувствую. Я слишком долго пытался чувствовать по-другому.

– А я слишком долго, увы, чувствовала, – отвечаю я. – И не хочу снова услышать «ты сама придумала все остальное». Мы договорились о доверии и о союзничестве. О том, что я могу попытаться наладить наши отношения ради Льдинки. Большого я тебе обещать не могу.

– И в этом вся ты, Лаура. Ради Льдинки. Ради Гринни. Ради отца. Ради себя ты что-нибудь делаешь? Или просто остальными прикрываться удобнее?

Я отталкиваю его и смотрю ему в глаза.

– Что, «нужна до безумия» уже кончилось?

– Нет, «нужна до безумия» осталось. Но это не значит, что я не буду говорить откровенно. Ты хотела откровенности и разговоров?

Я сейчас с тобой говорю. Разговоры не всегда бывают приятными, Лаура, и уж точно не всегда легкими. Хотя мне бы очень этого хотелось.

– Тебе бы хотелось, чтобы все было по-твоему, Торн.

– А тебе не хотелось бы, чтобы все было по-твоему?

Какое-то время я смотрю ему в глаза, потом поднимаю руки вверх.

– Как скажешь. Хорошо. Я сказала все, что думаю я, ты сказал все, что думаешь ты. На этом, мне кажется, будет правильное лечь спать. Пожалуйста, не заползай на мою половину кровати и обеспечь себе вторую к завтрашнему дню.

– Пожалуйста, не диктуй мне, как и что мне делать. – Сейчас на меня снова смотрит хищник. – Это не моя история.

– Нет, ну что ты. Твоя история – это диктовать, как и что делать остальным!

– Спокойной ночи, Лаура.

– Спокойной ночи, Торн.

Я плюхнулась на свою половину кровати, рывком натянула на себя одеяло и закрыла глаза. То, что за моей спиной осталась огромная драконья задница (и не только), как-то не способствовало спокойному засыпанию. Тем не менее я лежала тихонько в надежде, что он заснет, а после... не представляю, что я буду делать после.

Вся эта ситуация сама по себе – набловы экскременты. Я не собиралась подпускать его так близко, как подпустила сегодня, я вообще не собиралась его к себе подпускать. Мне всего-то и надо было, чтобы мы нормально общались, просто нормально общались, чтобы наш ребенок не испытывал ежечасно стресс и гормональный допинг, когда мы с ним находимся в одной комнате.

Ну вот и поговорила.

Нормально.

Теперь Торн Ландерстерг спит в моей кровати, а я при этом рассказала ему про Бена, про Сэфла и наговорила столько всего, что теперь отговорить назад уже нельзя.

Понять, спит ли Дракон номер один, не потыкав его куда-нибудь или не задав вопрос, не представлялось возможным, поэтому я осторожно, тихонько подползла к краю кровати вместе с одеялом. В конце концов, если у него отсутствует драконья совесть даже в зачаточном состоянии, на кресло уйду спать я.

Продвигалась я понемногу, сантиметр за сантиметром, и, когда уже почти свесила ноги с кровати, на меня положили лапу. Буквально. Чешуя скользнула по коже, не причиняя мне ни малейшего вреда, хотя искрилась ледяным пламенем.

– Не спится? – поинтересовались из-за спины.

– Судя по всему, тебе тоже.

– Заснешь тут, когда у тебя глубинный внутренний сеанс психоанализа с прямой трансляцией для меня.

Да твою ж... драконью телепатию!

– Ты все это слышал?! – уточнила я. – Все, что я думала?

– Все, – подтвердили из-за спины.

– А сказать нельзя было?!

– Зачем? Мне было интересно, до чего ты вообще додумаешься.

Нет, нормального общения у нас не получится. Не с ним. Никогда. Точно.

– Торн, это мои мысли! – взвыла я, садясь на постели. – Я имею право знать, когда кто-то их слышит!

– «Кто-то» их не услышит, – произнес он. В темноте его чешуя и взгляд горели ледяным пламенем, но кровати, как ни странно, плохо от этого не становилось. – Только я. То, что это происходит из-за твоего доверия и желания, чтобы я это услышал...

– Я совершенно точно не хотела, чтобы ты это услышал!

– ...мы уже обсудили. Осталось только понять, как это работает, чтобы научить тебя осознанно это отключать и включать.

Я схватилась за голову. Буквально.

– Серьезно, Лаура. Ты считаешь, что я должен тебе об этом говорить? Я надеялся, что ты заснешь и мы оба сможем поспать.

– Очень смешно.

– Не смешно. Завтра Арден проведет ряд анализов, которые помогут понять, в каком состоянии находится твое пламя и мозговые волны, когда это происходит. Потом мы с ним попытаемся это перевести на язык пламени, чтобы именно с точки зрения пламени, его внутренних процессов, ты могла это контролировать. Но, если мы оба не выспимся, утром ничего не получится, придется отложить это до вечера, а может быть, и до послезавтра.

– Почему?

– Потому что завтра я поеду к Эллегрин.

– Торн, – мне как-то резко расхотелось спать, – Арден говорил именно об этом. Ты всегда действуешь напрямую. Ты меня вообще слышал? С ней в любой момент может произойти то же самое, что с Лодингером, когда отложенный приказ, точнее, спусковое слово превратило его в овощ.

– Не совсем, судя по тому, что он творил потом. – Торн указал на подушку. – Ложись спать.

– Я не хочу спать! Я не то чтобы в восторге от Эллегрин, подругами мы не были и не станем, но я не хочу, чтобы с ней случилось что-то из-за чьей-то политической многоходовки.

– С ней все будет в порядке, Лаура.

– Особенно когда спустя пару дней после пребывания Ардена в резиденции ты к ней поедешь.

– Девочка моя, ты и так сделала слишком много. Ложись спать.

Я так и не поняла, что это было – тонкий сарказм или толстый намек на то, что я наделала дел. Спорить было бессмысленно, потому что я и правда наделала дел, а обиднее всего было то, что мы их вместе наделали. Но почему-то всегда «надевавшей девочкой» была я.

Дабы не превратить продолжение нашего разговора в очередную перепалку, я действительно легла.

– Подсветку выключи, – кивнула на чешую. – Спать мешает.

– К сожалению, она не выключается. Но рядом с тобой я могу сделать так.

Торн накрылся одеялом. Моим, между прочим. Спасибо хоть половину оставил мне.

– Почему только рядом со мной?

– Потому что сегодня первый день, когда моя чешуя не пытается все сжечь. Это Ардену тоже придется исследовать.

Я открыла рот, потом закрыла. Удобнее устроилась на подушке, стараясь не думать про близость драконьего тела, из-за которой под кожей вспыхивали искорки.

– Когда я говорил, что ты сделала слишком много, я имел в виду, что ты очень вовремя мне все рассказала, – неожиданно произнес Торн.

Я хотела ответить, но снова не нашла слов. Зато нашла удобное положение под одеялом, когда ни он меня не касается, ни я его,

подушка мягкая, ничто нигде не мешается, и вообще все так, как должно быть.

– Тебе в свитере не жарко спать? – донеслось с той стороны кровати.

– Не жарко, – ответила я.

Обняла подушку и почти мгновенно провалилась в сон.

Глава 15

Торнгер Ландерстерг

Смотреть на Лауру можно бесконечно. Как она сопит, уткнувшись носом в подушку, – кто бы мог подумать, что когда-нибудь мне вообще захочется на кого-нибудь так смотреть? Все женщины, которые были в моей жизни, либо просто были, либо были партнерами или коллегами. Кем для меня стала она? Кем-то гораздо большим, чем пара, как бы парадоксально это ни звучало в мыслях ирлехана.

После того как я жил без нее, оказаться рядом с ней было в разы сложнее. Просто потому, что каждый раз, когда мы встречались, внутри рушилась очередная стена, а мне больше не хотелось возводить ее заново. В этой девушке смешалось столько парадоксов, что рядом с ней я сам становился парадоксом. Не тем, кого боялись еще врачи до родов, а тем, кого я сам до конца не знал.

Тем интереснее было его сейчас узнавать.

Например, узнавать о его желании коснуться тонкой высокой скулы, чтобы убрать волосы с ее лица. Или коснуться губами губ, чтобы раскрыть ее рот в поцелуе – таком, чтобы больше ни разу, никогда в ее памяти не проявился никакой Эстфардхар. Вчера, когда я о нем услышал, мне захотелось разнести резиденцию повторно, и отнюдь не раскрывшейся мощью дракона. Просто потому, что представлять ее рядом с ним было по-прежнему больно, до ярости и желания разорвать посягнувшего на нее в поединке.

Тем не менее мне удалось с этим справиться, и справиться не столько благодаря хваленому самоконтролю (хотя на первых порах и ему тоже), сколько благодаря ей. Ее присутствие, ее доверие, ее открытость – вот то, что я не хотел потерять. Я больше никогда не хотел видеть в ее глазах холод и неприятие, особенно после случившегося вчера.

Тот момент близости, который навсегда остался в прошлом, показал мне, как это может быть. Как это может быть, когда оно по-настоящему, глубоко, в самое сердце. Если между моими родителями была хотя бы сотая доля того, что я чувствовал вчера, я понимал,

почему мама не смогла жить дальше. Она справилась со смертью, но не смогла справиться со смертью отца.

Но жизнь – та жизнь, которая у них была, стоила каждой минуты.

Она не оставила меня одного, она просто ушла к нему, потому что по-другому просто не могла поступить. Это выше звериных инстинктов, первобытных инстинктов выживания, это было что-то безумно глубокое и необъяснимое. То, что драконы передали пустынным шаманам и нам, – не только свое пламя, но и свою суть. Гораздо более таинственную, чем мы все предполагали.

Долгое время считалось, что притяжение огней, слияние огней, парность – это высшая степень близости, но сейчас я начинал понимать, что это только верхушка айсберга. У драконов – с теми, кого они выбирают, – совершенно иной уровень связи, неподвластный человеческому сознанию. Во что это трансформировалось в иртханах рядом с людьми, оставалось только догадываться.

Дракон увидел в ней пару, когда она была человеком. Сначала я думал, что это просто ошибка. Потом – что это связано с ее глубинной сутью, которую не показали даже анализы, но которую почувствовал он. Сейчас я понимал, что это выше любой сути, это что-то, что миру еще только предстоит изучить и понять. Не менее неизведанное, чем то, что собой представляет Лаура.

Она заворочалась и вздохнула. Прядка волос упала поперек лица, когда Лаура повернулась на спину. Ее я убрать не успел, при вдохе она подтянулась к носу.

– Апчхи! Ой! – Она уставилась на меня так, будто не верила своим глазам.

Постепенно вспоминая все, что произошло вчера, и как я оказался в ее постели, и весь наш разговор.

– Тебе не пора на работу? – поинтересовалась она, подтягивая одеяло под подбородок, хотя была в свитере.

И в носочках. Помимо этого на ней были только трусики, и мысли об этом совершенно точно не способствовали рабочему настроению, равно как и тому, что мне предстояло сегодня сделать. Поэтому пришлось вышвырнуть себя из кровати, буквально – еще пара мгновений, и меня бы не остановили ни ее возражения, ни даже собственное обещание ее не трогать. Вопреки всякой логике я еще и подхватил с пола покрывало, как пацан в академии, честное слово!

Не прикрыться я просто не мог, хотя бы потому, что она на меня смотрела во все глаза и, раньше чем я успел сделать хотя бы шаг к ванной, спросила:

– Торн... а где твоя чешуя?

Я перевожу взгляд на руку: чешуи нет. За последнее время я настолько к ней привык, что почти перестал обращать внимание. Если можно так говорить о защитных материалах под одеждой, о постоянном контроле пламени и о текущем сквозь меня ледяном дыхании. Каждое мгновение. Не сказать даже, что я этого не замечал, я перестал его замечать, когда забрал Лауру. Но...

– Ее действительно нет, – подтверждаю я. Скорее для себя, чем для нее.

В этот момент Лаура откидывает край одеяла, морщится и начинает что-то стряхивать на пол.

– Фу, Торн! Совершенно незачем было сбрасывать ее прямо в постель.

Я хмурюсь и шагаю обратно к кровати, но, когда смотрю на простыню, никакой чешуи там нет. Перевожу взгляд на Лауру: она сидит и кусает губы, чтобы не рассмеяться. Но спустя мгновение она уже хохочет, и так заразительно, что мне самому стоит немалого труда к ней не присоединиться.

– Это смешно, по-твоему? – интересуюсь я.

– Д-д-а-а-а, – сквозь смех выдыхает она, а у меня одна только мысль: как будет звучать ее «да-а-а», когда я снова ее возьму. – Прости, но у тебя было такое лицо, что я не удержалась. Кстати, сейчас у тебя в точности такое же лицо. Торн, я просто пошутила.

Пошутила она.

Еще и одеяло сбросила, открывая изгиб ноги и тонкую полоску белья под съехавшим с плеча свитером. Я шагаю вперед, оказываюсь на кровати, заключив Лауру между руками, но она не отшатывается. Просто смотрит на меня в упор, хотя грудь часто вздымается, между нашими губами – какие-то миллиметры, я почти чувствую этот рывок к ее рту, мягкость ее губ, когда Лаура произносит:

– Торн, нет. – Ее дыхание обжигает так, что никакое пламя с ним не сравнится. – Ты обещал.

Язык бы мне оторвать, когда я это обещал.

Это единственная здравая мысль, которая удерживает меня на грани и от того, чтобы просто распластать ее по простыне.

Поэтому сейчас я просто смотрю на нее, потом так же рывком отстраняюсь, оставляя за спиной, и иду в душ. Делаю его похолоднее, прислоняюсь лбом к стеклу, вспоминая, как на этом самом месте стояла она. Как наяву вижу изгибы ее тела под цензурой запотевшего стекла, смягчаемой бегущими по жаркому инею каплями.

Хрипло выдыхаю и делаю воду просто ледяной. Простудиться мне все равно не грозит, а вот охладиться – точно не помешает. Еще бы это работало на том, чья стихия – ледяное пламя, которое сейчас бурлит в крови. Дракон, проснувшийся от его силы, недовольно рычит, не понимая, почему я оставил ее там. Почему, если от нее идет отклик такой силы, справиться с которой невероятно, безумно сложно.

Усилием воли разворачиваю свои мысли к тому, что произошло.

Сейчас нам главное успеть сделать анализы (в том числе и мне, поскольку отсутствие чешуи тоже стоит внимания), провести тест по поводу нашего мысленного общения, и к вечеру, я думаю, у нас уже будут гипотезы. Проблема заключается в том, что мой бывший друг и лучший врач Ферверна вполне способен передать эту информацию не только мне.

Я знаю Ардена достаточно хорошо. Достаточно хорошо для того, чтобы понимать, на чьей он стороне, но сейчас, когда Эллегрин могут в любой момент свести с ума или просто уничтожить одним словом (вытащить которое не представляется возможным даже мне, это может быть даже не слово, а хлопок в ладоши или упавшее перо планшета, жест или что бы то ни было еще – в частности, полная изоляция, если я попытаюсь вывезти ее из тюрьмы и закрыть там, где никто до нее не доберется), я не знаю, что думать. Не представляю, как чувствовал бы себя я, если бы не знал, как помочь Лауре. Ментальных крючков может быть несколько, любая, даже самая невинная ситуация может оказаться спусковой.

Пожалуй, я солгал, когда говорил, что до Лауры в моей жизни женщины просто были. Была еще Эллегрин.

Она тоже была моим другом.

И я всех своих друзей посадил в тюрьму.

Это сбавывает. Мне больше не хочется думать о Лауре, стоящей за запотевшим стеклом, а хочется как следует по нему врезать. Хотя,

по-хорошему, врезать стоило бы себе. За то, что позволил переключить свое внимание на Лауру – теперь уже очевидно, что случай в ресторане был отвлекающим маневром, чтобы заставить меня сосредоточиться на этой интриге и на ее отце.

Что на самом деле им удалось провернуть у меня под носом, мне еще только предстоит выяснить. Равно как и лично допросить Вильценбаргера.

Именно за этим я еду в тюрьму, к Эллегрин.

Но Лауре об этом знать совершенно необязательно, равно как и остальным – как бы они ни добывали свою информацию. Я понятия не имею, где может оказаться прослушка и кто в моей службе безопасности работает против меня.

Сконцентрироваться на этой мысли я не успеваю, потому что меня ударяет пламенем. Ее пламенем – настолько сильным, что на миг в груди кончается воздух, а в глазах темнеет. Эта вспышка, короткий миг, который берет в тиски, сдавливает – и отпускает. Я вылетаю из душевой кабины, а следом – из ванной. Пламени больше не чувствуется, Лаура сидит подтянув колени к груди и смотрит в одну точку.

Рывком бросаюсь к ней, но она вскидывает голову, в глазах – фиолетовое пламя. Вертикальный зрачок расширяется и сужается, разрезая радужку и вновь спаивая ее.

– Со мной все в порядке, – произносит она. – Я справилась.

С чем именно?

У меня даже вопрос не успевает толком оформиться, она переводит взгляд на окно и произносит:

– Солливер Ригхарн потеряла ребенка.

Лаура снова отводит глаза, кивает на смартфон.

– Она выложила это в сеть. Так что весь Ферверн в курсе.

Мне как минимум нужно одеться, а по-хорошему, еще и переварить эту новость, чтобы не наделать глупостей, но все, о чем я могу думать, – это о сидящей на постели женщине и о том, как она себя чувствует. Я должен думать о той, которая потеряла ребенка, но во мне по этому поводу нет никаких чувств.

В чем-то Лаура была права.

Есть во мне что-то от монстра.

Я все-таки возвращаюсь в ванную, чтобы дать время и ей, и себе. Не представляю, как бы я себя чувствовал, узнай я о том, что она ждет ребенка от Эстфардхара. Не представляю и даже представлять не хочу. От Кадгара четыре пропущенных (подозреваю, что всего четыре из-за его сдержанности). Мне нужно набрать Крейда и уточнить, что случилось, но я всего лишь закрываю воду, набрасываю халат и возвращаюсь в спальню.

— Это из-за меня, — говорит она. — Из-за того, что мы сделали.

— Ты о чем? — Я опускаюсь рядом с ней на постель.

— Короткая у тебя память, Торн. Ты уже забыл, что случилось в мое первое утро в Ферверне?

— Не забыл. Я помню все, что связано с тобой.

Лаура приподнимает брови:

— И?..

— И я не считаю, что эти события связаны. Если кто-то и ответственен за то, что происходит с Солливер, то это я.

— Если кто-то и ответственен за то, что происходит с Солливер, то это она, — неожиданно произносит Лаура, а потом складывает руки на груди. — Но я не могу представить себе, как бы себя чувствовала я...

— И не стоит. Вы с Солливер абсолютно разные.

Она вопросительно смотрит на меня.

— Начать хотя бы с того, что она меня не любит.

Она замирает.

— У нас с ней изначально были договорные партнерские отношения. Я собирался жениться на ней, потому что мне нужна была женщина для реформы. Обычная женщина. Не ирлландесса. Она собиралась выйти за меня замуж, потому что любит крутых мужчин и громкие статусы. Ничего личного.

Лаура молчит. Молчит так долго, что мне кажется, вообще ничего не ответит, но она все-таки отвечает:

— Это... очень цинично, Торн.

— Это правда.

— Правда, что это цинично, или правда, что ты сказал?

— И то и другое, но это не главное. Важно то, что это — мои ошибки, Лаура, и решать их мне. Тебе это совершенно не нужно.

Ей это правда совершенно не нужно. Ни то, что было между мной и Солливер, ни то, как я пытался перенести на Солливер то, что

предназначалось Лауре. Как я пытался стать другим в отношениях, которые были заранее обречены.

Потому что ни одна женщина не могла быть со мной после того, как со мной была Лаура.

Когда-нибудь я ей об этом скажу.

Когда-нибудь, но не сейчас, когда мир вокруг меня превращается хаос.

Лаура молчит и смотрит на меня, глаза абсолютно сухие, но есть кое-что еще. Я чувствую ее как себя, именно сейчас, хотя до парности нам далеко. Не уверен, что это когда-либо случится, но, если это случится, я даже не представляю, как это будет, если сейчас – так.

– Я не знаю, что сказать, – произносит она наконец.

– Значит, не говори ничего.

Я убираю прядь волос с ее лица, а потом усилием воли поднимаюсь и ухожу в гардеробную. Ее успели оформить, теперь здесь и запасные костюмы, и все прочее. Защитные чехлы для чешуи тоже, но они мне больше не нужны. Сама мысль об этом кажется странной.

Небольшой отдел гардероба выделен для Лауры – некоторые пакеты она так и оставила нетронутыми, почему-то от этого становится невыносимо холодно.

– Тебе нужно разобрать вещи, – говорю я, когда возвращаюсь в комнату, на ходу застегивая запонки.

– Это твоя комната, Торн. И я хочу сама покупать себе вещи.

– А я хочу, чтобы тебе было комфортно.

– Значит, у меня будет отдельная комната?

Пожалуй, нам стоило прекратить этот разговор, когда я ушел в гардеробную. Проблема в том, что, когда бы мы ни остановились, если есть что-то еще (а оно есть), оно вылезет в самый неподходящий момент. Как, например, сейчас.

– Если ты этого хочешь.

– Хочу.

– Ты же понимаешь, что в той комнате все равно буду я?

– И вторая кровать.

Невыносимая женщина.

– Ты будешь переодеваться, Лаура?

– В смысле?

– В смысле, пойдешь в душ, или мне нести тебя на анализы на руках?

– Ты разве не поедешь... – Она делает паузу. – К ней?

– Поеду. После того как Арден проведет все тесты.

– До вечера это подождет. – Она поднимается и подходит ко мне. –

Правда, Торн. Давай оставим это до вечера.

Какое-то время мы молча смотрим друг на друга, а потом я киваю.

Лаура закусывает губу, и, когда я уже почти выхожу из комнаты, до меня доносится:

– Я на твоей стороне, Торн. Если для тебя это важно.

Я оборачиваюсь, в два шага преодолеваю разделяющее нас расстояние и целую ее в губы. Это то, что надо было сделать вместо всех этих разговоров, это то, что дает мне силы больше, чем любые слова. Даже больше, чем ее последнее замечание, хотя без него не случилось бы этого поцелуя.

Достойным противником этого чувства может быть разве что ее молчание – когда я сказал: «Вы с Солливер абсолютно разные. Начать хотя бы с того, что она меня не любит», – и Лаура не стала возражать.

С этой мыслью я отрываюсь от ее губ, припухших и горящих – совершенно, невыносимо одуряюще горящих от моих ласк, и говорю:

– Никаких. Лишних. Кроватей.

После чего выхожу из комнаты, на ходу набирая Роудхорна. Пусть обстоятельствами выкидыша Солливер занимается он.

Солливер Ригхарн

История с Лаурой Хэдфенгер начала набирать обороты сразу после оборота, как бы по-идиотски это ни звучало. Но с той самой минуты, как она шагнула из телепорта, история перестала быть историей и стала большой проблемой. Возможно, изначально она недооценила эту девицу из-за того, что привыкла иметь дело с самыми разными представительницами женского пола. От трепетных виари, хлопающих глазками, до самых прожженных и циничных соблазнительниц. Еще одна проблема заключалась в том, что с Хэдфенгер она изначально ошиблась. Эти виарячьи глаза, которые делала эта проститутка, могли обмануть кого угодно, но ее, Солливер, не должны были обмануть! И все-таки ей это удалось.

Хэдфенгер держалась рядом с Торном так, будто он ей совсем не нужен, но если это еще можно было списать на обходной маневр и попытку соблазнения через недоступность, то как она от него шарахалась – вряд ли. Почему она изначально недооценила эту ларрку, так это из-за ее идиотского побега в Рагран, а после в Аронгару. Нельзя, ну просто нельзя, обладая хотя бы зачатками мозгов, так себя вести!

Похоже, в зачатках мозга были участки, которые очень хорошо работали на то, как обвести вокруг пальца даже такого, как Торнгер Ландерстерг. Да наблы с ним, с Ландерстергом, ей удалось обвести вокруг пальца даже ее, Солливер. Пожалуй, этого она не могла ей простить больше всего.

Изначально она собиралась оказаться в резиденции и сделать все так, чтобы Хэдфенгер обвинили в потере ее ребенка. Как ни крути, этот вариант был просто идеален, да что там, он был блестящим! При мысли о том, что воплотить его не удастся, Солливер готова была швыряться вещами, но был в этом, разумеется, и один плюс. Оказываться рядом с Хэдфенгер, чья сила, мягко говоря, неуправляема, уже не придется. По крайней мере ей.

Вчера вечером Крейд сказал, что ждать больше нельзя, поскольку к Хэдфенгер приезжал Роудхорн. Что бы они там ни обсуждали, это действительно было очень и очень паршиво, особенно после всех Торновых ночевок рядом с этой девицей.

«Нам нужно их опередить, – сказал Крейд, – я займусь Роудхорном. Хэдфенгер на тебе».

Под «Хэдфенгер на тебе» он, конечно, понимал выкидыш, потому что это была только первая часть плана. Вторую уже предстояло осуществить ему, а точнее, одному из мергхандаров, но Солливер все равно не находила себе места.

Торн просто помешался на ней. Хотя «помешался» – это даже не то слово.

Он совершенно, окончательно и безоговорочно свихнулся на этой Хэдфенгер, потому что до ее появления с ним можно было нормально общаться (относительно, разумеется), а после...

Ух, как же она сожалела, что рагранским спецслужбам, или кто там еще за ней охотился, не удалось довести начатое до конца!

Сколько проблем можно было бы избежать, если бы Хэдфенгер со своим вырождением навсегда сгинула в Аронгаре!

Глубоко вздохнув, она сжала и разжала кулаки. Обхватила себя руками.

Еще и с этой ненавистной койки не встанешь, потому что мало ли что – Крейд сказал, что, когда Роудхорн так близок к делам Торна, записи с камер могут попасть к нему. Приходилось лежать и изображать несчастную виари, лишившуюся (тьфу на всех, кто так считает) самого главного в своей жизни.

Было бы можно, блеванула бы. Как наблова Хэдфенгер.

«Что ты собираешься делать с Роудхорном?» – спросила она у Крейда.

«Это мое дело».

«Это наше общее дело. Я имею право знать».

«Все, что непосредственно касается тебя, ты знаешь. Остальное узнаешь вместе со всеми».

Раньше он никогда не осмелился бы говорить с ней в таком тоне. Все потому, что сейчас (временно) она от него зависела. По-хорошему, выйти бы на того, на кого работает Крейд – на того, кому все это выгодно, и поговорить уже с ним. Солливер привыкла общаться с самыми разными мужчинами, и практика всегда показывала, что общаться с драконятами – себе дороже. Лучше сразу искать дракона, который за ними стоит.

Что ж, это все на будущее, а пока придется терпеть. Потому что все это зашло слишком далеко.

Дверь открылась настолько внезапно, что Солливер не успела подготовиться. Ударившись о взгляд Торна, поспешно отвернулась, но то, что он мог видеть и почувствовать, – пусть видит и чувствует. Это действительно предназначается ему и его ларрке Хэдфенгер, странно было бы, если бы при виде его она пускала ментальные радужные пузыри.

– Солливер. – Он прошел в палату и остановился у окна. Положил букет на тумбочку.

Она едва успела зацепить краем глаза цветы и испытала сильнейшее желание затолкать их ему в задницу. Так чтобы одни бутоны торчали.

– Что? Принес мне цветы и думаешь, что все будет замечательно, Торн?

Изначально Солливер хотела выбрать другую линию поведения, но правила актерской импровизации гласят: если выход сорвался, сделай так, чтобы все поверили, что это запланировано.

– Нет. Разумеется, я так не думаю.

– Я тебя ненавижу.

– Справедливо.

– Справедливо?! – Она вскинула голову. – Справедливо было тащить сюда Лауру Хэдфенгер, а от меня отворачиваться – только потому, что я – не она?! Справедливо было заставлять меня переживать все то, что я пережила?! Справедливо было...

Ее голос дрогнул.

– Лишать меня ребенка?! – выкрикнула она, и ее голос звеняще врезался в стены. – Я ненавижу тебя, Торн Ландерстерг, и я жалею о том дне, когда вообще вошла в твой кабинет. Спорим, она тоже об этом жалеет?

– Ты переходишь границы, Солливер.

– Нет, это ты перешел границы. Когда притащил ее в нашу резиденцию, когда валял ее по коврику для дракона и когда просто... – Она сжала и разжала пальцы. – Меня от тебя тошнит. Убирайся и заberi свой веник. Надеюсь, у твоих идиотов из службы безопасности хватит мозгов не пускать ко мне журналистов, потому что именно сейчас, Торн, я не уверена, что готова молчать!

Она отвернулась и закрыла глаза.

Сердце бешено колотилось, колотилось, не сбавляя ритма и не отпуская – всеми обрушившимися на нее чувствами.

– Я с радостью расторгну помолвку с тобой. – Резко распахнув глаза, Солливер села на постели. – Для начала заberi это.

Она стянула кольцо и швырнула в него.

– Только сейчас сделай милость, избавь меня от своего общества. Если мы будем общаться через твою пресс-службу и наших адвокатов, так будет даже лучше.

Какое-то время он молча смотрел на нее, потом развернулся и направился к двери. Стоило ей закрыться, Солливер откинулась на подушки. Все прошло не так, как она планировала, но все прошло даже лучше. Изначальное спокойствие теперь казалось совершенно

невыгодной позицией, а такое отчаяние... что же, лучше она не придумала бы, даже если бы разрабатывала этот план пару недель.

Все прошло отлично, а скоро станет еще лучше.

Тогда почему внутри все клоочет – по-прежнему?! Почему по-прежнему хочется что-нибудь разбить?!

Она развернулась, схватила букет и запустила им в дверь. Следом отправился стакан с недопитой водой, который разлетелся осколками.

– Вон! – заорала она, когда в палату вбежали мергхандары и медсестра. – Пошли все вон!

– Ферна Ригхарн, может быть, успокоительное...

– Вон, – повторила Солливер севшим от крика голосом.

После чего рухнула на подушки, на бок, натянула одеяло на голову и, оставшись в полной темноте, смотрела в нее широко распахнутыми глазами. В последние годы она так привыкла играть, что почти потеряла эту едва уловимую разницу между актерским талантом и настоящими чувствами. Разучилась чувствовать, как считала все это время.

Вот только что тогда с ней творится сейчас?!

Глава 16

После ухода Торна я долго сидела на постели в обнимку с ноутбуком, чтобы Арден ничего не заподозрил. Хотя сомневаюсь, что он с его проницательностью ничего не заподозрил, особенно после того, как я отказалась идти на утреннюю прогулку с Верражем и Гринни.

Анализы мне тоже провели в спальне, и к счастью. Выходить, тащиться в оборудованные под медкабинет комнаты мне совсем не улыбалось. По большому счету хотелось свернуться калачиком и ни о чем не думать. Что у меня категорически не получалось, я все время возвращалась мыслями к видео Солливер, на котором она говорит, что ребенка больше нет.

Она так и сказала:

– Ребенка больше нет. Мне очень жаль. Сегодня ночью я не смогла справиться с последствиями напряжения последних дней, и все произошло так, как произошло.

Эти слова впечатались мне в сознание и жгли, жгли, жгли.

Я не могла представить, что она чувствует. Какой бы она ни была (если верить словам Бена), она тоже женщина, и она тоже могла стать матерью. Я просто не могла поверить, глядя в эти глаза, которые смотрели через камеру, кажется, исключительно на меня, что она ничего не чувствует. Невозможно лишиться того, кто часть тебя, и ничего не чувствовать. Просто невозможно.

При одной мысли, что я могла бы так же лишиться Льдинки, меня бросало в холодный пот. Поэтому я сидела в обнимку с ноутбуком и грелась об него. Гринни, которая устроилась после прогулки рядом, сопела и крутилась на месте – видимо, чувствовала меня. Верраж так вообще не спал. Он то лежал, неподвижно уставившись в одну точку, то вскакивал, цокал по комнате и бил хвостом, то опять ложился. Когда Арден попытался к нему подойти, он его обрычал, после чего забился в угол.

Пожалуй, именно это заставило меня вылезти из постели и из собственных мыслей. Я подошла к драконенку, но он вздыбил чешуйки и стукнул хвостом по стене.

– Арден, это вообще нормально? – спросила я, подтягивая рукава домашнего костюма повыше. – То, что он так себя ведет?

– Не совсем. Но, может быть, съел что-то несвежее.

– Несвежее? Здесь?

– Я не ветеринар, Лаура, но, судя по его поведению, он волнуется. Очень сильно.

– Раньше он никогда на меня так не реагировал.

– Поэтому я предлагаю его удалить.

– Что? Куда?

– К себе. Пусть посидит в своей комнате...

– И подумает над своим поведением, да, – хмыкнула я. – Он ребенок, Арден. Просто драконий. Его нельзя оставлять одного. То, что он не говорит, не значит, что ему не может быть больно и плохо.

Арден улыбнулся.

– Ты спросила – я ответил, Лаура.

– Он мог съесть что-нибудь на прогулке? Что-то... ну, не знаю, из строительных материалов? Он любит все погрызть, обычно я за этим слежу, может быть, мергхандар, который его выводил, просто не заметил? Или заметил, но нам не сказал?

– Сейчас спросим.

Арден поднялся, подошел к двери и открыл ее.

– Кто сегодня гулял с нашими подопечными?

– Кортхарт. – Один из приставленных ко мне мергхандаров заглянул в комнату. – Он сейчас на строительстве нового телепорта, следит за соблюдением протокола безопасности при проведении работ. Что-то не так?

– Все так. – Арден кивнул. – Просто пригласите его к нам ненадолго, пожалуйста. Нужно кое-что уточнить.

– Хорошо. Я приглашу его к вам.

– Замечательно.

Верраж продолжал бить хвостом, в довершение всего проснулась Гринни и полезла к нам. Он рыкнул, и виари остановилась, словно наткнулась на какую-то стену.

– Пойдем. – Я подхватила ее на руки и поднялась. – Верражу просто плохо, поэтому он ругается.

– Совсем как люди, – ухмыльнулся Арден и, поймав мой взгляд, неопределенно махнул рукой. – Так, к слову пришлось.

– Но мы же сможем его осмотреть? Хотя бы как-то, если он вдруг что-нибудь съел.

– Все будет хорошо, Лаура.

– Если ты обещаешь...

Он посмотрел на меня в упор – так, что говорить расхотелось.

– Ты все рассказала Торну?

– С чего ты взял? – Я пристально и серьезно взглянула на него.

– Торн сегодня другой.

– Другой?

– Начнем с того, что у него больше нет чешуи и он не хочет убивать.

– Он никогда не хотел убивать.

– Ты не общалась с ним, когда тебя не было, Лаура.

– Возможно, все дело в этом? В том, что я есть? Как бы там ни было, я бы посоветовала тебе самому все ему рассказать.

Ответа дожидаться не стала, вернулась на кровать и снова открыла ноутбук. Надела наушники, чтобы наконец-то прослушать онлайн-задание по курсу, по которому сегодня до конца дня еще и отчитаться надо было.

По-хорошему, мне действительно нужна своя комната, а еще лучше – с кабинетом. Там я хотя бы смогу нормально работать, а то сижу в облаках покрывал и простыней, как домашняя виар.

Гринни, к слову, как раз забила под покрывало и там грустно сопела. То, что сопела, я в наушниках слышать, разумеется, не могла, но то, как она приоткрывала крохотную пасть, чтобы вздохнуть, намекало, что ей не по себе. Я снова и снова возвращалась мыслями к Верражу, но он притих. Даже заснул, кажется, по крайней мере, глаза драконенка были закрыты, а бока раздувались.

Где там этот Кортхарт?!

Разумеется, со строительства телепорта так быстро не вырваться, но мне нужно было понять, что произошло с Верражем.

– Арден, – я приподняла наушники, – может, нам его обследовать?

– Лаура, я понимаю, что ты готовишься стать матерью, но, по моему, он заснул. Просто дай ему поспать.

Вот это «готовишься стать матерью» прозвучало почему-то обидно, возможно, как раз именно потому, что я действительно готовилась стать матерью. Может быть, Арден прав и Верраж просто

слегка объелся, а я тут целую историю сочинила? Еще раз глянув на спящего драконенка, я вздохнула и вернулась к занятию.

Там как раз говорили о ключевых принципах построения сценария, о том, чем отличаются сценарии в Аронгаре (то есть все, что создается в районе Вайшеррских холмов) от сценариев мирового кинематографа в принципе. Говорилось о ключевых отличиях сценариев для кино и сценариев для постановок и шоу. В качестве яркого примера (почему-то я абсолютно не удивилась) разбиралась теория постановки «Мир без тебя» от Джермана Гроу с участием Леоны Халлоран в главной роли.

Я настолько провалилась в эту теорию, что потеряла счет времени.

– Лаура! – Голос Ардена перекрыл голос преподавателя, и я оторвалась от созерцания голографической афиши, на которой оплетенная лентами Леона Халлоран падала с крыши высотки.

Я вскинула голову и увидела, что рядом с Арденом стоит мергхандар. Пришлось в срочном порядке ставить видео на паузу и снимать наушники, которые сомкнулись на моей шее.

– Да?

– Ферна Хэдфенгер, мне передали, что вы хотели меня видеть. – Высокий темноволосый иртхан быстро склонил голову и так же быстро ее поднял.

– Да. Вы же гуляли сегодня с Верражем и Гринни?

– Так точно.

– Он ничего не жевал? Я не знаю... Какую-нибудь строительную дрянь или что-то такое? Он просто...

Я перевела взгляд на Верража: он снова бил хвостом и урчал. Утробно, вздыбив чешуйки.

– Он ведет себя вот так. С самого утра.

Мергхандар кинул в сторону драконенка быстрый взгляд.

– Нет. Но такое поведение им действительно несвойственно. Я должен его забрать.

– Уверен, мы можем без этого обойтись, – произнес Арден.

– Вы можете быть уверенными в чем угодно, ферн Ристграфф, но подобно тому, как вы отвечаете за здоровье ферны Хэдфенгер, я отвечаю за ее безопасность. Драконенок – это зверь, у которого

непонятно что на уме, и, если он беспокоится, ему лучше посидеть в изоляции. Поэтому пока я его забираю.

Он шагнул было к Верражу, готовый отдать приказ, но у меня было преимущество. Я перекатилась на другую сторону кровати, спрыгнула и оказалась рядом с драконенком раньше, чем кто бы то ни было.

– Он не причинит мне вреда, – сказала я. – Ферн Ристграфф, точнее, его помощники проведут все анализы, или мы вызовем ветеринара...

– Ветеринара мы однозначно вызовем, ферна Хэдфенгер, но сейчас мне придется его забрать.

Да что же он упертый-то какой!

Я хотела сказать, что Верражу будет лучше со мной и с Гринни, но в этот момент драконенок ощерился и зарычал. Я опустилась рядом с ним на корточки, протянула к нему руку.

– Маленький, что с тобой? Что у тебя болит?

– Лаура, назад! – скомандовал Арден.

Я обернулась.

Поэтому не увидела, как Верраж прыгнул – одним резким движением врезаясь в меня и сбивая с ног. От удара голова взорвалась болью, звериные когти полоснули воздух рядом с лицом. Я дернулась в сторону, и только поэтому зубы сомкнулись не на шее, а на наушниках, с хрустом ломая пластик и металл.

В этот хруст ворвался странный звук, я даже не сразу поняла, что это звук выстрела – первый, второй, третий... и дикий, полный боли вой. Мелькнул перед глазами перепуганный звериный взгляд, и Верраж завалился набок рядом со мной.

Не в силах поверить в то, что произошло, я потянулась к нему, но пальцы только скользнули по чешуе: меня рывком вздернули на ноги.

Арден.

Я повернулась к нему. Снова.

Он что-то говорил, но я не понимала ни звука, его рот просто беззвучно открывался и закрывался, а потом мой взгляд снова упал на Верража. Драконенок лежал на полу, на чешуе алели опалины ранений, запечатанные выстрелами лазерного оружия, а в глазах понемногу гасло синее пламя.

Я закричала.

Так, что глаза Ардена широко распахнулись, а в следующее мгновение кто-то или что-то оторвало его от меня и швырнуло о стену. Как куклу, как манекен, я даже не сразу поняла, что это была я – выброс пламени вспорол пространство, наполняя все вокруг фиолетовой дымкой и льдом, и я перестала быть собой.

Глядя на то, как пытается подняться стрелявший в Верража мергхандар, шагнула к нему. Я больше не чувствовала себя, зато чувствовала эмоции и чувства других. Пытавшегося собрать силу Ардена, которого ледяной панцирь приковал к стене. Страх иртыхана, чье оружие отлетело в сторону, недоумение, сменяющееся решительностью, двух ворвавшихся в комнату мергхандаров и боль плачущего драконенка.

– Ф... на Х. дфнгр... – услышала я и вскинула руку.

Вошедших вышвырнуло за дверь, которую запечатало ледяной броней, а я уже приблизилась к поднявшемуся мергхандару.

Удар, который должен был меня уложить, сейчас показался просто легким тычком в грудь, я выкинула руку вперед, текущий с пальцев лед впился в его шею, и страха стало больше. Страх, а еще ненависти и злобы, чего-то темного, мерзкого, и я прошипела, глядя ему в лицо:

– Что. Ты. С ним. Сделал.

Мергхандар беззвучно открывал и закрывал рот, лед стекал по мундиру, вползал под него.

– Говори.

Это прозвучало откуда-то издалека, но голос был мой.

– Раннарская... трава... раствор... отложенный... приказ...

– Кто? – Я сжала пальцы сильнее, и от моего прикосновения припаявшийся его к стене лед таял, как пластилин. Хотя, возможно, как пластилин была кожа на его горле, которая сминалась под моими пальцами легко, без усилий.

Он судорожно вздохнул, пытаясь урвать глоток воздуха.

– Кто тебя прислал?

– К... Крейд...

Я сжала пальцы сильнее, и в этот момент услышала писк. Жалобный, надрывный, и обернулась. Гринни, которая выползла непонятно откуда, тыкалась носом в морду Верража и кричала. Не просто кричала – плакала.

Драконенок судорожно дышал. Рвано, урывками.

Не сводя с меня гаснущего взгляда, и вот это действительно было как удар в грудь – такой, от которого из меня выбило весь воздух и закружилась голова. Я разжала пальцы и бросилась к Верражу. Упала рядом с ним, обнимая руками, всем телом.

Он не может умереть...

Он просто не может умереть!!!!

Но он умирал, я это чувствовала. Чувствовала, как тонкой струйкой уходит из тела жизнь, а вздохи становятся все более рваными и более короткими.

– Нет, – прошептала я. – Нет, нет, пожалуйста, нет...

Прижалась к нему всем телом, зажмурилась на миг и снова открыла глаза, сквозь пелену слез я видела только мордочку Гринни и опускающиеся веки Верража. Когда они сомкнулись, я закричала. Снова... но крика на этот раз не услышала, потому что его поглотила боль. Такая боль, словно со спины сдирали кожу.

Мгновение – и полыхнувшее вокруг пламя окутало нас троих. Фиолетовое, дрожащее, текущее сквозь меня, оно впитывалось в драконенка как бесчисленные соединяющие нас пуповины. Пелена перед глазами сгущалась или, если быть точной, утолщалась, отрезая нас от остальных. Я не совсем понимала, что происходит, слышала только удары четырех сердец: тонкие, как ниточка пульса, – Льдинки, еле слышные, быстрые – Гринни, тягучие, глухие, замедляющиеся – Верража, и свои, отдающиеся в его теле.

– Я люблю тебя, маленький, – прошептала, прижимаясь еще сильнее. – Слышишь?

Невесть откуда над нами раскинулись крылья – огромные, фиолетовые, накрыли, укутали нас, но я уже не различала, что реальность, а что нет. Меня затягивало в бесконечное фиолетовое пламя, которое разрасталось, разрасталось и разрасталось. Единственное, за что я цеплялась – это за биение сердца Верража под моей ладонью, которое продолжалось.

Оно продолжалось, продолжалось и продолжалось, а потом...

Драконенок открыл глаза.

И все остальное стало уже не важно.

Глава 17

Я приходила в себя со странным ощущением. С очень странным ощущением, которого не могла понять, только потом осознала, что мою руку сжимает чья-то рука. Сжимает так крепко, что, кажется, она уже больше принадлежит сжимающему, чем мне. Я попыталась ее отнять, но слабая попытка не увенчалась успехом, зато увенчалась низким, хриплым:

– Лаура, – голосом Торна.

В этот момент я резко все вспомнила и так же резко открыла глаза.

– Верраж!

– Спит у себя, – прокомментировал Торн.

Он сидел рядом с моей постелью, больше напоминающей больничную койку. Хотя бы потому, что аппаратуры здесь было как в исследовательском центре. Все это равномерно попискивало, светилось разными линиями и показателями, но я точно не в исследовательском центре, потому что это комната, а лежу я на кровати. В паутине датчиков – это да. Но в комнате. На кровати.

Прежде чем я успела задать хотя бы еще один вопрос, Торн одним движением подался вперед и прижал меня к себе так, что датчики отозвались возмущенными воплями на всю комнату. Судя по звуку, мгновенно открылась дверь, но тут же закрылась, а я попыталась упереться ладонями ему в грудь:

– Торн! Торн, ты меня задушишь!

– Это вряд ли, – произнес он, но все-таки чуть ослабил объятия. При этом глядя на меня так, словно видел впервые в жизни или не видел очень давно. Только сейчас я заметила стоящую рядом с кроватью капельницу, и сердце ухнуло вниз.

– Льдинка? – еле шевеля губами, спросила я.

– Что? – Торн чуть отстранился, проследил мой взгляд, а потом еле слышно вздохнул. – С ней все хорошо. С малышкой.

– Т-тогда почему ты на меня так смотришь? – вытолкнула из себя этот вопрос. – Что еще случилось?

– Случилось, что ты спала две недели, Лаура. Никто не мог тебя разбудить.

Две недели?! Нахлынувшее вслед за его словами кратковременное облегчение снова сменилось тревогой, поэтому я несколько раз судорожно вздохнула, прежде чем продолжить.

– Две недели?! – переспросила все-таки.

– Да, Ледяная волна в самом разгаре. Я уже начал думать, что ты пропустишь эту драконову задницу.

Торн сказал «драконова задница»?! Еще и пошутил при этом?

Да, теперь точно самое время начинать волноваться.

– Торн, что случилось? – спросила я. – Что я сделала?

– Не думаю, что сейчас самый лучший момент, чтобы об этом говорить. Ты только пришла в себя.

– Да, после того как спала две недели и никто не мог меня разбудить! После чего? Что такого произошло, из-за чего я отключилась на две недели?

Торн вздохнул. Немного отодвинулся, и я увидела, что помимо кучи аппаратуры здесь еще стоит стол, кресло, а на столе – открытый ноутбук и смартфон.

– Я приглашу Ардена и других. Они проведут диагностику, а потом...

– Торн, мне не нужна диагностика. Мне нужно, чтобы ты мне все рассказал. Пожалуйста. – Я взяла его за руку. – Судя по тому, как я себя чувствую...

– Я все тебе расскажу, Лаура, – прервал меня он. – Но только после того, как мы убедимся, что с тобой все в порядке.

Торн поднялся, коснулся гарнитуры, и спустя минуту (хотя я не уверена, по-моему, спустя секунды) в комнате уже был Арден и еще трое медиков. Двое сразу устремились к аппаратуре, один схватил планшет, Арден подошел ко мне.

– Привет, Лаура.

Я зажмурилась. Мне все еще казалось, что это – нереально. Две недели. То, что произошло в комнате...

– Все живы?! – вырвалось у меня.

– Ну я – как видишь. – Он усмехнулся. – Ты меня даже не приморозила как следует, а так, слегка припечатала.

– Без комментариев, – произнес Торн, и Арден, явно собиравшийся продолжить, осекся.

Дальше меня просто осматривали: проверяли реакцию – с ней все было в порядке, движения – хотя тело было слабым, с моторикой все тоже было хорошо, сделали кучу анализов, поговорили, чтобы проверить речь, и все это происходило так быстро, что я не успевала даже сосредоточиться на чем-то другом.

Пластины и датчики сменяли один другой, когда от меня наконец-то отстали с портативными анализаторами и прочей медицинской аппаратурой, я была счастлива, что от меня отстали.

Короткий комментарий Ардена:

– Все показатели в норме, утром сделаем повторные тесты, – стал просто освобождением.

– Торн, я ведь не убила того... мергхандара? – спросила я, когда за врачами наконец-то закрылась дверь.

Торн покачал головой.

Я глубоко вздохнула. Попыталась сесть, но голова тут же закружилась, и мне пришлось сползти на подушки.

– Мне сейчас очень тяжело говорить, – произнесла я, и это была чистая правда. Слабость накатывала волнами, из-за чего временами еле ворочался язык. Иногда все было нормально, а иногда – еле ворочался.

– Поэтому тебе лучше поспать.

Ну уж нет.

– Поэтому я буду тебе благодарна, если ты мне все расскажешь без наводящих вопросов. Пожалуйста, Торн. Ты же помнишь, что все наши проблемы начались именно из-за того, что мы считали, что «это подождет».

На эту небольшую, по сути, тираду у меня ушли все силы. Торн развернулся, отошел к столу, и я уже почти успела на него обидеться – мне показалось, что он снова собирается уйти от разговора, когда Дракон номер один все-таки обернулся. Опустился на край стола, сомкнув на нем руки, пристально посмотрел на меня.

– Ты хочешь знать, что ты сделала, Лаура. Я лучше покажу.

Он взял ноутбук и приблизился ко мне. На записи с видеокамер было видно, как я бросаюсь к Верражу, как обнимаю его. Как за моей спиной распахиваются крылья, разрывая одежду. У меня были крылья?! Я смотрела на фиолетовое пламя, окутывающее нас, и на то, как я укрываю перепуганную Гринни и раненого Верража. А потом

пламя начало уплотняться, становясь прозрачным, и от меня к зверьям протянулись тонкие фиолетовые нити.

– Э-э-э... это что? – спросила я.

Потому что то, что происходило на экране, было похоже на...

– Я что, отложила яйцо?

Торн улыбнулся.

– Не совсем. Ты их защитила. Вот так, по-драконьи. Но в общем-то ты права – это похоже на яйцо.

– Это не похоже, это и есть яйцо!

Я смотрела, как мы втроем запечатываемся в прозрачной скорлупе, увидела, как Арден бросается к нам и как в комнату вбегают мергхандары.

– Благодаря тебе Верраж выжил. Ты его исцелила. И себя.

Суэта с яйцом не стихала до той минуты, пока в комнату не влетел Торн. Я увидела, как его пламя соприкасается со стенкой защиты и как она лопается. Увидела, как он поднимает меня на руки.

– Арден сказал, что Верраж тебя задел. Но, когда я тебя принес к медикам, на тебе не было ни царапины.

– Ум-м-м-м... – многозначительно сказала я.

– Это еще не все.

Торн переключился на записи с внешних камер. Сначала в белом мареве Ледяной волны вокруг резиденции сложно было что-то разобрать, а потом я поняла, что нас окружают драконы. Ледяные драконы, десятки или даже сотни драконов, расположившихся вокруг дома. Кто-то сидел, кто-то лежал, кто-то кружил над парком.

Ага. Понятно.

– То есть я создала яйцо, и ко мне прилетели драконы, – сказала вслух. – Да. Круто.

Торн захлопнул ноутбук.

– Это не запись, Лаура. Это камеры в режиме реального времени. Каким-то образом ты держишь их здесь.

Вот именно драконов мне для полного счастья и не хватало. Здесь, в режиме реального времени.

– Как? – задаю я риторический вопрос, хотя в моем случае он больше чем животрепещущий.

– Хотел бы я это знать.

Торн отворачивается, якобы чтобы отнести ноутбук на стол, но отворачивается он слишком резко, а еще меня слишком резко полосует упавшей между мной и его чувствами ледяной стеной. Если до этого я его чувствовала, хотя и не отдавала себе в этом отчет, сейчас передо мной просто Торнгер Ландерстерг, его Драконье ледянейшество номер один, которое в привычном образе «Сугроб версия 1.0».

Меня даже не это обижает, сколько тот факт, что после всего он мне не доверяет. О каких вообще отношениях может идти речь, когда нет доверия?

– Сейчас тебе лучше отдохнуть, – говорит он, обернувшись.

– Сейчас мне лучше всего узнать правду.

– Правду я тебе только что рассказал.

– Всю? – уточняю я. – Или, как всегда, осталось кое-что, о чем ты забыл упомянуть и из-за чего в ближайшее время вполне способен превратиться в ходячий ледяной штырь?

У меня нет сил толком высказать ему все, что я по этому поводу думаю, и это обидно вдвойне. Обидно, что вокруг резиденции сидят драконы, я чуть не снесла яйцо (ладно, «снесла» это не то слово), спасла себя и Верража, а мне даже до конца рассказать все нельзя.

– Знаешь что, Торн? – говорю я. – Иди-ка ты к драконам. Скажи им, что я их больше не держу, и тебя тоже больше не держу. Пусть приходит Арден и смотрит, как я сплю. Он тоже всей правды не говорит, но от этого мне не горячо и не холодно.

Я закрываю глаза и сползаю пониже под одеяло.

– Лаура. Ты не понимаешь...

Глаза приходится открыть.

– Так объясни мне! Как я пойму, если ты мне ничего не говоришь? Или ты правда считаешь, что для меня лучше оставаться в блаженном неведении?! Знаешь, почему у меня не было даже всплеска пламени, когда я узнала о беременности Солливер?! Потому что ты мне сказал о ее беременности! Потому что я узнала об этом от тебя!

Я сорвала с себя все проводные датчики, из-за чего аппаратура опять возмущенно завопила, а с беспроводными можно было спокойно свернуться клубочком под одеялом, что я и сделала.

– Хорошо. – Торн приблизился и снова опустился рядом со мной на кровать. – Солливер. Помолвка с ней расторгнута, и сейчас она занимается тем, что записывает провокационные видео, собирающие в

торговых центрах митинги, которые полиция уже устала гонять. Очень многие с ней согласны – в том, что она потеряла ребенка из-за того, что я привез тебя. Кадгар уволился пару дней назад, не выдержал прессинга, нового пресс-секретаря я пока не нашел. Мои рейтинги сейчас переживают не лучшие времена, реформу называют показухой и желанием подняться за счет привлечения большего числа избирателей среди людей. Крейд сбежал. Твой выброс пламени спровоцировал небывалую аномалию, притянувшую драконов, и теперь Мировое сообщество требует предоставить записи камер и дать разъяснения по поводу происходящего.

По мере того как он говорил, его голос из обычного ледяного становился все ниже и ниже, срываясь чуть ли не на рычание.

– Как думаешь, почему я не хочу обо всем этом с тобой говорить, Лаура?! Потому что я до одури, безумно боюсь, что с тобой что-нибудь случится. Боюсь тебя потерять. Боюсь, что вся медицина мира не справится с тем, во что тебя превратили, и тогда...

Он осекся, а я замерла. От полоснувших меня чувств стало зябко даже под одеялом. Зябко и в то же время тепло. Я все-таки села на постели в тот момент, когда он уже собирался подняться. Накрыла его руку своей, и захоти он ее сейчас отнять, сделал бы это, не особо утруждаясь.

Но он не захотел.

Торн взглянул на меня, и в это мгновение меня почему-то ударило в сердце с такой силой, что я на миг перестала дышать. Я видела взгляд иртхана и дракона одновременно, как это возможно, не представляла, но этот внутренний взгляд застывшего под властью человека зверя был не менее проникновенным и близким.

– Во-первых, меня превратили не во что, а в кого-то. Смеем заметить, что при всех своих талантах откладывать странные яйца и призывать драконов, не призывая их, я по-прежнему остаюсь человеком... ну или просто непонятно кем женского пола. Надеюсь, тебя это не смущает?

В синих глазах полыхнуло пламя, но я опередила Торна:

– Мы справимся со всем вместе, – сказала тихо. – Помнишь, я сказала, что я с тобой? Надеюсь, что и ты со мной, Торн. Вся медицина мира, может быть, даже не представляет, что со мной делать, но мы справимся. Только если ты со мной. Ты же со мной?

Он судорожно вздохнул, а потом снова притянул меня к себе. Я обняла его в ответ, и, поскольку объятия получились слабенькими, Торн поднял подушки повыше и устроил меня на своей груди.

– Две недели вышли насыщенными, – сказала я.

– Очень, – подтвердил он.

– И что Мировое сообщество хочет... в смысле, зачем ему внутренние камеры?

Торн ощутимо напрягся.

– Затем, что Халлорану нужно средство давления на меня. То, что я показал тебе... твоя сила не для всех, Лаура. Не для глаз иртханов, не говоря уже про людей.

– Халлоран хотел мне помочь, – напомнила я.

– Умереть? – Торн усмехнулся. – Ферверн всегда был отдельно стоящим государством. Несмотря на то что наши правители входили в Мировой совет со дня его основания, мы всегда держались особняком. Многим это не нравится, сейчас – особенно. Халлорану это не нравится вдвойне. Он привык, что его власть простирается за пределы Аронгары, и то, что она не может зацепить Ферверн...

– Может, стоит дать ему то, что он хочет? – спросила я.

– То есть?

– Если он хочет принимать участие в политике Ферверна, пусть принимает. С условием, что ты – и любой член правления в равной степени смогут принимать участие в политике Аронгары.

– Нужна мне его Аронгара. – Торн усмехается, а я тянусь к его губам и касаюсь уголка кончиками пальцев.

Всего лишь одно мгновение – и он перестает улыбаться, а я отдергиваю руку, как будто обожглась. Этот неосознанный жест, который совершенно не в тему, не к месту и которого не должно было быть... что это вообще было?!

Я пытаюсь отодвинуться, но он меня не пускает.

– Куда ты опять собралась, Лаура?

– На подушки.

– Ты плохо себя чувствуешь?

– Нет. Просто... между нами еще ничего не решено, и все это совершенно не вовремя.

Торн глубоко вздыхает, а по ощущениям, внутри у него клокочет концентрат ледяного пламени. Если оно вырвется, мы окажемся в

зимней пещере, а с носов будут свисать сосульки.

– Между нами все уже давно решено.

– Нет. – Я качаю головой. – Прости, если дала тебе повод думать, что это не так.

Хорошо, если только с носов.

– Ты сейчас издеваешься? – Он смотрит на меня. – Или ты и не прекращала это делать? Что вот это такое было?

Торн перехватывает мои пальцы и подносит к своим губам. Кожа вспыхивает ледяными искорками, которые прокатываются по запястью, по сгибу локтя, по плечу и концентрируются в области сердца, чтобы оттуда рассыпаться по всему телу.

– Это был спонтанный жест, – выкручиваюсь я.

Пытаюсь точно так же осторожно выкрутить свои пальцы из его ладони и убрать подальше от его губ, но он не отпускает, а поцелуй продолжает жечь.

– Торн, отпусти.

Он отпускает. Правда, делает это с таким видом, что все равно становится понятно: будет надо – возьмет опять. На всякий случай сую руку под одеяло, так будет уютнее. Взгляд падает на медицинскую аппаратуру, на погасший дисплей планшета, оставленного кем-то из врачей, и я опять вспоминаю Ардена. А следом за ним...

– Эллегрин! – говорю я. – Что с ней?

– Ничего. – Торн пожимает плечами. – Изолирована в доме отца, пока что в сопровождении мергхандаров Роудхорна под домашним арестом. Никаких мобильных устройств и других средств связи, ничего такого, что может стать спусковым механизмом. По крайней мере, из того, до чего может дойти моя фантазия. Проблема в том, что, когда имеешь дело с преступниками такого уровня, надо мыслить, как они. Я понятия не имею, что могли вложить в ее голову.

– А тот мергхандар, который мог отдать ей приказ или вроде того?

– Мертв.

Я потираю виски. Во всей этой истории ниточки обрываются раньше, чем мы успеваем к ним прикоснуться.

– Это не твоя забота, Лаура, – произносит он. – Решать это буду я.

Да я как-то и не собиралась. Если честно, я была искренне рада, когда смогла ему обо всем рассказать, потому что шпионка из меня, как из Бена примерный семьянин. Не говоря уже о том, что я каждый

день открываю в себе какие-то новые грани заложенного в меня еще до рождения таланта. Знала бы кем – с удовольствием подарила бы ему или ей, пусть разбираются.

С яйцами, с драконами, с Мировым сообществом.

И со всем остальным заодно.

– Не хочешь быть соуправителем Аронгары, давай скажем правду, – говорю я. – О том, что со мной происходит, о том, что...

– Мы уже сообщили о том, что на тебя было совершено покушение. – Крылья его носа дрогнули. – О том, что ты находишься без сознания в резиденции под наблюдением лучших врачей, – тоже. Это большее, что следует знать Мировому сообществу. Твоя сила не просто необычная или взращенная прямым вливанием крови, как у Танны Ладэ-Гранхарсен, ты – результат никому не известного эксперимента. Того, кто проводил опыты над беременной женщиной, а потом малодушно свернул исследования и сбежал. Твоя сила не подчиняется контролю, ты угроза для мира иртханов и для мира людей. Если у меня спросят, могу ли я дать гарантию, что во время родов на тебя не слетятся посмотреть драконы со всего мира, я не смогу ее дать.

– А они могут? – поинтересовалась я. – Слететься? Чисто теоретически.

– Чисто теоретически теперь может быть все. Когда это случилось с тобой, я был на пути в тюрьму, между Айрлэнгер Харддарк и телепортом. Я чуть не обернулся прямо во флайсе, и все, что я могу сейчас сказать, – это был не просто крик о помощи, Лаура. Это был драконий зов на уровне инстинктов. Настолько сильный, что меня на мгновение выбросило из сознания иртхана, а это – можешь мне поверить – достаточно сложно сделать. Но с тобой так было всегда.

– Что значит всегда? – Я насторожилась.

– Ничего. – Торн осторожно поднялся.

– Торн, ты опять чего-то недоговариваешь?

– Всегда – это значит, что, когда ты только уехала, я почти прилетел к тебе в Рагран. Развернулся только на границе города, из-за щитов. – Он указал мне на подушки. – Тебе правда лучше сейчас отдохнуть.

– Сейчас? А потом?

– А потом пойдем разбираться с драконами. Надо же отпустить бедолаг в туалет и поесть.

Я не выдержала и расхохоталась. Настолько громко, что пришлось прикрыть рот рукой, чтобы это не выглядело неприлично.

– Торн, когда ты шутишь, становишься похожим на человека, – произнесла сквозь смех.

– Никогда к этому не стремился.

Я наигранно тяжело вздохнула.

– Жаль.

– Спи, Лаура.

– А мне в туалет можно?

У Торна стало такое лицо... такое торновское лицо, пожалуй, это уже можно использовать как имя нарицательное, когда человек или ир்தхан врубает ледяной взгляд и очень жестко на тебя смотрит.

– Ладно-ладно. Сплю.

Я зарылась в подушки, но все-таки приоткрыла один глаз, чтобы увидеть, как Дракон номер один садится за стол и подтягивает к себе ноутбук.

– Это вместо второй кровати? – не удержалась я.

– Это вместо рабочего места в Айрлэнгер Харддарк.

Я моргнула.

– В смысле? Ты что, работаешь здесь? А пресс-конференции? А...

– Это все можно спокойно сделать отсюда. Благо спутниковую систему связи никто не отменял.

– Ты что, две недели не был в Хайрмарге?! – Я все еще не могла поверить. Да что там поверить, это даже звучало как бред!

До той самой минуты, когда Торн просто и прямо ответил:

– Да.

Глава 18

К драконам мы собрались через пару дней. За это время меня умудрились обследовать с головы до ног, от кончиков пальцев до корней волос, но не нашли причины, по которой нормальная (сомнительный факт) и в прошлом обычная женщина неожиданно отложила яйцо. Подобно моей ДНК мой состав крови менялся по десять раз на дню, и Арден только разводил руками.

– Я не представляю, как работать с таким материалом, – сказал он. – Как его анализировать – тоже.

Торн сурово промолчал – видимо, тоже не представлял, как работать с «таким материалом», и именно после этого разговора мы направились к драконам. Одежду мне доставили новую. Ту, которую я сама выбрала из разных интернет-каталогов. Торн намекнул, что пора бы это сделать, если я не хочу ходить голой.

«Ходить голой» его низким рычащим голосом прозвучало так, что я даже забросила очередной день работы над сценарием и побежала заказывать. Справедливости ради, я сама об этом просила, и он это запомнил. Он вообще запомнил слишком много всего, что было со мной связано, не считая того, что продолжал безвылазно сидеть у меня. Несмотря на то что в Хайрмарге митинги понемногу перерастали в протесты, на которых требовали справедливости для Солливер Ригхарн и раскрытия правды про реформу, которая «была не чем иным, как обходным политическим маневром».

Как-то я заикнулась о том, что ему стоит съездить в Хайрмарг, но на меня посмотрели так, что больше я на эту тему не говорила. Пусть сам решает свои драконьи дела, если мои советы ему кажутся лишними.

Ко мне пока тоже никого не пускали. Впрочем, видеть меня хотели только отец и Даргел, но если с братом я поговорила по видеосвязи, то с отцом еще не созванивалась. Не могла себя заставить снова возвращаться к тому, что между нами произошло. Мне казалось, я кое-как с этим справилась, оказалось, что нет. И даже не кое-как. Поэтому поговорила с братом, заверив, что у меня все в порядке, а заодно пообщалась с Мел, которая пожелала заговорщикам

несварения на десять лет вперед, а мне – как можно скорее встать на ноги и их навестить.

– Я все-таки собираюсь сделать ей предложение, – сказал Даргел, когда его девушка скрылась в арке кухни-гостиной.

Сам брат вышел на балкон, явив видеокамере ночной Хайрмарг, окутанный дыханием Ледяной волны. Стекла были обманчиво – едва-едва – тронуты ледяным узором, но панорама города ощутимо отличалась от привычной. Во-первых, было меньше флайсов, и даже стрелы общественного транспорта не мельтешили на специально выделенных магистралях так часто. Во-вторых, высотки были подсвечены гораздо большим количеством окон, чем обычно: преимущественно все сидели дома.

За исключением тех, кто ходил на митинги в поддержку Солливер, чтоб их.

Я не считаю, что потерю ребенка можно пережить так легко, но и устраивать из этого шоу, которое устроила она, мерзко. Мне удалось посмотреть несколько видео, пока Торн отлучался в душ, и вместо сочувствия, которое я должна была испытать, мне захотелось ее придушить.

Сама не знаю почему.

– Лал? Ты меня слышишь?

– Слышу. – Я вернулась в реальность. – Прости. Задумалась о некоторых.

– Об отце?

– Не совсем. Так все-таки... предложение. – Я улыбнулась. – Давно пора. Мел у тебя мировая.

– Главное, чтобы эта мировая не отказала мне. – Даргел улыбнулся в ответ. – Иначе не представляю, как я буду жить с уязвленной мужской гордостью.

Я не выдержала и фыркнула.

– Ты даже не представляешь, как это бьет по тебе, Лал, – брат поежился, как будто Ледяная волна сквозь оконную изморозь могла перетечь в него, – когда женщина, которой ты хочешь обладать, в которую влюблен до безумия и ради которой готов на все, говорит, что не готова к браку с тобой.

Я почему-то подумала про Торна.

Про то, какими были наши отношения и какими они стали. Во что они превратились после того, как мы не захотели друг друга слышать.

– Возможно, тебе стоит понять, почему она этого не хочет?

– Почему, я знаю. У нее был парень, который предлагал ей стать его женой, и она согласилась. А после он трахнул ее лучшую подругу.

М-да. Не сказать, что это какая-то сверхвыдающаяся ситуация, но я бы на месте Мел тоже не хотела замуж.

– Она боится не меньше тебя, – ответила я. – И, Даргел, сделаем вид, что я этого не слышала. Это не тот секрет, который стоит рассказывать даже сестре. Это очень личное.

– Очень личное. – Он кивнул. – Прости. Просто мы так давно не говорили о настоящем... о нас. О наших... о чем-то простом и земном. Я уже забыл, когда мы с тобой вот так общались – не о матери, не обо всяких шпионских играх и секретных экспериментах.

Я улыбнулась.

– Знаешь, я тоже скучаю по тем временам, когда я была просто я. Заканчивала ХГУ и мечтала танцевать на льду.

– Теперь ты мечтаешь написать сценарий, по которому все будут танцевать на льду?

Я приподняла брови.

– Это Торн рассказал. Мы немного поговорили о тебе.

Да-а-а. А еще говорят, что у женщин на языке ничего не держится. Хотя... мне вдруг стало интересно.

– И что он говорил по поводу того, что я хочу написать сценарий?

– Ничего. Просто то, что ты хочешь написать сценарий.

– Я имею в виду, какой у него при этом был вид? Голос, интонации?

Теперь уже брови приподнял Даргел.

– Мне нужно понять, считает ли он это моей очередной блажью.

– Почему бы тебе не спросить у него?

Если бы это было так просто.

Я так и вижу наш диалог: «Торн, что ты думаешь о моем желании написать сценарий для нового формата – аэрошоу, постановкой которого займется Джерман Гроу?» – «Я думаю, что тебе стоит сидеть в резиденции, Лаура, и откладывать яйца».

Нет, разумеется, так он не скажет, но больше всего я боялась, что смысл его ответа будет именно таким. Потому что это будет значить,

что все, от чего я бежала, все еще в силе и что никаких перемен в отношениях между ним и мной нет и не может быть.

Говорить об этом Даргелу я, разумеется, не стала. Быстренько свернула разговор на то, что действительно пишу сценарий, хотя после возвращения из сна написала от силы две строчки, и пожелала ему быть уверенней в разговоре с Мел.

– Ты – не он, и она уже взрослая девочка, чтобы это понять, – сказала я.

Брат согласился. Для вида, потому что было заметно, как он волнуется, но обещал перезвонить и рассказать, как все прошло. В итоге сегодня вечером он делал предложение своей девушке, а я собиралась на встречу с драконами. На этот раз зачехляться пришлось не только в утепленный костюм и ботинки, но еще в маску-респиратор, не позволяющую легким превратиться в кусочки льда при вдохе.

Торн маску надевать не стал.

– Мой организм адаптируется к любым условиям холода, – произнес он. – Ледяное пламя.

Я не стала говорить, что мой организм, похоже, тоже это умеет, да и зачем? Проверять пределы своей выносливости не хотелось даже исходя из соображений собственной безопасности, не говоря уже о безопасности Льдинки. Помнится, в детстве я была совершенно безбашенной, и как-то мы с Рин решили попробовать высунуться за окно и сказать: «Р-р-р!!!» – как раз во время Ледяной волны.

– Ничего не случится, – уверяла меня Рин. – Главное при этом не дышать.

В общем, окно мы открыли, и я даже сказала: «Р-р-р!» Потом мне лечили обморожение слизистой глаз, а Ингрид ругалась на Рин и говорила, что никогда больше ноги ее не будет в нашем доме.

– Вашей девочке еще повезло, что она вообще не лишилась зрения, – сказала тогда врач.

Сейчас я понимала, что, возможно, тогда мне не просто повезло. Хотя повезло, наверное, но не так, как мы все решили.

– Очки. – Торн протянул мне защитные очки и проверил, что они сидят плотно.

А я в очередной раз вспомнила о Рин, о том, сколько мы с ней уже дружим.

И о своих словах: «Я не забуду о том, что вы для меня сделали».

Я сказала это в ночь перед отъездом в Рагран, когда мы с ней секретничали в доме ее родителей. То, что происходит между нами сейчас, а точнее, то, что не происходит, кажется противоестественным и диким. Мы же собирались танцевать друг у друга на свадьбах! Мы же знаем друг друга, как... как...

Ладно, сейчас думать об этом не стоит. Вот схожу к драконам, отпущу их поест и в туалет, тогда и вернусь к этой теме. А пока...

Пока мы идем по уже полностью восстановленной и более чем жилой резиденции. По крайней мере, сейчас она не похожа на тот холодный бездушный дом, в котором я впервые оказалась здесь. Но даже в том доме у меня были друзья. Как так получилось, что сейчас их нет?

– Дораж Эмери здесь больше не работает? – озвучиваю я свою мысль, которую не решалась озвучить очень и очень долго.

– Нет.

– Почему?

– Он уволился после того, как ты уехала. После того как я отослал твоего отца. Высказал мне все, что обо мне думает, и уволился. Я не стал его задерживать.

Я поворачиваюсь к Торну:

– Ты не стал его задерживать?!

– Я тогда никого не задерживал. Мне хотелось избавиться от всего, что напоминало мне о тебе. От всех. Максимально. Мы пришли.

Мы и правда стоим перед выходом на дорожки к парку. Что ни говори, а мысли о Рин и разговор о Дораже здорово мне помогли, потому что сейчас сердце неожиданно проваливается в пятки: через стекло я вижу исполинские очертания мощных, яростных зверей. Снежные драконы окружают резиденцию, и по сравнению с ними я кажусь просто крохотной. Несмотря на то что я два дня обнималась с Верражем и Гринни, на то, что драконенок еще подрос, сейчас я чувствую себя ходячим снеком.

Стоит мне об этом подумать, как Торн берет мою руку в свою.

Двери распахиваются, и мы вместе шагаем в ледяную пасть.

Драконов здесь десятки. Большинство из них сидят или лежат, несколько кружат над резиденцией, и то, что называется моим сердцем, медленно проваливается в трусы и ниже, звякая как пустынная ледяшка где-то на уровне пяток.

– Если я сейчас упаду в обморок, они меня сожрут или тебя? – спрашиваю у Торна.

У меня микрофон, у него наушник, потому что в такой амуниции очень сложно общаться без микрофона.

– Давай не будем это проверять, – произносит он, и, судя по интонациям, я его здорово повеселила. – Представь, что это я. Просто меня много.

Да мне тебя одного много.

Я прикусываю язык, хотя просто это подумала, и поворачиваюсь к нему. По лицу Торна непонятно, слышит ли он мои мысли или нет. Во время наших обследований он говорил, что телепатически я с ним больше не общалась, но кто знает, как оно включается или выключается. Как, а главное – когда. В прошлый раз включилось в самый неподходящий момент.

– И что мне теперь делать? – спрашиваю я, когда взгляды драконов обращаются к нам. Те, кто парил над резиденцией, снижаются и садятся за спинами своих собратьев. Или сосестер, я не проверяла.

– Для начала тебе надо успокоиться.

Хорошо ему говорить.

Торнгер Ландерстерг явно чувствует себя в своей стихии, потому что от него не исходит ни малейшего напряжения, а вот от драконов – исходит, еще как. Особенно напрягается один, сидящий ближе всех.

– Лидер, – комментирует Торн.

– Какой-то он нервный.

– Он чувствует конкуренцию.

– Меня?!

– Меня. Самка не может быть конкурентом, даже если она сильнее.

А вот это, между прочим, обидно! Не думала я, что драконы такие шовинисты. С виду приличные звери, а туда же.

Из-за марева Ледяной волны непонятно, излучают драконы пламя или нет, но воздух зыбкий, дрожащий. Никогда бы не подумала, что могу ощущать столько неукротимой силы вокруг и остаться на ногах. Их мощь потрясает, объединенная, она словно вливается в меня, заставляя каждую клеточку тела вибрировать. Если бы моя человеческая часть способна была отделяться от того, что в меня

закачали, она бы с визгом убежала и забилась в самый дальний угол этой резиденции, но сейчас... я действительно чувствую себя странно. От втекающей в меня силы страх испаряется, я вижу перед собой громадных, опасных зверей, суперхищников, но не боюсь. Каждый шаг перестает восприниматься как шаг в пропасть, я просто иду. Точнее, мы с Торном идем. Шумное дыхание, струйки ледяного пламени, вырывающиеся через ноздри, мне больше не кажутся угрозой.

Должно быть, я впала в некое подобие транса, потому что сейчас меня словно связало нитями с каждым из них. Или со всеми вместе?

– Нам нужен лидер, – произносит Торн. – Я могу отдать ему приказ. Могу подавить силой, но это будет не то. Они пришли к тебе.

– Я их не звала, – выдыхаю я.

И вдруг понимаю, что звала. Каким-то шестым, седьмым или восьмым чувством, до сегодняшнего дня мне недоступным. Я слышу отголосок своего крика в каждом из них, но это точно не человеческий крик. Это звучание отражается во мне, усиленное десятикратно... стократно. Я содрогаюсь от его силы и понимаю, что они возвращают мне мои чувства. Мое отчаяние.

Как это получилось, я не знаю.

Знаю только, что мне действительно нужно их всех отпустить.

Пальцы непроизвольно сжимаются, и Торн в ответ сжимает мою ладонь. Из-за плотного слоя терморукавиц я не могу почувствовать это прикосновение так, как хотела бы, но сейчас оно придает мне уверенности.

Я ему доверяю.

Это тоже странное чувство, но оно рождается в самой глубине моего существа. Не как осознанное решение, а как что-то совершенно невероятное, инстинктивное, первобытное. Именно поэтому, когда мы останавливаемся перед массивным зверем, чья грудь раскрывается, как меха, втягивая в себя за раз даже не представляю сколько воздуха, я спокойна. Насколько вообще можно быть спокойной рядом с драконом.

Некстати вспоминается детский стишок: «Не бойся ты холода, бойся дракона, один взмах крылом – и летишь ты с балкона». В данном случае я полечу скорее в бассейн, но суть остается примерно та же.

– Не забывай моргать, когда смотришь ему в глаза. Это знак того, что ты не собираешься нападать.

Зверь очень красивый. Чешуя – что-то среднее по цвету между металлом и снегом, броней растеклась по мощному корпусу. Ноздри раскрывались и стягивались, точно так же раскрывались и стягивались зрачки. Веки чуть опустились и снова поднялись – взгляд сияющих пламенем голубых глаз прокатился по мне как поток ледяных искр.

– Как мне... с ним общаться?

– Просто дай ему понять, что все хорошо.

– Как?

– Драконы чувствуют на уровне энергий. Тебе достаточно сконцентрироваться на своем внутреннем состоянии – и раздать его им.

– Я что, типа драконий маршрутизатор?

Смешок Торна прозвучал в ушах.

– Можно и так сказать.

Дракон смотрел на меня. Я на него.

Мы оба моргали, и ничего не происходило. Точнее, происходило – я чувствовала, что ему не нравится Торн. Как он там сказал? Конкурент в непосредственной близости, или что-то вроде. Тем не менее он был настроен на меня, а я доверяла Торну и ухватила за эту эмоцию.

Спокойствие.

Глубокая сила.

Признание.

Связь.

Если бы я могла, сказала бы, что Торн не претендует на его драконье место в его драконьем мире, чтобы тот окончательно расслабился, но то, что его власть дракон признавал, было заметно. Он не бил хвостом. Чешуйки были опущены.

А я вдруг вспомнила, как успокаивала Льдинку: тогда, впервые, в Рагране. Чувство глубокого спокойствия и любви, рождающееся внутри, вспоминается так отчетливо, что я на мгновение теряюсь. В этой нежности к растущей внутри меня крохе, в этом умиротворении, когда думаю о ней. В звучании наших сердец, глубоко и гулко, более сильным моем и мягком – ее.

Тянущееся ко мне пламя ослабевает, я чувствую, как одна за другой рвутся нити.

– Все хорошо, – тихо говорю я, но слышим это только мы с Торном.

Маска заглушает мой голос, но драконам мой голос не нужен.

Напряжение – сильное, мощное, сидящего передо мной зверя ослабевает. Один последний рывок – и дракон на мгновение – долгое или просто растянутое во времени, впивается в мой взгляд ледяным пламенем огромных глаз, а после с силой отталкивается, взметнув вихри снега, и взлетает. Один за другим взлетают остальные, и нас с Торном закручивает в метель, как в веретено. Не в силах оторваться от этого зрелища, я смотрю, как растворяются в ледяном мареве звери: один за другим. Выдыхая опасное пламя в воздух, уходят все выше и выше, к небу, и дальше – в сторону пустошей, превращаясь в едва различимые точки.

Это настолько остро, этот разрыв, что мне хочется плакать.

Вместо этого я медленно сползаю в снег, чувствуя себя невыносимо легкой. Как кружащиеся над нами снежинки.

Глава 19

Торнгер Ландерстерг

Лаура всегда умудрялась от меня ускользнуть, но делала это настолько естественно и незаметно, что мне оставалось только удивляться, как ей это удалось. Она стала первой женщиной, которая бежала в противоположную от меня сторону, а я почему-то никогда раньше не думал, что мне стоит повернуться к ней спиной и пойти в обратном направлении, чтобы снова встретиться с ней спустя какое-то время.

Чтобы узнать ее заново и увидеть, сколько в ней внутренней силы, скрытой, женской, и в то же время ничуть не слабее драконьей. Возможно, именно это меня в ней и привлекло изначально: она не была драконом, когда пошла со мной в пустоши Ниргстенграффа после землетрясений. Не была драконом, когда тянулась к Верражу, которого побаивались даже в зооцентре – отлученный от погибшей матери драконенок в первые дни может быть непредсказуем и опасен, но рядом с ней он не был таким.

У нее получалось дотянуться до сердец всех, с кем она сталкивалась, и если бы я не был так заиклен на самоконтроле, возможно, увидел бы это раньше.

– Я не хочу работать там, где не ценят искренность, – выдал мне Дораж во время увольнения.

Творческие люди с другой планеты, я списал это на его блажь и благополучно забыл о нем до тех пор, пока у нас с Солливер Ригхарн снова не зашла о нем речь. Вряд ли он захотел бы знакомиться с ней, сейчас я это понимал. Равно как понимал, что Солливер Ригхарн никогда не была моим партнером. Она – одиночка, как я.

Точнее, каким я когда-то был.

До встречи с Лаурой. До того как подсознательно, неосознанно захотел впустить ее тепло в свою ледяную жизнь. Но смириться с этим не мог и поэтому воспринимал ее как угрозу.

– Одной проблемой меньше, – произнес я, опускаясь рядом с ней в снег.

– Одной?

– Да, теперь придется объяснять Мировому сообществу, только почему драконы улетели, а не почему они до этого прилетали.

Лаура рассмеялась.

Мне нравилось это. Нравилось слышать ее смех даже через наушники, а я ведь почти не помнил, как он звучит. Скольких ошибок можно было бы избежать, если бы я сразу принял в себе это чувство.

– По-моему, теперь тебе придется объяснять, почему драконы прилетели, почему так долго сидели и почему улетели именно сегодня.

– Вот, значит, как? Я совсем не слышу в твоём голосе оптимизма.

– Ну почему же? – Она фыркнула. – Как по мне, гораздо легче объяснить все в связке, чем когда у тебя вокруг резиденции просто сидят драконы и сами не понимают, что они тут делают.

– Они защищали тебя. Теперь мы это знаем.

– Да. – Под респиратором не было видно, но мне бы хотелось, чтобы Лаура улыбалась.

По крайней мере, я сделаю все от меня зависящее, чтобы она улыбалась чаще.

– Торн. Ты правда не мерзнешь вот так?

Она потянулась ко мне, но отдернула руку, словно опомнившись.

– Правда.

– Почему? Ты же сейчас больше человек, чем дракон.

– Я сейчас больше иртва, чем дракон, а это существенная разница. В моей крови пламя, которое меняет все процессы терморегуляции и не позволяет моей коже покрыться ледяной корочкой, а легким замерзнуть.

– У меня чуть не замерзли глаза в детстве. – Она устроилась поудобнее. Хрупкий, сухой от низкой температуры снег рассыпался пушистой крошкой под ее затянутой в рукавицу ладонью. – Мы с Рин решили высунуться в окно и порычать.

Я покачал головой.

– Так что то, что я сейчас зрячая – вероятно, именно благодаря тем экспериментам. Ну и еще тому, что Ледяная волна только-только набирала силу. Будь она как сейчас, я бы, наверное, превратилась в маленькую ледяную статульку. И Рин тоже.

Теперь она точно не улыбалась, но это я уже почувствовал. Настолько остро меня полоснуло болезненными и близкими ее сердцу воспоминаниями, отравленными настоящей реальностью, что на

мгновение показалось – Ледяной волне все-таки удалось меня зацепить. Вцепиться своими полупрозрачными лапами в легкие и выкрутить их так, что я просто не мог вдохнуть.

– Из тебя бы получилась очень красивая ледяная статуйка, но я рад, что этого не случилось. – Я коснулся рукавицей ее респиратора так, как хотел бы коснуться без всех этих слоев одежды. Да что там, я бы хотел просто повалить ее в снег и впитаться поцелуем в ее губы, прямо в этих бесконечных льдах и низких температурах, под взглядами камер и мергхандаров – мне было без разницы, кто на нас смотрит.

На мгновение эта картина промелькнула перед глазами так ярко, что я поймал своего дракона буквально за хвост на подлете. Во-первых, наши поцелуи не для посторонних глаз. А во-вторых, я не стану ею рисковать из-за собственного минутного помешательства. Или пожизненного помешательства – так будет точнее.

– Так, – она чуть подалась назад, – драконов мы отправили в туалет и поесть, наверное, нам тоже стоит...

К наблам все!

Я подхватил ее на руки и поднялся так резко, что снег следом за нами взметнулся вихрями, как отголоски драконьего пламени. Лаура дернулась, но я только сильнее прижал ее к себе, направляясь в сторону резиденции и расступающихся передо мной мергхандаров.

– Пусти! – предсказуемо брыкается она.

Но брыкаться, будучи так экипированной, достаточно сложно. Когда напоминаешь снеговик на ножках, самое большее, что получается сделать, – упереться руками в грудь.

– Будешь вырываться – уроню в снег, – предупреждаю я.

Она затихает. Хотя бы потому, что и правда боится упасть. Если я что и понял за последнее время, так это то, что за нашу дочь (с какой радости она решила, что там у нас дочь, – не знаю, но пусть будет так) Лаура порвет любого на фервернские флажки и сделает все, чтобы она была в безопасности. Значит, сейчас будет тихо сидеть у меня на руках.

Моему дракону сейчас этого достаточно, он довольно рычит внутри. Его потенциальная пара рядом и никуда не денется, она в безопасности и всецело в его распоряжении.

Не хочется тебя расстраивать, парень, но с этой потенциальной парой очень сложно договориться.

Думая об этом, я чувствую себя как-то странно. Не считая того, что я долгие годы глушил свои чувства, все эти годы я глушил еще и своего дракона, и сейчас это вот перерыкивание (и мои мысли) напоминает разговоры с самим собой.

Как я и говорил, пожизненное помешательство.

Стеклянные двери разъезжаются в стороны, и я шагаю в холл. Благодаря Лауре я все-таки закончил обустраивать резиденцию, и теперь она действительно выглядит как дом, в котором можно жить. Минимализм, никакой пафосной роскоши, но, разумеется, все самое лучшее. Светильники, вмонтированные в стену и в потолки, представляют собой дракона, чей хвост и задние лапы располагаются на одной стене, туловище с детализированной чешуей на потолке, а морда – на противоположной. Сейчас здесь хватает дневного света, но, когда включается подсветка, особенно глаза, выглядит это очень реалистично.

– Куда мы?.. – Лаура не договаривает, стягивает шапку и респиратор и, нахмурившись, смотрит на меня.

– Это сюрприз.

– Сюрприз?

– Надеюсь. Если Арден тебе еще его не раскрыл.

– Арден мне ничего не раскрыл, потому что ты от меня не отходишь. Торн! Я с некоторых пор не люблю сюрпризы. Что там?

Я иду достаточно быстро, поэтому повозмущаться она не успевает. Я ставлю ее на ноги рядом с дверью, а потом закрываю руками глаза.

– Только не говори, что там...

Дверь открывается, и я легонько подталкиваю ее вперед. Потом убираю руки и отступаю, а Лаура замирает.

Детскую оформили в бело-голубых тонах. Кроватка с балдахином, над которой висят снежинки, отдельный манеж, выстеленный мягким ковром с густым ворсом, комод, игрушки и прочая милота, которую, если честно, выбирала и предлагала дизайнер. Я просто утверждал – говорил, что оставить, а что убрать. Свет из огромных панорамных окон льется потоком, пока что холодным, но Ледяная волна не вечна. К тому времени, как наша дочь соизволит появиться на свет, уже снова может пойти снег – ранняя осень в Ферверне как поздняя в Аронгаре,

но тем не менее. Когда она появится, здесь будет много света и много солнца.

Хлюп.

Я не сразу понимаю, что это за звук, а когда понимаю...

— Лаура, ты что, плачешь?

Я разворачиваю ее к себе, но она закрывает лицо ладонями и мотает головой.

— Лаура!

Приходится осторожно отвести руки от ее лица: она действительно плачет. Щеки мокрые, глаза блестят.

— В чем дело?

— Я... — Она судорожно вздыхает, потом поднимает на меня взгляд.

— Что?

— Я...

Кроме «я» у нее ничего не выходит, поэтому я просто убираю мокрые дорожки с ее щек подушечками пальцев. Стираю их мягко, она опускает глаза, и тогда я смотрю на странное сооружение — перекладины вдоль стены, на которых висят мягкие разноцветные шарики и мягкие игрушки размером с детский кулачок: от низких к высоким (если так можно выразиться о росте годовалого ребенка). Меня уверяли, что так у малыша или малышки будет стимул все время подниматься, тянуться выше — когда ползание будет переходит в шаг.

Глубокий вздох совсем рядом.

Лаура поднимает на меня взгляд.

— Однажды я уже поверила в то, что все может быть хорошо, Торн. Поэтому...

— Однажды я совершил ошибку, Лаура. Но я хочу все исправить.

Дракон внутри меня дуреет от ее мягкого запаха — легкого, свежего, напоминающего о неуловимо коротком лете Хайрмарга, и в то же время такого острого, дурманящего, возбуждающего. Я отвожу прядки волос с ее лица и наклоняюсь к ее губам, пробуя их на вкус.

Нет, дракон тут определенно ни при чем, или мы просто дуреем вместе.

Ее губы соленые от слез, и меня сносит, как порывом Ледяной волны с Грайрэнд Рхай, одной из самых высоких точек Ферверна. Мой хриплый выдох врывается в нее, но Лаура упирается ладонями мне в

грудь. Тонкая, хрупкая преграда, которую мне не составляет труда сокрушить – одним движением, ударом пламени. Я чувствую, как оно уже отзывается – ее странная, непонятная сила, которой сейчас боится весь мир.

«Тебе придется представить ее Мировому сообществу и позволить обследование, результаты которого будут обнародованы», – сказал мне Халлоран.

«Только после твоего племянника», – ответил я.

Больше мы с ним не разговаривали, но при воспоминании об этом ярость полыхнула в груди с такой силой, что Лаура невольно отпрянула.

– Я не могу просто забыть все, Торн, – выдохнула она.

– А я не могу изменить прошлое. Не могу изменить прошлое, когда отпустил тебя с ним. Не могу изменить прошлое, когда был с ней. Могу изменить только настоящее. Для тебя. Для нас. – Последнее я уже прорычал. – Просто позволь мне это сделать. Позволь...

Касаться ее было сродни какому-то безумному кайфу. Одно прикосновение к тонкой шее кончиками пальцев, скольжение вдоль бешено бьющейся под кожей жилки, и внутри полыхнуло так, что на миг потемнело в глазах.

Я рывком подался вперед, вжимая ее в дверь, рывком расстегнул молнию комбинезона. Под плотной защитной тканью был свитер, но не было белья. Ее глаза расширились, когда я скользнул ладонями по ее груди, а после – под грубую вязку, касаясь разгоряченной кожи. Это прикосновение отдалось во мне: от хриплого вздоха до расширившихся зрачков, которые почти затопили собой небесную радужку.

– Моя Лаура, – произнес я, глядя ей в глаза. – Только моя.

И задохнулся, когда она коснулась меня в ответ. Скользнула пальцами по молнии куртки, стягивая ее с меня, помогая снять пуловер, царапнула ногтями кожу. Эта невинная и в то же время такая острая ласка, а может быть, осознание того, что она делает и как – осознанно, не под влиянием необузданного драконьего пламени, которое только-только в ней зарождалось, – заставило судорожно втянуть в себя воздух.

Дернуть ее комбинезон вниз, чувствуя, как ее пальцы касаются ремня моих брюк. Не отпуская ее взгляда, по-звериному жестко – глаза

в глаза — чувствовать эти прикосновения каждой клеткой напряженного от возбуждения тела.

Наблюдать.

Впитывать.

Смотреть, как она вышагивает из комбинезона, как из снега, и остается в свитере, трусиках и...

— Чулки, Лаура? — хрипло рычу я. — Серьезно?! Кто надевает под комбинезон в стиле «Антиледяная волна» чулки?!

Она смотрит на меня в упор, а потом облизывает губы.

— Я.

И все. Я просто шагаю к ней, подхватывая под бедра: не знал бы ее, подумал бы, что чулки она надела специально. Сейчас я уже ни в чем не уверен, поэтому просто отвожу край ее белья в сторону. Едва задевая пальцами, из-за чего она шипит. Мы по-прежнему не отводим глаз, словно между нами натянулась невидимая, но прочная, как налитый пламенем стальной трос, нить, и это уже становится по-настоящему диким.

— Зачем? — интересуюсь хрипло.

— Я по ним соскучилась, — выдыхает она. Рвано, выдавая себя с головой.

Впрочем, не только вздохом. Рукой я тоже чувствую ее возбуждение, из-за чего едва удерживаюсь на этой грани.

— А по мне?

Она плотно сжимает губы и качает головой.

— Нет? — Я чуть выкручиваю трусики и слышу стон. Стон, который перетекает в меня с такой силой, что у меня слетают последние тормоза.

Сейчас, когда между нами не осталось ни единой преграды, особенно преграды ее отстраненности, стоит немалых усилий медленно, по-настоящему медленно и плавно, чтобы прочувствовать каждое мгновение, податься вперед, делая ее своей.

— Торrrrrrrн.

Никогда бы не подумал, что она умеет рычать, а особенно — так рычать мое имя.

— Да? — хрипло интересуюсь прямо ей в губы.

Она молчит, даже под свитером угадываются напряженные вершинки груди, острые, как от долгих ласк. Приходится медленно

податься вперед и так же медленно – снова назад, вызывая тихий вздох.

– Расскажи, как ты по мне скучала.

Двигаться в ней так – это просто изощренная пытка, но еще больше я хочу услышать то, что она может сказать. Хрупкие пальцы скользят по моей шее, с силой сжимаются на волосах.

– Очень, – тихо выдыхает она и все-таки опускает глаза. – Очень скучала.

Мне кажется, я не кончаю от этих слов исключительно потому, что хочу это сделать вместе с ней. Сейчас же вместе с ней я просто срываюсь в какой-то безумный ритм, когда весь окружающий мир размывается до нашего единства.

До вспышек, когда ее пальцы впиваются в мои плечи, украденных кадров-эпизодов: припухших губ, дрожащих ресниц... Судорожных, рваных вздохов, когда непонятно, где чей – ее, мой или наш общий.

До какого-то безумного наслаждения, в котором теряется даже ощущение бегущего сквозь меня пламени, и, когда Лаура снова распахивает глаза, я вижу ее огонь.

Фиолетовый флер вокруг раскрывающихся в вертикаль зрачков.

На мгновение дракону все-таки удается взять верх, и наше пламя режется друг в друга с такой силой, что я снова чувствую проступающую на руках чешую и вижу, как нечто похожее начинает серебриться на ее скулах и шее.

Мгновение – и меня выбрасывает назад, в меня, в резкий, сильный ритм наших движений.

От каждого внутри расцветает ледяной костер, чтобы спустя мгновение вырваться наружу одновременно с ее пламенем и слиться с ним воедино, втекая в потолок над нашими головами. А после хлынуть обратно невыносимым жаром и пульсацией, рвущимся из груди рычанием и ее криком.

Мы содрогаемся вместе с такой силой, что ее наслаждение отдается в меня, догоняя мое и накрывая с головой, как лавина.

– Моя девочка, – выдыхаю ей в губы. Не удержавшись, снова пробую их на вкус: губами, языком, всеми чувствами, которые мне доступны.

Я по-прежнему поддерживаю ее под бедра и понимаю, какая она хрупкая.

Какая безумно, отчаянно-беззащитная, несмотря на всю ее силу.

Поэтому осторожно подаюсь назад, и так же осторожно опускаю Лауру на пол, прижимая к себе. Она глубоко, судорожно вздыхает и больше не пытается отстраниться. Напротив, подается ко мне, пряча лицо у меня на груди.

– Торн, это детская, – шепчет негромко.

– Что?

– Мы занимались любовью в детской.

Сейчас в ее глазах нет огня, но мне он не нужен. Я тонул в них задолго до того, как в этот небесный цвет вплелись оттенки летних закатов.

– Обещаю, что мы не будем делать это здесь, когда Льдинка родится.

Лаура вздрагивает.

Но прежде, чем я успеваю спросить, что случилось, она говорит:

– Ты назвал ее Льдинкой, Торн.

Касаюсь пальцами ее губ.

– Я уже называл ее Льдинкой, Лаура.

– Когда?

– Когда мы в очередной раз выясняли, кто прав, а кто виноват. Ты сказала, что попытаешься наладить наши отношения ради Льдинки, и я ответил... что-то в своем стиле.

– Ты правда все это помнишь? – Она снова тянется ко мне и на этот раз не отдергивает руку. Проводит кончиками пальцев по моей скуле.

– Разумеется, нет. Мне все это транслируют по коммуникатору в нужный момент.

Лаура смотрит непонимающе, потом легко бьет меня по плечу.

– Торн!

Я улыбаюсь, но в этот момент «просыпается» коммуникатор. Слава первым драконам, что только сейчас. Первый порыв – ответить, но я вынимаю его и откладываю в сторону. Это совершенно точно сейчас подождет.

Что бы там ни было, оно подождет.

Как выясняется, нет.

Стук в дверь заставляет меня нахмуриться.

– Я занят, – отвечаю резче, чем рассчитывал.

– Ферн Ландерстерг, у нас экстренная ситуация. Налет.

Я поднимаюсь, успеваю перехватить в глазах Лауры недоумение, сменяющееся тревогой. Увлекаю ее за собой.

– Щиты? – Одеваюсь мгновенно, подхватываю пуловер, который она мне протягивает.

– Щиты на месте, но драконы бьются о границы пустоши. Роудхорн запустил протокол быстрого реагирования, все в полной боевой готовности. По всей стране.

– По всей стране? – переспрашиваю автоматически.

Лаура тоже застегивает комбинезон, и я рывком открываю дверь. Мергхандар отступает и рапортует:

– Да. Это происходит по всей стране. В каждом мегаполисе Ферверна.

Солливер Ригхарн

Солливер поправила идеальную прическу. Как показывает практика, от ухоженности нельзя отказываться, даже если переживаешь не самые лучшие времена. Публике гораздо проще сочувствовать красивой женщине, а не растрепанной, в небрежной одежде, которая выглядит так, будто ее нашли на помойке. В данном случае и женщину, и одежду. Нет, один раз, разумеется, показаться в неприглядном виде (с красными от слез глазами) можно, но лучше в красивой сорочке, в постели. А все остальное приложится.

– Ферна Ригхарн, – в примерную заглянула редактор, – мы готовы.

– Дайте мне пару минут. – Солливер небрежно улыбнулась, и женщина исчезла.

Идея этого интервью изначально принадлежала Крейду, где бы этот трусливый наблennyш ни скрывался. Хотя Солливер не верила, что эта идея принадлежит ему, и изначально хотела отказаться. Но только изначально.

– Я пойду на это, – сказала она. – Если он захочет со мной встретиться.

– Он?

– Тот, кто все это придумал.

– Он не согласится.

Значит, все-таки он.

– Ему придется, если он хочет, чтобы я ему помогла.

Разумеется, она оказалась права. Он согласился.

Потому что только через нее, Солливер, сейчас мог получить желаемое.

За окнами студии выли сирены. Здесь, в примерной, их не было слышно. По большому счету здесь и окон-то не было, но Солливер просто знала, что сейчас происходит. Она теперь знала гораздо больше, чем многие в Ферверне, а как известно, истинное богатство заключается именно во владении информацией. Богатство, власть и прочие сопутствующие.

Она знала о том, что этот налет случится, еще неделю назад, пока Лаура Хэдфенгер валялась в коме, или в чем она там валялась. Пока Торн всеми силами пытался не дать этому делу ход, а его пресс-служба сходила с ума. Что ж, он сам это выбрал. Если бы он выбрал ее, Солливер, избежал бы многих проблем. Теперь ему недолго осталось.

Ему.

Ей.

Всей этой политике, когда иртыханы правят миром.

Солливер не была настолько наивна, чтобы полагать, что это затронет только Ландерстерга, помешавшегося на своей Хэдфенгер. Нет, здесь наверняка нечто гораздо более серьезное, судя по действиям, направленное на то, чтобы стравить всех сильных мира сего, заставить их утратить контроль, уничтожить друг друга, а заодно и собственный авторитет.

Давно пора.

Иртыханы слишком засиделись в своих правительственных креслах.

– Ферна Ригхарн. – На сей раз на часы неоднозначно посмотрел стилист.

Визажистка и ее ассистентки дожидались команды, чтобы поправить макияж, но так и не дождались. Солливер грациозно поднялась, вышла из комнаты, и к ней сразу же подбежал молодой подтянутый парень в очках.

– Я ассистент главного редактора, ферна Ригхарн. Давайте еще раз повторим...

– В этом нет нужды. – Она легко коснулась плеча парня. – Я все отлично помню.

– Хорошо, тогда следуйте за мной.

Следовать пришлось недолго. Несмотря на несколько этажей, которые занимали офисы «Дорнан ньюс», одного из крупнейших СМИ Ферверна с представительствами в нескольких мегаполисах (помимо Хайрмарга), место проведения интервью оказалось совсем рядом.

Это был просторный кабинет, отмеченный минимализмом и северными черно-белыми тонами с вкраплениями дерева в интерьере. В частности, ножки низкого, устроившегося между диваном и креслами столика – массивные, сплошные, полки с наградами и рамки грамот. Солливер подумала, что более идиотского расхода дерева и представить сложно.

Стоявшая у высоченных панорамных окон журналистка явно чувствовала себя не в своей пещере. Из-за сирен и налета перекрыли практически все магистрали, из-за чего на трассах организовались пробки (очень, очень эффективная и слаженная работа!), которые разгружали силами полиции, опуская флайсы на парковки пачками. Паника еще не началась, но Хайрмарг уже был близок к истерике.

– Начнем? – поинтересовалась Солливер, и женщина мгновенно повернулась к ней.

– Вы так тихо вошли...

– Вы просто задумались.

– Если вдруг вы хотите перенести...

– Нет, все в порядке. Не думаю, что у меня получится выкроить время в следующий раз.

И что служба безопасности Торна будет так занята, как сейчас.

Разумеется, никто в редакции не подозревал о налете, он начался, когда Солливер уже ехала на запись. По сути, к тому времени, когда выйдет материал, Торн и его команда только-только разберутся со взбесившимися драконами. И обнаружат еще один «приятный» сюрприз.

Помимо журналистки, в кабинет еще вбежали фотограф и видеооператор.

На том самом идиотском столике уже стоял графин с водой и два бокала, и журналистка указала на диван.

– В таком случае начнем. Вы же не против, если мы будем снимать, не только записывать?

– Разумеется, нет. Иначе зачем бы я потратила столько времени на макияж.

Женщина натянуто рассмеялась, Солливер даже не подумала улыбнуться.

На интервью удалось выйти благодаря собственным связям. Сенсации в такое время нужны всем, а особенно – если это сенсация про Торнгера Ландерстерга и его несостоявшуюся бывшую невесту.

Стоило Солливер сесть, журналистка расправила юбку: было заметно, что она нервничает. Коснувшись планшета, женщина включила аудиозапись. Несмотря на грим, ее лицо казалось абсолютно бесцветным – она была из той породы фервернок, которых можно потерять в заснеженной пустоши, а вот волосам, изначально наверняка просто никаким, стилисты придали весьма недурной платиновый тон.

– Сегодня в гостях главной редакции «Дорнан ньюс» ферна Солливер Ригхарн, – механически произнесла она заученную фразу. – Фэшн-модель с мировым именем и, как мы предполагали еще совсем недавно, будущая первая ферна Ферверна. Добрый день, ферна Ригхарн, и добро пожаловать. Расскажите нам, пожалуйста, что же на самом деле произошло, почему вы с ферном Ландерстергом приняли решение расторгнуть помолвку.

– Добрый день. На самом деле я не хотела об этом говорить очень долго.

– Да, вы отказывали в интервью всем, кто к вам обращался.

– Не так давно я решила, что это несправедливо. Несправедливо в первую очередь по отношению ко всем моим согражданам, которые хотят знать, что же произошло.

– Предполагают, что причиной стала Лаура Хэдфенгер. Которая, к слову, в свое время тоже была претенденткой на роль первой ферны.

– И да, и нет. Лаура Хэдфенгер не могла быть причиной разрыва того, что спасти невозможно.

– Вот как. – Журналистка нахмурилась. – Почему же?

– Потому что женщина не несет ответственности за поведение мужчины. Более того, я склонна считать, что Лаура Хэдфенгер во всей этой истории – жертва. Изначально я очень скептически отнеслась к ее записи. Мне казалось, что она сделала это, чтобы поднять свои рейтинги в глазах фервернцев – особенно после того, как сбежала в другую страну практически с собственной помолвки.

– Что же заставило вас изменить ваше мнение?

– Личное знакомство. – Солливер невесело улыбнулась. – Я была в резиденции, когда Торн... ферн Ландерстерг привез туда свою бывшую невесту, и я видела, как она от него шарахается. Лаура Хэдфенгер старалась держать дистанцию всеми возможными способами, что, признаюсь честно, нелегко, когда ты носишь ребенка мужчины, наделенного такой властью.

– Вы хотите сказать, что ферн Ландерстерг насильно удерживает ферну Хэдфенгер?

Солливер посмотрела в окно.

– Я бы хотела больше говорить о себе.

– Хорошо, – тут же переключилась журналистка. – Вернемся к вашему разрыву. Кем именно он был инициирован?

– Мной. Я поняла, что не могу и не хочу находиться рядом с мужчиной, который неспособен даже на малейшее проявление эмпатии.

– Ферн Ландерстерг не поддержал вас после потери ребенка?

– Скажем так, он был занят другим. Хотя я могу понять, что его работа достаточно напряженная, я не готова вступать в отношения с тем, кто заиклен на власти.

– Вы сказали «заиклен»? – Журналистка слегка побледнела, хотя казалось бы, куда уж больше.

– Мы приняли решение объявить о разрыве помолвки, потому что у нас разные взгляды на семейную жизнь.

– До заключения помолвки вы не обговаривали вашу совместную жизнь?

– Обговаривали. К сожалению, под оговоренными нами с двух сторон обязательствами мы с ферном Ландерстергом подразумевали совершенно разные вещи. Таких несоответствий было множество, но мне достаточно уже того, что он поставил под угрозу мою жизнь и жизнь всех, кто находился в резиденции, когда привез туда Лауру Хэдфенгер.

Женщина нахмурилась:

– Поясните.

Солливер снова выдержала паузу, а потом произнесла то, зачем, собственно, сегодня сюда пришла:

– Лаура Хэдфенгер обладает непонятной, неконтролируемой и очень могущественной силой.

– О какой силе вы сейчас говорите? Это сила иртхана? Иртханессы. Она полукровка?

– Дело в том, что этого не знает никто. – Солливер подчеркнула последнее слово и с тайным наслаждением произнесла: – Никто не знает, откуда взялась ее сила и как ею управлять. Даже ферн Ландерстерг.

Глава 20

Некоторые мгновения имеют свойство превращаться в вечность. Как сейчас, когда я смотрела на часы: по ощущениям, прошел уже час, а на самом деле – всего полминуты. Я уже изучила обстановку комнаты вдоль и поперек: каждый едва заметный узор на занавесках, напоминающий ледяной вихрь, тумбочки по обе стороны кровати, даже значки на медицинской аппаратуре, но сейчас изучала все это по десятому разу. Попытка отвлечься с помощью сценарного курса с треском провалилась, когда я посреди онлайн-урока поймала себя на мысли, что представляю летящие к границам пустоши боевые флайсы и в одном из них – Торна.

Я словно была там с ним: видела его сосредоточенный взгляд, сильные руки, расстилающуюся передо мной пустошь, на границе которой бились о щиты драконы, и кордон боевых флайсов, мергхандаров, уже стоящих на земле. В результате я поняла, что не услышала ровным счетом ничего из сценария, то есть из записи преподавателя, поэтому видео пришлось остановить.

Теперь я сидела, кусала губы и переводила взгляд с медицинской аппаратуры на занавески, с занавесок – на Ардена, с Ардена – на мергхандаров. Четверо стояли в комнате, еще четверо – за дверью. Я это знала, потому что перед уходом Торн объявил им, что они за меня отвечают головой.

Так меня еще никогда не охраняли.

С другой стороны, налетов в Ферверне тоже не было уже очень и очень давно.

Как-то мы с ними совпали. С налетами.

Разумеется, когда я заикнулась о том, чтобы пойти с ним, Торн посмотрел на меня как на безумную.

– Но я же смогла отправить этих драконов домой. Или отпустить. – Я заглянула ему в глаза.

– Драконов, которые пришли тебя защищать.

– Тогда мы этого не знали!

– Зато сейчас знаем точно, что ты остаешься здесь. Надеюсь, мне не надо тебя убеждать в том, что мне будет гораздо проще работать,

зная, что ты в безопасности.

– Ты взял меня в Ниргстенграфф, – напомнила я.

– Тогда была совершенно другая ситуация.

Примерно так мы с Торном и попрощались, а теперь я сидела и ждала новостей. Наверное, в прошлом я бы сцепилась с ним из-за того, что он не позволяет мне лететь, но сегодня просто пожелала ему удачи.

– Возвращайся скорее, – сказала я.

В ответ Торн очень странно на меня посмотрел, а потом появились мергхандары и Арден.

– Ты виделся с Эллегрин?

Для Ардена это прозвучало неожиданно, как и для меня. Похоже, что, находясь рядом со мной, он одновременно находился в совершенно другой реальности, где места для меня не было. Точно так же, как в моей места не было никому, кроме Торна. Поэтому сейчас, когда мы смотрели друг на друга, это выглядело как два соединенных разрозненных пазла из разных частей картинки.

– Нет. Я не могу, – ответил наконец Арден.

Седина на его висках сейчас обозначилась четче: по крайней мере, мне казалось, что две недели назад нитей инея в его волосах было меньше.

– Не можешь?

– Я думал, Торн тебе объяснил. Мы не знаем, что может привести к активации отложенного приказа.

– Но не твое появление же. Ты с ней виделся!

– Да. В тюрьме.

– Но сейчас...

– Сейчас я ничего не могу для нее сделать, Лаура! Ни-че-го! Ты меня понимаешь?

Он настолько повысил голос, что к нам повернулись все мергхандары, а Арден поднял руки вверх.

– Прости. Не думаю, что нам стоит обсуждать эту тему. Мне нелегко в этом признаться.

Я хотела сказать, что все понимаю, но в следующий момент опять оказалась «в Торне». Причем на этот раз настолько реалистично, что слышала хруст снега под моими ногами. Чувствовала силу ледяного пламени, текущую сквозь мое тело. Ко мне приближался один из командующего состава и... Сэфл.

– Как я уже сказал, ферн Ландерстерг, это происходит повсюду. Сейчас правящие держат оборону, о прорыве щитов пока сведений не поступало, но ситуация критическая.

Торн коротко кивнул и шагнул вперед.

– Действуем по протоколу.

От бьющегося за щитами пламени темнело в глазах. Сила, отзывающаяся на звериную, клубилась в груди и в кончиках сжатых в кулаки пальцев. Казалось, я сама стала этой силой и шаг за шагом приближалась к тем, кто издавал отчаянные, дикие крики, кружась над пустошами.

Черная кайма – трещина между снегом и глубинными водами океана, словно разделяла это место на две части. Первородная стихия Севера поднималась вихрями, когда драконы опускались слишком низко.

– Ферн Ландерстерг!

Мергхандар в респираторе, справа от меня, указал на падающего дракона. Дракон не парил. Не атаковал. Он просто падал, а остальные зашлись в таком рычании, что даже прозрачный от критично низкой температуры воздух содрогнулся. Он содрогнулся повторно, когда дракон, огромный мощный зверь, только что круживший вместе со всеми, без всяких видимых повреждений рухнул в снег. Дернулся.

И затих.

«Медленно раскрывайся, – так говорил отец, когда учил меня перехватывать чувства зверя. – Ты никогда не знаешь, что тебя ждет, поэтому никогда не впускай в себя чувства дракона на полную».

Я приоткрылся на сотую долю возможностей, чтобы с помощью своего дракона просканировать происходящее, и голова взорвалась ослепительной болью. Сияющей, как равнинный снег, и такой же безумной, выжигающей, смертоносной.

– Лаура!!! – Крик надо мной показался нестерпимо громким.

Я в ужасе распахнула глаза, чтобы увидеть над собой расплывающиеся лица Ардена и других медиков. Ко мне уже цепляли датчики и пластины – клеили прямо на шею, а один из помощников Ардена держал в руках инъекционную капсулу, заправляя ее в дозатор.

– Нет! – выдохнула я, перехватывая Ардена за руку. – Нет! Не надо!

– Лаура, у тебя был пульс триста пятьдесят ударов в минуту. Это даже для иртехана перебор. – Он перехватил шприц из рук ассистента. – Прости, но тебе придется...

– Я видела Торна!

– Что?!

– Я видела Торна, – выдохнула я, глядя Ардену в глаза. – Я была им.

– Это бред. Галлюцинации. – Запах антисептика ударил в сознание, несмотря на то что тампон скользнул по сгибу моего локтя.

– Нет! – Я до боли сжала пальцы на его запястье. – Арден, послушай меня! Их что-то убивает! Драконов... и это что-то убьет Торна, если я не смогу ему помочь!

Арден замирает лишь на мгновение, и я смотрю ему в глаза.

– Пожалуйста! Пожалуйста, позволь мне ему помочь.

Он медлит, но мне медлить нельзя. Я прикрываю глаза, слышу:

– Если твой пульс снова будет зашкаливать, я вколю тебе этот препарат, Лаура. Просто имей в виду.

Я не представляю, как может не зашкаливать пульс, когда вокруг тебя творится такое, но сейчас меня словно что-то не пускает назад. Я будто бьюсь о невидимую стену, бессильная что-то изменить, снова и снова. В темноте подсознания только мои собственные мысли, желание защитить Торна, помочь драконам – и что-то еще. Страшное. Темное. Холодное, как глубинная пустошь под давно и насквозь промерзшей землей.

Я даже не сразу понимаю, что это, но, когда оно касается меня, первым желанием – безотчетным, инстинктивным, звериным – приходит желание рвануться назад. Прочь из этого мрака, темноты, мерзости, окутывающей, сковывающей по рукам и ногам каким-то извращенным, черным удовольствием.

Черное удовольствие.

Сама не знаю, почему на ум приходит именно такая ассоциация, но уже не инстинктами, разумом я понимаю, что тот, кто все это делает, сейчас наслаждается. Наслаждается тем, что творится в городах, тем, что творится с драконами, тем, что творится с Торном...

Именно поэтому я ныряю в эти ощущения с головой. Окунаюсь в них, просто падаю в самую их глубину, цепляясь за корявые крючья

осязания. Постукивание пальцев по подлокотнику. Грубая кожа под ладонью.

Ненависть, вплетающаяся в извращенную радость.

Сгущающаяся вокруг меня тьма настолько мерзкая, что я еле могу дышать, краем сознания еще вспоминаю слова Ардена про сердцебиение – он вырубит меня, если только... но «если только» сейчас не наступит, потому что, как мне кажется, мое сердце сейчас вовсе перестает биться. Затихает до единичных ударов, глухих, потерянных, растворяющихся в вязкой тишине.

А потом... я открываю глаза.

Передо мной мониторы – десятки мониторов, транслирующих происходящее на границах пустошей по всему Ферверну. Падающие звери надрывно кричат, и мне доставляет удовольствие душить их, взрывать их сознание, ускорять пульс, уничтожать – одного за другим. Точно так же, как будут уничтожать друг друга правящие иртыханы, когда...

Я спотыкаюсь об эту мысль, потому что нить между мной и драконами рвется. Ее скручивает ментальная сила, ледяная и мощная, а потом удар раздирает сознание в клочья, выбрасывая назад, как младенца от матери с перерубленной пуповиной. Под носом горячо, горячо на губах.

Кровь.

Наблов Торн Ландерстерг!

Злость вспыхивает с такой силой, что в висках тут же взрывается боль. Последствия ментального удара, или что бы то ни было еще, но меня колотит от ярости. Вскакивая с кресла, я ору, переворачивая мониторы, разбивая их один за другим, один за другим, один за другим! Осколки летят мне в лицо, с шипением рвутся провода, на последних видео – улетающие в пустошь драконы, Торн Ландерстерг со своей армией, мини-армии правителей других мегаполисов.

Здесь столько ненависти, злобы и тьмы, что я почти теряюсь в этой мерзости, когда вдруг мои не мои руки замирают поверх стола. Прямо на осколках.

До боли впиваются в кожу обломки того, что совсем недавно было техникой.

Лаура Хэдфенгер.

Слышу в сознании свистящий шепот.

Лаура Хэдфенгер.

Мое имя! Щупальца тьмы тянутся ко мне, оплетая сознание, вливаясь в него. С криком шарахаюсь назад, сбрасывая с себя эту дрянь, разрывая эту непонятную связь, открываю глаза, рывком сажусь на постели. Рядом по-прежнему Арден, его ассистенты-медики, мергхандары: все напряжены. Напряжены настолько, что, кажется, воздух стал плотным, как во время сильной жары и влажности.

– Налет закончился, – говорю я.

Все еще пытаюсь прийти в себя после того, что увидела. После того, что случилось.

– Я знаю. – Теперь Арден смотрит на меня иначе. – Мне сообщили пару минут назад. Вопрос в том, откуда об этом знаешь ты.

С Торном все в порядке.

Я думаю об этом, цепляясь за покрывало.

С Торном все в порядке...

– Я была там.

– С Торном?

– Нет. С тем, кто все это устроил. Он наблюдал за всем через мониторы... И он совершенно безумен.

Я даже до сих пор чувствую это безумие, вибрирующее в каждой клеточке тела, но как на безумную сейчас на меня смотрит Арден.

Я бы на его месте тоже смотрела так же.

– Ты хочешь сказать, что ты подключалась к сознанию того, кто устроил налет?

– Именно это я и хочу сказать.

– И он сейчас, – взгляд Ардена становится ледяным, даже поразительно, как ему это удастся с его цветом глаз, – может точно так же быть в твоём сознании?

– Не может. Я вышвырнула его! – Я почти кричу. – Не смотрите на меня так! Я не представляю, как это происходит!

– Тихо. Тихо. – Арден кивает своим ассистентам, и те отступают. – Лаура, нам нужно провести кое-какие тесты.

– Проводите все, что считаете нужным.

Ко мне цепляют датчики. Мозговая активность. Давление. Берут кровь. Посылают какие-то импульсы, считывают какие-то показатели. Арден отрывается от планшета, только чтобы взглянуть на меня пару раз, зато его ассистент (тот, что не носит с анализаторами и не

загружает данные в систему) не сводит с меня глаз. Мергхандары тоже не сводят с меня глаз, а я сижу, уставившись в одну точку.

Как такое возможно?

Сначала Торн... но если с Торном я могу хоть как-то объяснить это слияние, то с этим...

От осознания того, где я только что побывала, становится холодно.

Он не просто хотел уничтожить всех этих драконов, он делал им больно. Вскрывал их сознание, разгонял сердца, заставляя сосуды внутри них просто рваться, как тонкие нити. Он ненавидел их.

Он ненавидит иртханов.

И Торна... Он хотел убить Торна. Но не смог.

Именно его сила, сила его сознания разорвала ментальную связь с драконами, вышвырнула этого гада за пределы сознания зверей и его извращенных возможностей.

Ловлю себя на том, что у меня дрожат пальцы, и обхватываю себя руками. Сначала начинает ругаться аппаратура, потом врачи. «Ругаться», конечно, это сильно сказано, мне читают целую лекцию по поводу точности измерений и важности того, что мы сейчас делаем, и даже без помощи Ардена. Что касается его, иртхан неотрывно следит за датчиком мозговой активности и какой-то еще линией на мониторе. Приходится осторожно положить руки на колени и стараться не двигаться.

Поэтому, когда открывается дверь, я даже не сразу вскидываю голову.

Поднимаю глаза.

У вошедшего Торна заострившиеся черты лица и резко обозначившиеся скулы, взгляд — жесткий, хищный и настолько болезненно-тяжелый, что сцепленные пальцы размыкаются сами собой. Я срываюсь с постели под вопли датчиков и не совсем цензурный комментарий Ардена, подлетаю к своему дракону и обнимаю его.

Чувствую сильные руки на своей талии, прижимаюсь к Торну и слышу отрывистое:

— Что здесь происходит?

— Здесь еще веселее, чем в пустошах, Торн. — Голос Ардена.

Ненадолго воцаряется напряженная тишина, меня осторожно отодвигают в сторону, и я поднимаю голову, чтобы посмотреть, что происходит. Мергхандары проходят мимо нас, следом за ними за дверь выходят врачи, и мы остаемся втроем.

Только тогда главный врач Ферверна произносит:

– Похоже, что у нас активирована действующая нейросеть.

Глава 21

Если кто-нибудь скажет еще хоть одно непонятное слово, при этом не глядя на меня, я обижусь и уйду. Мне прямо так и хочется сказать этим двоим, но я прекрасно понимаю, что сейчас не до шуток. Совершенно точно не до шуток.

– Арден, оставь нас, пожалуйста, – просит Торн.

Это настолько странно, что он не говорит ему «пойдем поговорим» или что-то вроде, а именно его просит выйти, что я даже на миг теряюсь в собственных мыслях. Когда нахожусь, мы уже остались одни, но я по-прежнему в руках Торна.

– Расскажешь? – спрашивает он.

Я перевожу взгляд на закрывшуюся дверь:

– Я думала, что...

– Я хочу, чтобы мне рассказала ты, – говорит он.

Неожиданно судорожно втягивает воздух, словно пытается мной надышаться, а потом тянет меня за собой к креслу и усаживает к себе на колени. У него в глазах все те чувства, которые я только что прожила: боль, ярость, бессилие, смерть драконов. Эти чувства делают его черты острее, глаза – холоднее, четко обозначают морщинки между нахмуренными бровями. Меня так и тянет разгладить их пальцами, вместо этого я вздыхаю и начинаю рассказ. С той самой минуты, когда я даже толком не поняла, что уже ловила чувства, уже была с ним в флайсе, и до той самой, когда я оказалась в черном безумии, живущем только ненавистью и чужой болью. Торн слушает внимательно, не перебивает. Когда я на миг замолкаю, наливает в стакан воды и протягивает мне, а после снова обнимает.

Я договариваю – про то, что знаю про смерть драконов, про то, что это чудовище хотело их убить.

– Мне показалось, что драконы были всего лишь ловушкой. Что он хотел добраться до тебя.

Не просто хотел. Добрался.

Я этого не произношу, но уже от самой этой мысли – мороз по коже. Не только по коже, я до сих пор помню обвивающую позвоночник змею ненависти, от которой покрыться инеем изнутри

можно быстрее, чем если глубоко вдохнуть во время Ледяной волны. Поэтому я просто говорю:

– Ты его выбил из сознания драконов. Я это почувствовала. Он окончательно взбесился, он ненавидит тебя, Торн. Почему-то он тебя ненавидит.

– Для ненависти не нужен повод. Некоторым. – Торн сейчас смотрел в одну точку, а морщина между бровями обозначилась сильнее.

– Нет, он... думал именно про тебя. Причем когда он думал про тебя... – Я поежилась и вздохнула. – Торн, что такое нейросеть?

Он перевел взгляд на меня, и морщина удивительным образом разгладилась.

– В древности пустынные шаманы вливали себе кровь драконов, чтобы перенять их черты. Их возможности. Их силу. В тот момент, когда все остальные люди жили под землей, шаманы вышли на поверхность, в пещеры, и драконы пришли к ним. Первых людей драконы признали достойными, чтобы отдать им свою кровь и частицу своего пламени. Ни одно из первых вливаний не было насильственным.

Теперь настала моя очередь слушать, и я слушала в точности так же, как раньше он. Молча. Не перебивая. Не задавая вопросов.

– Разумеется, кровь драконы отдавали не всем. И то, что поначалу было добровольным сотрудничеством, потом превратилось в охоту и попытки всеми силами завладеть пламенем, способным обратить человека в зверя. Поначалу это даже не считалось зазорным – до тех пор, пока драконы не начали мстить. Если приходили забрать кровь и убивали одного из них, они нападали на селение вновь обретшего силу. В нашей истории много такого, о чем предпочитают не рассказывать. Особенно людям. Особенно сейчас. Тем не менее именно в те времена стало понятно, что драконы обладают единым сознанием, каким-то образом их память за счет общего поля пламени была как своеобразная база данных. Они по всему миру узнавали убийц своих сородичей. И если те оказывались в пустоши...

Торн недоговорил, явно давая понять, что ничего хорошего их не ждало.

– Впоследствии это стало распространяться в том числе и на их наследников, и на их внуков, из поколения в поколение. Сейчас это

уже научно доказанный факт: единая память драконов. Это не то же самое, что ментальная связь в паре, когда дракон и драконица чувствуют друг друга на расстоянии, ближе всего это действительно к базе данных, к некоему информаторию, откуда в любой момент можно выдернуть ненависть и любовь, убийство дракона или его спасение.

– Ого. Мы у них все посчитаны, – все-таки не выдержала я. Только сейчас почувствовала, что мои брови сами собой приподнялись.

– Можно и так сказать. Но если существует база данных, ее можно взломать. В данном случае – на ментальном уровне. Нарботками на эту тему занимался Индерхард Гранхарсен. Тот, кто взломал сознание правящего Ферверна несколько лет назад. Индерхард Гранхарсен вливал себе кровь глубоководных драконов, и именно поэтому он сошел с ума. Глубоководные – единственные, кто не подчиняется ментальным приказам, они же единственные, кто никогда не делился пламенем с людьми добровольно. Их пламя настолько сильное, что сводит с ума. Человеку его выдержать нереально.

– А... – У меня почему-то пересохли губы. – Иртхану, кажется, тоже.

– Тоже. Как бы там ни было, Индерхард был безумным гением. Безумным, но гением. Будучи помешанным на информационных технологиях, он разработал экспериментальную схему живой нейросети. Проще говоря, возможность разом получить власть над сознанием всех драконов через общее инфополе. Для этого нужна была кровь глубоководного дракона и ретранслятор. Или кровь глубоководного дракона в ретрансляторе. То есть то, что способно выдержать такую силу передачи.

Я закусила губу, глядя Торну в глаза.

– То есть когда Арден сказал, что здесь у нас активная нейросеть, он имел в виду...

– Тебя.

Когда-нибудь, надеюсь, я смогу над всем этим просто посмеяться. Когда-нибудь, сидя в уютном кресле после своего выступления, в своей гримерной например. Расшнуровывая коньки и думая о том, как круто прошло шоу, а еще о том, что дома меня ждет самая любимая девочка в мире, и... вот тут я спотыкаюсь, потому что пока совершенно не представляю, имею ли право продолжать в том же духе

про Торна. Но главное – стоит ли вообще продолжать. Особенно сейчас.

– Меня, – повторяю я. – Какое я имею к этому отношение?

– Нейросеть, кем бы она ни была создана, работает от ретранслятора. Этот ретранслятор в данном случае иррехан – в его сознании ты побывала и, можно сказать, стала его частью.

Я не хочу становиться ничьей частью, особенно – этого жуткого существа.

– То есть частью нейросети, – немедленно поправляется Торн, и я могу свободно выдохнуть. – На время.

И на том спасибо.

– Но это произошло с наибольшей вероятностью потому, что в тебе есть частица ДНК глубоководного дракона. Учитывая то, с какой легкостью ты собрала вокруг себя драконов, я могу предположить – пока только предположить, – что ты идеальный ретранслятор и спокойно можешь перехватить любое управление из любой точки мира.

– Драконы, Торн! – говорю я. – Я всего лишь женщина.

– И для всех остальных это так и останется. Я не собираюсь рассказывать об этом всему миру. По большому счету я не собираюсь рассказывать об этом никому, кроме Ардена.

– Вопрос в том, когда ты собирался рассказать об этом мне.

Торн внимательно на меня смотрит.

– Это так важно? Я рассказал сейчас.

Я порываюсь сползти с его колен, вот только кто бы меня еще отпустил. Драконьи лапы смыкаются на моей талии обманчиво легко, но что-то мне подсказывает, что проще вскрыть зашифрованный семью уровнями защиты замок в какой-нибудь секретной лаборатории, чем расцепить его пальцы.

Наверное, надо уже себе признаться в том, что я не хочу их расцеплять.

С того дня, как я отказалась выходить за него замуж, прошло относительно немного времени. Что такое пара месяцев для отношений? Но мне сейчас кажется, что прошло года два, если не десять. Может быть, время теперь течет для меня иначе? Мне кажется, что я каждую минуту взрослею на пару месяцев, и в таком контексте вышеозначенный срок – ерунда.

– Я никому не позволю причинить тебе вред, Лаура. – Он делает паузу. И добавляет: – Даже себе самому.

– Мне кажется, мы могли бы...

– Что? – Он перебивает меня, мазнув по губам таким взглядом, как будто не мы устроили зажигательно-ледяной марафон в детской перед налетом. Как будто этого налета вообще не было, не было смерти драконов.

Сейчас, когда он снова запечатал это все внутри, я представляю себе саркофаг. Слои брони, один над другим, а под ними – чистейшее, концентрированное ледяное пламя, которое горит со дня смерти его родителей. Может быть, и того раньше, со дня, когда отец сказал ему держать все это в себе.

Я даже представить не могу, каково это – держать все в себе.

Снова и снова. Год за годом.

Ой.

Я закусываю губу.

– Торн. Ты сейчас думал об отце?

Он хмурится, не так, как до этого.

– Нет.

– Нет?

– Да. «Нет» было о том, что я не хочу, чтобы ты была в моих мыслях.

Я вскидываю брови.

– Знаешь, сейчас это прозвучало обидно. Ты в моих мыслях, между прочим, был.

– Я и в тебе был, Лаура. Что еще ты предлагаешь?

Когда до меня доходит смысл его слов, я краснею.

– Ты готов на все, только чтобы не говорить о своих чувствах, да?

– Я ни с кем не говорил о своих чувствах столько, сколько с тобой.

Я ему верю. И дело даже не в том, что у меня в голове неоновой вывеской отпечатываются его мысли «Это действительно так», я просто вижу, что с ним творится. Почему я не видела этого раньше? Почему эта идиотская способность, или что бы там это ни было, не открылась у меня до того, как я поскользнулась и грохнулась на льду, или сразу после этого. Для начала я бы не пошла на ту вечеринку. Эллегрин не была бы в тюрьме, а потом под арестом. Всего бы этого не было, но, возможно... не было бы и того, что есть сейчас.

– Я не хочу читать твои мысли, – признаюсь я. – Это вообще происходит спонтанно и через раз. Мне гораздо приятнее, когда ты ими делишься.

– Хорошо, – соглашается он. – Чем мне поделиться сейчас?

– Тем, что тебе больно от смерти драконов, – говорю я. – Тем, что твоя пресс-служба переживает не лучшие времена, что твоя реформа под угрозой, но что на самом деле ты боишься... исключительно за меня?

Последнее совершенно точно для меня открытие, споткнувшись о течение его мыслей, я просто теряюсь. Нет, чтение мыслей – это перебор, потому что иногда в них можно коснуться самого сокровенного, но, как ни странно, Торн не спешит ссаживать меня с колен, отправлять в глубокий сон, на опыты Ардену или надевать шапочку из фольги.

– Ладно, – произносит он. – Моя пресс-служба действительно в заднице, примерно в той же расщелине моя реформа и мои рейтинги. Мне действительно больно от смерти драконов, мы с ними связаны на каком-то молекулярно-генетическом уровне, каждый иртхан на планете. Поэтому те выродки, которые их убивают собственными руками, выкачивают из них кровь или творят прочие мерзости, ни к нам, ни к драконам не имеют ни малейшего отношения. По какой-то нелепой случайности они оказались в одной ветви эволюции с нами, их до сих пор не сожрали и не выблевали исключительно потому, что это дерьмо хорошо умеет приспосабливаться к обстоятельствам и мимикрировать под адекватных. Я сам упустил проколы в своей службе безопасности, и теперь все, что происходит, происходит именно по этой причине. Что касается тебя, Лаура, с тобой я совершил столько ошибок, сколько вообще возможно, и да, больше всего я сейчас боюсь, что у этих ошибок будут последствия, которые затронут тебя и которые я...

Ладони на моей талии напряглись.

– Не сумею погасить.

Я кладу свои руки поверх его ладоней.

– Ну, ошибки мы делали вместе. Так что вместе будем их исправлять. – Впервые за долгое время я с легким сердцем устраиваюсь на его плече. – А что касается остального... как видишь, не такая уж я и беззащитная, Торн. Можно ли вообще назвать

беззащитной женщину, умеющую читать мысли и вторгающуюся в нейросеть, которую какие-то гениальные психи придумывали далеко не один день?

– Даже не сомневался, что решишь отшутиться, – хмыкает он.

– Я не шучу. И кстати, если я так просто к ней подключаюсь, мы могли бы попытаться его найти. Мне кажется, это...

– Нет.

Знакомые интонации.

– Дай мне договорить, Торн. Подумай о том, сколько всего мы можем предотвратить, если у меня получится выяснить, где он находится и кто он такой. Я собиралась сказать об этом сразу, но потом ты на меня посмотрел... на мои губы, и немного сбил меня с мысли, а после я услышала твои, и...

– Лаура, это не обсуждается. – Вот теперь меня ставят на ноги. Торн резко поднимается, возвышаясь надо мной: любит он это, авторитетом давить. И ростом. – Я не стану подвергать тебя опасности, любая связь работает в две стороны. Если он о тебе узнает...

– Он уже обо мне узнал.

– Что? – Торн произносит это очень-очень тихо.

– Он не просто обо мне знает. Он назвал меня по имени. Когда понял, что я...

Я не договорила: по ощущениям, в комнате тоже случилась Ледяная волна. Разрастись ей не позволил стук в дверь.

– Не сейчас.

– Ферн Ландерстерг, это касается ферны Ригхарн. Она дала интервью...

Что я там говорила про Ледяную волну? Кажется, Торн был готов убивать. Развернувшись, он подошел к двери и рванул ее на себя.

– Что непонятного в моих словах «не сейчас», мергхандар?!

Я еще никогда не слышала, чтобы он говорил с подчиненными так – не просто резко. Жестко и грубо. Но подчиненный, видимо, решил, что ему недорога жизнь, потому что продолжил:

– Ферн Ландерстерг, ферна Ригхарн дала интервью, в котором рассказала о силе ферны Хэдфенгер. Все линии в Айрлэнгер Харддарк заняты, Одер взяла на себя ответственность говорить от имени вашей пресс-службы, но ей все равно нужны ваши комментарии.

Торн выругался. Мысленно. Я даже не представляла, что он знает такие слова, от которых у меня покраснели мочки ушей. Впрочем, уже в следующее мгновение я забыла про уши и про все остальное, когда услышала:

– Это еще не все. После интервью ферна Ригхарн отправилась в салон красоты, но она до него не доехала.

– Что. Значит. Она. До него. Не доехала?!

– Это значит, что она пропала. Сигнал с ее мобильного потерян, она просто исчезла. Мы не можем ее найти.

Глава 22

Торнгер Ландерстерг

– Ферн Ландерстерг, как вы можете прокомментировать слова ферны Ригхарн?

– Правда ли, что сила ферны Хэдфенгер настолько велика?

– Вы правда не знаете, что это за сила и поддается ли она контролю?

– Ферну Хэдфенгер держат на каких-то препаратах?

Мергхандары оттеснили толпу журналистов, но, разумеется, они ничего не могли сделать с вопросами, которые сыпались под вспышками камер. Роудхорн советовал не подпускать их к Айрлэнгер Харддарк, но не подпускать их было бы еще хуже, поэтому журналисты и операторы сейчас собрались на парковке, через которую он шел.

Как будто мало было того, что есть.

Как будто мало было того, что Лаура оказалась в сознании неизвестного психопата, который о ней знает. Причем знает о ней он давно, никто просто так, впервые оказавшись в сердце чужого разума, неспособен опознать того, кого видит впервые. Нет, эта тварь давно о ней знала, возможно, знала даже раньше меня.

– Ферн Ландерстерг!

– Ферн Ландерстерг...

– Ферн Ландерстерг...

– Вы получите все ответы на пресс-конференции. – Шагнувшая ко мне Одер выглядела холодной и собранной.

Отрезанная от вымораживающей стужи Хайрмарга защитным куполом парковка сейчас напоминала рагранский улей, но она не побоялась в него шагнуть.

– Ферн Ландерстерг.

– Спасибо, что приняла удар на себя, – произнес я, когда мы вошли в холл.

Одер кивнула.

– И спасибо, что остаешься со мной.

– Разве могло быть иначе?

Я улыбнулся. Улыбаться меня научила Лаура, она многому меня научила. В том числе открыто выражать свою благодарность тем, кто находится рядом со мной. Заявление за последние несколько дней написал не только Кадгар, мои кадры сыпались снежными комьями на пару с рейтингами. Сколько осталось до того, как все остальное обрушится лавиной, я не знал. Знал только, что сделаю все от меня зависящее, чтобы это остановить и чтобы защитить Лауру.

Потому что защитить ее я могу, только оставаясь на этом самом месте.

Я никогда не думал о власти как о чем-то, что можно использовать для себя, и вот сейчас я впервые думал о том, что только она поможет мне закрыть ее от всех, для кого она слишком ценная добыча или слишком опасное существо. А таких сейчас был весь мир. Интервью Солливер облетело соцсети чуть ли не быстрее, чем видео Лауры. Ее исчезновение заставило пламя взлететь до небес.

– Когда у меня пресс-конференция?

– Через полчаса. Это большее, что я смогла выбить. Вы сами понимаете, что в такой обстановке...

– Этого вполне достаточно, Одер.

Секретарь посмотрела на меня, но ничего не сказала. Мы разошлись: она вернулась на свое место, я прошел в кабинет. Списка вопросов, которые обычно присылали перед пресс-конференцией, как такового не было. Мне нужно было дать комментарии по поводу налета. Мне нужно было дать комментарии по поводу Лауры.

Сейчас я как никогда понимал, почему так долго держался в стороне от любых чувств. Потому что они действительно все осложняют. Потому что вместо того, чтобы думать о пресс-конференции, я думаю о том, что она сказала: я хочу помочь, я могу снова его найти. Я заставил ее пообещать, что она не станет даже пытаться, но не мог избавиться от мыслей, что связь всегда работает в две стороны.

Она не станет пытаться.

А он?

Что, если он вломится в ее сознание так же, как она вломилась в его сознание? Что, если Арден не успеет ничего сделать?

На этот счет у него был четкий приказ: сразу же отключать ее сознание, без разговоров.

– Я успею, – сказал Арден. – Ты можешь быть спокоен.

Не могу. Потому что я видел наработки Гранхарсена по нейросети. В основе ее было существо (именно этот термин использовал ныне покойный гений), которое обладает частицей глубоководного дракона и его силой. Только такой разум способен пропустить через себя всю мощь информации призыва драконов по всему миру и автономного управления ими.

То, что случилось в пустошах, было всего лишь экспериментом-демонстрацией, иртехан, которого «видела» Лаура, использовал себя как ретранслятор. Частично. Чтобы управлять драконами, их пламенем, мозговыми волнами, отдавать им приказы, ему понадобится другой ретранслятор. Тот, через который все это пойдет, потому что управлять такой мощью и одновременно пропускать через себя все это неспособно ни одно живое существо, сколь бы сильным оно ни было.

Ему понадобится тот, кто просто сгорит в процессе.

И я не мог избавиться от мысли, что налет и нападение на меня было всего лишь отвлекающим маневром, что ему просто нужно было установить связь.

С ней.

Коммуникатор пиликнул:

– Сэфл Роудхорн.

– Пусть войдет.

Роудхорн шагнул в кабинет: военную выправку ни с чем не спутаешь, подтянутый, как всегда, но уголки губ опущены, а лоб прорезали глубокие не по возрасту морщины.

– Никаких новостей о Солливер, – понимаю я.

– Она исчезла в слепой зоне. Ее флайс вышел из видимости камер, а в новую зону вошел уже без нее.

– Где он теперь?

– Сам флайс нашли на парковке супермаркета. На камерах дальше видно, что водитель перестал справляться с управлением и быстро снижался. До парковки он дотянул, где у него и случилось кровоизлияние в мозг.

Я перевел взгляд на ночной Хайрмарг.

Требовать что-то от Роудхорна – как я всегда требовал в таких обстоятельствах, выжимая из своих подчиненных максимум, смысла не было. Глядя на него, я понимал, что он и так сделает максимум. Но

вряд ли из-за меня, из чувства долга или из-за военных привычек – приказ превыше всего, а ради нее. Если бы у меня было время, я бы с удовольствием задал ему вопрос, какого набла он сразу не рассказал мне, какая она. Лаура Хэдфенгер, которую он знал.

Хотя сдается мне, в тот момент я бы его не послушал.

– Хорошо. Держи меня в курсе.

– Это еще не все.

Последний раз, когда мергхандар в резиденции произнес: «Это еще не все», ничего хорошего за этими словами не последовало. Тем не менее сейчас я молча посмотрел на Роудхорна.

– Я нашел следы тех исследований, точнее, следы корпорации, проводившей клинические испытания препарата, в которых принимала участие мать Лауры. В Рагране.

– Каким образом?

Сэфл Роудхорн приближается и садится.

– Двадцать два года назад Оррис Хэдфенгер впервые пришла на консультацию по поводу участия в клинических испытаниях. Они с мужем ознакомились с договором, какое-то время она находилась под наблюдением врачей центра, только после этого ее допустили к первой фазе. У нее взяли все анализы, и она не была беременна. Впоследствии, когда начались испытания, они даже не сразу выяснили, что она в положении. Но вот что интересно: именно после этого начинаются странности. Спонсирование исследований с офшорных счетов и прочие незаконные действия. В частности, только начинающее набирать обороты исследование быстро сворачивает программу, выплачивая участникам полную стоимость, чтобы не было никаких претензий. У Оррис Хэдфенгер проявляются побочные эффекты, но никто из участвующих в программе больше не обращается к врачам с какими-либо симптомами недомогания.

– Ты хочешь сказать, что дело было именно в беременности?

– Я хочу сказать, что ее беременность кого-то очень сильно заинтересовала. У Оррис Хэдфенгер стояла спираль, потому что во время клинических испытаний она не могла принимать гормональные – это могло повлиять на результаты, исказить их. Тем не менее она забеременела.

– И она была единственной, у кого был побочный эффект.

– Это не самое странное. Тот, кто вышел на Хэдфенгера, чтобы забрать Оррис в коме и «помочь» ей, официально не существует. Какое-то время они действительно содержали ее в Ферверне, а потом... Вот здесь начинается самое интересное. Все исчезают: и Оррис, и представитель компании, якобы проводившей клинические исследования, и весь персонал. Официально их всех переводят в другой город, а на деле все люди стираются и растворяются, как будто их и не было.

– Это очень похоже не теорию заговора.

– Но это и есть заговор. Оррис забрал кто-то, кому она была нужна, точнее, кому нужна была ее кровь. Для чего-то. После этого все данные исчезли, я бы не нашел выход на Рагран, если бы не Эстфардхар.

Вот теперь меня обжигает яростью.

Настолько сильной, что, как мне кажется, я давно бы должен был уже с нею справиться, но нет. Имя Эстфардхара по-прежнему действует на меня как раннарская трава на драконов.

– Что, прости? – уточняю я.

Вместо ответа Сэфл подает мне планшет. На нем – платежные документы за закрытый ВИП-телепорт для медицинской транспортировки: женщина в коме, сопровождающий ее якобы супруг, медицинский персонал и оборудование. Оплата с офшорного счета. С того же самого (рядом представлены документы по финансированию), с которого переводили гонорар за участие в исследованиях.

– Это Оррис Хэдфенгер?

– Это наверняка Оррис Хэдфенгер. Я провел все проверки: записи с камер уничтожены, они точно так же растворились в Рагране, как до этого в Хайрмарге.

– Странно, что записей с отправляющей стороны тоже нет, – говорю я.

Хотя в целом не странно. Если принимать во внимание тот факт, что кто-то очень близкий к власти все подчищал. Например, находясь под влиянием Гранхарсена. Эту мысль перебивает Роудхорн своим комментарием:

– Этой информации тоже не должно было быть. Сделка, разумеется, была незаконной и осуществлялась вне официального

графика отправки и работы телепорта. В этом оказались замешаны ведущий техник ВИП-зала, два портпроводника и дежурный администратор. Между ними и должны были поделить эту сумму.

– Но воспользоваться ею они не успели.

– Совершенно верно.

– Тогда каким образом вы ее вытащили?

– Это инициатива Эстфардхара. Он искал все, что так или иначе покажется странным в период, когда предположительно исчезла мать Лауры. Окно достаточно небольшое, если учесть, что они заметали следы и вряд ли оставили бы ее надолго в Ферверне. Смерть сразу нескольких сотрудников телепорта показалась ему подозрительной. Особенно смерть тех, кто выходил в одну смену.

– И он решил посмотреть в этом направлении?

– Да. У техника осталась дочь, которая предоставила ему доступ к старым вещам отца. На его ноутбуке обнаружилась локальная копия этой оплаты. Он смотрел именно Рагран, потому что приказ отчима по поводу устранения Лауры показался ему...

– Как ты вышел на Эстфардхара? – перебил его я. – И зачем?

– Он сам на меня вышел. Я посчитал, что мне нужна информация, – не моргнув, произнес Роудхорн. – Что источник, в котором я уверен, вполне подойдет.

– Ты считаешь Эстфардхара надежным источником? После всего, что он сделал? После исчезновения того, кто его воспитал?

– При всем уважении, ферн Ландерстерг, он не сделал ничего, что могло бы навредить Лауре. Я дружил с ним какое-то время, но ничего личного в этом нет. Если бы меня попросили дать ему краткую характеристику, я бы сказал так: характер – отстой, но это самый большой его недостаток.

Мне было плевать на характеристики Роудхорна. Было бы. Если бы не сложившиеся обстоятельства. Если этот выродец может помочь, пусть помогает.

– Вся ответственность за этот канал на тебе. Надеюсь, ты понимаешь, что делаешь.

Роудхорн кивнул.

– Хорошо. У меня, – я глянул на часы, – через десять минут пресс-конференция.

– Да, Одер держит меня в курсе. Все готово.

Он поднялся и вышел, оставив меня наедине с тишиной и собственными мыслями. Если Гранхарсен действительно имел какое-то отношение к исчезновению Оррис... точнее, к тому, чтобы скрыть ее исчезновение, значит, отсюда и надо начинать искать. Это уже гораздо проще, чем копать в Рагране с миллионами бюрократических проволочек, особенно после того, как авторитет Бермайера в глазах Мирового сообщества слегка пошатнулся. Теперь он будет всеми силами цепляться за Халлорана и заглядывать ему в рот, чтобы не упасть еще ниже, поэтому вряд ли можно рассчитывать на тайну результатов расследования. С другой стороны, если Эстфардхару удалось вытащить эту информацию, если ему разрешили работать в Мериуже, значит, у него свои инструменты взаимодействия с главой Раграна. Что тоже можно вполне успешно использовать.

– Одер, свяжись, пожалуйста с Бермайером, – говорю, коснувшись коммуникатора. – По возможности. Договорись о видеоконференции.

У нас разница во времени, но, учитывая, что сейчас уже поздний вечер, а у них раннее утро, как раз к завершению пытки журналистами я смогу с ним переговорить. Я надеюсь.

– Хорошо, ферн Ландерстерг. – Она неожиданно улыбается, я чувствую это по голосу. – Удачи.

Несколькими минутами позже я понимаю, почему Одер сказала это сразу: в приемной, несмотря на позднее время, стоит начальник юридического отдела, его ассистент, наш главный по маркетингу и его секретарь, несколько ребят из отдела пресс-службы. Они оборачиваются на меня, но тут же возвращаются к Одер – она комментирует им ситуацию, и я невольно улыбаюсь.

А потом мой смартфон едва слышно вибрирует.

«Привет, Дракон номер один. Возможно, мне не стоило этого писать, но злодей на связь не выходит, и мне скучно. Приходится писать сценарий, который не пишется, пока не прошла твоя пресс-конференция. Поэтому заканчивай быстрее с любопытными и возвращайся ко мне».

Это сообщение почему-то бьет в самое сердце.

Я же делаю то, чего в принципе никогда не делал: на ходу пишу ей ответ.

«Не уверен, что закончить получится быстро, будущая жена Дракона номер один. Но я тоже очень скучаю».

Не представляю, с чего меня пробило на такое хулиганство, но очень хорошо представляю ее лицо в этот момент. В конце концов, не все же Лауре меня дразнить. Когда в ответ приходят три восклицательных знака, снова улыбаюсь, убираю смартфон.

Из лифта сначала шагаю в коридор, а спустя несколько поворотов – в распахнутые двери конференц-зала.

Микас Лодингер

Он еще не до конца определился, что делать с этой шлюхой, Солливер Ригхарн. Впрочем, он еще не до конца определился, что делать со всеми ними.

Иртханы. Сильные мира сего. Считающие, что вся власть сосредоточена в их руках исключительно потому, что они вливали себе кровь драконов, но на самом деле... на самом деле они просто ничтожные, зажавшиеся вершители судеб. Один из них валялся в отключке после ментальной беседы, второй пока относительно держался. Но все в мире относительно.

Точно так же и с этой шлюхой. Она не была иртханессой, но была шлюхой. Потому что с ними спала. Впрочем, она со всеми спала. Танни Ладэ тоже не была иртханессой до определенного времени, но она тоже была шлюхой.

Все женщины – шлюхи. В этом он был солидарен с отцом, но отец, к слову, никогда никому ничего не спускал. Он сказал, что мать поплатится за то, что связалась с любовником, и спустя пару дней ее нашли в Гельерском заливе. Отец, конечно, горевал для вида. Но все, чего заслуживала эта шлюха, она получила.

Получат все остальные.

Леона Халлоран.

Танни Гранхарсен.

Лаура Хэдфенгер.

Хотя, по-хорошему, Лауру Хэдфенгер стоило бы оставить для экспериментов, потому что в ее крови сложилась интересная комбинация, способная дать начало абсолютной сверхсиле. Отчасти то, что было и в его крови. То, что было губительно для всех, а его, напротив, спасло. Отец увез его из Аронгары в состоянии овоща, и он бы пускал слюни в подушку до конца дней своих, если бы Баррет

Лодингер не нашел выходы на нужных людей. Или иртханов, не суть важно.

Опыты, которые проводились под эгидой спасения человечества (читай: разработки какой-то чешуйки для регенерации), на самом деле оказались экспериментами по изучению ДНК глубоководного фервернского дракона. Того, который считался самым непобедимым благодаря своей особенности к почти мгновенной регенерации, невосприимчивости к ментальным приказам и к смертоносному черному пламени, больше напоминающему воздействие на что бы то ни было кислоты, чем огня.

Правда, было еще кое-что. Именно это кое-что, попавшее к нему в руки не так давно, впервые заставило его задуматься о возможности построения нейросети, над которой работал Гранхарсен и которая способна поднять всех драконов по всему миру, как по сигналу. Не просто поднять, а проникнуть в их мысли, отдать им приказ – разрушать, жечь, замораживать, отравлять ядом, такой приказ, остановить который не сможет никто. Разумеется, ему не нужен был мир в руинах, руинами неудобно править, но после случившегося власть иртханов существенно пошатнется. Да что там, она развалится, как его жизнь из-за набловых сестриц Ладэ и Рэйнара Халлорана.

Ничего, скоро они все будут мертвы.

Как ни печально это признавать, Лаура Хэдфенгер тоже. Вряд ли она переживет силу такой трансляции.

На многочисленных мониторах отображалось происходящее в каждой камере. Пока что были заняты только три, но очень скоро их станет значительно больше. Просто убить Халлорана, его жену, их детей, а особенно – Танни Ладэ с ее набловым мужем и сыном – нет, это слишком просто. Туда же Торнгера Ландерстерга. После прихода к власти этого выроodka его чуть не арестовали, и тогда бы все, что сделал отец, могло просто-напросто пойти насмарку.

Ему вернула разум сила глубоководного дракона. То, что у так называемых сильных мира сего его отнимало. Тем не менее его старик связался с теми, кто все это проворачивал, рискнул, и теперь он, Мик, способен не просто самостоятельно есть и ходить в туалет, но и уничтожить весь режим, который иртханы старательно выстраивали тысячелетиями. Хотя бы за то, во что они его превратили. За то, что они творили с людьми.

Можно сказать, отец дал ему жизнь дважды. Очень жаль, что он не дожил до этого дня.

В одной из камер глаза уловили движение: шлюха пришла в себя. Мик подхватил планшет, чтобы отслеживать данные по нему, и направился к двери. Нужно поговорить с ней и решить, что делать дальше. С ней, разумеется. Потому что до того мгновения, когда мир изменится навсегда, остались считанные часы.

Солливер Ригхарн

Голова болела, как от сильного удара, хотя Солливер не могла припомнить, что она падала. Только что она села в машину к водителю – и вот уже оказалась здесь, в мрачной и сырой камере, напоминающей пещеру. Если бы это случилось не с ней, она бы здорово посмеялась: это казалось чересчур клишированным. Очнуться в камере, где воняет сыростью, на драном матрасе не первой свежести, чувствуя, как в тебя вползает холод от ледяных стен.

Льда здесь не было, но камень буквально источал стужу, и она невольно обхватила себя руками. Садиться не стала: из-за этого вполне можно отключиться повторно, а это не входило в ее планы. В ее планы входило как можно скорее узнать, где она оказалась и что с этим делать.

Какая-то часть внутри ее билась в ужасе, но с этой частью Солливер предпочитала не иметь дела. Маленькая напуганная девочка, которая однажды допустила, чтобы с ней случилось то дерьмо, которое случилось, не могла дать толкового совета. А вот взрослая женщина, которая умела за себя постоять и которая легко избавлялась от всех препятствий на своем пути, – вполне.

Раздался звук открывшейся двери.

Шаги.

По шагам можно многое сказать о том, кто приближается. Это были шаги неровные и, пожалуй, чересчур тяжелые. Что говорило либо о приличном возрасте, либо о психической неуравновешенности. Возможно, о первом и втором вместе, но когда перед ней появилось это существо – за врезавшейся в землю металлической решеткой, Солливер, несмотря на всю свою выдержку, чуть не завизжала от ужаса.

Глаза стоявшего перед ней были абсолютно черными, как глубокая ночь. По шее ползла черная чешуя, уходящая под рубашку, в остальном оно отдаленно напоминало человека. Весьма отдаленно, потому что искаженное застывшей маской ненависти лицо сложно было назвать человеческим. Или даже лицом иртыхана.

– Что? – Стоящий за решеткой хрипло рассмеялся. – Не нравится? А ведь ты так искала встречи со мной, Солливер Ригхарн.

Он приблизился, коснулся стены, и над ним полыхнул свет, заставив ее зажмуриться.

– Так просила Крейда, чтобы он нас познакомил. Скажи, ты рада знакомству?

На этот раз глаза она открыла очень осторожно и так же осторожно, держась за стену, поднялась.

– Ты иртыхан? – поинтересовалась она.

Четко и по делу, нужно бить сразу, пока страх не сковал по рукам и ногам, а главное – пока он его не почувствовал достаточно остро. Любому зверю страх – как сигнал к прыжку.

– Нет, – произнес он. Будто выплюнул.

– Хорошо. Ненавижу их.

В глаза зверю тоже смотреть не рекомендуется, поэтому Солливер наклонила голову, изучая его. То, как двигались его ноздри, явно выдавало раздражение, а еще то, что он тоже ее изучал. Это нечто определенно ее не любило. По какой-то причине.

– Думаешь, это тебя спасет? – Это он тоже выплюнул, на сей раз поймав ее взгляд.

– От кого?

– От меня. – Он коснулся ладонями стальных прутьев, обхватил их. – Думаешь, решетка здесь, чтобы ты не сбежала? Нет, милая. Это чтобы я к тебе не вошел.

Что может быть хуже, чем свихнувшийся недоиртыхан? Или человек с очень большой силой, с ней переборщивший?

– Я тебя не боюсь. – Солливер шагнула вперед, в одно мгновение оказавшись лицом к лицу с ним.

По его лицу прошла судорога изумления, и Солливер не дала ему опомниться.

– Надеюсь, ты убьешь Лауру Хэдфенгер, милый? – Последнее слово она особо выделила. – Потому что она здорово испортила мне

жизнь. Она и Торн Ландерстерг. Его тоже собираешься убить?

Чернота сильнее полыхнула в глазах.

– Считаешь, что можешь меня заинтересовать? – усмехнулся он, а потом одним движением приложил ее лицом к прутьям. От удара голова взорвалась невыносимой болью, чувство было такое, что в кожу впечатали раскаленный металл. Перед глазами заплясали искры, но Солливер даже не попыталась дернуться. Даже когда пальцы, царапающие кожу чешуей, сжались на шее так, что могли бы ее сломать.

Справиться с безумцем с такой силой способен только еще больший безумец. Никак не нормальный человек, и Солливер в упор смотрела на него. Теперь она понимала, что рядом с ним никакие правила не действуют, в том числе и правила поведения со зверем. Рядом с такими правила нужно задавать самой, и только так можно выжить.

К счастью, ей встречались самые разные мужчины.

Не всегда адекватные.

Разбитая губа кровила, и она медленно ее облизала, не отводя глаз. Он ненавидит ирллангов, это стало очевидно, когда Солливер задала первый вопрос. Сейчас, в такой непосредственной близости от него, она уловила аромат дорогой мужской туалетной воды. Очень дорогой.

Он явно привык следить за собой.

– Мне нравится твой запах, – сказала она хрипло, чуть понизив голос. – Так что? Расскажешь, как ты собираешься уничтожить Лауру Хэдфенгер?

В том, что он собирается ее уничтожить, тоже сомнений не было. Иначе зачем ему нужен был этот спектакль.

Какое-то время он молчал, и, хотя хватка на шее не становилась более жесткой, Солливер начала думать, что он не ответит никогда. Тем не менее он ответил:

– Нейросеть. Ретранслятор имеет свойство перегреваться.

– Нейросеть?

– Именно так. – Рука разжалась.

Солливер чуть подалась назад, но не отступила. Даже когда металлические прутья решетки втянулись в потолок.

– Очень интересно, – сказала она.

– Ты даже не представляешь насколько.

Покрытые чешуей пальцы вплелись в ее волосы так быстро, что она не успела сказать ни слова. Вздохнуть она тоже не успела, особенно когда в ее рот ворвались грубым, злым поцелуем, и в тот же миг рванулась вперед, так же яростно отвечая. Кусаясь и проглатывая ругательства, которые он выдал прямо ей в губы перед тем, как резко развернуть и толкнуть к стене.

– Мило у тебя тут, – сказала Солливер, поправляя юбку.

Монстр, находящийся перед ней, был не в себе настолько, что с ним каждое мгновение приходилось подстраиваться под обстоятельства. В том, что он не раздумывая свернет ей шею, если захочет, она даже не сомневалась, поэтому все, на чем оставалось держаться, – импровизация, интерес и выдержка.

– У меня. Ты правильно заметила. – Черные глаза прищурились, делая его лицо еще больше похожим на маску. Только сейчас она поняла, в чем дело: его мышцы почти не двигались, как после уколов молодости, а когда двигались, это точно было не похоже на человеческое лицо. Черный взгляд стек по ее груди, животу и ногам вниз, а потом метнулся в камеру. – Тебе туда.

– Что, даже экскурсию не проведешь?

– Нарываешься? – Металл в его голосе сочился ядом злобы.

– Нет, просто я предпочту сдохнуть, чем вернуться туда. Хочешь меня убить? Давай.

Он хотел. Солливер видела это по глазам, его жажда убийства горела в каждом движении. Уж кто-кто, а она достаточно изучила эту тему, чтобы владеть ею в полном объеме.

Мужчина застегнул брюки, а после положил ладонь ей на шею.

– Как скажешь.

Солливер не пошевелилась.

Когда она говорила с Крейдом, когда договаривалась о том, чтобы встретиться с тем, кто всем заправляет, она представляла себе опытного кукловода, умело дергающего за ниточки. Никак не психопата, который думает только о том, как бы убить всех с помощью Лауры Хэдфенгер, – или о чем он там себе думает.

Она не имела ни малейшего представления, о чем он говорит, что такое нейросеть, но собиралась это выяснить. Даже сейчас, когда

ладонь сжималась на ее шее все сильнее.

Когда тебе страшно, говорил один из ее учителей, сосредоточься на дыхании. Если не можешь сосредоточиться на дыхании, включай логический анализ. Мозг в таких обстоятельствах перестает вырабатывать волны, способствующие усилению стресса, и включается в работу.

Поэтому сейчас Солливер думала о том, кто на самом деле за всем этим стоит. Не может психопат повернуть такое, даже если он гениальный. Этот... на гениального не тянул. Зато идеально подходил как оружие массового поражения.

– Ты совсем не боишься? – Он нахмурился.

Совершенно неинтересно душить жертву, которая спокойно стоит и смотрит тебе в глаза.

Солливер промолчала, и он разжал пальцы.

– Нет. – Ответ получился хриплым. Она закашлялась.

А он улыбнулся:

– Пойдем. У меня для тебя есть кое-кто.

Она приподняла брови, но все-таки последовала за ним. Долго идти не пришлось, буквально через две пустующие дыры камер они остановились перед зарешеченной. На полу валялся иртыхан, в котором Солливер даже не сразу признала Крейда: лицо его было настолько залито кровью – из носа, из ушей, из рассеченной ударами кожи, разбитых губ, что вряд ли он сейчас узнал бы себя сам. Похоже, его использовали как грушу для битья. Во всех смыслах.

– Твой дружок, – прокомментировал монстр. – Не выдержал ментальной беседы.

– У меня нет друзей. – Солливер не изменилась в лице.

Ему, похоже, ответ понравился.

– Значит, ты захочешь помочь мне избавиться от него этот мир?

Она повернулась к нему, но монстр смотрел только на валяющегося на холодном полу Крейда.

– Какая моя выгода? – спросила Солливер.

– Поживешь подольше.

– Я хочу кое-чего еще.

– Ты не в том положении, чтобы диктовать условия.

– Никаких условий. Я хочу помочь тебе, но для этого мне нужно понимать, как работает ретранслятор.

Хищная улыбка, неестественная, как и предыдущая, – как будто кто-то тянул зафиксированную кожу за нити, обнажила зубы.

– Посмотрим. Для начала...

Монстр открыл вмонтированную в стену панель.

– Знаешь, что это за место? Проект первой тюрьмы Ферверна, семидесятилетней давности. Здесь что-то не так с породами, сейсмоактивность, поэтому строительство приостановили. Но это место просто идеально для того, чтобы отсюда начать трансляцию.

Да, ему определенно кто-то сливает информацию. Не считая Крейда... и даже не считая информации, здесь же надо было все оборудовать. Заставить этот старый камень с заброшенными коммуникациями функционировать, заставить заработать электронику. Вряд ли этот ходячий мешок безумной ненависти на такое способен.

– Так что ты хочешь, чтобы я сделала?

– Это. – Он вытащил пластинку лазерного ножа из кармана и вложил в ее руку. А после ввел код на старинной версии электронной панели, и решетка взметнулась вверх.

Не дожидаясь ее ответа, мужчина шагнул в камеру, рывком вздернул Крейда на ноги и отвесил ему оплеуху. Тот застонал, слипшиеся губы с трудом разомкнулись:

– Пожалуйста... хватит...

– Ну, что ты там стоишь? Иди сюда.

Солливер никогда не убивала. Своими руками.

Поэтому в камеру шагнула на негнущихся ногах и остановилась перед Крейдом, больше напоминавшим кусок мяса, чем человека или иртхана. На миг мелькнула мысль всадить лазерный нож прямо в сердце монстра, но только на миг. Сознание отрезало это сразу же: мыслью о том, что только этого он и ждет. Он ждет, чтобы она на него напала, зверь ждет и жаждет крови. У нее не хватит реакции, чтобы ударить. А вот у него – чтобы вывернуть ее руку и всадить этот нож прямо в нее – вполне.

– Не умеешь пользоваться этой штукой? – Черная тварь явно издевалась.

Солливер вдавила палец в кнопку включения и шагнула вперед.

– Хочешь проверить?

Растянутая улыбка сбежала с его лица, а она одним движением ударила прямо в сердце Крейду. Глаза иртхана широко распахнулись,

словно он не мог поверить в случившееся. Сверкнули болью, непониманием, страхом и... узнаванием за миг до того, как потускнеть навсегда. Солливер выдернула нож и швырнула его на пол.

– Теперь ты готов вести диалог, или продолжим экзамены?

Монстр больше не улыбался. Он отшвырнул Крейда, тело грузным мешком упало прямо на погасшее оружие, и шагнул к ней.

– Расскажи мне про нейросеть.

– Не слишком ли многого ты хочешь?

– А ты? Хочешь сделать жизнь Торнгера Ландерстерга невыносимой? – Она хищно улыбнулась. – Насколько? Насколько невыносимой ты хочешь ее сделать и насколько ты вообще этого хочешь?

Черные глаза снова сощурились.

– О чем ты?

– Только после тебя. Я знаю, как заставить Ландерстерга страдать, и страдать очень сильно. Но для этого мне нужно понимать, как работает ретранслятор.

– Как приемник, – хмыкнул мужчина. – Мне нужно будет войти в ее сознание и через нее приказать драконам напасть. На все мегаполисы Ферверна. Всего мира.

– Чудесно. То есть ты будешь ею управлять?

– Да. И недавно я это проверил... – Он усмехнулся. – Все работает. Она сама должна была меня найти, и она это сделала. Теперь мне остается только включить нашу связь. Больше я тебе ничего не скажу, а вот ты...

– Хватит угроз, – перебила Солливер. – Если ты войдешь в ее сознание и Хэдфенгер выпустит драконов, они уничтожат города.

– Я остановлю это раньше, чем они их уничтожат. Мне нужно, чтобы весь мир увидел бессилие иртыханов.

Ну да, я тебе больше ничего не скажу. Дебил.

– Когда ты это остановишь, Лаура Хэдфенгер уже перегорит?

– Да.

– Но ты все еще сможешь ею управлять?

Он прищурился:

– Зачем это?

– Затем, что именно Торну придется ее убить. Своими руками. Нужно, чтобы он лично всадил ей в сердце нож, луч, пулю, превратил

в ледяную статую. Или каким-либо другим способом прервал биение ее сердца. Он убьет ее, и это убьет его. Морально. Страдать он будет до конца своей жизни – такой, какую ты ему позволишь.

Улыбка вернулась.

– Тебе-то с этого какая радость?

– Они меня использовали. Оба. Хочу, чтобы они страдали. Или тебе нужны высокие причины, над которыми можно всплакнуть?

Его лицо снова поползло, как под рукой неумелого 3D-дизайнера, и Солливер отвернулась. Пока он будет все это проворачивать, ей нужно отсюда выбраться. К тому моменту, как Ландерстерг убьет свою обожаемую Хэдфенгер, а драконы переморозят половину страны, всем точно будет не до нее. Крейд мертв, этот урод... после того что он устроил, он тоже будет мертв, когда сюда придут мергхандары и Торн. А пока что ей нужно максимально (по возможности) осмотреться и найти связь.

– Может, покормишь меня? – холодно осведомилась она, бросив короткий взгляд через плечо. – А я расскажу тебе, что именно Хэдфенгер должна сказать Ландерстергу для усиления эффекта.

Не дожидаясь ответа, она вышла в коридор. Ей пришлось перешагнуть через руку Крейда, но Солливер даже не вздрогнула. Она уже давно для себя уяснила: чужая смерть – это не убийство, если она может спасти твою жизнь.

Глава 23

– Вы можете утверждать, что налет драконов никак не связан с Лаурой Хэдфенгер? – Голова журналиста была лысой, как шар для боулинга, и я почему-то представила, как она покрывается корочкой льда.

По крайней мере, после того как оператор крупным планом показал лицо Торна.

– Я совершенно точно уверен, что эти два события никак не связаны.

– Тем не менее налет случился практически сразу же, как драконы улетели от вашей резиденции?

– С тем же успехом можно было сказать, что это я отправил их к городу.

Почему-то продолжать журналист не решился, зато руку подняла темноволосая, коротко стриженная девушка:

– Вам известно что-нибудь о местонахождении ферны Ригхарн?

– Нет. В настоящий момент мои спецслужбы занимаются ее поисками.

– Как вы можете прокомментировать ее интервью? Ферна Хэдфенгер действительно обладает силой, которую никто не в состоянии контролировать?

– Комментировать ее интервью у меня нет ни малейшего желания. Ферна Хэдфенгер находится под круглосуточным наблюдением лучших специалистов, ни ее здоровью, ни кому бы то ни было ее состояние ничем не угрожает.

– Ферна Ригхарн утверждала, что это не так.

– Когда ферна Ригхарн вернется, вы можете уточнить у нее, что она имела в виду.

– Если она вернется. – Журналистка сложила руки на груди. – Вы уверены, что ваши... спецслужбы проявят достаточное усердие, чтобы ее найти? Или, может быть, они причастны к ее исчезновению?

После этого вопроса в зале повисла тишина, а я почувствовала, как у меня начинает покалывать руки. Хорошо, что я не стояла там, рядом с Торном, а то слова «ферны Ригхарн» очень быстро

оправдались бы. Подморозить эту девицу, по крайней мере, заклеить ей рот мне захотелось до поддрагивания пальцев. Наверное, это неправильно – злоупотреблять силой, но очень хотелось!

– Ваши слова расценивать как праздное любопытство или сразу как клевету?

Торну совсем не нужно было пользоваться пламенем, чтобы кого-то приморозить, потому что девица очень резко побледнела. Тем не менее снова пошла в атаку:

– Это закономерный вопрос в сложившихся обстоятельствах. Согласитесь, что со стороны все это выглядит подозрительно.

Ну да, Сэфл похитил бедную ферну Ригхарн, мы с Торном на пару ее заморозили, а теперь, пока он отвечает на пресс-конференции на ваши идиотские вопросы, я занимаюсь ее расчлененкой!

– Это...

Экран погас так резко, что я возмущенно обернулась:

– Арден!

– Лаура. – Он покачал головой и отложил пульт. – Я разрешил тебе посмотреть трансляцию, только если ты не будешь волноваться. То, что у тебя сейчас повысился пульс и показатели пламени, определенно намекает на то, что с пресс-конференцией пора завязывать.

Я хотела возразить, но только глубоко вздохнула. Если что-нибудь произойдет здесь и сейчас, я подставлю Торна, Ардена, себя... всех. Поэтому кивнула и протянула ему смартфон.

– Я могу не выдержать.

– Рад, что ты понимаешь ситуацию.

– Да, пойду на кухню схожу.

Еще перед тем, как началась пресс-конференция, я твердо решила, что Торну не помешает расслабиться после всего этого кошмара. Поэтому решила снова сделать ему ужин. Такой, как с Доражем, вряд ли получится, но у него в резиденции работали отличные повара. В отличие от предыдущего раза я решила накрыть столик в спальне Торна. Точнее, в номинальной спальне Торна, потому что он постоянно находился рядом со мной, но мы (а особенно он) совершенно точно заслужили ночь без медицинской аппаратуры. Поэтому я решила накрыть столик там, а еще – приготовить для него ванну с пеной и сделать ему после ужина массаж.

Вот-вот в резиденцию должны были доставить лепестки цветов, которые я собиралась набросать в воду, ужин готовился, но мне не сиделось на месте.

– Тебе лучше остаться здесь, – сказал Арден. – Ужин спокойно приготовится без тебя.

– А без ужина беспокойно приготавлиюсь я, – сказала я. – Ты же понимаешь, что мне очень сложно не думать о том, что там происходит? И потом, ты пойдешь со мной. Со своим планшетом и мгновенной выключалкой.

Арден покачал головой:

– Тебе смешно, Лаура?

– Нет, мне как раз не смешно! Но я устала сидеть на месте и трястись, как набл перед драконом. Кроме того, какая разница, где ты вколешь мне свой препарат, если датчики покажут критичные отклонения? Арден, я устала. От такого напряжения можно рехнуться, а я не хочу, чтобы у моего ребенка была сумасшедшая мама. Ну и потом, ты правда считаешь, что сидение рядом со сканерами что-то изменит?

– Нет. Я так не считаю.

– Тогда пошли. Я хотя бы немного разомнусь.

Арден вздохнул и кивнул, и я поспешно вытолкнула себя из кресла.

Счастливые таким поворотом событий Гринни и Верраж тоже мгновенно подскочили. Возможно, они подумали, что их поведут на прогулку, пусть даже на коротенькую, какими эти прогулки стали во время Ледяной волны. Организмы виаров и драконов, разумеется, адаптированы под такую температуру, поэтому проблем с этим не возникало, но пока всем как-то было не до прогулки.

– Через час попрошу, чтобы вас вывели, – пообещала я.

– Она мне сегодня штаны подпалила, – пожаловался Арден.

– Это каким образом?

– Ты бы видела, что с ней творится после выгула на Ледяной волне. Чихнула пламенем и подпалила.

Я представила себе картину и улыбнулась.

– Даже если это неправда, Арден, спасибо, что пытаешься меня развлечь.

– Это правда, Лаура.

Картина стала еще более живой, я представила, как в двери влетает пушистый перевозбужденный комок, хлопает большими глазами и чихает струйкой ледяного пламени. Прямо на штаны Ардена.

– Я тебе должна новые штаны?

– Пусть Торн возмещает.

Я посмотрела на его профиль, но Арден оставался серьезным. Хотя я чувствовала его настроение, какой-то легкий подъем, что ли... сложно описать чувства других людей, открывающиеся мне благодаря моим новым способностям, но сейчас я впервые уловила в нем какое-то если не спокойствие и радость, то уверенность в том, что все будет хорошо.

– С Эллегрин все будет в порядке, – сказала я.

Он улыбнулся.

– Спасибо, Лаура.

– Думаю, я смогу помочь.

Вот теперь он ко мне повернулся и посмотрел. Пристально, прицельно, как будто оценивал мои слова.

– Если я могу оказаться в чужом сознании, возможно, я смогу найти этот блок. Который ей поставили...

– Возможно.

Я решила больше не возвращаться к этой теме, потому что внезапно почувствовала себя неловко. Даже больше – очень неловко, наобещавшей много всего. Зная, что для него значит Эллегрин... но я действительно так думала. Если у меня есть возможность оказаться в сознании другого человека, я наверняка смогу зафиксировать что-то необычное, отложенный приказ, являющийся спусковым механизмом. Изнутри память исследовать проще, даже если Эллегрин приказали об этом забыть, я – не она, и, если я смогу помочь, я помогу.

На кухню Гринни с Верражем не пустили. По понятной причине – не хотели лишиться уже приготовленного ужина. И заодно запасов, которые молодые растущие организмы явно воспринимали как необходимые источники сил и энергии.

Нашему с Арденом появлению тоже не сказать, что обрадовались. Я почувствовала сгустившееся напряжение, едва мы переступили порог. Повар и его помощники, которые воплощали сочиненное мной меню, будто замерли. На мгновение. Потом сразу же вернулись к

работе, но напряжение не ушло, оно только усиливалось, а стоило мне шагнуть ближе и спросить:

– Как у нас дела? – полыхнуло страхом.

Я остановилась, будто споткнувшись об осознание: они боятся меня.

Всю свою жизнь я была хорошей девочкой. Не то чтобы она была такой долгой, эта моя жизнь, но я всегда старалась поступать так, как правильно. Как будет правильно для отца. Как будет правильно для кого-то еще. Я всегда думала о том, не обидела ли кого-то и как можно понять мои слова, перед тем как их высказать. У меня получалось обижать кого-то только по дурости (если не считать Торна и Бена, но после встречи с Торном у меня вообще произошел сбой системы), поэтому сейчас я чувствую себя очень странно. Я понимала, что моя прошлая жизнь осталась в прошлом, но то, что меня вот так будут бояться, что я превращусь в страшилку из ужастика, как-то не приходило мне в голову. А ведь их таких (людей, которые меня боятся) – целый Ферверн. Не весь мир пока исключительно потому, что интервью Солливер еще не успело разлететься по другим странам. Хотя, может быть, и успело. Может быть, я просто оптимистка по жизни.

– Готовим ужин, – сдержанно отвечает шеф, но мне даже приближаться к нему не нужно, чтобы понять, что он готов попятиться, спрятаться за столешницей и отбиваться сковородой до последнего. – Соусы, закуски и жаркое в процессе. Десерт пока еще не начинали, но мы за него возьмемся, когда ферн Ландерстерг уже будет в пути.

Логичнее было бы браться за жаркое, когда ферн Ландерстерг будет уже в пути, но я это никак не комментирую (привет, хорошая девочка), просто киваю, разворачиваюсь и выхожу. Признаюсь честно, я оказалась к этому не готова. Все мое общение в последнее время сводилось к общению с Торном, Арденом, медиками, которые появлялись исключительно в присутствии первого или второго, и мергхандарами, которые привыкли смотреть в лицо опасности. С людьми я не встречалась.

Не считая отца и Даргела, но это было давно, еще до того, как я стала ну совсем непонятно кем. Возможно, дело было и не в интервью Солливер, а в том, что все эти люди знали, что я учудила и что вокруг

нашей резиденции была дружеская сходка драконов, которая превратилась во временную стоянку.

Не считая кочевых драконов, я сформировала яйцо внешнее и, кажется, готовлюсь сформировать внутреннее. Да мне самой уже страшно, что уж говорить о других.

– Проверять, как накрыт стол и украшена комната, я так понимаю, ты уже не хочешь?

Почему-то именно слова Ардена заставляют меня остановиться, а потом развернуть всю нашу процессию (я, Арден, Верраж, Гринни, мергхандары) в сторону спальни Торна. Во мне просыпается какая-то нездоровая злость, а еще упрямство. Я никому из этих людей не сделала ничего плохого, поэтому бояться меня – это только их выбор. А мой выбор заключается в том, прятаться от мира дальше и подтверждать их мнение или же начинать общаться с людьми хотя бы в пределах этой резиденции.

Комнату еще украшают, но история с напряжением повторяется. Только в отличие от поваров горничные просто застывают как вкопанные. Отнюдь не потому, что мергхандары выталкивают успешного прорваться в комнату Верража и просочившуюся за ним Гринни в коридор.

Нет, они смотрят на меня и, кажется, забывают о том, что умели дышать.

– Вас что-то не устраивает, ферна Хэдфенгер? – тихо пищит одна из девушек.

– Нет, я просто хочу посмотреть. Продолжайте.

Они продолжают, но двигаются как в замедленной съемке, нет-нет и поглядывают на меня (видимо, не превращаюсь ли я в снежную страшилку-убийцу, которая собирается их сожрать вместе с костями). Так и подмывает сказать: я ем людей только по выходным. Вместо этого я прохожусь по комнате, наполняясь ощущением присутствия Торна. Странно, что я не поняла этого раньше: именно его близость всегда помогала мне со всем справиться. Честно говоря, я и справляться-то со всем начала только тогда, когда он появился в моей жизни. До этого просто летела по ветру, как дракон-переросток, который не хотел уходить из гнезда и которому придали ускорения волевой родительской лапой.

Присутствие Торна здесь ощущается буквально во всем (даже несмотря на то, что он здесь почти не бывает). Это его стиль, который я изучила: стальные оттенки, темно-синие цвета, тоже отдающие металлическим холодом, простор – то есть минимум мебели. Здесь, например, помимо кровати только небольшая ниша над ней – дизайнерское решение, в которой, если включить подсветку, дракон летает над заснеженными пустошами, – две тумбочки, мягкое покрытие под ногами. Сейчас здесь еще стол, почти полностью накрытый, и два стула. Никаких люстр, только встроенные светильники, даже лампы встроенные, по обе стороны от кровати. Три двери. Одна ведет в коридор, вторая – в гардеробную, третья – в ванную комнату.

Туда я и направляюсь. Здесь между ванной и душевой можно играть в гратхэнд или кататься на коньках, если залить пол и слегка подморозить. На край ванны я и присаживаюсь, представляя, как здорово будет оказаться здесь вместе с ним и как будут мерцать специальные мини-светильники, которые я заказала вместе с лепестками и пеной.

Арден останавливается в дверях, складывает руки на груди.

– Я все время думаю, – говорю я ему, – что было бы, если бы я тогда не уехала. Или если бы вернулась с тобой.

– То, что в твоей ДНК, все равно бы проснулось. Я не вижу причин полагать, что это связано со стрессами, стресс – это скорее реакция на внешние факторы, а вот то, что в тебе раскрылось, – следствие беременности. Я изначально об этом говорил.

Я улыбаюсь.

– Да нет. Я говорю не о своем чудо-состоянии, а об отношениях. О том, что Солливер Ригхарн не дала бы это интервью, и о том, что... – Я кусаю губы. – Торну не пришлось бы сейчас стоять на этой пресс-конференции.

– Ну ты сейчас так договоришься, Лаура. На пресс-конференции ему бы все равно пришлось стоять, не по поводу тебя, так по поводу налетов. Те, кто все это провернул, вряд ли не имели запасного плана и делали ставку только на тебя. Твои силы могли и не проснуться – если они спали все эти годы, если твоя кровь была кровью обычной женщины и до определенного момента в ней не было вообще никаких

посторонних маркеров... Тут, знаешь ли, выбирать тебя в качестве основы для заговора было по меньшей мере неосмотрительно.

– Тогда почему они выбрали меня? – Я поднимаю голову и смотрю на него.

– Они ставили на тебя, один из вариантов развития ситуации. Помнишь то, что тебе устроили в ресторане с твоим бывшим? Мист, или как его там. Им не нужна была бы Эллегрин, не нужны были бы такие сложности, если бы они на сто процентов были уверены в раскрытии твоих сил. Но да, тебя провоцировали. Всеми способами. С наибольшей вероятностью твое падение на катке было нужно, чтобы раскрыть твою силу. Мощный перелом накануне кастинга, твой страх... Предполагается, что они хотели запустить процесс регенерации и таким образом выдернуть из тебя спящее пламя.

– Разве это организовал не Лодингер?! – Я приподнимаю брови.

– Лодингер наверняка был с ними связан. Иначе не исчез бы так оперативно, и, судя по всему, свое он отыграл сразу же, когда организовал твое падение.

– Отыграл? Торну что-то удалось выяснить?

Арден многозначительно на меня посмотрел, и я вздохнула.

– Вы давно это с Торном обсуждаете, правда? То, что я упала – для пробуждения моей силы, и все в том же ключе?

– У нас были долгие две недели.

– И он разрешил тебе все мне рассказать?

Арден нахмурился, и я добавила:

– В смысле, не разрешил, а... ну, ты понимаешь, о чем я. Ты знаешь Торна и знаешь, что он не всегда делится всем.

– Он сказал, что ты имеешь право знать обо всем, что тебя касается. Нарочно грузить тебя информацией никто не будет, но и умалчивать ее тоже.

Договорить мы не успели: Арден коснулся коммуникатора. Надо и себе такой потребовать, что ли. Если для меня опасны смартфоны, да и вообще новости, лучше такой способ связи, чем никакой вообще. С другой стороны, все время прятаться от новостей – это не вариант, поэтому, когда Арден сказал:

– Привезли твою романтику, на пути сюда, – я только кивнула и поинтересовалась:

– Когда меня вообще будут учить управлять моей силой?

– Нельзя научить управлять тем, что непредсказуемо, Лаура. Никто не возьмет на себя такую ответственность. Для начала нужно найти способ ее стабилизировать, хотя одна из моих гипотез, основанная все на том же – на твоей беременности, – заключается в том, что, когда ты родишь, твоя сила либо стабилизируется самостоятельно, либо просто исчезнет, снова перейдет в спящее состояние. Сейчас ее проверить нельзя по понятным причинам, но я сторонник предположения, что все случилось именно благодаря изменениям твоего гормонального фона.

– То есть сила может исчезнуть совсем? Я снова стану просто человеком?

– Просто человеком ты уже никогда не станешь, Лаура. Но да, ты снова можешь проявить некое спящее состояние для твоего пламени, которое, возможно, снова прервется во время второй беременности.

На этих словах я икнула и чуть не свалилась в ванну, потому что встала слишком резко. Арден успел меня поддержать, спасибо реакции ирлхана.

– Не шути так больше, – предупредила я.

– Разве я сказал что-то сверх?

– Я еще первое яйцо не отложила, – фыркнула я, чтобы скрыть настоящие чувства. При мысли о предстоящих мне месяцах начинало потряхивать. Но гораздо сильнее начинало потряхивать при мысли о родах. – И вообще, меня эта тема здорово беспокоит! Вот у тебя есть тема, которая тебя здорово беспокоит?

– Единственное, что меня беспокоит по-настоящему, так это то, что я отпустил Эллегрин в свое время. Не сделал ей предложение. Позволил уйти. Это что-то вроде твоего «что было бы, если бы я не сбежала в Рагран».

Я не нашлась с ответом на такую откровенность, а потом у Ардена в кармане завибрировал мой смартфон.

– Торн на связи. – Он протянул мне мобильный. – Сама понимаешь, что оставить тебя одну я не могу.

Я кивнула и отвернулась. Отошла к душевой кабине, чуть понизила голос:

– Ты разобрался со всеми журналистами?

– И даже договорился о видеоконференции с Бермайером. Завтра утром у нас, завтра вечером у них. Потом расскажу.

Я прижала телефон к уху плотнее, как если бы это позволило мне обнять Торна или сжать его руку.

– Значит, ты едешь домой?

– Ты сказала домой, Лаура? – Усталость из его голоса исчезла, будто ее и не было, а я поняла, что мне действительно невыносимо хочется его обнять.

– Да. Я именно так и сказала.

– Да. Я еду.

Я улыбнулась. Интересно, понравится ему мой сюрприз? Или он скажет: «Женщина, ты в своем уме? На часах за полночь, я весь день на ногах, а ты собираешься меня кормить и делать массаж».

– Как думаешь, Торн скажет, что я не в своем уме? – Я повернулась к Ардену, прижимая смартфон к груди.

– С чего бы? – Он нахмурился. – Признаюсь, Лаура, я еще не видел ни одного мужчину, который отказался бы от устроенного любимой женщиной ужина и от...

Арден многозначительно покосился на ванну.

Я изложила свои опасения, не забыв упомянуть о том, что Торн сегодня не только отпустил драконов вместе со мной, но еще и остановил налет. Прервав какого-то полубезумного маньяка, причиняющего боль драконам, и...

Полубезумного?

– Арден! – воскликнула я. – Что, если Людингер не погиб?

– Что? Почему?

Голова взорвалась болью, не позволив произнести ни звука. Если бы я не держалась за телефон, точно закричала бы. А впрочем, в следующий момент я поняла, что уже не могу ни вздохнуть, ни разжать пальцы. Ни даже пошевелиться.

Глава 24

– Бред. Забудь.

Эти слова произносили мои губы, но не я.

Арден нахмурился.

Я почувствовала, как в руки хлынуло пламя.

Он шагнул ко мне раньше, чем я им успела воспользоваться: короткий укол ужалил шею, и тело налилось свинцом.

Я начала падать. Соскальзывать в темноту, растворяться в ней, когда в голове прозвучал насмешливый голос: «План хороший, правда, Лаура? Но вы не учли тот факт, что тобой управляю я и мое сознание в полном порядке. Не считая того, что твое тело способно перерабатывать литры такой дряни очень и очень быстро. Удобная функция, правда?»

Темнота закончилась так же резко, как началась.

Я распахнула глаза.

На руках у Ардена, который собирался выпрямиться – очевидно для того, чтобы нести меня в медотсек. На его лице отразилось короткое изумление, а в следующий момент я легонько толкнула его в грудь. Ледяной вихрь отшвырнул его от меня, а меня от него с такой силой, что я прокатилась по полу ванной до стены. Ударилась о нее, голова взорвалась болью, но мое тело подчинялось не мне. Поэтому я просто легко поднялась.

Арден коснулся коммуникатора:

– Эвакуируйте всех и, что бы ни случилось, не приближайтесь к Хэдфенгер. Это приказ Ландерстерга.

Он успел подняться, пока я шла к нему.

– Лаура, сопротивляйся, – жестко произнес он.

– Она не сможет, – ответила я. – Ты даже не представляешь, сколько лет работали над этой технологией.

Арден не успел ни ответить, ни пошевелиться: я выбросила вперед руку, и пламя окатило его с головы до ног. Я никогда не видела ничего подобного – от моих пальцев закручивались вихри, втекали в него, стягивая тело ирлхана подобием фиолетового ледяного панциря.

Врастающего в стену и превращающего Ардена в ледяную скульптуру заживо.

Нет, нет, нет!!!

Я рванулась, пытаюсь вернуть себе власть над сознанием, над своим телом, но с тем же успехом можно было удариться головой о стену. Из глаз натурально посыпались искры, а виски полыхнули над затихающей после удара от падения новой обжигающей болью.

– Умно придумано: эвакуировать всех. Тогда милая Лаура Хэдфенгер никого не сможет убить... но кое-кого она все-таки убьет. По сравнению с тем, что может эта девочка, Ледяная волна просто досадная мелочь.

– Лаура, – синеющими губами прохрипел Арден. – Лаура, это не ты...

Оставь его в покое, ублюдок!

Мои пальцы всего лишь слегка шевельнулись. Едва.

А потом я вдавила руку в панцирь с такой силой, что лед захрустел под моей ладонью. Глаза Ардена закатились, я услышала хрип. Только сейчас поняла, что снова слышу биение сердец: своего, Льдинки, Ардена. И что одно из них становилось все медленнее, медленнее, медленнее... чтобы в один удар оборваться.

Вот теперь мне позволили разжать пальцы и отступить. Панцирь осыпался крошкой, Арден рухнул на пол, и я перешагнула через него.

– Так, и кто тут у нас остался?

Я на мгновение прикрыла глаза, и мне показалось, что мир раскинулся передо мной сплошной белой пустыней. Удары сердец звучали только во мне – поблизости, в резиденции, никого больше не осталось.

– Хм. Быстро сориентировались. – Я толкнула дверь и оказалась в комнате, которую готовила для ужина с Торном. – Мило. Подождика... ты собиралась сначала устроить ему романтику, а потом дать? Может, даже на этом столе, шлюха?

Брызгами разлетелись бокалы, тарелки, скатерть покрылась корочкой льда, приборы посыпались на пол.

– Какие чудесные будут кадры из резиденции правящего, когда начнется расследование. Давай, Лаура, улыбнись в камеру?

Мою голову развернули так, чтобы я действительно смотрела в глазок камеры, растянули губы в неестественной улыбке.

– Слушай, меня вот мучает вопрос, а когда вы стали бы трахаться, камеры отключили бы? Я бы оставил.

Лодингер.

Драконы, я была права. Это Лодингер... это он!

– Да ты вообще догадливая.

Только сейчас я осознала, что диалог идет в моем сознании. С того момента, как он... как мы вышли из ванной, он не произнес ни слова.

– Торн Ландерстерг помешан на безопасности. – В сознании прозвучал сдавленный смешок. – Но эта его помешанность не спасла от предательства и, к слову, сыграет мне на руку. Когда станет понятно, что правящий иртхан может укрывать такое, как ты... Да-а-а, это определенно расскажет всему миру о том, что от иртханов помощи ждать не приходится.

«Трепись, – в бессильной ярости подумала я. – Давай, трепись, чем больше ты треплешься, тем скорее придет Торн».

– О, думаешь, он тебя остановит? Или... ты хочешь его убить? За все, что он с тобой сделал. Подожди немного, у тебя будет такая возможность. Я тебе обещаю, а пока...

Виски снова взорвались болью, а следом болью взорвалась спина. Я закричала, чувствуя, как рвется вместе с тканью кожа, но этот крик остался в моем сознании. Раскинувшиеся в стороны крылья снесли остатки стола и разодрали стену. Клубящееся над ними фиолетовое пламя с легкой голубой дымкой ледяного обрисовало контур, острые шипы на костяных сгибах и острые костяные наросты.

– Частичный оборот! – прозвучало в сознании почти восхищенное. – О да. Это станет возможным... в этом мире больше не останется ничего невозможного для простых людей! А иртханы будут целовать землю у наших ног!

Напоследок оглянувшись на камеру, я шагнула к окну. Панорамные стекла взорвались, осколки ужалили кожу.

– Не переживай, заживет все быстро, – усмехнулся Лодингер.

Порезы на моих руках и правда мгновенно затягивались. Хлынувший в комнату порыв Ледяной волны ударился о нее, о первый вздох, но... ничего не произошло. Моя кожа стремительно покрылась сверкающими фиолетовыми чешуйками, защищая себя изнутри и снаружи.

– Взлетаем, шлюшка. Впереди у нас еще столько дел... столько неразрушенных городов.

Когда я встала на подоконник, под ногой хрустнуло стекло. Оттолкнувшись, я стремительной тенью взмыла в черное небо.

Ледяной воздух, который должен был превратить мои легкие в образец для исследования будущих поколений, ничего такого не сделал. Чем выше я поднималась, чем ближе становилось черное ночное небо, тем легче мне дышалось, а силы словно вливались в меня, как если бы я подключилась к невидимому источнику.

В висках пульсировала тупая ноющая боль, но даже она стиралась – видимо, включалась моя регенерация, которая растворила в моей крови препарат, способный погрузить в сон даже сильнейшего иртыхана. Мое сознание раскололось надвое, я словно видела себя со стороны, наблюдала за взмахами мощных, полосующих прозрачный воздух крыльев, рассыпающих свечение пламени. Окутывающая меня дымка, наверное, смотрелась как флайс безумца, залетевшего в заснеженные пустоши.

Зато ракету будет наводить удобно.

Эта мысль пришла ко мне, потому что виски снова дернуло болью.

– Тебя не так-то просто найти, Лаура Хэдфенгер.

– Что, у меня еще и встроенный антирадар?

Кажется, ему это не понравилось.

– Ты так стремишься расстаться с жизнью?

– Нет, я надеюсь, что меня долбанет так, что вышибет из моего сознания недоделанного уроды, который только и способен, что девушек снимать на камеры голыми.

– Тварь! – взрычало у меня в голове.

– Недоносок, – не осталась в долгу я.

– Этот недоносок изменит мир!

– Ты свою жизнь для начала изменить не пытался? Или пытался, но не прокатило, и теперь ты мстишь всем и каждому?

Голова взорвалась болью, и я мысленно показала ему неприличный жест. По большому счету все, что мне сейчас оставалось, – это стараться вывести его из себя, а по-хорошему, еще и вывести его из меня. Но пока что я не представляла, как это сделать. Не знала. Снова и снова билась о прутья клетки собственного

сознания, в котором была запечатана с этим психом. Психом, который сейчас взял управление!

О том, что случилось с Арденом, я старалась не думать, потому что боялась, что тогда психом стану уже я. Больше того, если бы я сейчас была собой на сто процентов, я бы билась в истерике от понимания того, что моего лучшего друга больше нет.

Моего лучшего друга... Вся эта история разрушила мою жизнь, чтобы создать новую. Чтобы понять, что лучшими друзьями можно стать и за несколько дней. Хотя наша с Арденом история началась достаточно давно. Возможно, с той минуты, когда Торн впервые привез меня к нему. А может быть, когда Арден приехал ко мне в Рагран.

Я обещала ему вернуть Эллегрин.

А теперь возвращать ее больше не к кому!

Во мне полыхнула такая ярость, что мир перед глазами расцвел ледяными цветами, а снег внизу, в доброй сотне метров подо мной, заискрился так, что стало больно глазам.

– Твою мать! – отчетливо раздалось у меня в голове, и я, нащупав тонкую ниточку свободы, рванулась.

Отчаянно, навстречу этой свободе.

Я даже дернулась в сторону – нелепо, неумело, едва не кувыркнувшись в воздухе, и в это мгновение меня резко швырнуло вниз. Я сама не поняла, как это произошло, крылья перестали подчиняться, тело налилось свинцом, и я камнем полетела в стремительно приближающийся снег.

За мгновение до того, как меня приложило бы о землю, крылья раскрылись снова. Подхватили в миллиметрах от земли, в лицо ударила волна колючего сухого снега.

Я даже испугаться толком не успела, когда уже снова начала набирать высоту.

– Сделаешь так еще раз, – процедил Людингер, – и я швырну тебя на скалы. Переломаешься, кости срастутся, но не факт, что выживет твоя драгоценная Льдинка.

При мысли о том, что он может навредить Льдинке, внутри все полыхнуло холодом, а следом – бешенством.

– Только попробуй.

– И что ты сделаешь, Лаура Хэдфенгер?

– Вскипячу твой жалкий маленький мозг повторно, – процедила я. Рванулась в его сознание, как на высоту: с отчаянной силой врезаюсь в ошметки его искаленного черного разума.

И черным стало все: словно перед глазами выключили свет, а пустоши заменили довольно мрачной темной комнаткой, скорее даже помещением, где уцелевшие мониторы показывали серые картинки обзора камер. Я ударила с такой силой, что меня замутило, воздух закрутился вокруг меня вихрями. С трудом удержав равновесие, я взмыла выше и рванулась снова. Снова и снова, пытаюсь освободиться, вышвырнуть его из своего разума.

– Это невозможно! – взвыл Лодингер. – Невозможно! Невозможно!

– В моем случае возможно все, урод!

Не знаю, сказала я это или подумала, но крылья вновь стали моими. Руки. Ноги.

Даже движение воздуха, хлещущего по щекам, треплющего волосы, то подхватывающего меня, то готового уронить, сейчас ощущалось иначе. Картинка реальности то выпадала на Лодингера, то снова сменялась пустошью.

Вспышка. Заснеженные изломы стремительно приближающихся гор.

Вспышка. Расплывающиеся перед глазами мониторы, скрюченные, жалящие столешницу пальцы.

Вспышка. Я разворачиваюсь, медленно, словно что-то тянет меня назад. Мне надо вернуться к резиденции, но я не представляю, куда лететь, поэтому растерянно смотрю на белые простыни внизу.

Вспышка. Дисплей. Быстрый набор.

– Ты обещал! – орет Лодингер кому-то. – Ты обещал, что она до меня не дотянется.

– Связь всегда работает в две стороны, а у вас, как я вижу, полная синхронизация. – Незнакомый голос. В отличие от диковатых интонаций Лодингера в нем нет ни капли безумия, только убийственная жесткая решимость. – Именно это мне и было нужно. Игра закончилась. Начинайте атаку.

– Это не мое сознание! – кричу я. – Не мое! Не мое! Не мое!

Но поздно: наши сознания действительно связаны, и сила отложенного приказа (я уверена, что это именно он) бьет в меня с

такой мощью, что из груди вырывается не то сдавленный выдох, не то рычание полудракона. Я вижу, как тает жар моего дыхания с искрами пламени, как ко мне тянутся сотни, тысячи нитей сознаний. Они подсоединяются к моему одно за другим. Драконы.

Наши, я почти вижу, как клубится их пламя.

Огненные, их рев разносится над сухим жаром пустошей.

Пустынные, взрывающие землю гибкими телами, вырывающиеся на поверхность.

Их бесчисленное множество, и на моих глазах рвутся десятки нитей. Крик, исторгаемый драконами, мне кажется, слышен даже сквозь пространство и время. Я бы зажала уши руками, но чужая воля возносит меня над скалами, все выше и выше, выше и выше, выше и выше. Отсюда отлично видна распоротая льдами гладь океана, а с заснеженных вершин один за другим срываются драконы. Они не замечают меня, но сквозь меня льется их жизнь, их сила, пламя, единое сознание: все, что когда-либо связывало всех драконов нашего мира.

Боль драконов становится моей, она раскаляет меня, как их раскаляет ярость – всех, от самого крохотного, едва умеющего ходить драконенка до первого лидера. Эта волна поднимает всех нас, связанных по всему миру. Подбрасывает.

И швыряет на города.

Я вижу, как сотни драконов летят в сторону Хайрмарга.

Я чувствую, как то же самое творится в Лархарре. В Фияне. В Аронгаре. В Рагране.

И когда мне кажется, что хуже уже быть не может, лед в океане идет трещинами. Вспарывая его пласты, ввысь взмывают фервернские глубоководные, только в отличие от снежных они разворачиваются не в сторону города. Они разворачиваются ко мне.

Глава 25

От этих драконов исходит не покорность, а ярость. Неприкрытая холодная ярость, дикая, звериная, необузданная, от которой мне, несмотря на всю защиту моего тела, становится холодно изнутри. Расстояние стремительно сокращается, но время для меня словно замирает. Я вижу их как во сне: мощных зверей с устрашающими шипами на чешуе, особенно выделяется их лидер. Вибрирующее в его груди черное пламя кажется больше его самого, и кажется, что, когда он его выдохнет, тьмой накроет весь мир.

Он смотрит на меня, и в его глазах – почти сливающихся цветом с его чешуей, я читаю свой приговор.

Я угроза для них.

Угроза для всего мира.

Ему даже не надо выдыхать пламя, он просто врежется в меня, и...

За миг до того, как это произойдет, перед глазами мелькает тень. Смертоносная быстрая тень, дракон. Он обрушивается на лидера с такой силой, что их двоих сносит в сторону. Поток воздуха отбрасывает и меня, я все-таки кувыркнулась, удержавшись в воздухе исключительно благодаря крыльям и Лодингеру, который ругался так, как будто вообще не знал нормальных слов.

Впрочем, мне было не до Лодингера.

Торн.

Этот дракон – Торн, я его чувствовала, хотя сейчас не хотела бы чувствовать. Хотела бы выключить все свои силы, свои чувства, себя всю, потому что все, что было живо во мне, тут же становилось известно Лодингеру.

Драконы развернулись в воздухе и с рычанием бросились друг на друга. Остальные глубоководные опустились в снег, с шипением вспороли его черными заостренными, как жала, хвостами. Я смотрела, как ввысь взмывает их лидер, чтобы выдохнуть черное пламя, как Торн разворачивается и уходит от смертоносного потока, снова бросаясь на противника.

На этот раз глубоководный тоже уворачивается, змеей скользит в воздухе, раскрывая шипы. Которые врезаются в чешую Торна, испарывая ее, и капли крови летят в воздух. Я кричу так, что, наверное, сорвала бы голос, если бы могла открыть рот. Мне кажется, что изнутри меня тоже покрывает чешуя, разрывая каждую клеточку тела.

– Нет! – кричу я. – Нет! Нет! Торн!

Дракон с рычанием взмывает вверх, глубоководного окатывает ледяным дыханием, которое приходится на черную как ночь чешую, скатывается с нее трескающимися кристалликами, осыпается вниз, казалось не причинив ему никакого вреда.

Монстр раскрывает пасть, словно ухмыляясь, а потом бросается на Торна. Удар выходит такой силы, что его подбрасывает вверх, и мое сердце почти останавливается. А потом начинает биться в ритме тяжелой музыки, глухими ударами басов, в унисон сердцу моего дракона.

Он разворачивается: в раскрывшихся во всю ширь синих глазах со стянутыми в лезвия зрачками втекает непонятная тьма. Черные прожилки впитываются в сияние ледяного пламени, и, когда глубоководный снова бросается на него, из груди Торна вырывается струя такого же черного пламени, как та, что мгновением раньше чуть не ударила в него.

Тьма ударяется о черную чешую, с шипением вгрызается в нее, оплавляя шипы. Рычание глубоководного, кажется, способно спустить лавину, от боли он теряет мгновения преимущества, и Торн снова врезаются в него. Зубы впиваются в крыло, когти глубоководного полосуют его бок. Драконы сплетаются в живой рычащий пласт, раздирая воздух и друг друга мощными лапами, шипами, хвостами, зубами.

Еще несколько глубоководных молчаливо ждут: пока идет бой между лидерами, они не вмешиваются.

Рывок – и драконы разлетаются в стороны, две струи черного пламени скрещиваются в воздухе.

Глубоководный ныряет вниз, чтобы ударить в живот шипами, Торн уворачивается в последний момент, гребень острых наростов полосует его крыло. Миг – и он снова нападает, развернувшись в воздухе, и на моих глазах его спину испарывают рождающиеся сквозь его чешую наросты-шипы. Они взрезают бок и крыло глубоководного,

тот ревет и начинает падать, Торн устремляется за ним. С рычанием перехватывает у самой земли, не позволяя упасть на камни, толкает в снег.

А после рывком накрывает горло зубами и угрожающе рычит.

Он не хочет его убивать, понимаю я. Он просто не хочет позволить ему убить меня.

– Как трогательно, – раздается в голове голос Лодингера, а я, едва успев перевести дух, вижу летящих на нас драконов.

Часть драконов, которая ушла на Хайрмарг, возвращается, чтобы...

– Убить тех, кто может нам помешать. Включая твоего Торна.

Глубоководные сильнее. Но их меньше.

Они подбираются.

Торн вскидывает голову и рычит, лидер глубоководных переворачивается, они оба подволакивают крылья.

Здесь сейчас будет бойня.

Осознание этого сдавливает горло. Нити жизней драконов по-прежнему натянуты от боли, и часть из них сейчас обрушится на города. На ни в чем не повинных людей. А те, кого я вижу, – друг на друга. Если снежные и глубоководные начнут убивать друг друга, это приведет к войне между драконами.

Для этого я родилась? Чтобы стать источником разрушения и смерти?

Чтобы стать причиной смерти того, кого люблю больше жизни?

Я не могу закрыть глаза, хотя очень хочу. Очень хочу не видеть, как взмывают ввысь Торн, лидер глубоководных и все, кто пришли за ним. Как рычание врезается в рычание, пламя в пламя, драконы в драконов.

И тогда я начинаю петь. В мыслях. Ту песенку, которую нашла на форуме для беременных в Рагране и которую я пела, перед тем как позвонить Торну.

Маленький мой,
Чудо мое...

Сосредоточиться на биении сердца.

Спишь ты сейчас
И не знаешь...

И на биении сердца Льдинки.

Как без тебя
Мама твоя
Уже по тебе скучает.

На том, как я хочу поддержать ее на руках. Как хочу, чтобы Торн поддержал ее на руках.

— Какого набла?! — врывается в сознание голос Лодингера, но я отмахиваюсь от него.

Ждет важный день,
Чтоб в этот мир
Тебя привести
Поскорее...

Представляю, как беру ее на руки и к нам склоняется Торн.

Чтобы в глаза
Твои посмотреть —
И сразу станет
Теплее.

Как я смотрю в ее глаза, которые по цвету точь-в-точь как у Торна.
Ярко-ярко синие.

Маленький мой...
Маленькая?

Мои губы шевельнулись.

– Тваааарррь! – взвыл Лодингер. Его ярость ударилась о мои чувства, как снежок о морозостойкое стекло, способное выдержать и Ледяную волну, и дыхание пламени.

Кроха моя родная!
Очень тебя
Жду и люблю...

Шевельнулись пальцы, а следом за ним – крылья. Я почувствовала, как рвется наша связь, эта черная, мерзкая, жуткая, и как меня заполняет все то, что я чувствую к двоим самым важным, самым дорогим, самым близким – моему Торну и моей Льдинке. Нити, окутывающие меня, тысячи сознаний, отправленные убивать и на смерть, стали свободны. Сеть разлетелась обрывками паутины, вой Лодингера заглушили мои слова:

Всем сердцем тебя
Обнимаю.

Драконы, готовые рвать друг друга до последней капли крови, застыли в воздухе. Я чувствовала их изумление, недоверие, боль, которая отголосками до сих пор билась в мощных сердцах и телах.

Но они больше не собирались убивать друг друга. Они больше...
– Торн! – крикнула я, опускаясь.

Стоя здесь, на снегу, босиком, я никогда не чувствовала себя такой счастливой. Особенно когда один дракон развернулся над всеми и пошел на снижение. Шипы на его спине снова втянулись, из глаз ушла тьма, оставив лишь яркую пронзительную и такую родную синеву. Я смотрела только на него, поэтому, услышав:

– Лаура, навверх! – даже не сразу поняла, кто это крикнул.

Потом увидела бегущего к нам по снегу Бена.

За миг до того, как спину ужалила острая боль и я начала падать.

Мир из-за этого стал перевернутым, и, прежде чем рухнуть на руки Бена, я успела увидеть стоящего за моей спиной мужчину, опускающего оружие. В седине терялись штрихи черных волос, а вот борода была полностью белой.

– Убить его, – прозвучал приказ. – И любого, кто попытается к нам приблизиться.

Я даже не сразу поняла, что приказ отдан тем голосом, который я слышала через сознание Лодингера. Драконам, которые только что освободились. И которые снова рванулись к Торну. Десятки против одного.

– Нет, – сдавленно прошептала я. – Нет...

Метнувшиеся надо мной тени, раскрытые полотна огромных крыльев.

– Лаура, – произнес Бен, касаясь моей щеки. – Лаура, не теряй сознание, смотри на меня. Ты можешь себя исцелить.

– Надо было оставить тебя и твою мать на съедение толпе, – раздалось сверху. – Как и твою сестру.

Лицо Бена стало зверским.

– Я нашел свою сестру, Кроунгард. Роудхорн в курсе, где мы находимся. Все спецслужбы мира открыли на тебя охоту.

– Надо же. – Судя по голосу, его это совершенно не беспокоило. – До этой минуты все спецслужбы мира не особо справлялись с задачей. Роудхорном и остальными займутся драконы. Что касается тебя, их даже просить тебя убивать не придется.

Бен оглянулся. Резко.

К нам подбирались глубоководные. Подбирались – именно то самое слово, глаза превратились в узкие, горящие черным огнем щелки, впереди выступал раненый лидер – тот, с которым сражался Торн.

– Прощай, Бен, – коротко произнес его отчим. – Попрощайся со своей никчемной девицей. Минута у вас есть, полагаю. И лучше обернись. Драконы не любят нападать со спины.

– В отличие от тебя. Ты любишь стрелять в спину и любишь все делать чужими руками.

– Для тебя сделаю исключение.

Выстрел, вспышкой лазерного луча разорвавший тьму, ударил Бену в грудь.

Я падала в темноту. В ней сторали и гасли звезды – ярко-синие звезды. В себя пришла от пощечины:

– Лаура! – Злое лицо Бена было совсем близко, но голос был еле слышным, сипящим. – Лаура, исцеляйся! Только ты можешь их

отозвать! Мне нельзя больше оставаться рядом с тобой.

Он действительно отползал – по снегу, к чернеющей кромке воды. Увидела, как Бен падает и снова приподнимается, как за ним оборачиваются глубоководные.

– За мной, – прохрипел Бен. – Все претензии ко мне, я правильно понимаю?

Черный хвост с шипами скользнул в каких-то миллиметрах от моего лица, царапнул снег, оставляя змеевидный след, медленно удаляясь.

В небе над нами творился какой-то кошмар. Боевые флайсы, маневрирующие в звенящем холодом воздухе. Драконы, бросающиеся на них, рычание Торна, ударом корпуса отбрасывающего одного дракона и разворачивающегося ко второму, третьему, четвертому, пятому. Рев. Вой. Шипение.

Между лопаток жгло. Жгло так, что дышать было трудно, сил не хватало даже унять эту боль, я вдруг отчетливо поняла, что не успею сделать то, что сказал Бен, – и исцелиться, и отозвать драконов. Смогу только что-то одно.

– Прости, Льдинка, – мысленно прошептала я и рванулась сознанием к мечущимся под приказом зверям. Напряжение натянутых между разумом драконов и моим нитей, мысленное: «Они вам не враги. Снижайтесь», – на это ушли последние силы.

Драконы перестали метаться. Стало светло.

Не знаю, почему стало так светло, как днем. Хотя, возможно, дело было во взгляде, огонь которого разгорался все ярче, ярче и ярче. Дракон, опустившийся рядом со мной, зарычал, и я потянулась к нему рукой. Едва коснувшись пальцами носа, почувствовала знакомое ледяное тепло.

Никогда не думала, что лед может быть таким теплым.

– Я люблю тебя, – вытолкнула через силу.

И звезды погасли.

Глава 26

Торнгер Ландерстерг

– Торн, отойди от нее! Торн! Ей нужна помощь.

Сознание дракона все еще было сильно, возможно, именно поэтому, чтобы отодвинуть, а точнее, оттащить меня от Лауры потребовались Роудхорн и Арден. Арден сам выглядел немногим лучше, чем она сейчас – лежащая на снегу в пепельно-серых оттенках из-за сгустившейся вокруг нас тьмы.

– Ферн Ландерстерг! У нас еще один пострадавший. Не уверен, что ему можно помочь, но...

Я взглянул на говорившего, и медик, совсем мальчишка, осекся, шарахнувшись назад.

– Спасайте ее, – сказал я. – Верните ее, или...

Я не договорил. Дракон снова рвался в оборот, по рукам и груди уже текла чешуя, я с трудом сдерживал глухое рычание. На меня смотрели, но мне было плевать. Весь мир сосредоточился на реанимационной команде, ни одного из которых я не видел. Точно так же, как не слышал биения ее сердца. Дракон тоже не слышал. И от этого с каждым мгновением мой разум плыл все сильнее.

Это было именно то, чего я боялся.

Хотя на самом деле бояться надо было совершенно другого. Страшнее лежащей на снегу Лауры, которая не дышала, не было ничего.

– Ферн Ландерстерг!

Я с трудом различил голос Роудхорна, обернулся.

Он без слов указал мне на лидера глубоководных. Те, кто пришли с ним, выстроились у кромки воды, он сам смотрел на меня в упор. Опустил морду в сторону Лауры. Потом – в сторону лежавшего на снегу Эстфардхара, над которым склонились трое медиков. Зарычал.

И, согнув лапы, пригнулся к земле.

О таком не говорили уже долгие годы. Хотя долгие годы – слабо сказано. Это был не просто жест доброй воли.

– Он предлагает им свою кровь. – Сухой, надломленный голос Ардена ворвался в сознание. – Торн.

– Делайте все, что можно.

Я отступил. Через силу.

Дракон внутри зарычал так, что голова показалась выставленным в Ледяную волну хрупким бокалом с водой.

Я посоветовал ему заткнуться.

Молча смотрел, как Арден с командой переносят Лауру ближе к дракону. В какой-то момент друг пошатнулся, но не упал. Драконов вокруг становилось больше. Все больше, больше и больше, они садились, возвращаясь от границ потревоженного, взбудораженного Хайрмарга, и от клубящегося над нами пламени дрожала даже Ледяная волна. Я смотрел на них, разделившись в сознании на две части.

В последний раз драконы предлагали свою кровь очень давно.

Глубоководные – никогда.

Хотя как раз кровь глубоководных могла их спасти: черное пламя соединяло в себе две грани – и смерть, и жизнь. Раны, нанесенные ему моим драконом, уже почти затянулись, именно поэтому глубоководные считались непобедимыми. Именно поэтому я сейчас смотрел, как черное пламя вливается в кровь моей женщины. То немного, что могло помочь с реанимационными процедурами. Я смотрел глазами человека, но видел глазами ревущего от боли дракона.

Крики людей, отрывистые команды, серые лица – все они слились в единую массу, выделяя для меня только ее одну. Маленькую. Хрупкую. Неподвижную.

– ...еще! – ворвался в сознание голос Ардена.

Тело Лауры выгнулось на снегу, и я услышал удар ее сердца. Первый.

За это бесконечное время.

Шагнул к ней, рывком, наклоняясь, вглядываясь в лицо.

– Торн, ей срочно нужно в больницу. – Арден оттеснил меня. – В мою. Если ты понимаешь, о чем я.

Я не успел сказать, что в другую ее бы никто не отправил.

– Ферн Ландерстерг, Кроунгард не пошел к старой тюрьме. И к телепортационному кольцу тоже. Его флайс брошен посреди пустоши, я сейчас раскинул сеть по всем окрестностям. Мергхандары работают с тепловизорами повышенной мощности, если он...

– Я его найду. Сам.

Роудхорн осекся, а я повернулся к Ардену, который сопровождал Лауру на пути к медицинскому флайсу. Почему-то именно сейчас видеть растрепавшиеся светлые волосы, струящиеся с аэроносилков на снег, было невыносимо. Я хотел быть с ней. Я хотел сопровождать ее в больницу. Я хотел держать ее за руку. Как тогда.

Но отпускать Кроунгарда было нельзя. Он просто исчезнет. Как в свое время исчез Лодингер. Эта тварь умеет прятаться и выжидать.

Но из моей пустоши эта тварь не уйдет.

– Когда обернусь, прикрепите ко мне маячок, – сказал я.

И шагнул в сторону. Выброс пламени, сопровождающий оборот, стал для меня уже более чем привычным, как и боль, переплавляющая кости, вытягивающая тело, трансформирующая его в моего зверя. Дракон зарычал, стоило мне шагнуть в сторону от медицинского флайса, куда уже поместили Лауру и куда теперь несли Эстфардхара.

«Он стрелял ей в спину, – мысленно сказал я. – Он хотел ее смерти. Эта тварь хотела ее убить».

Взревев, я оттолкнулся от земли с такой силой, что вокруг за клубился снег. Раскрыв крылья, устремился ввысь, над провожающими меня взглядами драконами и людьми, но не стал набирать высоту. Пустошь на то и пустошь, что в ней почти нет жизни. Но та, что есть, чувствуется на расстоянии.

Зрение дракона позволяло видеть все совершенно иначе: снег становился светлее, а горы были словно окутаны подсвечивающим их пламенем. Впрочем, сейчас мне не нужно было даже зрение, я чувствовал биение любой жизни. Сердца зверя, сердца человека или иртехана. Изредка шныряли по горным тропинкам ледяные виары, потревоженные тем, что сегодня случилось. Шипение снежных змей слышалось как через усиливающие звук динамики. Все это накладывалось на биение сердец и сливалось в музыку, в которой я искал одну-единственную помеху.

И я ее нашел.

Биение сердца дракона.

Единственный способ уйти от нас, спрятаться и выжить в ледяной пустоши – это совершить оборот. Я уловил Кроунгарда над дальней грядой скал, стремительно снижающегося за перевал, едва различимую точку. Драконы хорошо чувствуют друг друга на расстоянии.

Вот и он почувствовал.

Развернулся.

Набирая скорость, взмыл ввысь, уходя за плотную пелену грозящих прорваться снегом облаков. Я не стал повторять его маневр, просто летел вперед, вслушиваясь в глухие удары сердца, становящиеся громче с каждым взмахом крыльев. Почувствовал и ускоряющийся ритм, и резкое приближение, и только тогда рванулся ему навстречу, на высоту. Дракон с черными шипами, раскинув когтистые лапы, почти обрушился на меня, но я врезался в него с такой силой, что его снова подбросило вверх. Увернулся от черного пламени – меня усиливала наша с драконом общая ярость, ярость, горящая сильнее любого пламени, поэтому, когда по чешуе прошлись распарывающие бок когти, лишь перевернулся в воздухе, взмыл ввысь и полоснул пламенем между крыльев.

Кроунгард взвыл, стремительно теряя высоту, срываясь на острые пики скал, я врезался в него, отбрасывая на снег и падая сверху.

Мгновение – и меня ослепило пламенем оборота, дракон подомной перестал быть драконом.

– Ты все еще дракон, – выплюнул Кроунгард, врезаясь силой иртыхана в мой разум. Затем последовал холодный приказ: – Убей себя.

Я должен был развернуться. Взлететь и как минимум броситься прямо на скалы, но ничего не произошло. Кроме того что ярость стала безграничной и абсолютной, особенно когда он произнес:

– Воссоединишься со своей Лаурой.

То, что у меня происходит обратный оборот, я понял, лишь когда рывком шагнул к не успевшей даже толком удивиться твари. Кроунгард вскочил, но удар в солнечное сплетение, который предназначался мне, пришелся аккурат в чешую. Следующий обманный удар я блокировал, а потом впечатал кулак прямо в черное от злобы лицо. Снова. Снова. И снова. По-звериному впиваясь в шею пальцами, сжимая их все сильнее, до хруста.

– Ферн Ландерстерг! – отрезвил меня не столько голос Роудхорна за моей спиной, сколько выпученные глаза Кроунгарда.

Я разжал руку, и он, пошатнувшись, повалился в снег.

Мне на плечи накинули плед, и я обернулся.

– Арестуйте его, – кивнул Роудхорну на даже не пытающегося подняться Кроунгарда. – Границы пустоши держите пока под

контролем. А мне надо в больницу.

К ней.

Во флайсе время тянется так, что дракон то и дело порывается обернуться снова. Быстрее, быстрее, к ней! Я с трудом сдерживаю его силу, хотя сейчас как никогда с ним солидарен. В клинике нас, разумеется, уже встречают, мне предлагают осмотр, но одного взгляда на предлагающего хватает, чтобы тот мгновенно предложил проводить меня к Лауре. Я даже не морщусь, когда надеваю халат, хотя тело кажется сплошным синяком. Главное – она. Лаура сейчас наверняка в капсуле гибернации, но мне хватит того, чтобы на нее посмотреть. Я не смогу коснуться ее руки, но я смогу коснуться ее, когда она откроет глаза, и я больше никогда... никому... не позволю ей навредить.

Я влетаю в закрытое отделение Ардена, потом в палату и замираю.

Лаура не в гибернационной капсуле. Она подключена к аппаратам, как в резиденции, только в резиденции... она дышала сама.

– Что с ней? – спрашиваю не своим голосом.

Арден поворачивается, он сейчас больше похож на смерть, чем на ирлхана. Тем не менее в голосе его привычная твердость военного врача:

– Она без сознания, Торн. И вряд ли придет в себя.

– Что значит «вряд ли придет в себя»? Она спала две недели. В резиденции.

– В резиденции было другое. – Он произносит это невероятно устало, а потом опирается о стену, чтобы не упасть. – Там она действительно спала. Сейчас у нее совсем другие показатели мозговой активности, пламени... всего. Торн, Лаура в коме.

Мой совершенно рациональный разум отказывается это принять. Даже при всей своей рациональности.

– Этого не может быть, – говорю я. – Это невозможно. Глубоководный поделился с ней кровью...

– Его кровь помогла исцелить ее тело. – Арден откладывает планшет, глубокие борозды расчерчивают его лоб, и в целом он кажется мне сейчас старше лет на двадцать, чем когда я его оставил. – Поверь мне, Торн, если бы я мог что-то сделать...

– Если я найду Оррис, это поможет?

– Возможно. Но, Торн, тебе сейчас нужно не искать Оррис, а самому лежать в капсуле гибернации.

– Нет. Мне нужно вернуть ее.

– Торн! – Арден повышает голос. – Посмотри на себя. Ты еле стоишь на ногах. Я еле стою на ногах. Я сделал для этой девочки все, что мог, и сделал бы еще больше, если бы это было возможно.

– Ты сам говорил, что она необычная. – Я приближаюсь к нему, готовый как следует его встряхнуть. Встряхнуть так, чтобы он сказал что-то другое. – Она необычная девушка, Арден. Она выберется.

– Может быть, – устало соглашается он. – Может быть, я не прав. Я бы очень хотел быть не правым, но прямо сейчас мы ей ничем не можем помочь. Ни ты. Ни я. Пожалуйста. Отдохни.

– Нет. Я останусь с ней.

Арден махнул рукой:

– Драконы с тобой. Оставайся. Но позволь тебя хотя бы осмотреть.

– Здесь.

– Здесь так здесь. Хотя это не по протоколу, и ты прекрасно это знаешь.

– К наблам все протоколы.

Я не верю в то, что он сказал. Спящая Лаура выглядит еще более беззащитной. Мысль о том, что я позволил всему этому случиться, меня убивает. Я позволил – не сейчас, когда просто к ней не успел. Тогда. Раньше. Когда говорил ей обидные вещи. Когда выгонял из страны ее семью. Когда разрушил все, что было ей дорого, в том числе ее чувство ко мне. Сама мысль об этом убивает сильнее, чем если бы Кроунгард добрался до меня и своими руками провернул в моем сердце лазерный нож. Я прислоняюсь лбом к стене, рядом с ее постелью, и мне совершенно плевать на то, как все это выглядит.

Мне плевать на все.

– Торн, – рука Ардена ложится мне на плечо, – у тебя еще есть дочь. С ней все в порядке.

– Дочь?

Я оборачиваюсь, смотрю на него.

– Да, я больше чем уверен, что это девочка. Если Лаура так чувствовала...

– Не смей. Говорить. О ней. В прошедшем времени. – Я сбрасываю его руку со своего плеча. – И зови своих коллег. Мне по чешуе. Зови всех. Собирай консилиум. Вы вытащите ее. Мы ее вытащим. Ясно?

Арден поднимает руки вверх и отходит. Начинает заваливаться, его подхватывают вбегающие ассистенты – видимо, те, кого он пригласил для осмотра, и поддерживают. Он что-то им говорит, после чего они приближаются ко мне.

– Ферн Ландерстерг, здесь осмотр проводить неудобно. Не хотели бы вы...

– Нет.

– Хорошо. Тогда вам придется раздеться прямо здесь.

Я сбрасываю халат, под которым ничего нет. Мне кажется, что это какой-то затянувшийся дурной кошмар, который снится мне после того, как мне ввели препарат перед погружением в гибернацию.

– Торн. – Арден отвлекает внимание на себя, поэтому я недостаточно быстро успеваю заметить иглу. Она входит в кожу, и сознание мгновенно начинает уплывать. – Я клянусь, что сделаю все от меня зависящее. Но за твою жизнь я отвечаю не меньше, чем за ее. Чем за любую другую.

Меня поддерживают, именно поэтому я не сползаю по стене вниз. Последнее, что я слышу, это:

– Подготовьте капсулу гибернации. Ему нужно восстановиться и как минимум дать первые комментарии до конца дня.

Темнота накрывает меня с головой.

Но до того, как в нее упасть, я вижу лицо Лауры, наполовину закрытое маской. Светлые волосы, разметавшиеся по подушке. И тонкие руки, одна из которых невольно касается живота, как будто даже сейчас она пытается ее защитить.

Эта мысль – последняя.

Я засыпаю, и этот сон стирает все что было, что есть и что будет.

Глава 27

Солливер Ригхарн

Когда Лодингер, пошатываясь, снова ввалился в коридор, Солливер с трудом сдержала злорадный смешок. Выглядела эта отрыжка природы настолько отвратительно, что становилось непонятно, как он еще передвигает ноги. Темные круги подчеркнули запавшие глаза, а из ушей шла кровь.

– Помоги, – прохрипел он и стал заваливаться.

Солливер с удовольствием бы ему помогла. Для начала от души пнув между ног, а после – в физиономию, особенно после того, как он рывком зашвырнул ее обратно в камеру и сказал, что в советах шлюх не нуждается. Но сейчас ей нужно было отсюда выйти. Очень нужно. Очень-очень нужно.

– Код! – заорала она. – Введи код!

– Я... не могу. Назову...

Он все-таки рухнул на пол, и Солливер выдала витиеватое ругательство. Впрочем, бедолагу Крейда уже ничто не могло смутить, за то время, что они провели тут вместе (он был по-прежнему мертв), Солливер столько раз ругалась такими словами, что раньше у самой бы завяли уши.

– Слушай... как тебя... – Она опустилась на колени рядом с ним. – Как тебя зовут?

– Микас... Мик...

– Мик. Ты должен подняться и открыть мне дверь. Понимаешь? Если ты назовешь мне код, я его все равно ввести не смогу, я не вижу панели. Зеркал здесь нет. Пока я буду тыкать наугад, ты умрешь, а мы ведь этого не хотим, правда?

– Правда, – прохрипел он. Потрескавшиеся губы едва шевелились.

– Поэтому тебе надо подняться. Давай. Давай я подам тебе руку...

Она действительно протянула ему руку, но монстр только слабо дернулся в сторону стены. Оперся ладонью, дрожащей как после обильного возлияния, бессильно уронил ее на пол, на каменный пол.

«Ты обязательно сдохнешь, обязательно, – мысленно пообещала ему Солливер, – но не сейчас. Сейчас ты должен вытащить меня

отсюда, ублюдок!»

– Мик! – Она повысила голос. – Не засыпай! Если закроешь глаза, уже не проснешься!

Угроза подействовала, или же в нем проснулся какой-то скрытый резерв, но монстр все-таки сел. Потом, опираясь о стену, как в замедленной съемке, поднялся. Она слышала недовольный писк электроники, когда он промахивался и начинал снова. Казалось, это никогда не закончится. Или же он опять свалится на пол, на этот раз бездыханный, и все будет кончено не только для него, но и для нее.

Ей повезло.

Раздался щелчок, и решетка втянулась, открывая путь к свободе.

– По... помо...

– Иди сюда! – раздраженно рыкнула Солливер, подставляя ему плечо. Он навалился всей своей тяжестью, и она едва не рухнула вместе с ним. Хорошо хоть в камере сняла каблуки, иначе бы сейчас точно переломалась. – Говори! Говори, куда идти.

– Сейчас прямо... потом налево... там есть аптечка... там...

Да заткнись ты уже!

Солливер плотно сжала губы, не позволяя ругательствам вырваться раньше времени. Сейчас ей нужно подняться наверх. Нужно найти наблову аптечку, а пока он будет ею занят, уничтожить все записи. Они тут наверняка есть – она видела глазок камеры, уставившийся на нее. Не единственный, их тут десятки – и сколько из них работали? Сколько вели записи? Не важно. Она сотрет их все.

Если этот... не сдохнет раньше, чем они доберутся наверх.

Не сдох. Потому что наверх их поднимал лифт. Скрипящий так, словно вот-вот развалится, поэтому, когда он выплюнул их в коридор, Солливер почувствовала облегчение. Ненадолго: у мужчины, который повис на ней почти всем своим весом, начались судороги.

– Мик! – заорала она. – Мик, где аптечка?!

– П-пп... ря...

Прямо.

Дверь.

Первая дверь прямо по курсу. Они ввалились туда вдвоем, и он все-таки рухнул на пол. Солливер едва успела его оттолкнуть, чтобы не упасть следом. В помещении была куча стекла и разбитых экранов, но были и живые.

– Где аптечка?!

Он не ответил, просто повел глазами. Солливер рывками сметала с полок всякий хлам, чтобы наткнуться на коробку. К счастью, в ней был адреналин. К несчастью, если у этого урода инсульт, адреналин уже ничем не поможет. Или поможет? Да по чешуе! Сейчас ей нужно, чтобы он назвал ей пароль, который поможет уничтожить записи.

Мик дернулся, когда она всадила ему укол прямо в сердце. Затих.

А потом судорожно, рывком втянул в себя воздух и сел.

Не сдох. К счастью. Но это ненадолго.

Солливер заметила лежащее на столе оружие. И нож, которым она убила Крейда, что тоже немаловажно, но все это потом. Сейчас...

– Мик, нам нужно отключить камеры, – вглядываясь в его лицо, сказала она. – Отключить и уходить отсюда. Вдвоем. Поодиночке мы там не выживем.

Она готова была нести любой бред, пока он сам бредит. Хотя, судя по нему, он бредил по жизни.

– Понимаешь? Ты меня понимаешь? Там Ледяная волна. Снаружи. У тебя есть маски?

– Да. Сейчас.

– А средства связи? Нас может кто-нибудь забрать?

– Помоги подняться.

Солливер помогла. Его по-прежнему шатало, но уже не так сильно. Видимо, адреналин работал, и работал хорошо. По крайней мере, сейчас он не наваливался на нее всем своим весом, а еще вполне осознанно набивал на клавиатуре коды доступа к системе. Убедившись, что падать и вырубаться он больше не собирается, она отступила. Вдоль стола. Поближе к оружию.

На полу помимо осколков валялась какая-то грязная тряпка. Не сводя с него взгляда, Солливер наклонилась, чтобы ее поднять, но Микас даже не обернулся. Не обернулся и тогда, когда она стирала с ножа отпечатки.

– Записи удалены, – пробормотал он. – Сейчас отключу камеры...

Экраны вспыхнули и погасли.

– Связь... – Микас наклонился к ящику стола и выдернул рацию. А когда разогнулся, Солливер выстрелила.

В упор.

Изумление, отразившееся на его маске, застыло как восковой слепок. Он снова начал заваливаться, и на этот раз рухнул на пол, чтобы уже не подняться.

– Урод, – выплюнула она. Наклонилась, чтобы поднять рацию, когда услышала грохот. Стены содрогнулись, как коробка в руках подбросившего ее маленького ребенка. Не удержавшись, Солливер полетела на пол. Оружие выпало из ее рук, а в следующее мгновение в комнату ворвались мергхандары.

Ей хватило мгновения, чтобы оценить обстановку, судорожно всхлипнуть.

Лицо у нее выглядело именно так, как должно, да что там, не только лицо, руки все в синяках, секс с этим уродом мягким не был, поэтому...

– Он... он... – Прерываясь на сдавленный шепот, она указывала на лежавшего на полу монстра. – Он...

Вошедший в помещение Роудхорн первым приблизился к ней.

– Ферна Ригхарн.

– Он меня избил... он... он меня... – Солливер захлебнулась рыданиями, когда ей помогали подняться. Справедливости ради, даже притворяться особо не приходилось – так выходили остатки напряжения. Все получилось само собой, поэтому сейчас она билась в руках мергхандара.

– Я увидела оружие, и... я... я его убила?!

– Ферна Ригхарн, пожалуйста, успокойтесь. Пойдемте с нами.

На нее надели маску. Завернули в плед. Потом – в утепляющее застегивающееся покрывало.

Роудхорна в помещении уже не было, но ей было плевать на Роудхорна. Главное, что она обо всем позаботилась, и теперь все зависит исключительно от нее. Все зависит исключительно от того, как она поведет себя дальше.

Стоило ей оказаться во флайсе – боевом, бронированном, Солливер сдернула маску.

– Могу я поговорить с Торном... с ферном Ландерстергом?

Мергхандар, явно такого не ожидавший, покачал головой.

– Простите, ферна Ригхарн. У меня нет сведений о том, как и когда ферн Ландерстерг сможет вас принять. Пока что мы доставим вас в больницу.

Солливер кивнула, и, когда обогрев заработал на полную, растворяя суровость Ледяной волны, мергхандар помог ей расстегнуть покрывало. Она больше не стала ни о чем спрашивать, просто забилась в угол сиденья и обхватила себя руками, глядя прямо перед собой. Сейчас стоило выработать новую стратегию, благо добираться до Хайрмарга из пустоши наверняка не так быстро.

Видеозаписи уничтожены, Лодингер мертв, отпечатков на ноже не осталось. Но что самое главное – мертв Крейд. Единственный, кто мог рассказать об их договоренности. По сути, сейчас ей просто нужно стоять на своем. Обиженная женщина, которая действительно считала Лауру Хэдфенгер угрозой, дала интервью – с кем не бывает.

Кстати о Лауре Хэдфенгер...

– Что произошло? – сдавленно спросила она, поворачиваясь к мергхандару. – Как вы нас нашли?

Меня! Надо было сказать меня!

Солливер чуть не прикусила язык, но мужчина ничего не заметил, лишь покачал головой:

– Простите, ферна Ригхарн. Я не имею права комментировать происходящее.

Не имеет он права!

– Хорошо... – Она всхлипнула. – Я просто... просто подумала, что разговор поможет мне отвлечься... от...

– Ферна Ригхарн, успокойтесь, пожалуйста.

– Хорошо. – Она снова всхлипнула. – Хорошо, я постараюсь.

Ладно, придется самой делать выводы. Когда ее несли к флайсу, их там было с десятков, не меньше. Причем еще и Роудхорн лично присутствовал, а значит, заварушка серьезная. Осталось выяснить, что случилось с Хэдфенгер и где Торн. Предположить наихудшее, что Хэдфенгер жива и с Торном все хорошо, – тогда, разумеется, оставаться в Ферверне не вариант. Придется уехать и начинать все заново, например, в той же самой Аронгаре, у нее там много связей. Но если представить, что Хэдфенгер мертва...

Солливер закусила губу.

Их с Торном многое связывает. Например, нерожденный ребенок, которого не было. Разумеется, изначально он будет в ярости из-за того, что погибла его несравненная Хэдфенгер, но ведь она-то не имеет к этому никакого отношения. Точнее, он никогда не узнает, что она

имела к этому отношение, и со временем она точно придумает, как это повернуть в свою пользу.

Возможно, сыграть именно на том, что они оба потеряли самое дорогое. А интервью... ну, интервью расстроенной женщине можно простить. Ей ведь тоже пришлось простить ему Хэдфенгер, которую он притащил в Хайрмарг сразу же после их официальной помолвки!

При мысли об этом у Солливер закололо кончики пальцев. От ярости.

Нет, об этом сейчас определенно не стоит думать. Сейчас стоит отдохнуть, а чуть позже, когда она расслабится, когда пройдет несколько курсов массажа и как следует наберется сил в Аронгаре, на Зингспридском побережье – вот тогда можно будет подумать о том, как и с чем идти к Торну. Если он к тому времени все еще будет занимать свой пост.

Это было бы очень и очень хорошо.

Самый лучший из всех вариантов.

Солливер зевнула, прикрывая рот ладошкой, плотнее стянула края морозостойкого одеяла и закрыла глаза. Есть еще, конечно, тот, кто все это устроил, но, если Хэдфенгер мертва и его план осуществился, она ему больше не нужна. Убивать ее, Солливер, смысла нет, она никогда не видела его в лицо и не общалась с ним лично. Ну а если он проиграл, проблема отпадает сама собой. Вряд ли он в ближайшее время покажет себя миру. Так и будет сидеть где-нибудь в норе до скончания дней.

С этой мыслью она и заснула. Проснулась уже под куполом парковки перед приемным покоем больницы Риджестерна. Разумеется, ее забрали на осмотр без очереди, и, разумеется, врачи подтвердили факт сексуального насилия и жестокого обращения. Ее хотели накачать снотворным и успокоительными, но Солливер отказалась.

Она чувствовала небывалый прилив сил. Особенно после того, как узнала первые новости: Лаура Хэдфенгер в коме. Об этом говорили во всех новостях. Пока что – только об этом, об остальном никаких комментариев не было, все комментарии сегодня вечером должен дать Торн.

Но... Лаура Хэдфенгер в коме!

Это, конечно, чуть меньше, чем мертва, но уже гораздо лучше, чем жива и здорова. Да это же просто превосходно!

Возможно, именно поэтому даже после того, как ее оставили в покое, она долго не могла заснуть. Ворочалась с боку на бок, игнорируя легкое покалывание от местного анестетика в переносице, несколько раз даже вставала, чтобы подойти к окну в индивидуальной, охраняемой мергхандарами палате и посмотреть на ледяной рассвет.

Она как раз стояла у окна, когда дверь за спиной открылась.

– Я же подписала отказ от седативных, – недовольно произнесла Солливер, но ответа не последовало, и тогда она обернулась.

В дверях застыл Сэфл Роудхорн.

– Что-то случилось? – Солливер нахмурилась. – Ферн Ландерстерг хочет меня видеть?

– Нет. – Роудхорн шагнул к ней. – Ферна Ригхарн, вы арестованы по обвинению в убийстве Филгарна Крейда, покушении на Лауру Хэдфенгер и соучастии в организации преступных действий, которые могли повлечь катастрофу мирового масштаба.

Солливер открыла рот. Потом его закрыла. Потом открыла снова:

– На каком основании?!

– На основании показаний, в том числе ментального допроса Ландэйла Стенгерберга.

Глава 28

Торнгер Ландерстерг

Внутри меня огромная зияющая дыра. Провал величиной с Бельвенхартский ледник, а может быть, размером с Ферверн или весь мир. В нем замерзает все, что когда-то было во мне живо, но это внутри. Потому что снаружи мне надо оставаться собранным, жестким и привычно контролирующим все и вся. Тем более после событий, которые чуть было не привели к краху нашей цивилизации, какой мы ее знаем. Поэтому сейчас особенно странно думать, что я пожертвовал бы всей этой цивилизацией, если бы взамен она смотрела на меня, разговаривала со мной, могла взять меня за руку и улыбнуться.

– Ферн Ландерстерг, документы у вас на почте. Пресс-конференция в одиннадцать. Звонил мейстер Халлоран, он хочет переговорить с вами лично.

– Когда у меня ближайшее окно для видеосвязи?

– Он хочет встретиться с вами. Офлайн.

Слова Одер вышибают меня из глубокой расщелины ледника и заставляют все-таки поднять голову. Секретарь стоит рядом со мной: внимательная, готовая в любой момент сделать все, чтобы «минимизировать потери», выражаясь официальным языком. Нет, после вчерашней вечерней пресс-конференции мне не грозит уйти в отставку. В данном случае потери – это связь между прошлым и будущим, когда катастрофа, которая чуть было не привела к гибели миллионов, так или иначе разворачивается в сторону гибели старого мира. Он все равно уже не станет прежним. Не после того, что случилось.

Драконы по всему миру подошли к городам так близко, насколько это возможно. Отключение щитов, которое продавливал Халлоран, теперь кажется людям кошмаром, но дело даже не в этом. Если мы смогли такое допустить, то какое мы имеем право называть себя защитниками мира?

Эстфардхар молчал. Он и будет молчать, к нему необходимо применять ментальный допрос высшего уровня, а это – учитывая бюрократические проволочки – было не так просто. Подозреваю, что

именно об этом и хотел поговорить Халлоран. Ему нужен Кроунгард, которого Мировое сообщество выставит вселенским злом, но сути проблемы это не отменит.

Если существует проблема возможности создания нейросети, ее нужно решить раз и навсегда. Потому что рано или поздно кто-то попытается. Снова.

Для этого нужно готовое решение. Информация.

А вся информация в голове Эстфардхара-старшего. Что там в голове у младшего, я проверить не могу: его пламя не принимает пламя глубоководного. Смерть от ранения ему уже не грозит, зато грозит просто сгореть в лихорадке, и именно поэтому Арден рекомендовал искусственную кому и охлаждение, то есть искусственное понижение температуры тела. Это звучит совсем безумно, но я ему сейчас завидую. Потому что в своей искусственной коме он гораздо ближе к ней, чем я здесь.

Одиннадцать. Пресс-конференция.

Сейчас в Аронгаре ночь.

– На шесть часов, – говорю я. – Назначай встречу Халлорану на шесть часов, после пресс-конференции – больше никаких планов.

Одер кивает. Я читаю в ее глазах «он поедет к ней», и еще минут десять назад она была бы права. Но нет.

К ней я поеду, когда завершу одно очень важное дело.

– Что-то еще, ферн Ландерстерг?

– Да. Сообщи Роудхорну, что после пресс-конференции мне потребуется он для сопровождения.

– Хорошо.

– Это все. Ты свободна, Одер.

Вчера я говорил не столько о драконах, сколько о Лауре. Половина Ферверна хотела знать, что с ней случилось, другая половина – о том, изолирована ли она. Ее жизнь перестала быть просто жизнью, она стала источником опасности. Мне пришлось очень долго комментировать ситуацию, и сегодня на пресс-конференции помимо меня должны были присутствовать Арден, который ее наблюдал, его команда, независимые сторонние медики. По сути, на этой пресс-конференции решится вопрос, что будет после того, как она придет в себя.

Она спасла этот мир, вырвавшись из трансляционной сети. Своими силами. Без поддержки.

Увы, ментальные сражения не показать на камерах. Не отразить в данных. Нам остаются только комментарии медиков и показания свидетелей, один из которых – Эстфардхар. Точнее, он единственный, кто способен ее спасти.

Пресс-конференция прошла как в тумане. Несмотря на поддержку Ардена и остальных, я отвечал на вопросы, а перед глазами стояло ее лицо. Приглашенные врачи по большей части комментировали медицинские факты, но нейросеть как таковая была не изучена и это были исключительно гипотезы. От журналистов пестрило в глазах, поэтому, когда я вырвался из-под очередной атаки прицелов камер, наконец-то вздохнул свободнее.

– Нам нужны данные про нейросеть. Нужны данные по ее матери. Нам нужна Оррис, – сказал Арден.

– Я знаю, – ответил я.

– Боюсь, даже если мы соберем всех ведущих медиков со всего мира, нам не перестанут задавать вопросы.

– Перестанут.

– Торн, что ты задумал?

Я покачал головой, встревоженный взгляд Ардена остался без ответа. Подошедший Роудхорн сообщил, что все уже готовы и ждут меня на парковке.

– Торн, не делай глупостей, – это Арден произнес, когда мы остались наедине.

– Страшнее той глупости, которую я совершил, когда позволил ей уехать в Рагран, уже ничего не будет.

Я вышел, оставив за спиной друга и все, что меня связывало по рукам и ногам.

– Ферн Ландерстерг? Куда мы направляемся?

– Белонсорг.

– Тюрьма, – коротко прокомментировал Роудхорн водителю. – Мне лететь в вашем флайсе?

– Необязательно. Ты понадобишься мне на месте.

Мы взлетели. Пока набирали высоту и выходили на магистраль до телепорта, я смотрел в окно на залитый солнцем Хайрмарг.

Первую тюрьму строили в непосредственной близости от столицы, но впоследствии из соображений безопасности строительство приостановили и перенесли в то место, где сейчас и располагался Белонсорг. Тем не менее там сохранились частично работающие коммуникации, которые при определенных усилиях можно было обновить и запустить. Лодингер использовал ее как базу, и, по-хорошему, без Эстфардхара, который сейчас справлялся с силой глубоководного, мы бы вообще о ней не вспомнили.

Когда Бенгарн вышел на Роудхорна, он сказал, что отчим засветился в Ферверне и что он направляется в пустоши. Сбросил ему координаты, по которым сумел его засечь – якобы неработающее телепортационное кольцо располагалось в непосредственной близости от недостроенной тюрьмы, но сам он оказался ближе, и Роудхорн открыл ему коридор в пустоши. Именно так мы все встретились в одном месте.

Говоря по правде, Лодингера мы там найти не ожидали. И уж тем более не ожидали найти Стенгерберга и Солливер. Роудхорн отправил одну команду по моим координатам, вторую – как раз к телепортационному кольцу, чтобы они дожидались возле него Кроунгарда и сумели его перехватить. У них был четкий приказ: не входить внутрь, поскольку мергхандары могли просто попасть в ловушку. После ареста Кроунгарда на место дополнительно прибыли специалисты по электронике и взрывчатке, и заходили они уже вместе с Роудхорном после тщательного сканирования.

Чтобы наткнуться на полуживого Стенгерберга, мертвых Крейда и Лодингера. И Солливер. Что я чувствовал по поводу того, что о ней узнал? Пожалуй, ничего. Возможно, будь Лаура рядом, я был бы в бешенстве, но сейчас мои чувства поглощала гигантская ледяная впадина, не позволяющая мне снова обернуться драконом и метаться над пустошами, поливая все бесконечным дыханием ледяного пламени.

Или не только ледяного.

– У тебя в крови частично пламя глубоководных, – сообщил мне Арден, когда меня вывели из состояния гибернации. – По крайней мере, так говорят анализы.

– Этого не может быть.

– Этого не может быть, но это есть, Торн.

Именно поэтому на меня не подействовал приказ Кроунгарда, когда я был драконом.

– Ферн Ландерстерг. Телепорт.

Голос Роудхорна вывел меня из ледяной пустоши воспоминаний. Вернувшись, я шагнул в открытую дверь флайса на затянутую обогревательным щитом парковку. Телепорт, переход, перелет, еще один телепорт.

– Ферн Ландерстерг, мы вас не ждали. – Встречал меня лично начальник тюрьмы. Хотя, разумеется, они меня ждали: как только Роудхорну стало известно о пункте нашего назначения, это стало известно и им. О том, что меня ждали, говорило и количество постов безопасности, и вытянувшиеся вдоль стен охранники.

Это место давило на плечи своей неумолимой силой тяжелых каменных стен. Достаточно было шагнуть в эти тяжелые двери – металлические, раздвижные, и казалось, что вся жизнь остается за ними. По крайней мере, раньше, наверное, я бы почувствовал это именно так. Сейчас мне уже было без разницы. Вся моя жизнь сосредоточилась в хрупкой, безумно прекрасной женщине, которая не желала ко мне возвращаться.

– Вы уже знаете, что заключенный отказывается сотрудничать, – произнес начальник тюрьмы, пока мы шли по коридору.

Кроунгарда к моему появлению успели перевести в допросную, которую охраняли чуть ли не лучше меня.

– Со мной захочет, – отрезал я.

Иртхан, собиравшийся было продолжить, резко осекся и больше ничего не говорил.

Кроунгард вольготно расположился за столом, постукивая пальцами по металлической поверхности.

– Оставайтесь здесь, – приказал я, кивнув на комнату наблюдения.

Сам же шагнул к нему.

Выглядел он достаточно хорошо: пластины частично свели гематомы после нашего вчерашнего общения, медицинскую помощь ему оказывали в полном объеме. Именно поэтому сейчас, даже сидя, Кроунгард смотрел на меня сверху вниз.

– Я ждал, что ты придешь, – хмыкнул он. – По большому счету это было просто вопросом времени.

– Неужели?

– Именно так, Ландерстерг. Не хочешь попросить отключить запись? Сейчас будет компрометирующая тебя информация.

– С удовольствием послушаю.

Уверенность сбежала с его лица, но тут же вернулась.

– Как я уже сказал вашим – а точнее, мальчикам Мирденхарда, если вы хотите информации, нам придется сотрудничать. Я не скажу ни слова, пока Ферверн не пообещает мне полную защиту. Более того, если вы или кто-то из Мирового сообщества попытаетесь допросить меня ментально, мои воспоминания просто заблокируются, и вы не получите ровным счетом ничего. И вот что самое интересное... – Кроунгард широко улыбнулся. – Вы думали, что можете просчитать все, но просчитать все вы не можете. Вы просто на такое неспособны. Сейчас жизнь твоей Лауры в моих руках, и только от меня зависит, как на нее будет смотреть общественность. Так что, когда ты примешь мои условия – а ты их примешь, – ты здорово подорвешь свой авторитет. Ну либо не подорвешь, но тогда твоя Лаура... прости, она уже вышла из комы?

Я не стал отвечать. Просто шагнул к нему, вздернул на ноги и швырнул в раскрывшуюся перед нами пасть двери. Мергхандары успели отступить, поэтому Кроунгард пролетел несколько метров, но тут же мгновенно обернулся, метнув в меня яростный взгляд.

– Ферн Ландерстерг... – заговорил было начальник тюрьмы. Осекся.

– Неименное оружие, – сказал я.

– Ч-ч-что?

– Вы меня прекрасно слышали.

Я видел, как на лицо Кроунгарда снова наплзает маска насмешки и как сменяется недоумением, когда под повисшую паузу между мергхандарами, начальником тюрьмы и охранниками к одному из последних шагает Роудхорн. Парень даже опомниться не успевает, когда его оружие уже оказывается у меня в руках, а Роудхорн мерит остальных таким взглядом, что по нему сразу ясно: любому, кто встанет у меня на пути, ничего хорошего не грозит.

– Очень смешно, – говорит Кроунгард, когда я хватаю его за шкуру и на глазах у всех тащу по коридору между застывших охранников и мергхандаров. – Думаешь, я поверю в это представление?

– Мне плевать, – отчетливо говорю я, – во что ты веришь, а во что нет. До моего возвращения остаешься за главнокомандующего.

Последнее относится, разумеется, к Роудхорну, который помогает мне затолкать этого ублюдка во флайс, еще и наручники в тон ошейнику подает.

– Ну и что ты собираешься делать? – интересуется Кроунгард, когда мы взлетаем.

Я молчу. Не смотрю в его лощеное лицо, потому что рядом с ним даже из самой глубокой бесчувственной тьмы пробуждается зверь, неспособный на сострадание. Такой же черный, как сидящая рядом со мной тварь, которая отправляла убийц к моей Лауре. Которая использовала Лодингера, чтобы влезть в ее голову.

Видимо, он это чувствует, потому что в салоне начинает вибрировать страх. Едва уловимый, с которым такие, как он, успешно справляются, но этот страх есть. Это такая миниатюрная частица, которую я не уловил бы... возможно, если бы во мне не было черной крови.

Далеко лететь нет смысла, я роняю флайс посреди заснеженной пустоши. Здесь кроваво-красное солнце уже раскрашивает снег в свои оттенки, я выдергиваю Кроунгарда прямо на эти полосы, затемненные тенью от машины.

– На колени, – говорю ему. – Руки за голову. И смотри мне в глаза.

Теперь страха становится больше. Нет, он все еще не верит в то, что я собираюсь его пристрелить, но достаточно того, что в это верю я. В эту минуту я действительно в это верю, потому что зверь внутри меня рычит и довольно облизывается, когда рука ложится на спусковой крючок.

– Это противоречит международному соглашению. – Кроунгард цепляется за то, что для меня уже не имеет никакого значения. – Халлоран тебя снимет... они тебя...

Я бью его в лицо с такой силой, что он заваливается на снег. Малое облегчение, зато когда я вздергиваю его снова и говорю:

– Мне плевать на Халлорана. Мне не нужна от тебя информация. Я просто хочу тебя пристрелить, глядя тебе в глаза, – он все-таки меняется в лице.

Особенно когда я с силой надавливаю ему на плечи, заставляя рухнуть в снег на колени. Когда скидываю оружие.

Зверь внутри меня рычит и рвется, дракону точно плевать на любую информацию, он хочет его крови. Разорвать его на части за то, что он сделал с ней.

– Нет! – орет Кроунгард, когда дуло оказывается на уровне его глаз.

В эту минуту я ничуть не лучше, чем он, потому что палец подрагивает, готовый вдавить пусковой механизм до упора.

– Я расскажу... как найти Оррис! Ты сможешь ее спасти! Я расскажу про нейросеть и где остались все наработки! Убьешь меня – и никогда этого не узнаешь.

Лазерный луч срывается, ошпаривает снег в миллиметрах от его лица. Кроунгард выпученными глазами смотрит на меня, а я швыряю ему смартфон.

– Записывай признание. Что ты сделал с Лаурой Хэдфенгер. Где находится Оррис Хэдфенгер. Как нейтрализовать нейросеть. Потом – обо всем остальном.

Он подхватывает смартфон, и видно, как бессильная злоба в нем борется с желанием послать меня подальше, но страх оказывается сильнее. Кроунгард не рассчитывал, что его жизнь прервется вот так бесславно. Он явно рассчитывал на что-то совершенно иное. Поэтому сейчас, глядя в камеру, он нажимает запись и начинает рассказывать.

О том, как управлял Лаурой через Лодингера. О том, как впервые узнал об исследованиях, которые проводились фервернским правительством. Это действительно были исследования препарата, действие которого должно было работать на скорейшую регенерацию, но вызывало странные побочные эффекты и предпосылки к мутации, поэтому исследования быстро свернули. Препарат, разумеется, был уничтожен, но осталась беременная Оррис Хэдфенгер. С которой начали происходить очень странные вещи.

Разумеется, на Юргарна Хэдфенгера вышли уже не те, кто занимался исследованием. Кроунгард Эстфардхар понимал, что заполучил очень ценный образец и что выпускать такую интересную добычу из рук не стоит, поэтому Оррис тайно перевезли в Рагран, где продолжили наблюдать в частной клинике. Что касается ребенка – или Лауры Хэдфенгер – все ее анализы говорили о том, что она человек без каких-либо отклонений или мутаций. Поэтому на какое-то время он выпустил ее из виду.

После истории с Гранхарсеном, устроившим слияние с глубоководным драконом, Кроунгард всерьез заинтересовался его наработками. Разведка Раграна давно рассматривала варианты создания нейросети с помощью глубоководных драконов, но основная проблема заключалась в том, что к ним было не так-то просто подобраться. Больше того, глубоководные держались особняком и не принимали участия в конфликтах между звериным и человеческим мирами, даже когда речь заходила о боли и катастрофах остальных драконов. На них не влияли щиты, они почти не выходили на поверхность, обитая на таких глубинах, куда обычные водные даже не заплывали.

– Но именно рядом с ними, в непосредственной близости от изначальных источников силы нейросеть становилась самой мощной, а трансляция – максимальной, способной покрыть весь мир. Поэтому я выбрал окрестности Хайрмарга для стартового удара. Глубоководные не появились даже во время нападения и смерти Гранхарсена, поэтому я не рассчитывал, что они появятся в этот раз. И уж тем более на то, что они попытаются разрушить нейросеть.

Да, нападение глубоководных на Лауру явно спутало его планы.

Я до сих пор помнил свои чувства, когда ее накрыло волной трансляции: когда оборот стал делом нескольких секунд – от первой вспышки ее отчаяния до полной пустоты, ужаса, боли, ментального сражения. Я не слышал ее мыслей, только ее чувства, и шел за ней вместе с драконом. Чтобы успеть в самый последний момент, когда глубоководные, посчитавшие ее смертоносной угрозой, уже нападали.

– Все это время я и мои помощники изучали кровь Оррис Хэдфенгер, и в итоге мы пришли к выводу, что ее дочь просто не может остаться обычным человеком. Когда теория нейросети оказалась в наших руках, я понял, для чего именно и как можно использовать Лауру Хэдфенгер. Увы, ее сила была спящей. Ее кровь оставалась кровью обычной женщины. Именно тогда мне в голову пришла мысль, что гораздо быстрее она раскроется рядом с сильным иртханом. Чем сильнее, тем лучше, так что твоя реформа пришлась очень кстати. К счастью, Юргарн Хэдфенгер был одним из тех, кому очень просто внушить мысль о том, что его дочь должна принять участие в отборе. Мне всего лишь надо было прислать к нему иртхана

на консультацию, того, кто аккуратно заложит в его голову эту чудесную программу.

Чем больше он говорил, тем сильнее мне хотелось нажать на спуск.

Кроунгард постоянно пытался причинить Лауре боль, чтобы разбудить ее силу, когда та не проснулась рядом со мной. Сначала – на катке, спровоцировав перелом. Потом – в Аронгаре. Чтобы наблюдать за ней, он приставил к ней своего пасынка. Которому, разумеется, не сообщал истинных причин интереса рагранской разведки. Будем честны, даже не рагранской. То, что в ней творилось все это время, было делом рук Кроунгарда Эстфардхара.

– Как ты заставил драконов напасть на нас? В пустоши?

– Множественный приказ. Это тоже одна из моих разработок. Когда драконы находятся под остаточным влиянием нейросети, даже после деактивации, приказав одному, приказываешь всем в небольшом радиусе. Я отдам все наработки, – поспешно добавил он. – И расскажу, как найти Оррис. Только когда мы вернемся.

Я забираю у него смартфон и пересылаю запись Роудхорну. А потом опускаюсь рядом с ним.

– Координаты, – говорю ему. – Вводи координаты ее местонахождения. Мы вернемся только после того, как Оррис найдут. Живой.

Потом я стою и смотрю, как красное небо наливается тяжелым сиреневым, а после – уже фиолетовым. В отличие от пламени моей Лауры этот цвет совсем густой, как ночная вязкая тьма.

– Ферн Ландерстерг, – через коммуникатор связывается со мной Роудхорн, – местр Халлоран уже прошел телепорт.

Значит, местру Халлорану придется немного подождать.

Я не двинусь с этого места, пока мне не доложат о том, что Оррис жива и на пути в Ферверн. К счастью, буквально через десять минут мне сообщают, что в Рагране Бермайер в срочном порядке разрешил вывезти Оррис Хэдфенгер через VIP-окно. После этого хватаю порядком замерзшего Кроунгарда и заталкиваю в салон. Он, в отличие от меня, не настолько спокойно воспринимает Ледяную волну в обличье иртхана, поэтому сидит и трясется, клацая зубами, волосы сосульками свисают вдоль лица. Пока мы летим обратно, я думаю о том, что я все-таки выполнил обещание, данное Лауре.

Я нашел ту, которая дала ей жизнь.

Глава 29

Торнгер Ландерстерг

– Ардена Ристграффа реанимировали буквально на месте. Если можно так выразиться. Фактически он спас себя сам, когда замедлил биение сердца. Вряд ли Лодингер оставил бы его в живых, если бы слышал удары.

Набл его знает, почему я сейчас говорил об этом с Халлораном. По большому счету это даже не имело особого отношения к делу. Арден выжил, это задокументировано как факт, на этом можно было ставить точку.

– Лодингеры в свое время чуть не стоили мне свободы моей жены, – отстраненно заметил Халлоран. Впрочем, под этой отстраненностью я отметил вспышку алого пламени, которой полоснуло кабинет.

Нет, мы не сразу перешли к деталям. До этого обсудили ситуацию в мире и то, что в Мировое сообщество Ферверн не вернется. Не сказать, что Халлоран был доволен. Но он определенно был доволен, что Кроунгарда я ему отдаю без вопросов. Можно сказать, я сам это предложил, когда на почве выхода Ферверна из Мирового сообщества встал вопрос о том, как проводить расследование. Халлоран пообещал довести до меня сведения, которые станут известны из дальнейших допросов Кроунгарда. И еще он попросил Эстфардхара. Того, который лежал в коме.

– Он нам понадобится для допроса, – прокомментировал он.

Ну и черное пламя тоже неплохо было бы контролировать. Хотя бы какое-то.

Дальнейшую беседу с Кроунгардом проводил Роудхорн, и за время, пока я добирался до Айрлэнгер Харддарк всплыли еще кое-какие особенности моей биографии. Лауру подтолкнули ко мне из-за того, что в моем ледяном пламени изначально было черное. То есть, образно говоря, расчет был на то, что ее спящий ген активируется при взаимодействии с родственной силой. Выбрал бы я ее или нет, очень многое ставили на первую встречу.

Парадоксально, но эксперимент, в котором принимала участие Оррис, начался с меня, а точнее, с моей семьи, потому что первой, кому глубоководный дракон добровольно отдал свою кровь, была моя мать. Строительство резиденции отец задумал уже очень давно, и, поскольку он был приближенным к правящему в те времена, у него был особый допуск для поездок в пустоши. В один из вечеров он решил устроить матери романтический ужин на заснеженном берегу.

Всего этого могло бы не быть, если бы она не подвернула ногу. Неудачное падение и открывшееся сильное кровотечение (да, меня тоже могло бы не быть, потому что мама была беременна мной), ее отчаяние, боль, страх – как ни странно, именно на это пришел первый глубоководный, который захотел спасти ее и меня. Отец понимал, что до больницы он просто ее не довезет, и только поэтому решился на этот шаг.

У него не было никакого оборудования, кроме аптечки, в которую набл знает зачем входит система для переливания крови. Но именно эта система переливания крови спасла жизнь мне и моей матери.

То, что подарил глубоководный, у нашей семьи впоследствии отнял друг отца. Правящий Ферверна в те годы. Мою семью убили по его приказу. Кроунгард рассказал, что отец отказался поддержать планы по экспериментальным разработкам и обещал обнародовать тот факт, что случилось в пустоши. Разумеется, правительству это не понравилось. Тайна, которую родители хранили долгое время, ушла вместе с ними, и не только вместе с ними. Избавились тогда от всех врачей, которые наблюдали мою мать во время беременности. От всех, кто мог рассказать хотя бы что-то.

Зато становились понятными мои всплески нестабильной силы и то, что меня постоянно таскали по клиникам. Постоянно докладывали о малейшем изменении в моем самочувствии. Ну и по психологам гоняли не ради моего душевного равновесия. Они хотели знать, как спящее черное пламя влияет на психику. Несмотря на то что с моей матерью все было в порядке.

Именно тогда было сделано первое предположение, что пламя глубоководного приживается на иртваханах и на тех, кто находится в их утробе. Но что, если то же самое проверить на человеке? Предварительно накачав его особой разработкой, содержащей пламя других драконов.

Синтезированное пламя.

Оно не работало. Точнее, не сработало ни с кем, кроме Оррис.

Так моя Лаура стала первой, кто объединил в себе все действующие огни нашего мира. И той, кто защитил этот мир от безумцев, собиравшихся залить его кровью.

– Не думаю, что стоит об этом рассказывать, – произнес Халлоран.

Я посмотрел на него в упор.

– Думаю, что стоит.

– Люди к такому не готовы.

– В свое время люди были не готовы к отключению щитов, – произнес я.

– Когда мой брат, возглавлявший мою службу безопасности, решил уничтожить щиты и устроить налет, он действовал через мою женщину. Он похитил Леону, чтобы меня отвлечь, но не думал, что я смогу обернуться. Тогда я чуть не лишился памяти и сознания, будучи драконом от силы полчаса. Сейчас ты оборачиваешься, как иртханы древности. Кроунгард, усиливший себя кровью драконов, – тоже. Для людей это слишком.

– Это слишком, если по-прежнему хранить наши тайны и отгораживаться от них стеной превосходства.

Халлоран приподнял брови.

– Твоя реформа – чистейшей воды политика, Торн.

Да. Так и было. До встречи с ней.

– Ты не веришь в то, что человек может быть достойным соправителем?

– Я считаю, что прошло еще слишком мало времени. Если выдать людям такие перемены, они могут не выдержать.

– Если выдать им очередную компромиссную наблову чушь – тоже.

Халлоран нахмурился. Я откинулся на спинку кресла, чувствуя его пламя, которое сгущалось и клубилось над нами, но я не собирался с ним воевать. По крайней мере, не сегодня так точно. Сегодня нам было нечего делить, кроме, пожалуй, власти. Но я не претендовал на его кресло председателя, я вообще ни на что не претендовал. Я думал только о мире, в котором она очнется. И о том, что я могу для него сделать.

Халлоран постучал пальцами по столу.

– Ты предоставишь мне записи допроса Стенгерберга?

Стенгербергу повезло, что из него хотели вытащить какие-то данные по системе защиты, к которой он в свое время имел доступ, и только поэтому он остался в живых.

– Да. Разумеется.

– Хорошо. Надеюсь, он все же поправится.

– Я тоже.

Стенгерберг меня не предавал. Просто та часть, которую он доверил Крейду, здорово провисла, но Крейд был проверен и перепроверен десять раз и успел отлично себя зарекомендовать. Он связался с Кроунгардом из-за угасания девушки, которую любил. У них не было никаких отношений, она любила его лучшего друга, который погиб во время экстремальных гонок на флайсе. Никто не мог подумать, что Крейд был буквально одержим ею. Он действительно собирался ее спасти, именно на этом его подцепил Кроунгард.

Кровь глубоководных.

Об этом тоже рассказал Роудхорн. Сейчас, правда, он уже завершил допрос и направлялся к Ардену, который занимался Оррис. Ее доставили прямиком к нему, облепленную датчиками, и, если честно, все мои мысли снова и снова сходились туда. В закрытый медицинский центр.

К моей Лауре.

– Я расскажу про племянника, – неожиданно произнес Халлоран. – Это было предложение его матери, и я, откровенно говоря, не знал, как к нему относиться, пока не переговорил с тобой.

– Ты ожидал, что я буду против?

– Я не знал, чего от тебя ожидать, Торн.

Я усмехнулся.

– Теперь знаешь. Если я правильно понял, этот мальчик спас Лауру?

– В какой-то мере.

И он снова ее спасет.

– Я поддерживаю все, что ты будешь делать для ее возвращения. – Халлоран поднялся.

Точнее, мы поднялись одновременно. Звериные инстинкты срабатывают отменно, особенно когда в одной клетке находятся два

хищника.

– Ты можешь рассчитывать на комментарии в поддержку Лауры Хэдфенгер с моей стороны, в том числе на комментарии моих ведущих специалистов.

Я не стал спрашивать, почему он это делает, но Халлоран все-таки произнес:

– Я знаю, что это значит – почти потерять любимую женщину. Удачи, Торн. И терпения.

Он вышел, оставив меня одного. Я приблизился к окнам и заложил руки за спину. День сменил вечер, а мне пора сменить Айрлэнгер Харддарк на медицинский центр Ардена. И как минимум попросить у него прощения.

Да. Не такими я представлял итоги беседы с Рэйнаром Халлораном.

– Ее держали на препаратах, Торн. Некоторые из них запрещенные, – прокомментировал Арден.

Я на них не смотрел. Никогда не бегал от своих страхов, но сейчас делал вид, что меня гораздо больше интересуют показатели на мониторах, чем Оррис Хэдфенгер. Она выглядела так, будто заснула пару часов назад. За ней отлично ухаживали, разве что волосы были коротко подстрижены, но я все равно не мог заставить себя на нее посмотреть. Снова. Во мне рождался какой-то иррациональный подсознательный страх, что, если я посмотрю, Лаура никогда не проснется.

Это было немыслимо глупо.

Но я никогда и ничего так не боялся.

– Судя по медкарте, несколько лет в ее крови творился какой-то кошмар, но она была им нужна, и они делали все, чтобы ее удержать в этой жизни, даже в таком состоянии. Поэтому, если я просто отменю всю эту дрянь, мне сложно предсказать, как она отреагирует. Достаточно уже того, что я сниму те, которые в черном реестре.

Я все-таки на нее посмотрел.

Худенькая. Хрупкая. Беззащитная. Очень бледная.

– Торн, ты хоть что-нибудь скажешь?

– Да. Какие у нас прогнозы?

– Я сделаю все, что смогу, но по самым оптимистичным расчетам из этой уже медикаментозной комы она выйдет не раньше чем через неделю. Хотя я бы рекомендовал месяц, но ты же не будешь ждать, я правильно понимаю?

Я снова на нее посмотрел.

– Буду, – сказал я и вышел за дверь.

Здесь были мергхандары, и я не мог прислониться к стене лбом. Не мог сжать пальцы с такой силой, что по рукам потечет чешуя. Поэтому просто замер, и это дало Ардену преимущество.

– Торн. – Он вышел следом за мной почти сразу. Посмотрел на мергхандаров, и я кивнул:

– Оставьте нас.

Стоило им скрыться за поворотом, Арден внимательно взгляделся в мое лицо.

– Тебе надо на повторную гибернацию.

– Мне надо, чтобы она пришла в себя.

– Я знаю. Но у тебя сильное перенапряжение, и я не хочу, чтобы ты однажды свалился на пресс-конференции. Или слегка покрылся чешуей. В связи с вновь открывшимися обстоятельствами, конечно, не все с визгом разбегутся, но не думаю, что ты планируешь таким образом реализовать свой новый имидж.

– Кто бы говорил. – Я усмехнулся. – Тебя вытащили с того света, а ты побежал спасать мир.

– Не мир, а ее. Лауру Хэдфенгер. – Он стал серьезным. – И я сделаю все, что от меня зависит, чтобы она пришла в себя. Но если я упаду, я уже ничего не сделаю. Точно так же, как и ты, Торн.

– Что-то похожее ты говорил мне вчера.

– А ты думаешь, что бой с глубоководным пройдет без последствий? Не считая всего остального.

– Я сам несколько... глубоководный, – хмыкнул я.

– И это нам еще предстоит изучить. Но сейчас...

– Хорошо. Готовь капсулу гибернации.

– Что?

У Ардена вырвалось это на автомате: видимо, он не думал, что я так быстро сдамся. Что касается меня, я просто был не готов возвращаться домой. Ни в пентхаус, ни тем более в резиденцию – туда, где все дышало ею, но ее больше не было.

Ардену я об этом не стал говорить. Я даже сам не стал концентрироваться на этой мысли, просто направился в отсек губернии. Пребывавший в легком шоке друг ничего не стал спрашивать, а когда надо мной закрылась крышка и заработала вентиляция, я не просто заснул, как это было обычно. Я отключился с радостью, оставившей меня в черной бесконечной тишине, где не было ничего. В том числе мыслей о ней, но и меня тоже больше не было.

На следующий день, после обеда, я поехал в Бельвенхарт. Петер с женой встретили меня очень холодно, но ничего удивительного в этом не было. Так же как в вопросе Эллегрин:

– Зачем ты пришел?

Она тоже осунулась. Похудела. Нет, Эллегрин всегда оставалась Эллегрин: кажется, она следила за собой даже в тюрьме, но сейчас я отчетливо понимал, как нелегко ей пришлось. Насколько ей пришлось нелегко.

– Элл, ты сама верила в то, что случилось. Все остальное сделал Крейд.

– Я больше не Элл. По крайней мере, для тебя. – Она обхватила себя руками и обернулась. – Мне не нужны твои оправдания.

– Я не оправдываюсь. Я хочу объяснить.

Эллегрин усмехнулась.

– Странное дело, Торн. Раньше ты никогда и ничего не объяснял. Не утруждался такими мелочами, не делал исключения даже для тех, кто был рядом долгие годы. Знаешь, что я тебе скажу? Я могу простить то, что ты запихнул в тюрьму меня. Но Арден?! – Она покачала головой. – Он с тобой работает. Я знаю. И я не представляю, что творится у него в голове, если он тебя не послал. После всего.

– Возможно, он просто знает чуть больше.

– Например? – Ноздри ее раздулись, а глаза сверкнули. – Что ты запихнул его в тюрьму, руководствуясь высшими мотивами... дай угадаю, потому что он отказался выполнять твой приказ? Или потому, что? Потому что что, Торн? Давай, объясни мне! Ты же пришел объяснить.

– Потому что я сходил с ума без нее.

Эллегрин покачала головой.

– Ты сходил без нее с ума и вышвырнул ее семью из страны? Странная у тебя любовь, Торн. Ты, наверное, не в курсе, но любовь – это не когда сходишь с ума по тому, что разрушил, а когда веришь в тех, кого любишь, даже когда против них целый мир и они сами.

Она передернула плечами и отвернулась.

– Уходи.

Ее профиль подчеркнуло солнце, Эллегрин чуть нахмурилась. Она ненавидела морщины, поэтому всегда избегала такой мимики, но сейчас продолжала так стоять, сдвинув брови.

Разумеется, я никуда не ушел. Подошел ближе.

– Ты права, – сказал, глядя на Бельвенхарт. – Но, когда я высылал ее семью из страны, я любить не умел. Я тогда ни в кого не верил. Ни в нее. Ни в тебя. Ни в Ардена. Но в первую очередь я не верил в себя.

– Тебе не с кем больше поговорить, Торн? – Она метнула в меня яростный взгляд.

– Я бы очень хотел поговорить с тобой, Эллегрин, но, судя по всему, нормального разговора у нас не получится. Я здесь не только за этим.

– Тогда зачем?

– Хочу вернуть тебе твою свободу. – Я кивнул на диванчик. – Присядешь?

Эллегрин неверяще взглянула на меня.

– Ты узнал, как снять отложенный приказ? Узнал слово, которое может меня убить?

– Да.

Ей рассказали о том, что произошло, буквально сегодня утром. О том, что она на самом деле не имеет отношения к организации того, что произошло в «Алой ленте». Одним из важнейших пунктов в допросе Кроунгарда было раскрытие того, что сделали с Эллегрин, и вчера Роудхорн передал мне всю информацию. Сразу после встречи с Халлораном, по пути в клинику Ардена я созвонился с Петерфьерном. Дочь пока жила у них – на время домашнего ареста, – и я посоветовал максимально мягко до моего появления ввести ее в курс дела. Правда, о том, что собираюсь делать, не сказал.

Я даже Ардену об этом не сказал, потому что вернуть Эллегрин жизнь и свободу я должен был лично. Точно так же, как впоследствии публично должен был снять с нее все обвинения.

– Это не отложенный приказ, это ментальный блок. Он был поставлен на твои воспоминания о том, что случилось, поэтому просто садись сюда и дай мне руки.

Руки давать вовсе не обязательно, я просто вижу, что Эллегрин нужна поддержка. Раньше я такое не замечал, точнее, замечал, но не придавал этому значения. Она бледнеет, кажется, еще сильнее, на лбу выступают капельки пота.

– Торн, ты уверен, что можешь это сделать?

– Если бы не был уверен, меня бы здесь не было.

Я единственный в Ферверне, кто может сделать это без последствий, и это еще одна причина, по которой я не стал привлекать Ардена и о чем бы то ни было говорить Рэгстернам. Моя ментальная сила, доставшаяся мне в подарок от глубоководного, способна деактивировать любой даже самый опасный блок.

Эллегрин поправляет юбку и садится. Протягивает мне руки.

Я сжимаю изящные, ухоженные, тонкие пальцы. Смотрю ей в глаза и говорю:

– Замри.

Она замирает, глядя на меня широко распахнутыми глазами, будто не верит, что я ей приказал, а я произношу:

– Все, что я скажу дальше, отменит приказ и больше не будет представлять для тебя никакой опасности.

Ментальный блок ставится для того, чтобы иметь возможность мгновенно лишить кого бы то ни было жизни. Одним словом. Или комбинацией. В данном случае – комбинацией.

– Арден Ристграфф. Солнечный остров. Шестьдесят седьмой.

Не знаю, что это для нее значит, но чувствую, как натягивается в сознании тонкая черная нить, способная убивать. Касаюсь ее своей новообретенной силой – и нить исчезает. Подобно ей исчезают тонкие черные прожилки, полыхнувшие в ее радужках.

– Эллегрин. Все.

Она моргает.

– Что – все?

– Все, – говорю я. – Понятия не имею, что для тебя это значит – не Арден, разумеется, а все остальное, но теперь, даже если ты или кто-то другой десять раз повторят это вслух, с тобой ничего не случится.

Эллегрин начинает трясти. Она сидит прямая как палка, но ее колотит изнутри, поэтому я тянусь к ней и осторожно привлекаю в свои объятия. Я чувствую, как она напряжена, только пальцы подрагивают на моих плечах. Сжатые с такой силой, что ногти ощутимо впиваются даже через пиджак.

Не знаю, сколько мы так сидим в тишине.

Арден сказал, что Лаура хотела сделать то же самое. У меня все мысли сходятся на ней и на том, что каждый раз, когда я к ней захожу – вчера вечером, сегодня утром, она все больше отдаляется от меня. Я не хочу об этом думать, но снова и снова думаю именно об этом.

– «Сан Айлэнд», – голос Эллегрин вспарывает мое сознание, – это отель в Зингсприде. Шестьдесят седьмой этаж. Там мы провели выходные. Как-то раз. Я не должна была... Торн, я...

– Предлагаю все прошлое оставить в прошлом. – Я отстраняюсь, чтобы посмотреть на нее. – Особенно теперь, когда у тебя снова есть настоящее и будущее.

Она плачет. Беззвучно.

Потом мы прощаемся. Рэгстерны слишком заняты дочерью, и я этому рад. Я возвращаюсь к Хайрмарг, лечу в клинику Ардена. Не знаю, сколько я стою рядом с Лаурой, потом сижу рядом с ней. Потом хожу по палате.

Друг появляется далеко не сразу, а когда появляется, вид у него свирепый.

– Не были бы мы здесь, – кивает на Лауру, – я бы тебе врезал.

– Не благодари.

Арден приближается ко мне, и в груди снова разрастается пустота. Мне казалось, что я с ней справлюсь, когда увижу Эллегрин и сделаю то, что сделал, но ее становится все больше, больше и больше. В этот момент друг хватает меня за лацканы пиджака и толкает к стене. Как ни странно, во мне не остается сил даже на то, чтобы ответить.

Ни сил. Ни желания.

– Ты всегда все решал за других, Торн, – цедит он. – Для меня ты всегда был примером и образцом. Я всегда занимал твою сторону, я всегда тобой восхищался. Ты вытряс из Кроунгарда то, что тебе было нужно, тогда какого набла ты делаешь сейчас?!

– Что я делаю? – спрашиваю еле слышно.

Хотя если бы громкий голос мог ее разбудить, я бы орал во всю мощь легких.

– Да вот что! – Арден врезает край планшета мне в грудь с такой силой, что, не будь за моей спиной стены, я бы пошатнулся. – Ты видел свои показатели? Это состояние предугасания.

Состояние предугасания?

– Тебе-то что? – говорю я. – Я думал, ты из-за Эллегрин бесишься.

В этот момент мне все-таки прилетает в лицо. Не знаю, какое у меня там состояние, но я отвечаю автоматически, и теперь уже Арден отлетает метра на полтора. Планшет с хрустом раскалывается, а друг смотрит на меня как на помешанного.

– Пойдем, – говорит. – Я тебе кое-что покажу.

– Кое-что?

– Кое-кого. Давай, Торн. Шевелись, пока мы не разгромили здесь все.

Его слова отрезвляют. Мы здесь, рядом с ней. Я только что чуть не сцепился с ним прямо здесь.

Молча выхожу за ним, долго идти не приходится. Палата Лауры, если так можно выразиться про закрытый медицинский центр, находится в двух шагах от кабинета Ардена, по совместительству его лаборатории. Там он хватает со стола какие-то снимки, сует мне в руки.

– Посмотри.

– Что это?

– Посмотри, – рычит он.

Я все-таки опускаю глаза и вижу... ребенка. Нашего с Лаурой ребенка, окруженного мерцающей тонкой преградой, напоминающей скорлупку яйца. Сам не знаю, почему на меня это так действует, я ведь раньше вообще не смотрел на ее снимки, но сейчас, когда я их вижу, когда я вижу ее, из меня будто разом выбивает весь воздух кулаком размером с лапу дракона. Вместе с этим ударом приходит такая боль, что дышать окончательно становится нечем.

– А теперь расскажи мне, кому ты хочешь ее оставить, – цедит Арден. Почти выплевывает. – Расскажи, что ты не злился на свою мать за то, что она не стала бороться. Давай, Торн, говори. Я послушаю.

Его слова делают еще больнее. Но больнее всего от того, что звучит внутри: я действительно злился на мать. После того как она

выжила — клянусь, теперь я знаю, почему она выжила, кровь глубоководного не дала ей умереть, — она пришла в себя и узнала, что отец мертв. Не так долго она прожила после этого, даже понимая, что я остаюсь один. Я был свидетелем ее угасания, и все, на что меня хватало тогда — это отчаяние, ярость, непонимание, которое я глушил в себе всеми привычными способами. Всеми методами контроля, которым меня обучали. Я хотел быть хорошим сыном, но хорошего сына из меня не получилось.

Тогда я просто не мог понять: почему нельзя сражаться ради меня. Угасание — процесс, который до конца не изучен, он случается в парах. Но мы с Лаурой даже не были парой, по крайней мере, в привычном смысле мира ирллангов. Мы не засыпали вместе после слияния пламени.

Арден не продолжает, он оперся руками о стол, как будто ему тяжело стоять. Может быть, и тяжело, я не знаю, но во мне под пластом разрастающейся боли раскрывается что-то новое, пока еще хрупкое, как только что пробившийся из семечка росток. Я смутно понимаю, откуда оно берется, потому что во мне только что была абсолютная пустота, но я точно знаю, что это такое.

Этому меня научила Лаура.

Это — странная, едва уловимая нежность, которой даже описание подобрать сложно. Ребенок, который еще не родился, наша Лыдинка, такая же хрупкая, и сегодня я впервые думаю о ней отдельно от Лауры. Это моя дочь.

Это моя девочка.

Моя малышка.

Которая сейчас, возможно, тоже ничего не чувствует, потому что Лаура спит. И если кому-то может быть по-настоящему страшно и одиноко, насколько может быть одиноко зарождающемуся крохотному существу, отрезанному от такого источника любви, как Лаура, то это сейчас она.

— Спасибо, — говорю я.

Кладу снимки на стол и выхожу. Почему-то обратная дорога кажется мне гораздо более долгой, чем дорога до кабинета Ардена, но, когда я влетаю в палату Лауры, там все по-прежнему. Разве что я немного другой.

Я снова подхожу к ней. Касаюсь щеки.

– Прости, – говорю, глядя на нее. – За то, что снова почти сдался. Больше я тебя не отпущу.

Ее кожа под пальцами настолько нежная, что сложно представить, сколько в этой маленькой хрупкой женщине сосредоточено силы. И в другой маленькой – тоже.

– Привет, – теперь уже кладу руку ей на живот. – С тобой мы вообще не общались, но я был немыслимо занят... всем, чем угодно, кроме тебя и твоей мамы. Я все исправлю. Обещаю.

Мне в пальцы ударяет искоркой льда. Настолько мимолетно и едва ощутимо, что впору думать о помутнении рассудка, но мое пламя отзывается на этот призыв. Ладонь мгновенно покрывается чешуей, не причиняя ни малейшего вреда ткани тонкого покрывала. Даже сквозь эту грубую преграду я слышу легкий, еле слышный ответ.

Больше мне сейчас ничего не нужно, потому что это – уже безмерно много.

Это – новая жизнь.

Глава 30

Торнгер Ландерстерг

Эллегрин была права, когда говорила, что любовь – это вера в тебе самом, когда вокруг ее почти не осталось. В тот день, когда Арден показал мне снимки моей дочери, во мне что-то основательно изменилось. Будто весь тот процесс, который начался с появлением Лауры в моей жизни – что-то похожее на плавление и деформацию перед приданием чему бы то ни было формы, – окончательно завершился именно в минуту, когда я почувствовал пламя нашей крохи. О том, какую силу дает это чувство, раньше я мог только догадываться. Хотя раньше я считал это слабостью, но именно в тот день дал себе слово, что я буду верить.

Верить в то, что Лаура придет в себя, верить в то, что у Льдинки будут и мать, и отец. Я отмел из своих мыслей все варианты, что может быть иначе, и, хотя Арден говорил, что не может дать мне гарантии, я больше в них не нуждался.

Поначалу было сложно. Сложно хотя бы потому, что я хотел как можно больше времени проводить с ней, но проводил его в Айрлэнгер Харддарк, на встречах, в других мегаполисах Ферверна, на бесчисленных пресс-конференциях, и в момент официального выхода Ферверна из Мирового сообщества мне пришлось даже побывать в Аронгаре. Это был короткий визит, который прошел легко: Халлоран сдержал слово, и о Вэйдгрейне Гранхарсене тоже узнал мир.

Мир, который понемногу привыкал к мысли, что моя Лаура – не угроза и что она остановила мировую катастрофу.

Все наработки по нейросети были изъяты, Бермайера попросили подать в отставку. Помимо этого Халлоран выступил в защиту Лауры, а свидетельские показания Кроунгарда были обнародованы. Так же как и свидетельские показания Эстфардхара. Вот с ним у нас толкового разговора не получилось. Потому что после слов о том, что я ему благодарен за помощь, Эстфардхара знатно перекосило.

– Ты был мне так благодарен, – процедил он, – что вышвырнул из страны в бессознательном состоянии? Не позволив к ней даже приблизиться?!

Его глаза заливало черное пламя, смешивающееся с его истинным. Мое пламя отозвалось незамедлительно.

– Я передал тебя в руки твоего союзника, – отрезал жестко.

На этом наш разговор и закончился, поэтому детали я узнавал уже от Халлорана. В частности, о том, что после исчезновения Кроунгарда и заговора вокруг нас с Лаурой Эстфардхар решил покопаться в прошлом своей семьи. Он прекрасно знал, что найти отчима с его умением прятаться через настоящее нереально, поэтому зашел с другой стороны. Со стороны прошлого.

Ему удалось выяснить, что начальник службы безопасности отца, которого должны были казнить вместе с ним, сбежал. Поскольку процесс был достаточно громкий, новое правительство Раграна решило не распространяться о том, что у них преступники такого уровня разбегаются из-под носа. Поэтому было сделано все, чтобы об этом никто не узнал. Эстфардхар нашел его в Фияне, а вместе с ним и свою сестру.

Она сделала пластическую операцию и вот уже много лет успешно вела жизнь законопослушной гражданки Фияна. Замужем за тем самым бывшим начальником службы безопасности. Как выяснилось, он действительно не был в курсе того, что отец Бена делал с драконами, его причастность сфабриковал Кроунгард, который в то время был подающим надежды сотрудником дипломатического корпуса.

Далее Кроунгард уже рассказывал сам, рассчитывая на снисхождение со стороны Аронгары.

– Он предлагал мне очень много интересных данных по Ферверну, добытых за годы работы по своим каналам. – Халлоран указал на ноутбук. – Взамен потребовал, чтобы я обеспечил ему неприкосновенность со стороны других стран и смягчение приговора.

Он действительно был искушенным дипломатом. И шпионом, потому что уже в те годы он работал на разведку Раграна, которая планировала переворот. Для этого был выбран простейший способ – подставить правящего. Кроунгард во время одной из встреч должен был отдать ему приказ, после которого правящий станет одержим идеей усиления крови. Признаться честно, правящие семьи Раграна и впрямь были слабыми, особенно если сравнивать с Ферверном и Аронгарой.

Чего не скажешь о Кроунгарде. Он уже тогда был достаточно силен для того, чтобы сделать внушение даже ирлхлану. Помимо прочего, он вливал себе часть крови драконов, которую добывал отец Эстфардхара. Вот только для него стало полнейшей неожиданностью, что после судебного процесса его решили убрать из Раграна в Ферверн. Сопротивляться он не стал, прихватив с собой мать и сына казненного, а впоследствии избавившись от тех, кто знал о его участии в заговоре.

— У него было много источников по всему миру, к которым он обращался. Один из них подсказал бывший начальник службы безопасности отца Бенгарна. Мы пробили всю эту цепочку, параллельно раскрутили еще несколько, но в целом Эстфардхар проделал большую работу... и очень быстро. Я предлагал ему возглавить внешнюю разведку Аронгары.

— Судя по тому, что ты делишься со мной этой информацией, он отказался.

Халлоран улыбнулся.

— Да. Он планирует вернуться к тому, чем занимался всю свою жизнь.

— К кардиохирургии?

— Да.

— Ты его уже обнадежил, что у него ничего не получится?

— Он мне все равно не поверит. Пусть проверяет сам.

Халлоран этого не сказал, но я почему-то подумал, что в свете вскрывшихся обстоятельств о ситуации с его отцом, а заодно после внезапной отставки Бермайера у Эстфардхара есть все шансы занять место правящего. Особенно учитывая то, что в Рагроне правителя с такой силой никогда раньше не было.

У политики и всяких там Эстфардхаров было одно весомое преимущество: они помогали отвлечься. Хорошо помогали не думать о том, что Лаура и Лыдинка совершенно одни. Хотя одни они не были. Допуск в медицинский центр Ардена был у Роудхорна, у Даргела и у Юргарна. Недавно Роудхорн попросил о допуске для Рин, и если раньше я бы отказал, как отказал бы и отцу, и брату, сейчас сразу же подписал разрешение. Кто бы мог подумать, что именно с ней я столкнусь сразу по возвращении из Аронгары.

Рин держала Лауру за руку, но, стоило мне войти, вскочила.

– Вам вовсе не обязательно было вставать, Ринара, – прокомментировал я, приближаясь.

Улыбнулся, глядя на своих девочек: для меня это уже стало своеобразным ритуалом. Улыбнуться. Поправить одеяло. Коснуться губами тонких пальцев, и каждый раз подсознательно ожидать, что она откроет глаза. Как тогда, когда она неожиданно проснулась у меня в резиденции после двух недель сна.

Сейчас прошло уже восемнадцать дней. Восемнадцать дней, которые казались мне вечностью.

– Я пойду, – сдавленно пробормотала ее подруга и действительно подхватила сумку.

– Вы уже давно здесь?

– Минут пятнадцать.

– Куда-то торопитесь?

Она замерла.

– Нет. Просто... – Мотнула головой. – Я не думала, что это будет так. Сложно. Особенно после того, что я...

Я примерно знал, что произошло. Лаура и Рин перестали общаться, точнее, с того момента, как Лаура уехала в Рагран, она почти не общалась ни с кем из своей прежней жизни (и теперь я понимал почему), но окончательно они поругались, когда я назначил Сэфла Роудхорна начальником службы безопасности.

– Вы поссорились, – напомнил я.

– На самом деле поссорилась с ней я. Я сказала... я ей кучу всего сказала, просто думала, что так будет лучше. Что она вернется... я вообще не понимала, что творю. Я тогда была не в себе из-за того, что она так быстро уехала. Мы с ней виделись каждый день, и... Лаура была мне как сестра, а потом все так резко перевернулось. Я даже с Сэфлом ссориться начала, такое чувство, что... – Она осеклась, закусила губу. – Простите.

– Продолжайте, – сказал я. – У нас с вами много общего. Я тоже кучу всего ей сказал. Только в отличие от вас еще и сделал.

Ринара моргнула.

– Если хотите, я могу вам рассказать примерно такую же историю, только у меня нет оправдания, что я девушка. Я – мужчина, на

которого она рассчитывала, которому она доверилась и которого полюбила.

Судя по тому, что она долго молчала, у нее кончились слова. У меня тоже. Я наконец-то сказал все то, что хотел сказать. Стало легче. Самую малость.

– Но вы же... – осторожно сказала она. – Вы же ее спасли.

– От того, к чему привели мои действия?

– От того, к чему привели ваши общие действия, – хмыкнула она.

Я пожал плечами.

– Тем не менее сейчас все так.

– Сейчас все не так. Сейчас вся страна следит за новостями о ее состоянии, и не потому, что они ее боятся, а потому, что хотят, чтобы она вернулась. Все снова перестают бояться драконов и верят в то, что люди и иртханы смогут править вместе, и не номинально, как всегда было в той же Аронгаре, а по-настоящему. Благодаря вам.

Кое в чем она была права. Рейтинги, на которых так зациклена политика, сейчас были на моей стороне. И не только на моей. Благодаря совместным усилиям – моим и Халлорана, Лауру действительно не боялись. Нарботки по нейросети были переданы в руки Аронгары и Ферверна, что касается осведомленности Раграна, это предстояло решать Мировому сообществу.

– В общем, не так уж мало вы для нее сделали, – подвела итог Рин. – Я недавно прочитала интервью Эллегрин Рэгстерн... знаете, что она сказала?

Честно говоря, не имел ни малейшего понятия. С нашей встречи в Бельвенхарте и официального снятия обвинений я выпустил Эллегрин из поля зрения. Несмотря на все, что между нами было, мы оба явно не были готовы вернуться к тем отношениям, которые нас связывали в юности, или хотя бы к тем, которые были до недавних пор.

– Не представляю.

– Что она искренне сожалеет, что послужила оружием против Лауры. И что, – Рин улыбнулась, – несмотря на все ее претензии к ней, она понимает, что все ее попытки оставаться рядом с вами были обречены. Потому что такие чувства, какие связывают вас, постичь сложно.

– Эллегрин всегда умела красиво говорить.

– Вы тоже. – Рин фыркнула. – А еще вы привезли ее маму... ой.

Она прикусила язык.

Да, информация об Оррис была, мягко говоря, секретной. Но в том, что Роудхорн ей расскажет, я даже не сомневался.

– Я тут в коридорах услышала, – быстро заговорила Рин. – Случайно. Я же в белом халате и с беджем... и...

– Рин, все в порядке. Я просто уволю вашего мужа.

Глаза у нее стали просто огромные.

– Шучу.

Глаза стали еще больше.

– Если вы, разумеется, не рассказали об этом кому-то еще.

– Я? Что? Нет! Нет, я никому не рассказывала!

– Вот и хорошо.

Я приблизился к Лауре, поправил прядку ее волос. Рин сглотнула, увидев этот жест, а потом поспешно попрощалась и убежала. Впрочем, даже если бы она осталась, меня бы это не смутило. Я наклонился к Льдинке, привычно коснулся пальцами с каждым днем становящегося все более выпуклым живота.

– Привет, малыш. Соскучилась? Я – очень. Но еще больше я соскучился по твоей маме. Слышишь, Лаура?

Она не слышала.

Но я все-таки опустил ее в кресло и взял ее руку в свою.

– Она стала еще больше. Наша девочка. Арден мне показывал снимки недавно, и... Лаура, ты уверена, что хочешь все это проспать? Я бы ни за что себе такое не простил.

Я накрыл тонкие пальцы ладонью, мягко.

– Возвращайся к нам. Мы тебя очень ждем. Она тебя очень ждет.

Но больше всего тебя жду я.

– Торн! – В палату вошел Арден, и я резко поднялся. Обычно он так не входил, без стука – зная, что я здесь. – Оррис пришла в себя.

Оррис смогла говорить только на третий день. До этого Арден вообще не позволял к ней никому приближаться, кроме меня и своей команды, и, хотя Юргарна Хэдфенгера пришлось выводить из центра чуть ли не силой, его к ней мы так и не пустили. Возможно, зря.

– Вы помните, кто вы? – мягко спросил Арден.

– Да. – Голос ее был слабым.

– Назовете свое имя?

– Оррис... Хэдфенгер. – Она едва могла пошевелиться, но все-таки спросила: – Где Юргарн? Что... с нашей малышкой?

Арден коротко взглянул на меня. В представлениях Оррис не было всех этих лет, в ее памяти осталось только то, что она рожала. И что ее муж был рядом с ней, когда она потеряла сознание.

– Вы их увидите. Чуть позже. Оррис, вы знаете, что ваши роды были тяжелыми. Вы были в коме.

– Как... долго?

– Сейчас это не важно, – мягко, но решительно произнес Арден. – Важно то, что вы с нами, и то, что вы себя помните. Остальное обсудим чуть позже, а пока вам стоит отдохнуть.

– Покажите мне... мою малышку.

– Чуть позже.

Арден положил на сгиб ее локтя пластинку, и глаза Оррис закрылись. Она снова спала.

– Прогнозы хорошие, – сказал он. – Если все продолжится так, как сейчас, через месяц поставим ее на ноги. За это время я основательно изучу ее кровь, сделаю тесты, и мы подумаем, что можем сделать для Лауры.

– Двадцать один год, – сказал я.

– Что?

– Двадцать один год, Арден. Ты представляешь себе, каково это – спать двадцать один год?

– Да, адаптироваться ей будет нелегко. Но учитывая, что у нее в крови почти не осталось следов пламени, причем, когда я говорю «следов», я имею в виду именно то, что говорю.

– Я помню.

Арден рассказал, что Оррис никогда не была иртеханессой. Она даже такой, как Лаура, никогда не была. Синтезированное пламя в ее крови представляло собой какие-то вспышки, которые проявлялись и гасли на протяжении всего времени наблюдения. Но после того, как он отменил для нее определенные препараты и стал понижать дозу других, пламени становилось все меньше, меньше и меньше. Такое ощущение, что Оррис защищалась – от того, что ей пытались вводить. Арден предположил, что первоначальное ее состояние было вызвано вовсе не родами, а тем, что во время родов выброс пламени в кровь

был настолько огромный, что ее организм не справился. Чтобы защитить себя и других, Оррис просто «выключилась», а Лаура...

С Лаурой все было иначе. Пламя в ее крови только набирало силу, и, несмотря на то что ей почти ничего не вводили, состав ее крови все равно был ближе к драконьей сущности. Именно к драконьей. Даже не к сущности иртханессы.

— Ты должен ввести меня в кому.

— Что?! — Арден впервые за долгое время повысил голос.

— Ты должен ввести меня в кому, — повторил я. — То, что происходит с Оррис, не поддается никакой логике. Это необъяснимо. Мы можем потратить месяцы или годы и ничего не добиться. Между мной и Лаурой есть связь. Я вытащу ее.

— Торн, ты бредишь. — Арден рассмеялся. Немного нервно. — Твои показатели только-только немного выровнялись, а ты хочешь, чтобы я своими руками связал тебя с парой... ладно, по всем параметрам с потенциальной парой, и чтобы ты снова скатился в угасание после того, как у тебя ничего не получится?

— Арден.

— Нет. Я не буду этого делать. Этого никто никогда не делал, и это... просто безумие! Ты хоть понимаешь, о чем просишь? Ты можешь вообще оттуда не выйти.

— Не так давно ты спрашивал меня, кому я оставлю Льдинку.

— Да, а сейчас я спрашиваю тебя, кому ты оставишь Ферверн.

— Ферверн без меня справится. А мои девочки — нет.

Арден натурально взвревел:

— Нет!

— Арден, я могу приказать.

— А в случае отказа посадишь меня в тюрьму? — Лицо его стало жестким. — Валяй.

— Я не договорил. Я могу приказать, но я тебя прошу. Как друга.

Арден, явно собиравшийся сказать что-то не очень приятное, осекся. Потом все-таки произнес:

— Как твой друг, я тебе говорю: это безумие. Как врач говорю: это безумие. Как иртхан говорю: это безумие.

— А как друг Лауры?

— Если я врежу тебе второй раз, это поможет?

– Я позволю тебе врезать, если ты отправишь меня в кому и поможешь достучаться до Лауры. Сможешь даже сделать это в людном месте, и тебе за это ничего не будет.

– И-ди-от.

– Может быть. Но второй раз такого шанса уже не представится, так что решайся.

Арден покачал головой.

– Это будет не завтра, Торн. Я все равно должен все проверить. Изучить ваши мозговые волны... наблова жесь! Я вообще не представляю, как это делается.

– Будешь первооткрывателем, получишь премию и мировую известность. – Я хлопнул его по плечу и, не дожидаясь ответа, вышел.

Оставив Ардена с совершенно зверским выражением лица.

Я догадывался, что он будет продолжать меня отговаривать, и догадывался, что попробует потянуть время. Но если у него это время есть, если у всех, кого она спасла, это время есть, то у Лауры нет. Я не хочу ждать каких-то призрачных результатов исследований состояния Оррис. Я не хочу, чтобы Лаура проснулась спустя несколько месяцев, чтобы последним, что она помнила, было случившееся в пустоши.

Нет.

Это не должно быть так.

Она должна вместе со мной смотреть снимки Льдинки. Она должна улыбаться вместе со мной. Она должна прожить эти месяцы – месяцы, которые никогда больше не повторятся, самой счастливой женщиной в мире.

И я сделаю для этого все.

Я ее вытащу.

Глава 31

– Мам! Ма-ам! Я тоже хочу на «Драконий полет»!

– Тебе еще нельзя, Лаура. Ты слишком маленькая.

– Неправда! Даргелу можно, тогда почему мне нельзя?

– Дар уже взрослый. И высокий. Посмотри на эту отметку – он касается ее макушкой. Я бы очень хотела тебе помочь, доченька, но, к сожалению, нас с тобой не пустят на аттракцион даже вместе.

Я надула губы. По-хорошему, злиться на маму было не за что, но я так хотела на эту классную карусель! В парке в центре Хайрмарга, куда мы пришли вместе с мамой, папой и Даром, было очень тепло и солнечно. Для Хайрмарга такие деньки просто чудо, вот мы всей семьей и выбрались в парк.

– Хочу замороженный крем! – сказала я.

– Хорошо. Оррис, тогда ты с Даром, а я куплю Лауре замороженный крем.

– Нет! Я хочу с мамой.

Мама улыбнулась.

– Юргарн, мальчики с мальчиками, девочки с девочками. Пойдем, малыш.

Она подхватила меня на руки и понесла по дорожкам. Вокруг нас кипела жизнь, людей было столько, что не протолкнуться. Шумели карусели, отовсюду доносились голоса, визг, смех, мельтешили рекламные голограммы, приглашающие в пещеру с настоящим драконом или сделать фото на заснеженном склоне.

Если бы я могла, я бы осталась здесь навсегда!

Но все равно придется вернуться домой, а завтра может быть уже не так тепло. Потом я вырасту, и придется идти в школу, а в школе отвратительно и надо учить уроки – это меня Дар так пугал. «Скоро вырастешь и будешь учиться круглые сутки, а еще – получать баллы и люлей от учителей». Я не хотела получать люлей, поэтому сейчас крепче прижалась к маме.

С мамой хорошо. Так уютно.

Она каждый день желает мне спокойной ночи, а каждое утро я просыпаюсь от ее поцелуя и слов:

– Я люблю тебя, мой драконенок.

Это так мило! Когда я вырасту и у меня будет дочка, я тоже буду звать ее «мой драконенок»!

– А вот и замороженный крем! Какой ты хочешь?

Мама опускает меня на дорожку, из-за чего аэротележка возвышается надо мной. Продавец улыбается, и рядом вспыхивает голограмма с разным замороженным кремом, к каждому из которых можно прикоснуться и узнать, с каким он вкусом и что в составе. Мама говорит, что очень важно читать состав, и я даже немного умею читать. Мама меня учит, чтобы в школе я не получала люлей. Конечно, она так не говорит, она говорит «чтобы тебе было проще и чтобы ты получала самые высокие баллы». Она делает все, чтобы у меня была прекрасная жизнь.

Моя мама – самая замечательная!

Я тыкаю в рожки и в стаканчики, в замороженный крем на палочках и в формах в виде драконов.

– Это! – говорю я.

– Рогалик со сливочным кремом? – удивляется мама.

– У нас еще и не такое есть, – говорит продавец. И подмигивает мне.

У него суровое лицо, темные волосы и легкая небритость. А еще почему-то в глазах – самое настоящее пламя!

– Разве иртханы бывают продавцами замороженного крема? – спрашиваю я.

– Бывают. – Он протягивает мне рогалик. – Они бывают кем угодно.

На вкус как хлеб, только с замороженным кремом внутри. Но вку-у-сно!

– Спасибо! – говорю я и широко улыбаюсь.

– Спасибо, – повторяет мама.

– Приходите завтра. Я здесь все время работаю, и у меня есть самые разные рогалики.

Рогалики действительно вкусные, я даже оглядываюсь, когда мы идем по дорожке, но к продавцу уже подошли другие дети, и он на меня не смотрит. Зато на меня смотрит кое-кто другой. Я даже икаю и глотаю слишком большой кусок крема, из-за чего по горлу прокатывается ледяной комок и сразу становится холодно. От этих глаз

тоже становится холодно, они синие-синие, как вода подо льдом в мультиках.

– Ма-ам! – говорю я. – Мам, смотри, там мужчина! И он на нас смотрит.

Мама оглядывается, хмурится.

– Пойдем к папе, – говорит она и тащит меня за руку, ускоряясь.

Спустя мгновение мы почти бежим, но мне все еще холодно, несмотря на солнечный день и на то, что мы уже достаточно далеко от него. Только когда оказываемся у «Драконьего полета», я оглядываюсь, но того мужчины больше нет. Он исчез.

Ему и надо было исчезнуть, он неестественный, как выточенный из льда под теплым солнцем... и не тает же! Хотя должен растаять. Но мне показалось, что он может все заморозить здесь.

– Юргарн, пойдем домой, – говорит мама. – Здесь слишком много людей.

– Но я еще не накатался, – начинает канючить Дар. Он только что вышел с аттракциона, гордый из-за того, что у него даже не кружится голова. – И я тоже хочу замороженный крем!

– Мы купим его тебе по дороге. Пойдем.

Мама с папой переглядываются, и мы все вместе идем к выходу. Мне тоже не хочется уходить, но этот мужчина странный, и он меня пугает. Поэтому я только рада, когда мы добираемся до парковки и подходим к нашему флайсу.

– А я хочу на переднее сиденье, – снова включается Дар.

– Тебе нельзя, – говорю я. – Ты еще по возрасту не подходишь.

– Ой, много ты знаешь, малявка!

– Лаура.

Этот голос доносится отовсюду и ниоткуда, он такой, как если бы над городом включили динамики сирен и транслировали его. Я снова вижу этого мужчину, он выходит за нами из парка, и мама поспешно заталкивает меня во флайс. Мы взлетаем, но на этот раз я уже с интересом смотрю вниз. Страшным он мне больше не кажется, а вот удивительным – да. То, что он удивительный, я понимаю уже в следующее мгновение, когда мужчина начинает меняться. Лицо покрывается чешуей, вокруг вспыхивает пламя. В ледяное свечение вплетается черное, а спустя несколько минут на его месте уже стоит дракон.

Огромный красивый дракон, который так же смотрит на меня. Отталкивается и взлетает.

– Мам, мама, папа! Дар! Смотрите!

Дракон летит рядом с нами, изящно огибая встречающиеся нам на пути высоты, между которыми петляет аэромагистраль, а также другие флайсы. Этот дракон – точно не страшный, мне даже хочется к нему прикоснуться, и я тянусь, чтобы открыть окно...

– Лаура, нет! – Это голос отца. – Драконы опасны.

– Этот не страшный.

– Они все страшные, а этот – особенно.

– Но почему?

Отец хмурится.

– Потому что он может сожрать тебя! – выдает Дар.

– Мне так не кажется.

– А мне кажется!

– Дети, прекратите! – вмешивается мама. – Драконы опасны. Ими должны заниматься иртханы.

Словно в подтверждение ее слов, впереди возникают боевые флайсы, которые пропускают нас и устремляются к дракону.

– Нет! – кричу я. – Нет, не надо! Он же ничего нам не сделал!

Вдруг налетает такая буря, что из виду стирается не только дракон, но и наша приближающаяся высота. Снег валит густыми хлопьями, ветер швыряет его на лобовое стекло, заметая вокруг все и вся.

Папа поспешно сажает флайс, мы бежим по парковке.

– Вот это чудеса, да? – говорит он наигранно весело. – Снег посреди лета!

– Мы же в Ферверне, дорогой, – улыбается мама. – Тут и не такое бывает. Лаура, давай к себе, переодевайся – и спускайся обедать. Одним рогаликом сыта не будешь.

Я даже не помню, куда этот рогалик делся, но поспешно взбегаю по лестнице в свою комнату, прилипаю носом к панорамному стеклу. Снег прекратился, снова ярко светит солнце, а я все жду, когда появится дракон. Не может быть, чтобы он не появился, он ведь такой чудесный!

Но дракон все не появляется, не появляется и не появляется. Наверное, им «занялись» иртханы. Я вздыхаю, переодеваюсь в

домашнее платье и иду обедать. День проходит как обычно: папа работает, мама занимается домашними делами, а после тренируется на коврике – у нее зимой соревнования, и она каждый день должна держать себя в форме. Она учит и меня кататься на коньках, поэтому, когда я вырасту, я буду танцевать, как она. На льду.

А пока я сижу рядом и стараюсь повторять ее движения.

– Не хочешь посмотреть мультики с Даром?

– Нет! Я хочу с тобой.

– Тогда чуть попозже, дорогая.

После занятий мама читает книжку, а я сплю рядом с ней, свернувшись калачиком. Вообще-то спать мне положено у себя в комнате, но мама не возражает. Во сне я вижу какие-то странные горы, а за моей спиной – крылья. Меня швыряет порывами ветра, ночь все темнее, темнее и темнее...

– Драконенок! Пора ужинать и смотреть мультики. Если будешь так долго спать, ночью вообще не сомкнешь глаз.

– Ты же помнишь, что было на прошлой неделе? – К нам подходит папа.

Да, я помнила, что случилось на прошлой неделе. Я так же заснула рядом с мамой, и мне приснился кошмар, в котором черные драконы выходили из воды, а какой-то страшный иртвахан стрелял в людей и убивал драконов. Я даже не поняла, что это значит, но проплакала весь вечер, а потом всю ночь не спала. Мама сидела со мной и читала мне сказки про красивую любовь дракона и иртваханессы с запертым пламенем.

На следующий день я уже больше не вспоминала про этот кошмар и, разумеется, такого повторения не хотела. Поэтому сейчас я с радостью пошла ужинать, а после смотреть мультики про приключения виаренка и драконенка. Это были мои любимые!

После ужина и мультиков мы вместе немного поиграли в «Драконландию» – настольную игру, в которой нужно было бросать электронные фишки и в зависимости от того, что тебе выпало, передвигаться между городами. Главное было не попадать в пустошь! Если ты попадала в пустошь, то лишалась всех очков, и с тобой там могло случиться все, что угодно: например, если оказаться в пещере драконов, то, в зависимости от выпавшей фишки, тебя могли сожрать.

После игры я пошла умываться и чистить зубы, но, когда возвращала щетку на место, снова услышала:

– Лаура.

Этот низкий, глубокий голос заставил меня подпрыгнуть на месте и растерянно обернуться.

– Лаура. Я здесь. Подойди к окну.

Я осторожно выглянула из ванной: дракон, который сопровождал наш флайс, вернулся! Он парит рядом с моим окном, раскинув огромные крылья, а взгляд – эту синеву точно ни с чем не спутаешь – взгляд, такой... человеческий, точнее, иртышский! Совсем как у того мужчины!

– Кто ты такой? – спрашиваю я, приближаясь.

– Торн.

– Торн?

– Ты меня знаешь.

– Нет. Я тебя не знаю.

– Знаешь. Ты просто забыла.

Я моргаю. О чем он говорит? Что я забыла?!

– Ты давно уже не маленькая девочка, Лаура.

Я качаю головой, а потом грожу ему пальцем.

– Нет! Ты смешной! Разумеется, я маленькая девочка, кто же еще?

– Ты прекрасная женщина, у которой скоро будет дочь.

Это даже звучит смешно!

Но я все-таки подхожу ближе.

– Докажи!

– Для этого ты должна меня впустить.

– Ты же дракон! Можешь войти сам.

– Нет. Ты меня не пускаешь.

Станный он. Я отхожу чуть подальше и складываю руки на груди.

– Я тебе не верю.

Дракон прикрывает глаза, а потом разворачивается. Стремительно уходит вверх. Потом так же резко падает вниз и устремляется в сторону моего окна. От неожиданности я визжу, потому что, когда он врежется, наш дом просто развалится на части, но... ничего не происходит. Дракон просто ударяется о стекло, на котором нет ни единой трещины. Ни одной крохотульной трещинки, даже

малюсенькой! Больше того, такое хрупкое на вид стекло даже не дрогнуло.

– Ого, – говорю я. – Значит, я действительно могу тебя не пустить?

– Только ты можешь меня впустить, Лаура.

Говорящий дракон! Это все странно. Но все-таки...

– Хорошо, вхо...

– Лаура, нет! – В комнату влетает мама. – Нет, отойди от окна, немедленно!

Я оборачиваюсь:

– Мама, он не злой.

– Разумеется, он злой! Он причинил тебе много боли и причинит еще больше, если ты сейчас позволишь ему приблизиться.

Я хмурюсь. Почему-то этот дракон не ассоциируется у меня с опасностью или злом. Вот тот мужчина, который мне снился и из-за которого я плакала – да. А этот – нет.

– Я хочу послушать, что он мне скажет.

– Все, что он говорит, – ложь. – Мама хватается меня на руки и тащит из комнаты. – Пойдем, Лаура. Тебе пора спать.

– Лаур-р-р-р-рааааааа!

От его рычания содрогается что-то внутри, и мне вдруг становится больно. Настолько больно, как когда обжигаешь палец, только в десять раз сильнее. А может быть, даже в сто!

– Если ты сейчас уйдешь, – рычит он, – я могу больше никогда тебя не увидеть! Пожалуйста, Лаура! Пожалуйста! Не уходи!

Дверь спальни мама захлопывает ногой, а после ставит меня на пол.

– Никогда больше не говори с этим драконом, – произносит она. – Ты слышишь меня? Никогда, Лаура!

– Почему?!

Мне все еще больно, сейчас мне еще больнее. Я представляю, как он там бьется, за этой дверью, совсем один. Почему мне так страшно при мысли об этом?

– Потому что, – перебивает мои мысли мама, – если ты будешь с ним говорить, мы все исчезнем.

– Куда?

– Далеко-далеко. И никогда не сможем вернуться.

– Но почему?

– Не почему. Просто так будет – и все. Ты же этого не хочешь? Тебе ведь хорошо с нами, здесь? У нас такая чудесная семья. Мы все вместе. Мы любим друг друга и заботимся друг о друге. Что тебе еще нужно?

Мама заглядывает мне в глаза, но у меня в мыслях все еще звучит голос: «Ты прекрасная женщина, у которой скоро будет дочь». В сердце ударяет странное чувство. Еще более странное, когда я вспоминаю его рычание, как он зовет меня. Зовет так, будто от этого зависит все, если не больше, но, если я вернусь к нему, мама, папа и Даргел исчезнут.

– Они ненастоящие, Лаура, – звучит еле слышно в моей голове его голос. – Ты их придумала. Твои родители и твой брат – они ждут тебя. Но не здесь.

– Уходи! – кричу я, зажимая уши руками. – Уходи! Я хочу, чтобы ты ушел!

От моего крика содрогаются стены, хотя я знаю, что не хочу, чтобы он уходил, внутри меня все переворачивается. По красивым обоям идут трещины, декоративные кирпичики стены выскакивают один за другим, рассыпаются крошкой.

– Нет! – кричит мама. – Лаура, нет!

Она тянет ко мне руку, которая начинает таять.

«Твои родители и твой брат – они ждут тебя. Но не здесь».

Я судорожно вздыхаю, рывком дергаю на себя шатающуюся дверь и влетаю в комнату.

– Помоги мне! – кричу изо всех сил, слезы текут по щекам. – Помоги мне! Защити их!!!

Дракон врывается в комнату. На этот раз все действительно рушится. С лязгом и грохотом обрушиваются балки, стекло осыпается, грозя накрыть меня крошкой колючего дождя, но... не накрывает. Меня закрывают собой мощные крылья, в которых я словно в коконе. Дракон закрывает меня собой, окутывая не только крыльями, но и пламенем.

В голове взрывается бомба.

Я вижу, как стирается детство моей мечты. Как обрушивается потолок. Как рамка семейной фотографии идет трещинами и разлетается острыми гранями. Стирается все, что только что было

реальным, взамен него приходят холод и боль. Снег. Простыня льда подо мной. Драконы, парящие в небе и нападающие на Торна.

И тоненький пульс внутри.

– Прости, Льдинка...

Я резко открываю глаза. Дыхания не хватает, перед глазами все плывет, я не могу сфокусировать взгляд, не могу даже самостоятельно сделать вдох, а в следующее мгновение надо мной склоняются. Арден.

– Тихо, Лаура. Тихо. Все хорошо.

Его голос звучит глухо и будто издалека. Я хочу вытолкнуть имя: Торн – но на мне маска.

– Лаура. Торн здесь. Рядом с тобой.

Он будто читает мои мысли.

Я не могу даже толком повернуть голову, поэтому только сдвигаю взгляд. Торн действительно рядом со мной, моя рука – в его ладонях. Он тоже подключен к аппаратуре, и в тот момент, когда я это осознаю, он открывает глаза.

Глава 32

– Все показатели в норме. Пламя стабильное. Изменений в ДНК тоже больше нет. – Арден произнес это, глядя на меня с улыбкой. – Поздравляю, Лаура. Теперь ты официально неизученное нечто, которому предстоит сделать свой вклад в науку.

Я фыркнула, хотя Ардену светило раствориться в воздухе под взглядом Торна. Он категорически не понимал шуток в отношении меня и моей особенной ситуации, а я... я просто была рада его видеть. Мое первое пробуждение оказалось слишком коротким, в следующий раз я проснулась, уже когда открылась крышка капсулы гибернации. Торн стоял рядом, и первое, что он сделал, – взял мою руку в свою.

– Я сходил без тебя с ума, – произнес он.

– Со мной тоже, – слабо улыбнулась я.

Он наклонился и притянул меня к себе, сжимая в объятиях.

Чуть позже я узнала, что вытащил меня именно он. Оказавшись в моем сознании, Торн помог мне найти выход из идеального детства, которое себе сочинила я.

– Это защитный механизм психики, – объяснил Арден. – Когда после сильного потрясения ты закрываешься в идеальном мире, чтобы не сойти с ума.

– Получается, я придумала себе идеальное детство?

– Получается, что так. Это твоя картина идеального мира. То, что ты, по всей видимости, неоднократно проживала в сознании, когда была маленькой, или как представляла себе свое детство с мамой, когда стала взрослой. Там было проще всего спрятаться.

– Но почему я хотела спрятаться? – удивилась я. – У меня же здесь Льдинка и Торн.

– А вот это тебе лучше спросить у себя самой. – Арден взглянул на Торна. – Пожалуй, оставлю вас одних.

Он вышел, а Торн подхватил меня на руки, вытащил из капсулы гибернации и устроился вместе со мной в кресле. Какое-то время мы просто молчали. Мне казалось, что в этом молчании было гораздо больше слов, чем я вообще смогла бы произнести, и еще больше чувств. Мне нравилось вот так просто сидеть у него на руках,

чувствовать биение его сердца под ладонью и слышать, как ему вторят мое и Льдинкино.

Хотя последнее я скорее ощущала и никак не могла себя заставить перестать на нем концентрироваться. Несмотря на то что Арден мне все показал, все снимки, рассказал, что с ней все в порядке и что Льдинке вполне уютно рядом со мной, я все равно ее слушала. Снова и снова. Снова и снова. Снова и снова.

— Как я могла... так... Просто не хотеть просыпаться, хотя... что я за мать такая?!

Торн поцеловал меня в макушку.

— Давай договоримся, что с этого дня мы не возвращаемся к прошлому.

— Но я...

— Потому что тогда мне придется задаться вопросом, как мне исправить то, что ты захотела от меня сбежать. Снова.

— Что?! Нет! Я не хотела...

— Лаура, я шучу. — Он коснулся моего подбородка пальцами и заглянул мне в глаза. — Но я не хочу никогда больше от тебя слышать «Что я за мать» или что-то в том же духе. Ты самая прекрасная женщина, которую я знаю, и будешь самой прекрасной мамой на свете. Достаточно было посмотреть на то, какой ты создала образ семьи.

Я слегка покраснела.

— Как тебе вообще пришло в голову?! Пойти за мной — в кому?!

— За тобой я пойду куда угодно. Запомни это.

Я сглотнула неизвестно откуда взявшийся в горле ком.

— Ты пережила такое, что способно было свести с ума даже отлично прокачанного военного с высшим уровнем ментальной подготовки. Поэтому больше не вздумай в чем-то себя обвинять. Тем более в том, что ты бросила Льдинку. Или меня.

Торн погладил меня по щеке и плотнее прижал к себе. Судорожно вздохнул.

— Я хочу, чтобы ты знала. До тебя я не позволял себе чувствовать. Рядом с тобой перевернулась вся моя жизнь, поэтому, пока меня основательно бултыхало и трясло, я успел наделать и наговорить всякого. Это наше общее прошлое, которого не отменить, но наше общее будущее будет другим. Таким, каким мы создадим его вместе.

Теперь уже судорожно вздохнула я.

– Торн. Подожди, пожалуйста. Мне достаточно того, что ты просто здесь, рядом со мной. Когда ты говоришь такое, трести и бултыхать начинает уже меня, и я... я тоже боюсь наговорить всякого. Поэтому давай сейчас просто побудем вместе. И помолчим.

Он кивнул. Улыбнулся. Притянул меня к себе, скользнув колючим подбородком по скуле, и я закрыла глаза. Мне действительно было этого достаточно. Настолько достаточно, что от переизбытка чувств меня потряхивало. Бросало то в жар, то в холод. Я не могла с ними справиться, с таким потоком, и просто забывала как дышать.

Торн пошел за мной. В кому.

Он вытащил меня. Хотя сам просто-напросто мог не проснуться.

«За тобой я пойду куда угодно».

Почему я вообще от него убежала? Тогда, в Рагран? Сейчас это казалось невероятной глупостью, но сейчас я видела и знала гораздо больше. Он сказал, что я прошла через то, что не под силу даже обученным военным, но мы вместе преодолели столько всего, что в голове не укладывалось. Меня несло в мыслях и чувствах, я даже остановиться не могла, а поймала себя уже на том, что беззвучно плачу.

– Ты намочила мне рубашку, – заметил Торн, хотя заметил он это гораздо раньше. Он гладил меня по голове уже пару минут, и эти прикосновения только добавляли сводящих с ума эмоций.

– Я подарю тебе новую.

– Мне и в этой хорошо.

Не знаю, сколько мы так сидели. Возможно, час или два, пока к нам не постучались Арден с ассистентами. Они взяли у меня анализы, замеры показатели, и Торн наконец-то отпустил меня в душ. Отпустил весьма относительно: он меня туда отнес, а потом, дождавшись, пока я завернусь в халат и полотенце, отнес в палату.

Последнее, что я видела, когда Арден наклеивал мне пластинку снотворного, это улыбку Торна. Последнее, что услышала:

– Я буду рядом.

Он действительно был рядом, когда я просыпалась и когда засыпала. Мы вместе ели, хотя кормили меня очень помалу – я слишком долго была без сознания, и мне нужно было заново привыкать не только к тому, как самостоятельно двигаться, но и к еде,

и даже к воде. Торн понемногу рассказывал о том, что произошло в мире. Очень понемногу, крайне дозированно.

О том, что города не пострадали – я успела прервать атаку через нейросеть раньше.

О том, что Бен жив, а его отчим предстанет перед судом Мирового сообщества. О том, что он хотел стать спасителем мира и все стрелки по нейросети и бесчеловечной атаке перевести на Бена, как однажды сделал с его отцом. О том, что Кроунгард Эстфардхар получал кровь драконов от других. О том, что он использовал Лодингера, потому что имел дела с его отцом и подумал, что горящий ненавистью к иртханам Микас – отличное оружие. В точности так же, как я.

Как и сказал Бен, Кроунгард действительно все делал чужими руками. Даже кровь глубоководного, которую правительство Ферверна добывало для экспериментов, впоследствии избавившись и от дракона, которому не повезло, и от агентов спецслужб, которые этим занимались, он получил через свои каналы. Впоследствии именно это синтезированное пламя он протестировал на Лодингере.

Впрочем, о Лодингере мы поговорили один раз и вскользь, и то исключительно потому, что я пообещала, что не отстану. Торн старался по возможности избегать острых тем.

В основном мы вместе рассматривали снимки Льдинки и говорили о ней. Раньше я даже представить не могла, что этот мужчина может смотреть на монитор УЗИ с таким выражением лица – крайне сосредоточенно, внимательно и в то же время с совершенно несвойственной ему нежностью. То, что у нас Льдинка, теперь уже установленный факт, поэтому, пока Арден отказывался отпускать меня из центра, мы обсуждали, что ей понадобится уже в самом скором времени.

Распашонки. Пинетки. Крохотные носочки. Платица.

Я просто не представляла, что существует столько всего красивого для малышей! Одних моделей кроваток я, наверное, пересмотрела штук пятьсот, а потом Торн забрал у меня ноутбук и сказал, что у меня покраснели глаза. Если честно, они действительно покраснели, и я даже не догадывалась, от слез или от пересмотренных кроваток.

Благодаря гистерии и терапии Ардена восстанавливалась я быстро. Много спала. Четыре раза в день ходила на процедуры.

Так продолжалось около недели, и, несмотря на мои просьбы, Арден никого, кроме Торна, ко мне не пускал. Он говорил, что после случившегося лишние эмоции мне точно ни к чему и что мое пламя нестабильно. И вот сегодня наконец-то сказал хоть что-то другое!

– Значит, неизученное нечто наконец-то может увидеть родных? – спросила я.

Арден хмыкнул.

– Неизученное нечто теперь может все. И да, Торн, скоро можно будет переехать в резиденцию.

– Или ко мне в пентхаус. Куда ты хочешь, Лаура?

Это было несколько неожиданно. Особенно учитывая то, что раньше Торн вообще не спрашивал, куда я хочу. Я просто оказывалась в пентхаусе. Или в резиденции.

– У меня есть время подумать?

– Несколько дней точно, – сказал Арден. – Посещения открыты, так что...

Он не договорил. Вышел.

Я сидела в кресле, поэтому Торн опустился рядом со мной, взял мои руки в свои.

– Я хочу увидеть Даргела, – сказала я. – Первым. И Рин.

Он говорил, что Рин приходила и что она сказала ему, и, хотя я все еще на нее злилась – вот просто ничего не могла с собой поделать, – увидеть ее я хотела больше всего на свете. У меня была сестра, Сильви, но гораздо больше моей сестрой была Рин. Если мы и родились в разных семьях, это ничего не значило. Та ситуация, которая привела к нашей размолвке, сейчас тоже осталась в прошлом. Ну а позлиться про себя мне никто не мешал, так что к тому времени, когда она приедет, я уже точно буду рада ее видеть.

– Хорошо, – кивнул Торн. – Значит, с них и начнем. Но до встречи с ними, думаю, тебе стоит поговорить кое с кем еще.

– С кем?!

Он коснулся коммуникатора:

– Пригласите ее, пожалуйста.

– Ее? Торн? – Я вопросительно смотрела на него, но он ничего не ответил. Только загадочно улыбнулся, настолько загадочно, что узнать все немедленно захотелось еще больше.

Долго ждать не пришлось.

Пока я придумывала, что бы такого сказать, чтобы расколоть эту ледяную скалу, дверь открылась. Я невольно обернулась на тихие шаги и замерла.

Передо мной стояла моя мама.

– Ма-ам? – тихо спросила я.

Из-за того, что тихо, получилось: «Мм...»

Наверное, так чувствуют себя люди, которых с размаху ударили по голове. Несмотря на то что в моей жизни много всякого случилось за последнее время, с размаху по голове меня не били.

– Я вас оставлю. – Торн кивнул на дверь. – Если что, я рядом.

Мне оставалось только моргать, глядя, как женщина из моих снов приближается ко мне. Сколько раз я смотрела на нее на фото? Сколько раз, глядя в эти глаза – в глаза на фото – смеющиеся, счастливые, я представляла, как все могло бы быть?

– Лаура. – Она подошла. Опустилась во второе кресло: несколько неловко, как мне показалось.

Такая худенькая. С короткой стрижкой.

В глазах – таких знакомых, на фото лучащихся счастьем – сейчас был только немой вопрос. И легкая настороженность.

– Меня нашел Торн. – Мама кивнула на дверь. – Оказывается, меня держали в искусственной коме в Рагране. Больше двадцати лет.

Я молчала. Как и что можно сказать матери, которую ждала всю свою жизнь? Я даже не верила до конца, что не сплю. Что это не продолжение моего сна для успокоения подсознания. Просто в этом сне Торн нашел маму, а дальше мы все заживем счастливо. У нас родится Льдинка, а на самом деле...

Я прервала поток суматошных мыслей, ущипнув себя за руку. Достаточно больно. Рука обиделась, и на ней появился синяк.

– Когда я пришла в себя, здесь, мне не сразу рассказали, что прошло столько лет. Когда рассказали... было сложно. Очень сложно. Но потом мне показали тебя.

– Меня в коме?! – Я что-то сильно засомневалась в умственных способностях того, кто это сделал.

– Нет, конечно. – Мама улыбнулась. – Мне показали твои фото. Рассказали о том, что случилось. О том, что ты...

Она кивнула на мой живот.

– Сказали, что ты проходишь курс реабилитации и что пока тебя увидеть нельзя. Всю правду я узнала только после того, как Торн тебя вытащил.

Моя мама называет Торна... Торном. Моя мама!

Остановите планету, у меня голова кружится.

– Я не знала, что почувствую, когда тебя увижу, – призналась она. – Я безумно ждала тебя, Лаура. Безумно хотела поддержать тебя на руках. Приложить к груди... Поэтому, когда я узнала, что ты взрослая... что столько всего случилось...

Я глубоко вздохнула.

– Мам. Я так рада тебя видеть.

Собиравшаяся было продолжить мама осеклась, я же начала говорить. Поспешно, потому что боялась, что у меня снова закончатся слова.

– Мам, я не представляла, что такое возможно. Когда Торн пообещал тебя найти, я поверила ему, но я не представляла... я не верила, что смогу вот так с тобой говорить. – Я сцепила руки, потом разомкнула их. – Я всю жизнь ждала этого дня, а теперь, когда он настал... я не знаю, что говорить и что делать.

В глазах матери сверкнули слезы.

– Я тоже не знаю, доченька.

– Может... тогда и не стоит?

Мы поднялись одновременно. Шагнули друг к другу. Обнялись.

Неловко.

Я могла себе представлять в самых смелых мечтах и фантазиях, как случается чудо – представлять в детстве, когда открыто, всем сердцем веришь в чудеса. Как открывается дверь и мама приходит. Говорит, что случилась ошибка. Что в больнице погибла не она. В детских фантазиях было много всего. Настолько глубоко спрятанного, что мое подсознание выдало даже идеальную семью, в которой не было места ни Сильви, ни Ингрид. Но, разумеется, даже в этих мечтах не было первого неуверенного прикосновения.

К самой близкой и родной женщине, к моей мамочке, которую я вижу впервые в жизни.

– Мам, – всхлипнула я совершенно по-детски. Повторила: – Мам.

И разревелась.

Я никогда не позволяла себе плакать так, чтобы слезы ручьем текли по щекам, всхлипывая как ребенок, но сейчас чем крепче она меня обнимала, чем нежнее гладила по спине, тем больше было слез. Кажется, настолько много, что я ее напугала.

– Лаура, – растерянно произнесла она. – Лаура, солнышко мое, не плачь. Пожалуйста. Тебе же нельзя волноваться.

– Хорошо, – сказала я. – Не буду.

И заревела еще громче.

Так громко, что кто-то открыл дверь палаты, но тут же снова закрыл.

Спустя минут десять мы сидели на моей постели, точнее, на том, что ею являлось в последнее время. Я больше не плакала, хотя продолжала всхлипывать, а мама с каждой минутой все больше становилась моей мамой. Исчезла настороженность и неуверенность, в глазах снова появился свет счастья. Такой, каким я его помнила.

– Я так боялась, что у нас ничего не получится, – тихо сказала она.

Я взяла ее тонкую руку в свою.

– Как у нас могло ничего не получиться?

– Мы обе... слишком долго были друг без друга. Хотя для меня прошел один миг.

– Один миг?!

– Да. Я проваливалась во тьму, когда просила спасти тебя, а очнулась, когда надо мной склонялись Арден и его врачи. Я даже не сразу поняла, что случилось. Подумала, что просто сменился медперсонал после того, как я потеряла сознание. Испугалась за тебя, потому что не слышала крика. И Юргарна не было рядом...

Я замерла. О чем ей рассказали Торн и Арден? И... если они ей не сказали, то...

– Мне все известно. – Мама улыбнулась.

– Ты...

– Все в порядке, Лаура. Я понимаю, что нельзя десятилетиями ждать ту, кто может не проснуться.

Торн бы ждал, подумала я. Хотя, возможно, я ошибаюсь.

– Рада, что у тебя была семья. Что была женщина, которой не все равно, как моя девочка выглядит, и которая могла тебя поддержать. По-женски. Я рада, что у тебя все хорошо. И хотя об этом достаточно

странно говорить – потому что мамой во второй раз я стала относительно недавно – рада, что скоро стану бабушкой.

Я икнула.

– А я, кажется, не готова стать мамой.

– Еще как готова. Торн мне рассказывал, сколько всего ты сделала для Льдинки. Он вообще мировой мужчина, этот твой Торн.

Мировой мужчина – это про него, да. Но у меня всего один вопрос: что еще Торн рассказывал? Потому что моя мама, кажется, в него влюблена. Как в будущего... гм...

– Ты виделась с Даргелом? – решила быстренько сменить тему.

– Да, он приходит ко мне постоянно. Сказал, что скоро собирается жениться, и обещал познакомить меня со своей невестой. – Мама покачала головой. – Все это определенно очень странно. Но, думаю, я привыкну. Потому что у меня самые чудесные в мире дети.

Я чуть не брякнула «Это потому что мы давно не виделись», но вовремя прикусила язык, решив, что даже нервозность не оправдание для такой идиотской шутки.

– Что говорит Арден?

– Что я почти полностью пришла в себя. Конечно, еще с месяц придется походить на процедуры и полежать под капельницами – в организме накопилось много всякой дряни, которой меня пичкали, а потом меня отпустят на волю.

С моих губ все-таки сорвался смешок.

– Тебе здесь не нравится? Это самый навороченный медицинский центр Хаймарга.

– Да, разумеется. Но мне бы хотелось гулять по городу, а не по местным восстановительным залам и процедурным кабинетам.

Я притянула ее к себе.

– Я покажу тебе город, – пообещала я. – Как только Арден скажет, что ты готова, мы побываем в каждом моем любимом уголке. Я все-все-все тебе покажу, как он изменился за это время. А еще мы все вместе сходим в парк.

– В парк? – Мама приподняла брови.

– Да, на аттракционы. Ты, я и Даргел.

– Тебе сейчас только на аттракционы. – Мама коснулась моего живота.

– Ой.

– Ой. Так что с аттракционами придется подождать, а вот твои любимые места я посмотрю с удовольствием.

Я зажмурилась. Все это было настолько нереально, что даже страшно было их открывать. Но я все-таки открыла и увидела, что мама по-прежнему рядом. Обнимает меня. Это было так чудесно, что Льдинка сразу же отозвалась искорками пламени. Я успела убрать руки и увидела, как с покрывшихся инеем подушечек сорвалось несколько вспышек.

Добрых. И теплых.

– Что это? – удивилась мама.

– Значит, об этом Торн тебе не сказал? – улыбнулась я и добавила: – Твоя внучка с тобой поздоровалась.

Глава 33

– Куда? – поинтересовались грозно, когда я попыталась сползти с постели.

– В душ? – предположила я. – В туалет? Какой ответ тебя точно устроит?

– Например: не хочу от тебя никуда уходить. Но если в туалет, то можно.

Торн разжал руки, а я все-таки не выдержала. Фыркнула. Обернулась. Дракон номер один лежал, подперев подбородок рукой, и разглядывал меня. Так разглядывал, что я, даже несмотря на тонкую сорочку с мягким кружевом, почувствовала себя раздетой. Учítывая, что это была моя первая ночь не в медицинском центре Ардена, у нас вчера ничего не было. Меня привезли домой, я приняла душ, переоделась и заползла в постель. Минут через десять ко мне пришел Торн, но я успела только обхватить обнимающую меня руку и тут же отключилась.

Эмоций в последние дни и правда было слишком много.

Мама, Рин, Сэфл, Даргел и Мелори. Далеко не все разговоры были простыми хотя бы потому, что чувств было столько, что Лыдинка начинала искрить. Как ни странно, я сама не искрила. Арден сказал, что нейросеть, которую активировали через меня, черное пламя, а также последующее погружение в спасительный сон-кому и выход из него стали той цепочкой, которые помогли мне стабилизироваться. Немалую роль в этом сыграло то, что я сама смогла справиться с проходящей через меня силой и отменить атаку.

– Кома помогла тебе остаться в живых. И в своем уме. Слишком большая нагрузка на твою психику привела бы к тому, что, даже будучи абсолютно здоровой физически, ты могла просто-напросто сойти с ума.

– Как нам всем повезло, что я не сошла.

– И не говори. – Арден улыбнулся.

– Что может означать то, что во сне я не хотела идти к Торну? Или, например, боевые флайсы?

– Это все защитная реакция твоего подсознания, Лаура. Твое недоверие к нему.

– Нет. Я ему доверяю.

– Не до конца. – Арден покачал головой. – Иначе бы этого всего не было.

– Я не понимаю...

– Твое подсознание говорит за тебя. Какая-то часть тебя все еще его боится. Но это уже вопрос не ко мне, а вообще я бы посоветовал тебе лучше во всем разобраться. Он, между прочим, спас не только тебя, но и Эллегрин. И Ферверн.

К этой теме мы с Арденом больше не возвращались, но я все равно прокручивала в голове его слова. Он собирался изучать наше слияние на бессознательном уровне – разумеется, по тем материалам, которые уже у него имелись. То, что Торн рисковал, когда шел за мной, я уже знала, но не представляла насколько. Погружение в искусственную кому – это один момент, вторым была настройка мозговых волн на такую частоту, в которой он мог бы достучаться до моего бессознательного. Да, у нас было слияние сознаний, но слияние бессознательного – совершенно иной уровень. Такого наша история еще не знала, а если и знала, то забыла, потому что в летописях со времен первого иртехана и до наших дней ничего подобного просто не было.

– Что? В туалет ты уже не хочешь? – Голос Торна выдернул меня из размышлений. Какой-то слишком веселый голос. Совершенно ему несвойственный.

– Ты выглядишь подозрительно...

– Подозрительно?

– Не так, как обычно. Совсем не похож на Дракона номер один.

– Меня подменили коварные недруги.

Я нахмурилась.

– Не смешно.

– Лаура, – он притянул меня к себе, – ты спала со мной. Счастливая. Тебе ничто не угрожает. Ты больше от меня не шарахаешься. И у меня первый за... – Он прищурился. – Я не помню за сколько уже дней выходной. День, который я могу провести с тобой. Поэтому я просто счастлив.

– Хорошо, – сказала я. – Так и запишем. Когда Дракон номер один счастлив, он сам на себя не похож.

– Вместо того чтобы что-то писать, лучше поцелуй меня.

– И что мне за это будет?

Торн коротко рыкнул, и я сама не заметила, как оказалась на простыне, под ним. В следующее мгновение меня уже целовали так, что я забыла обо всем. В том числе и о том, что собиралась куда-то идти.

– Это было нечестно, – сказала я, когда Торн уже нес меня в душ. Разумеется, без сорочки, она осталась лежать на постели.

– Что именно? – уточнил он.

– Нападение без предупреждения.

– Нападение, значит? Так и запишем.

Я улыбнулась.

– Вместо того чтобы что-то писать, лучше поцелуй меня.

– Я так и знал, что у тебя хорошая память. – Меня поставили в душевую кабину. – И что мне за это будет?

Я легонько цапнула его за губу. Действительно легонько, просто захотелось похулиганить. В результате этого хулиганства мы застряли в душе еще минут на сорок: за это время стекло кабины несколько раз покрылось инеем, а под потолком не переставая клубилось сливающееся воедино мое и его пламя – ледяное и фиолетовое. Когда я в очередной раз содрогалась в его руках, у меня уже дрожали ноги и подгибались колени. Обжигающий холод и дымящаяся вода контрастом скользили по обнаженной коже, и я, судорожно вздохнув, заглянула Торну в глаза.

– Ты намерен весь свой выходной провести так?

– По-моему, план отличный. Но у меня было еще несколько идей.

Я приподняла брови.

– Это сюрприз, Лаура.

Тающая над нами дымка сливающегося пламени окутала дверцы и растворилась окончательно.

– Хорошо. Сюрприз так сюрприз. – Я вспомнила слова Ардена про свое бессознательное и решила, что не хочу задавать вопросы.

Я хочу доверять этому мужчине, как себе. Я хочу, чтобы он это чувствовал.

– Первым пунктом в плане питательный завтрак, – сообщил Торн, когда я сушила волосы. – Как у тебя получается выглядеть такой соблазнительной в махровом халате и мягких тапочках?

Я чуть не выронила фен.

– Торн, а у тебя есть режим «не читать мысли Лауры»?

– Подозреваю, что этот режим включится, когда мы станем парой.

– Па... – Я чуть не выронила фен повторно.

– Если ты хочешь, разумеется.

Подозреваю, что у меня было очень говорящее выражение лица, потому что Торн притянул меня к себе.

– Лаура, наш случай особенный. Арден говорит, что, будь у него такая возможность, он бы посадил нас под колпак и изучал, изучал, изучал. Но он же предполагает, что все наши слияния сознаний и прочее происходят именно потому, что наши сущности стремятся стать парой, а поскольку они не могут этого добиться, проявляется это вот таким интересным образом.

– То есть твой дракон хочет мою драконицу в пары и поэтому – что?

– Поэтому он проникает в нее...

Я покраснела, Торн хмыкнул.

– ...Во всех смыслах. В том числе и в мысли, чтобы иметь возможность тебя защитить в случае опасности.

– Хорошо, я согласна, – быстро сказала я.

– Согласна на что?

– Стать парой. Но если чтение мыслей не прекратится даже после этого, я начну думать про мультики, и ты сойдешь с ума.

– Про мультики я уже достаточно насмотрелся. Кстати, после второго пункта моего плана поедem забирать Гринни и Верража.

Я, настроившись на серьезный разговор про пару, на всякий случай вернула фен на держатель.

– Куда забирать? – уточнила.

– Сюда.

– Но Верражу сюда нельзя. Здесь же щиты и...

– Сегодня в полдень щиты будут отключены.

Я уселась на раковину. На всякий случай. Мало ли что еще Торн сейчас скажет.

– Ты же был против.

– Я был против многого. – Торн сел рядом со мной. – Не сказать, что это сделало меня счастливым. Что касается драконов, щиты создают излишнее напряжение между драконами и людьми. Драконы не станут нападать без причины, а причин я им больше не оставляю.

То, что усиливается служба безопасности и ведутся основательные работы в пустошах по созданию смотровых колец и дополнительному видеонаблюдению, я знала – об этом Торн мне уже рассказал. Равно как и о том, что под наблюдение берется все побережье, с которого так или иначе можно подобраться к глубоководным.

– Ты будешь защищать драконов от людей?

Он усмехнулся.

– Это моя обязанность.

– По-моему, в мире все немного иначе подается.

– Это устаревшая информация. Мир меняется, Лаура. Ничего уже не будет как прежде.

Здесь я не могла не согласиться. Начиная с того, что реализовалось во мне, и выхода глубоководных к людям и иртханам, и заканчивая реформой. Вскоре должны были состояться повторные выборы на соправителя со стороны людей. Как воспринял эту новость отец, я не знала: он не появлялся ни у меня, ни у мамы. Даргел рассказал, что он разводится с Ингрид и что Ингрид и Сильви переезжают в Аронгару теперь уже навсегда. Ни мачеха, ни сестра тоже не изъявили желания меня видеть, но в этом у нас была полная и безоговорочная взаимность.

Иногда родственники – это просто родственники. И только.

– Ладно, – сказала я, слегка «переварив» новость про щиты, – сюрприз удался.

– Это не сюрприз. – Торн подтянул меня к себе. – Пойдем завтракать?

Стол был уже накрыт, и у меня просто глаза разбежались от количества блюд.

– Если скажешь, что ты сам это готовил...

– Не скажу, – заверил меня Торн, – то, что я готовлю, есть можно исключительно от безвыходности. Все сделала домработница, с которой я тебя познакомлю в ближайшее время.

Это было очень странно: вот так спокойно с ним завтракать. Учитывая, что за все время наших отношений уютных моментов у нас было раз-два и обчелся, я чувствовала себя не в своей тарелке. Именно поэтому на тарелке и сосредоточилась, а еще – на том, как Торн наливает мне кофе.

На его длинных красивых пальцах.

– Ты что-то подозрительно тихая, Лаура.

– Для меня это странно, – честно призналась я. – Вот так с тобой завтракать. По-домашнему.

– Для меня тоже. Будем привыкать вместе?

Я заставила себя посмотреть ему в глаза и кивнула.

– Будем.

– Ты самая странная женщина из всех, кого я знаю. В душе ты не стеснялась...

Я швырнула в него салфеткой, которую он поймал на лету и превратил в ледяную пыль.

– Зато стесняешься сейчас.

– Я не стесняюсь. Просто для меня это непривычно.

Торн улыбнулся.

– Это мы уже выяснили.

Накрыл мою руку, сжал ее, и я почувствовала, как в ладонь ударило пламя. Легкие искры, мгновенно распространившиеся по всему телу ледяным пожаром. А ведь нечто похожее, если не сказать то же самое, я почувствовала в нашу первую встречу. Правда, тогда не придала этому ни малейшего значения.

– О чем ты думаешь? – поинтересовался он.

Я фыркнула.

– Очень смешно, Торн.

– Не очень. Я учусь это блокировать.

Я ткнула себя куском тоста в щеку.

– Ай. Зачем?

– Затем, что ты меня об этом просила. Так о чем?

– О дне нафей перфой встфечи. – Я все-таки зажевала тост.

– Вот как? И что же ты о нем думаешь?

– Торн, дай мне спокойно поесть.

– По-домашнему?

Я наклонила голову, прикидывая, чем бы еще в него запустить.

– По-домашнему с тобой не получится. Потому что я ем, а ты меня рассматриваешь.

– Неправда. Я тоже ем.

– И рассматриваешь меня.

Мою руку сжали чуть сильнее.

– Потому что я хочу на тебя смотреть.

Я не стала говорить, что сейчас подавлюсь, просто вернулась к завтраку.

– Кстати, насчет второго сюрприза... или какой он там. Надеюсь, я успею заказать одежду, в которой мы поедем, потому что...

– Я уже заказал. Дождется тебя в шкафу. Еще кофе?

Нет, кое-что определенно не меняется.

С другой стороны, сейчас я была искренне благодарна ему за то, что он об этом позаботился и что, вместо того чтобы зависать в интернет-магазинах, я могла спокойно сделать укладку и легкий макияж. Уютный шерстяной костюм голубого цвета сел на меня идеально. Так же как и зимние кроссовки, и пальто-накидка кремового цвета.

Судя по наряду, мы собирались не на горнолыжный курорт, не в Зингсприд и уж точно не в ресторан (хотя странно было бы вести меня в ресторан после такого завтрака). Мне оставалось только вглядываться в знакомые очертания залитого солнцем города и гадать, куда же мы летим.

Весна в Хайрмарге приходит поздно, но снег уже почти полностью сошел. Хотя температура не поднималась высоко, солнце уже пригревало по-весеннему мягко. Это тепло ощущалось буквально во всем: в сверкающих так, что больно глазам, панорамных окнах высоток. В блестящих лентах флайсов, заполонивших аэромагистралей. В вереницах людей, текущих по улицам.

То, что мы летим в центр, я поняла, когда мы ушли на малую обводную, но, когда начали снижаться на парковку первого уровня, с интересом прилипла к окну. Надолго мне, правда, Торн прилипнуть не дал: отлепил меня и запечатал губы поцелуем. То, что это был обходной маневр, стало понятно сразу – как только водитель мягко посадил флайс и затих двигатель.

Дверь пошла ввысь, и, обернувшись, я увидела витрины и эмблему ювелирного дома-легенды «Адэйн Ричар».

– Э-э-э... – Это было все, на что меня хватило, но Торн уже вышел, обошел флайс и подал мне руку.

– Куда мы? – еле слышно спросила я.

– А ты как думаешь? – также шепотом ответил он.

Я бы сложила руки на груди, но одну мою руку категорически не отпускали.

Мужчина в униформе фирменных цветов бренда – черный с платиновыми вставками – по старинке распахнул перед нами дверь, и мы шагнули в салон. Мергхандары остались на парковке, а к нам сразу же подошел консультант. Салон был огромный и больше напоминал музей, некоторые драгоценности вызывали ощущение, что они стоят больше, чем я могу себе представить (а представить я могла довольно много).

– Ферн Ландерстерг. Ферна Хэдфенгер. Добро пожаловать.

– Мы сначала осмотримся, – сказал Торн, и консультант склонил голову.

– Разумеется.

Мы двинулись вдоль витрин, в которых были выставлены кольца или комплекты, от одного вида которых начинала кружиться голова. Запоздало я поняла, что это и правда музей. Потому что «Адэйн Ричар» делают украшения только на заказ.

Сверкающие камни фервернского льда притягивали внимание и, можно сказать, подавляли авторитетом. Поэтому я не выдержала и покосилась на совершенно невозмутимого Дракона номер один.

– Торн! Что мы здесь делаем?

– Ты знала, что драгоценности «Адэйн Ричар» хранятся в частных коллекциях, но некоторые потом возвращаются сюда в качестве экспонатов? Их владельцы, таким образом, получают дополнительную прибыль за каждый день показа, а еще все, что находится здесь, можно взять напрокат. Доход с проката выставочных образцов получает салон.

– Ты хочешь взять напрокат серьги? – Я не удержалась от нервного смеха.

– Да. И вон тот хлыстик, чтобы тебя отшлепать.

Я поморгала, но в витрине, на которую указывал Торн, и впрямь лежал хлыстик. Ручка была инкрустирована фервернским льдом.

– У тебя очень странные идеи, – сказала я, стараясь больше не смотреть в сторону витрины и хлыстика.

– У тебя тоже. Так что, если отбросить тему проката, какие еще будут идеи?

– А что еще интересного расскажешь, помимо проката?

– Хм... возможно, что некоторые драгоценности «выгуливают» звезды на показах и выступлениях. «Адэйн Ричар» предоставляет им такое право, взамен это событие, имя салона и владельца – по желанию – широко освещается в прессе.

– Угу, – сказала я.

Зал как раз кончился, точнее, он кончился в длину, а в ширину мы его еще не обошли.

– Торн, – сказала я. – Если там опять кольцо, то...

– Не кольцо.

– Нет? – Вот тут я окончательно растерялась.

– Кольца.

– Что?!!

Мой вопль оказался слишком громким для этого места, и я покраснела. Торн улыбнулся и развернул меня к консультанту.

– Пойдем.

Мы приблизились к небольшой витрине с кольцами. Небольшой она была относительно остальных, но здесь было по меньшей мере двадцать пар самых разных колец с самой разной формой камней и огранкой.

– Это что? – сказала я. – Свадебная коллекция, тоже выдается напрокат?

Торн вздохнул. Посмотрел на консультанта, и тот испарился вместе с коллегами. Проще говоря, все они нырнули в задрапированную черной тканью арку.

– Это свадебная коллекция «Адэйн Ричар», которую создали для тебя. Присмотрись.

Я прищурилась. Действительно, на каждой коробочке была крохотульная надпись: «Лаура Хэдфенгер». Пока я моргала и пыталась справиться с обманом зрения (разумеется, зрение не обманывалось, там в самом деле было мое имя), Торн произнес:

– В прошлый раз я решил, что тебе понравится именно такое кольцо, которое я тебе подарил. В этот раз хочу, чтобы ты выбрала

сама. Точнее, мы выберем вместе.

– А остальное?

– А остальное впервые в практике дома «Адэйн Ричар» останется для свободного приобретения. После нашей свадьбы.

Я посмотрела на Торна. На кольца. Потом – опять на Торна.

– Эту коллекцию создали...

– Для тебя, да. Надо же мне было как-то отвлечься, пока Арден не пускал меня к тебе.

Я покачала головой. Потому что все еще не могла поверить в услышанное. И в увиденное.

– Эта коллекция, Лаура, напоминает мне о том, что даже фервернский лед можно превратить в пыль. О том, как легко потерять самое дорогое. О том, что я держал в руках самую прекрасную женщину на свете, но сам ее оттолкнул. О том, что она ко мне вернулась и я больше никогда и никуда ее не отпущу. Если, разумеется, она сама не захочет. Ты выйдешь за меня замуж, Лаура Хэдфенгер?

Я глубоко вздохнула и ответила:

– Да.

Глава 34

Торнгер Ландерстерг

– Какой будет приказ?

Когда Роудхорн спросил об этом, я, если честно, слегка выпал из реальности. В последнее время у меня это вошло в привычку: приходя домой, полностью отключаться от того, что происходит в Айрлэнгер Харддарк и в мире. Разумеется, в любой момент могло потребоваться мое вмешательство, но в целом это были совершенно новые для меня ощущения. Если раньше я жил исключительно в мире политики, сейчас в моем мире появилось гораздо больше граней.

Будущий муж.

Отец.

Друг.

Самым необычным было последнее. Не сказать, что мы с Арденом стали общаться как раньше, но наше сотрудничество (и бывшая дружба) перешли на какой-то совершенно иной уровень и трансформировались в нечто принципиально новое. По крайней мере, на нашу свадьбу он не отказался прийти. Мне бы хотелось верить, что не только из-за Лауры.

– Я сам решу этот вопрос, – сказал я.

– Хорошо.

Роудхорн отключился, а я оставил смартфон на столе и направился в нашу спальню. Удивительно, но Лаура предпочитала работать там. Мне, чтобы основательно сосредоточиться, всегда требовалась особая атмосфера, она могла писать свой сценарий в спальне. В гостиной. Сидя на барном стуле, устроив ноутбук на кухонной столешнице. Даже у меня на коленях. Последнее, надо отдать ей должное, случилось всего один раз.

Мы были в резиденции: наслаждаясь потрескиванием камина, я запустил пальцы в ее волосы, перебирая длинные светлые прядки, а Лаура рассматривала свадебные украшения для зала, которые нам прислал агент. Листала фото, потом вдруг напряглась.

– Ой, подожди, я тут такое придумала! – Смартфон полетел в угол дивана, сама она нырнула за ноутбуком и начала что-то быстро-быстро

набирать. – Не подглядывай!

Я вздохнул.

– Я же все равно это увижу.

– Увидишь вместе со всеми. В шоу. Сейчас – не подглядывай!

– Как скажешь. – Мне гораздо больше нравилось смотреть на нее.

Как она хмурится, когда пишет что-то серьезное, или как улыбается, когда что-то веселое. Как закусывает губу, как убирает волосы с лица.

Мне в ней нравилось все.

Вот и сейчас, когда я поднялся в спальню, Лаура соорудила уютную гору из подушек под спину и под поясницу, сидела на кровати и печатала.

– Скоро заканчиваю, – сказала она. – Вот еще минуточку, хорошо? У меня тут очень важный момент.

– У меня тоже, – сказал я.

Наверное, раньше я бы даже не стал с ней об этом говорить. Раньше она бы ни о чем даже не узнала, а если бы и узнала, то значительно позже.

Раньше, но не сейчас.

Оторвавшись от сценария, Лаура пристально посмотрела на меня:

– Что-то случилось?

– Ничего серьезного. Солливер Ригхарн просит о встрече.

Она нахмурилась. Мы с ней договорились о том, что будем честны друг с другом, поэтому я начал этот разговор. Мне хотелось, чтобы мы могли обсуждать все, что касается нас, и чтобы нам больше не приходилось прятаться за фасадом красивых слов или молчания.

– Хорошо, – сказала она. – Ты собираешься поехать к ней прямо сейчас?

– Нет. – Я покачал головой и приблизился. – Она просит о встрече с тобой.

Лаура вскинула голову. К досаде и ледяной отрешенности, которую я почувствовал сразу, как произнес имя Солливер, присоединилось изумление.

– Со мной?!

– Если хочешь мое мнение, я против. Но решение принимать тебе.

Лаура отложила ноутбук.

– Я ничего не понимаю, Торн. Почему именно я? Зачем ей видеть меня?

После процесса, который прошел на первом совместном суде людей и иртханов, Солливер приговорили к пожизненному заключению. По большому счету для нее это не играло особой роли: Арден говорил, что она не выдержит и пяти месяцев.

– Она беременна.

Лаура широко распахнула глаза.

– Что?

– От Лодингера. – Я приблизился. Опустился рядом с ней на кровать, захлопнул и убрал ноутбук. – Если та история с беременностью и выкидышем была показательной, то эта вполне реальна. Солливер беременна от Лодингера, и, видимо, именно поэтому она хочет с тобой встретиться.

Лаура потрясенно молчала, и я ее понимал. После всего того, что стало известно про Солливер, в том числе и после того, как в процессе расследования всплыла история с ее «беременностью» от меня, то, как хладнокровно она убила Крейда, после всего что она сделала и собиралась сделать, представить себе разговор Лауры с ней я просто не мог. Но моя будущая жена в очередной раз меня удивила.

– Хорошо, – сказала она.

– Лаура, я же сказал...

– Ты сказал, что ты против. – Она кивнула. – И я тебя услышала, Торн. Но ты прав, решение принимать мне, и да, я хочу с ней встретиться.

– Даже если я попрошу тебя этого не делать?

– А ты попросишь?

Я покачал головой.

– Я рада, что ты мне сказал. – Она подалась ко мне и порывисто меня обняла. – Я рада, что ты согласился перенести свадьбу на следующий месяц после рождения Лыдинки, потому что я не хотела выглядеть как шарик или как воронка для заливки фундамента, только в белом и перевернутая. Я рада, что ты всем со мной делишься, Торн. Если бы ты знал, сколько это для меня значит... то, что ты меня так поддерживаешь. Даже несмотря на то что не любишь Джермана Гроу.

– Во-первых, мне плевать на Джермана Гроу.

Лаура скептически на меня посмотрела.

– Хорошо. Я не люблю его. После того как прочитал его комментарии по поводу первой части сценария.

«Не люблю» – это слабо сказано. После того как он прислал Лауре свои замечания и она убежала рыдать, я заглянул в письмо и всерьез задумался над политкорректностью отрывания головы Гранхарсена ввиду его тесного родства с Халлораном. Особенно когда отношения между Ферверном и Аронгарой только-только испытали свои первые потепления.

– Ты их все-таки прочитал, – почти укоризненно сказала она.

– Все-таки прочитал. Но дело не только в этом. Джерман Гроу – проститутка мужского пола, и это ничего не изменит.

– Торн!

– Что – Торн? – Я приподнял брови. – Он мотался между странами, пока не бросил свой хвост в пустоши Зингсприда, и не мог определиться, умный он или красивый, лет двадцать. Не считая его образа жизни.

Лаура фыркнула.

– Не хочу тебя расстраивать, но он счастливо женат, Торн.

– Не хочу тебя расстраивать, но я бы лучше позволил оторвать себе голову, чем разрешил своей дочери выйти за такого, как он.

– Так, давай оставим тему Джермана Гроу. – Лаура хлопнула меня по руке. – И поговорим... Ой!

От Лауры полыхнуло испугом, и я мгновенно перехватил ее за плечи, вглядываясь в глаза.

– Что случилось, Лаура?! Что?!

Испуг растаял, сменившись неуверенностью и восторгом. Лаура перехватила мою руку и положила себе на живот. Удар я почувствовал еще до того, как успел осознать, что это – Льдинка. Сначала меня мягко тюкнули в ладонь, а следом прилетело искоркой счастья.

– Она толкается! – судорожно вздохнула моя девочка. – Она толкается, Торн!

Положила руки поверх моих, впитывая эти первые родные удары вместе со мной. Защитная «скорлупа» почти полностью растворилась, остались только тонкие ниточки, которые таяли с каждым днем. Мы с Арденом отслеживали динамику, но Льдинка вела себя чудесно и, к счастью, собиралась родиться ребенком, а не драконенком, как изначально.

Правда, сейчас, глядя в сияющие счастьем глаза Лауры, чувствуя любовь, которая рождается в ней – к нашей дочери и ко мне, я думал

только о ней. О том, что, даже если бы она родила драконенка, это был бы самый чудесный в мире драконенок. И о том, что я безумно ее люблю.

Лаура Хэдфенгер

Солливер Ригхарн выглядела бледной. Очень бледной и очень, очень одинокой. Несмотря на все, что я о ней знала, я понимала, что это сейчас не игра. Я чувствовала ее отчаяние. Пустоту. И странный, пока что непонятный уголок надежды, тлеющий глубоко внутри.

Нас разделяла перегородка из стекла, способного выдержать даже удар лазерного луча, она сидела за столом в комнате, в которой, кроме камер, охраны, металлических стен и переговорного устройства, больше ничего не было.

– Не удивляюсь, что ты пришла, – сказала она. – Только ты и могла прийти.

Я кивнула, задавив рождающуюся внутри совершенно никому не нужную жалость. Эта женщина готова была убить и меня, и Льдинку, и Торна. Тем не менее она говорила правду. После всего, что всплыло (так всегда бывает: стоит чему-то подняться на поверхность, и помимо него вытягивают еще с десятков дурно пахнущих историй, способных уничтожить любого), родители от нее отказались. Отказались все друзья и подруги, или те, кто себя таковыми считал.

Они открыто заявляли о том, что в шоке и в ужасе, награждали ту, которой недавно восхищались, самыми нелестными эпитетами. Больше всего, разумеется, отличился отец, который заявил: «У меня больше нет дочери», и одна «подруга», которая записала интервью о том, как ей повезло, что она ни в чем не перешла Солливер дорогу и до сих пор жива. С ними немного пошумели любящие грязь журналисты, но Торн очень быстро это пресек.

– Я здесь, и я внимательно тебя слушаю.

– Я беременна. Но об этом ты наверняка уже знаешь. – Солливер сцепила руки и опустила взгляд на металлический стол. – О чем ты не знаешь, так это о том, что этот ребенок меня убивает. Сила глубоководного меня убивает, и, с наибольшей вероятностью, до родов я просто не доживу.

Торн рассказал мне об этом. Рассказал и о том, что Арден рекомендовал (если не сказать настаивал) аборт, но Солливер

отказалась.

– Знаю, – спокойно сказала я. – Точно так же, как знаю, что ты отказалась делать аборт.

Солливер вскинула голову, в ее глазах мелькнуло изумление, а впрочем, не только в глазах. В чувствах тоже, и еще там была ненависть. Чистая, неприкрытая ненависть, которой меня полоснуло.

– Вот как, – произнесла она. – Поразительно.

– Ты хотела о чем-то спросить? – перебила ее я. – Потому что если нет, то я ухожу.

– Прости, – сдавленно прошептала она. – Прости.

Снова опустила глаза, потом взглянула на меня. В упор.

– Я решила сохранить этого ребенка, даже зная, что он меня убьет, потому что хотела сделать хоть что-то хорошее. Хоть что-то хорошее в своей жизни, понимаешь? После всего, что было. После всего, что...

Она осеклась, но потом снова продолжила:

– Я решила, что оставлю его. За эту жизнь я буду бороться, пусть даже это меня убьет.

Я прислушивалась к ее чувствам и не улавливала фальши. Меня она ненавидела, и это проскальзывало коротко, рваными всплесками, но в искренности того, что Солливер говорила о ребенке, сомневаться не приходилось.

– Ты тоже скоро станешь матерью, – сказала она. – Именно поэтому я попросила тебя прийти. Именно поэтому и именно тебя. Я хочу тебя попросить... Мой ребенок будет особенным. Кровь глубоководного в полукровке... Я даже не представляю, что ему придется пережить. Если я справлюсь. Если я дам ему жизнь. Пожалуйста, пообещай, что не позволишь ему стать частью экспериментов. Это всего лишь ребенок, Лаура, он не должен расти в тюрьме или в клетке даже несмотря на то, что он мой.

Она глубоко вздохнула и сцепила руки еще сильнее, так что ногти впились в кожу.

– Мне нелегко об этом просить. Особенно нелегко просить тебя. Но только ты сможешь ему помочь, когда он родится.

– Ему?

– Мне кажется, это будет мальчик.

Я поднялась. Пожалуй, слишком резко. Торн был прав, когда говорил, что мне не стоит сюда приходить.

— Лаура, обещай мне. — Солливер поднялась тоже. — Я понимаю, что не вправе ничего требовать, поэтому я прошу. Я тебя умоляю: найди в своем сердце место для того, кто ни в чем не виноват.

Глава 35

Из здания тюрьмы я выходила оглушенная. Не столько своими чувствами, сколько чувствами Солливер – хотя это еще вопрос, чьи чувства меня оглушили больше. Мергхандары дожидались меня в коридоре сразу за дверями переговорной, и не только они. Сэфл тоже. Его присутствие было альтернативой присутствию Торна. Изначально он собирался ехать со мной вечером, после работы, но ему неожиданно позвонил глава Фияна. Точнее, позвонила его секретарь – Лис, новому ведущему секретарю Торна, поскольку Одер теперь возглавляла пресс-службу, и попросила о беседе. Я сказала, что справлюсь сама, и Торн не стал возражать. Просто прислал ко мне Сэфла.

– Как все прошло, Лаура? – спросил он, когда мы сели в флайс.

– Тебе разве не доложили еще?

Сэфл изменился в лице, и я покачала головой.

– Прости.

– Судя по всему, не очень.

– Я не хочу об этом говорить.

– Хорошо. Понял. – Сэфл поднял руки. – Не говорим. Возвращаемся домой.

– Не домой, – сказала я. – На Лэйтхард, восемнадцать.

Это был новый адрес мамы. После того как она прошла реабилитацию, Торн купил ей квартиру и обеспечил всем необходимым на время, пока она будет искать работу. Квартира располагалась в одной из самых престижных высоток Хайрмарга, свободная исключительно потому, что построена была буквально четыре месяца назад. Теперь у мамы было время на поиск работы и на обучение всему, чему она захочет обучиться. Торн говорил, что работать ей вовсе не обязательно, но маму это настолько возмутило, что они впервые за все время знакомства не сошлись во мнениях.

– Я и так двадцать с лишним лет провалялась как бревно, – заявила мама. – И хочу сделать что-нибудь хорошее для этого мира.

Торн не стал спорить, поэтому сейчас мама проходила адаптацию уже психологического плана (проще говоря, работала с личным психологом) и неожиданно заинтересовалась танцами на лентах,

которыми занималась Кори. Это вообще произошло случайно: после долгих лет отсутствия физической активности она пробовала самые разные направления, и танцы на лентах ей безумно понравились. Изначально через мой интерес, но впоследствии она ими увлеклась и сейчас готовилась учиться на инструктора.

– Я бы вернулась в спорт, – сказала она. – Но, к сожалению, я уже по возрасту не подхожу для Соурских игр.

Мы взлетели. Флайс стремительно набирал высоту, Сэфл молчал, и я повернулась к нему.

– Как Рин?

– Хорошо. – Он улыбнулся. – Немного нервная, как все невесты.

Странно, но я себя нервной не чувствовала. Может, потому, что до моей свадьбы еще было достаточно далеко. Мы с Рин даже посмеялись, что я запустила цепочку свадеб: первой замуж выходила она, буквально через пару недель, потом – еще через полтора месяца – становились мужем и женой Даргел и Мелори. Мы с Торном, как всегда, отличились и оставили наше событие на осень.

Я правда очень хотела красивое платье и чтобы все прошло наилучшим образом. Уж что-что, а это мы заслужили.

А ребенок Солливер...

– Здорово, – сказала я, перебивая себя на полумысли. – Напомни, что завтра мы с ней идем кое-куда.

Сэфл усмехнулся.

– Начальник службы безопасности знает все?

– Мне все равно все доложат.

Нас с Рин и правда сопровождали повсюду, и она хихикала на тему, что у нас личные мальчики по вызову. Потом ей это надоело: подруга привыкла и теперь воспринимала сопровождение как должное.

– На девичник тебя все равно не пустят, – сказала я. – И твоих ребят тоже. Так что ухмыляйся, сколько тебе угодно.

– Злая ты, – в шутку обиделся Сэфл.

– Ты даже не представляешь насколько.

Мои отношения с Рин и Сэфлом не стали прежними. Я бы сказала, они перешли на какой-то совершенно иной уровень, и во что они выльются потом, я сейчас не могла даже представить. Изначально была некоторая неловкость: Сэфл был подчиненным моего будущего

мужа, а Рин продолжала корить себя за то, как отреагировала на мое молчание про ребенка, и то, что случилось в Рагране, но впоследствии это все ушло. Мы уже не созванивались каждый день, как раньше, и не встречались так часто, но мы сохранили то, что гораздо важнее. Я бы сказала, что мы все получили второй шанс, и упускать его я не собиралась.

Не с моими друзьями так точно.

За разговором мы долетели незаметно, и, когда снижались, я предложила Сэфлу зайти со мной к маме.

– Ты надолго? – уточнил он.

– Не знаю, – честно призналась я.

– Тогда я лучше останусь здесь и поработаю. Парни пойдут с тобой.

Только оказавшись перед дверью в дом, я поняла, что даже не уточнила, свободна ли мама. Может, она вообще на занятиях или на процедурах. Коснувшись панели, набрала номер квартиры, и... мне повезло.

– Лаура? – удивленно произнесла мама. – Заходите.

«Парни» сопровождали меня в лифте, потом до двери, а после, традиционно оценив обстановку в квартире, остались в холле. Я же расстегнула сапожки (это было уже не очень удобно, но еще терпимо), повесила пальто на плечики. Расправила его. Убрала в шкаф. Словом, делала все, чтобы оттянуть разговор, из-за которого, собственно, сюда приехала.

Тем более что мама выглядела такой уютно-домашней: в красивом платье, с уложенными чуть отросшими волосами, она смотрела на меня и ни о чем не спрашивала. Я всю жизнь представляла себе такое – когда ты приезжаешь к маме с вопросом, а она смотрит на тебя с любовью и ни о чем не спрашивает, пока ты сама не будешь готова все рассказать.

– Пойдем. Сварю кофе. – Мама шагнула ко мне и обняла.

– Я вовремя? В смысле... ты куда не собираешься?

– Лаура, не мели ерунды. Ты моя дочь, и ты всегда вовремя.

Мы прошли на кухню – ультрасовременную, светлую, и сегодня я предпочла уютное аэрокресло высокому барному стулу. Спина начинала напоминать мне о том, что Лыдинка становится больше, и,

несмотря на все тренировки для беременных, в чем-то мягком и глубококом сидеть было гораздо комфортнее.

– Знаешь, по чему я соскучилась больше всего? Кроме тебя. – Мама так ловко управлялась с новой кофемашиной, что я даже не стала предлагать помощь. – По кофе. Пью его каждый день по несколько чашек. Мой физиолог и нутрициолог ругаются страшными словами, но я просто не могу себе в этом отказать. Он же безумно вкусный!

Я невольно улыбнулась:

– Да, в Рагране любят крепкий кофе.

– Крепкий кофе любят везде. Особенно такой... мм... – Мама запустила кофемашину, достала печенье и сладости, поставила все на стол и устроилась в кресле напротив меня. – Ну, как дела, мой драконенок?

Я рассказала ей про свой сон, и мама сначала смеялась, а потом начала называть меня «мой драконенок». В шутку, конечно. Я как-то попыталась сказать, что я уже не драконенок, а драконище, на что мама резонно возразила, что в ее биологических часах мне несколько месяцев. Что она была лишена такой возможности раньше и теперь наверстывает упущенное.

– Дела хорошо. Отлично. – Я сложила руки на столе. Потом убрала их на подлокотники и продолжила: – Я сегодня встречалась с Солливер Ригхарн.

– Что?! С этой...

– Мам, она беременна.

Мама моргнула.

– От того, кто ее изнасиловал. Она просила меня о встрече, и я согласилась. Но я оказалась абсолютно не готова к тому, о чем она попросит еще. Позаботиться о ее ребенке.

Мама глубоко вздохнула и поднялась. Я уже успела немного ее изучить, чтобы понять, что так она справляется с чувствами и со всем, что хочет сказать. Кофемашина зашипела, и мама метнулась к ней. Но, едва поставив чашки на стол, бросилась к холодильнику и взялась готовить сэндвичи. Это тоже был признак того, что она пытается переварить услышанное.

Мама не возражала против помощницы по хозяйству, которую ей тоже нашли по инициативе Торна: женщина приходила раз в два дня,

убиралась и готовила. У нее всегда была готовая еда, и, когда мама вот так хваталась за все, это значило только одно.

– Мам, мне очень нужен твой совет.

– Дай-ка подумать. Мы сейчас говорим о той, которая хотела твоей смерти? Развалить все то, что делал Торн? Уничтожить вашу семью? И не только. Я читала про нее, она связалась с тем, кто держал меня в коме на запрещенных препаратах. Если бы не бывший начальник службы безопасности Торна, которому повезло остаться в живых, ей могло бы все сойти с рук. Все это!

Мама обернулась, ее глаза сверкали. Пожалуй, никогда раньше я не видела ее в такой ярости.

– Мам, ты права. Да, ее использовали как отвлекающий маневр, но она сама много чего наворотила. Ключевое слово здесь «сама». Она. Не этот ребенок, за которого она у меня просит. Он еще не родился, и он вообще ничего, ровным счетом ничего не знает о том, кем были его родители.

Мама снова глубоко вздохнула. Отвернулась. Потом повернулась.

– Ты права. Прости. О чем ты хотела спросить?

– О том, что делать с... – Я помедлила. – С тем, что я не хочу ничего делать для этого ребенка. Я понимаю, что он ни в чем не виноват. Я знаю, что ему нужна помощь, но...

Я покачала головой.

– Я не хочу его видеть. Я не... я чувствую себя ужасно. Потому что я сама скоро стану матерью. Потому что он... просто маленький комочек плоти, а я уже не хочу к нему прикасаться. Как я могу быть такой жестокой?

Мама бросила сэндвичи недоделанными и подошла ко мне. Опустилась рядом с креслом на корточки, взяла мою руку в свою.

– Лаура, это нормально.

– Нет. Нет. Мама, это ненормально. Ты сумела простить отца, хотя...

Я закусила губу.

– Так, ну, во-первых, – мама погладила меня по руке, – твой отец не Солливер Ригхарн. Он никого не убивал. Не пытался влезть к тебе в голову, как отец этого ребенка, и разрушить полмира. Ну и во-вторых...

Она усмехнулась.

— Это я тебе с умным видом говорила умные вещи. На самом деле, когда он мне позвонил, внутри меня поднялось такое... Он звонил договориться о встрече, тогда, в реабилитационном центре Ардена, и я не сдержалась. Я наговорила ему столько всего, что сейчас мне даже немного стыдно. Сказала, что, если он сунется ко мне, я за себя не отвечаю и что я никогда в жизни не хочу его видеть.

Я была не в силах поверить в услышанное.

— Это... мам... ты же говорила...

— Да, когда я говорила, что нет ничего особенного в том, чтобы жениться еще раз, я и сама в это верила. — Мама отпустила мою руку, поднялась, но меня все равно полоснуло ее чувствами: живой, невыносимо живой обидой-болью, тоской. — Я действительно верила в то, что смогу с этим справиться, спокойно жить дальше и не злиться на Юргарна. Не смогла. Стоило мне услышать его голос... как все внутри перевернулось. Все умные мысли выветрились из головы. И... вот так все и получилось.

Она опустила в кресло, подтянула к себе чашку с кофе. Я последовала ее примеру и сделала пару глотков. Заела крепость печеньем.

Какое-то время мы обе молчали.

— Я тоже учусь справляться с чувствами, — сказала я. — Это один из важных элементов моего обучения в обращении с пламенем.

Если не сказать ключевой. Торн учил меня лично, и мы очень много работали с моим контролем. Воплощение пламени для меня оказалось гораздо более простым, чем умение справляться с чувствами. Тем не менее я делала успехи.

До тех пор пока не встретила с Солливер. Когда я смотрела на нее, когда слушала, все просто покатило дракону под хвост. Особенно когда она сказала про мальчика.

Я ведь тоже чувствовала свою Льдинку.

— Так. — Мама кивнула. — И что случилось с контролем?

— Я поняла, что не готова ей помогать. И это выбило меня... ударило по мне сильнее, чем я ожидала. Ребенок не должен отвечать за то, что сделали его родители.

— Ребенок — нет, — сухо ответила мама. — Но это не он пришел к тебе с просьбой о помощи. О помощи тебя просит женщина сомнительных моральных принципов. Хладнокровная убийца.

– Она боится, что его закроют в исследовательском центре, как подопытного.

– Лаура, милая, – мама допила кофе в пару глотков, даже не поморщившись, – ты всерьез в это веришь? В то, что этого ребенка превратят в подопытного? Что Торн это допустит?

– Нет, но...

– И она не верит. Она отличная манипуляторша, и она знает, как сделать тебе больно. Я больше чем уверена, что, если кто-то попытается причинить вред этому малышу, ты первая оторвешь ему все выступающие части тела.

Я не выдержала и улыбнулась.

– Но помогать той, кто хотела тебя убить? Я даже не представляю, почему ты вообще об этом задумалась.

– Потому что я верю в то, что она чувствует.

Мама долго смотрела на меня, потом ткнула в напоминалку на электронной панели над столом. Там значилось: «Занятие по инструктажу, завтра, 9:00».

– Помнишь, я говорила, что хочу работать, чтобы дать что-нибудь хорошее этому миру? Лучше тебя я вряд ли что-нибудь – или кого-нибудь – ему дам. Ты слишком добрая, дочка. И я тобой горжусь.

– Мам, хватит, – тихо сказала я. – А то сейчас опять разревусь.

– Мы девочки, нам можно. – Мама махнула рукой. Потом поднялась, приблизилась ко мне и обняла прямо в кресле. – Когда возникают такие ситуации, выбирай сердцем. Дай себе время. Разреши помогать, и не помогать тоже разреши. Разреши заботиться об этом ребенке, как о своем собственном, или даже ни разу не поинтересоваться, родился ли он вообще. Ты сама все поймешь, когда придет время.

Я все-таки всхлипнула, и мама поцеловала меня в макушку.

– Ты сделаешь правильный выбор. Я знаю.

– А ты? – Я запрокинула голову и посмотрела на нее. – Ты дашь отцу возможность сказать хотя бы что-то... или возможность все объяснить?

– Не знаю. – Мама покачала головой. – Пока что я не готова. А когда буду готова, станет понятно. Между нами ничего нет и не будет, поэтому я не уверена, что мне вообще нужны его объяснения.

– Ты знала, что он промолчал, когда Торн высылал его из страны, ради тебя?

– Лаура! – грозно сказала мама.

– Мне кажется, это то, что тебе стоит знать. И многое другое, потому что я даже не представляю, что ему пришлось пережить.

– Дочь, – мама строго посмотрела на меня, – мой психолог говорит, что худшее, что можно сделать, – это вмешиваться в отношения других людей.

– Он очень умный, этот твой психолог.

– Она.

– Она, – согласилась я, – и я не вмешиваюсь.

Под взглядом мамы соединила большой и указательный пальцы:

– Разве что вот столечко.

– Вот столечко, – поддразнила меня мама, а потом кивнула на стол. – Печенье само себя не съест. Как там поживает моя внучка?

– А ты спроси. – Я кивнула на живот. – Давай.

Мама положила руку мне на живот, и я почему-то даже не удивилась, что в этот момент дочка брыкнулась. Выражение лица мамы надо было видеть! А еще чувствовать – как напряжение и досада после разговора об отце сменяются теплом, радостью, счастьем.

– Привет, Льдинка. – Мама наклонилась чуть ближе. – Это я. Твоя бабушка... Лаура! Это так странно звучит.

Я улыбнулась и потянулась за печеньем и кофе.

Определенно, это была одна из самых счастливых минут в моей жизни.

Глава 36

– Не спится? – Голос Торна раздался так неожиданно, что я подпрыгнула. Насколько можно подпрыгнуть в постели.

– Ты же заснул!

– Когда я заснул, ты тоже засыпала. – Он взял меня за плечи и развернул лицом к себе. – Но вот уже минут двадцать ты лежишь, тихонько пыхтишь в подушку и стараешься меня не будить.

– Угу.

– Угу?

– Я все равно не могу перестать думать про ребенка.

– Про ребенка Солливер, я так полагаю.

– А говоришь, не читаешь мысли.

– Сейчас в этом нет необходимости. Зная, о чем вы говорили, и зная тебя... – Торн сделал многозначительную паузу.

В темноте его глаза без крупниц пламени казались темными. Почти черными.

Я коснулась лица своего мужчины, скользнула пальцами по подбородку, ощущая подушечками легкую небритость, набежавшую за день. Мы с ним действительно почти не говорили о Солливер, так, вскользь. Когда я в приподнятом настроении вернулась от мамы, мне казалось, что я знаю, что делать. На сто процентов была в этом уверена, поэтому мы больше внимания уделили главе Фияна, который, как выяснилось, всерьез задумался над реформой Ферверна как примером для своей страны.

Даже когда я леглась спать, мне казалось, что меня отпустило.

Но потом я провалилась в легкую полудрему, а вынырнула из нее с дико колотящимся сердцем, потому что мне привиделось, что я в Аронгаре, в клетке, и что мою Льдинку исследуют подчиненные Халлорана. Конечно, это был всего лишь сон, бред, и эти «минут двадцать», как утверждал Торн, я убеждала себя в том, что к ребенку Солливер это не имеет никакого отношения, что с ним такого не будет и что она не будет наблюдать за этим из клетки.

Точнее говоря, она вообще не сможет за ним наблюдать.

А он...

– Торн. Что Арден говорит про этого малыша?

– Пока что рано что-то говорить. Его пламя – учитывая особенность Лодингера, во что его превратил Кроунгард, – пока в зачаточном состоянии и почти все время спит. Но всплески все равно случаются. Незначительные. Чем дальше, тем больше их будет – так уверяет Арден.

– И что будет с Солливер?

– Ей потребуется вливание пламени. Хотя бы минимальное. У нее в организме нет защиты, как у тебя, она на сто процентов человек.

– Но почему Арден уверяет, что она не выживет?

– Потому что женщинам достаточно сложно пережить рождение ребенка с любым сильным пламенем. Что касается черного... – Торн многозначительно замолчал, но потом все же продолжил: – Если сопоставить силу глубоководных с любым другим существующим пламенем, она все равно будет на порядок выше. Даже самая маленькая ее частица.

Я кивнула. Насколько это можно сделать, лежа на подушке.

– И... что с ним будет?

– Зависит от многих факторов.

– Но он же не будет постоянно заперт в исследовательском центре?

– Его пламя сложно контролировать. Говоря по правде, даже я с трудом справлялся со своим, а у меня было подспорье в виде ледяного.

Я прикрыла глаза.

– Торн. Мы должны его усыновить.

Мысленно я готовилась ко всякому, но только не к легкому смеху, поэтому от удивления широко распахнула глаза.

– Я все ждал, когда ты это скажешь.

– Что?!

– Мне не надо заглядывать в твои мысли, Лаура, чтобы понять, что ты чувствуешь и что ты думаешь.

– А что думаешь ты?

– Расскажи мне. – Торн улыбнулся.

– Торн, это не игрушки.

– Я не играю. Мне интересно, каким меня видит моя будущая жена.

Честно говоря, я почувствовала себя прямо как на экзамене!

– А подглядывать в эмоции можно?

Дракон номер один притянул меня к себе.

– Лаура, просто ответь. Что, по-твоему, я чувствую и думаю по поводу этой ситуации.

– Хорошо. – Я удобнее устроилась у него на плече. – Предположительно ты со мной согласен – в том, что задаешься вопросами, как и что делать с этим ребенком. Потому что в мире существует только трое иртханов, способных его воспитать, и один из них сейчас в Рагране. Двое других лежат в этой самой постели и решают его судьбу. Торн, я не могу поверить... мы что, правда решаем его судьбу?

Торн хмыкнул.

– Нет. Мы обсуждаем меня и мои мысли. Продолжишь?

– Ты... Торн, я не знаю. Прекрати меня мучить! – Я извернулась в его руках и заглянула ему в глаза. – Для меня это все слишком серьезно.

– Для меня тоже. Отец запирает меня, когда я был маленьким. Запирал, потому что я не мог справиться с силой, которая меня разрушала. Так он учил меня справляться с эмоциями и чувствами, со всем, что способно спровоцировать выброс пламени, от которого я защищался чешуей. Мой отец знал о моей особенности, рядом была мама, а с этим ребенком не будет никого. Именно поэтому до того, как ты завела разговор про усыновление, я ничего тебе не говорил.

– Ничего не говорил о чем?

– Что думал о том же. Еще до того, как ты встретила с Солливер, и до того, как узнал о ее просьбе. Но я прекрасно понимал, что не имею права требовать от тебя такое. Мы действительно единственные, кто способен дать ему нормальное воспитание и обучение. Не считая Эстфардхара, конечно, но я его не считаю.

– Это еще почему? – Я приподняла брови.

– Он занят другим. Разгребает последствия действий отчима и пытается отбрыкаться от карьеры политика, но это ему не удастся.

Теперь уже хмыкнула я.

– Такое чувство, что его мысли ты тоже читаешь.

– Нет, я просто очень внимательный. А еще меня определенно радует тот факт, что в твоём сне он просто продавал рогалики.

– Замороженный крем, – поправила я.

– Не важно. Я даже представлять не хочу, что сделал бы, увидев себя на раздаче бургеров.

Я икнула, а потом расхохоталась. Картина получилась очень живая: Торн в кепочке из «Гритлэйн» раздает бургеры.

– Знаешь, – сказала я, отсмеявшись, – я ведь почувствовала такую ярость, когда она меня об этом попросила. Просто... даже не могу описать, а потом всю дорогу об этом думала. Что такого не пожелаешь даже самому лютому врагу. Того, что она пережила.

– Ты права.

– Я думаю, мы должны сказать ей, что ребенок будет в безопасности. Что мы о нем позаботимся. Как ты считаешь?

– Согласен. – Торн мягко сжал мою руку. – Скажем.

– Когда?

– Хоть завтра.

– Торн, как так получилось, что ты... – Я покачала головой. – Сегодня мама сказала, что я слишком добрая, но я не встречала мужчины сильнее тебя и одновременно способного на такие чувства. Как так получилось, что ты вообще меня выбрал?

– Тебе повезло, – без лишней скромности заявил Дракон номер один. – Но несмотря на все вышеперечисленное, я все равно считаю, что в моих руках самая прекрасная женщина в мире, которая не дает мне выспаться перед рабочим днем.

– Вот так, значит, – сказала я.

Развернувшись в его руках, обняла подушку и скорее почувствовала, чем заметила, как мгновенно заснул Торн. Впрочем, я даже не успела до конца осознать эту мысль и тоже провалилась в уютную согревающую темноту.

Я долго откладывала этот звонок. Хотя бы потому, что особого смысла в этом не было – разве что благодарность, но скольких слов благодарности хватит для того, благодаря кому, по сути, я сейчас и была жива. Нет, в кому за мной пошел не Бен, и он не бросался наперерез глубоководным драконам, но он уводил их за собой от меня. Именно он раскрыл заговор отчима, нашел его. Именно благодаря ему Сэфл и мергхандары успели к нам, Кроунгард был арестован только благодаря ему.

Но несмотря на все это я не представляла, о чем буду с ним говорить и как. Поэтому откладывала до последнего. До того самого дня, когда все-таки набрала его номер.

Ответил он не сразу, а когда ответил, его голос звучал настолько холодно, насколько это вообще возможно.

– Не прошло и полгода, как Лаура Хэдфенгер обо мне вспомнила.

Приветствие было вполне себе в его духе.

– Я о тебе не забывала.

– Да неужели? – насмешливо поинтересовался он.

– Ты в курсе, что с тобой разговаривать невыносимо?

– Ты позвонила, чтобы в очередной раз мне об этом сказать?

– Нет, я позвонила, чтобы сказать спасибо.

В трубке воцарилась тишина – та, которую принято называть неловкой и которую никто не спешил нарушить.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Пожалуйста. Это все?

– Нет. Я хотела спросить, как ты.

– Мы с тобой не настолько близки, чтобы я раскрывал тебе сердце, а обо всем остальном ты узнаешь из новостей.

Я покачала головой и, хотя мы общались не по видеосвязи и он не мог меня видеть, закусила губу.

– Я хочу поблагодарить не только за то, что ты сделал в пустоши и по поводу Кроунгарда. За то, что ты не бросил Гринни. За то, что ты не бросил меня. За то, что произошло в Аронгаре. Мне не хватило сил признать это тогда, но сейчас...

– Но сейчас уже поздно, Лаура.

– Поздно – это когда кто-то умирает, – сказала я.

– Тебе откуда знать? У тебя никто не умер, насколько я помню.

Даже мама вернулась.

– И за это я тоже тебя благодарю.

– На здоровье. Если это все, мне пора идти.

– Бен...

– Риамер Вайдхэн, если не возражаешь. Будет лучше, если мы расставим акценты сейчас.

После случившегося Бен вернул себе фамилию отца. Не только фамилию. Как он и сказал, из новостей я знала, что по предварительным рейтингам он лидирует среди кандидатов на пост правящего в Рагране и что на него готовилось покушение, которое он

раскрыл до того, как его успели реализовать. Об этом писали все СМИ, которым было не лень, а не лень было никому. Эта новость прокатилась от Раграна до Ферверна, заглянув во все уголки мира. Она затмила даже появление черного пламени в его крови. Журналисты, уже не стесняясь, называли его Черное пламя Раграна.

– Хорошо, – согласилась я, – как скажешь. Тебе так не терпится со мной попрощаться?

– Ну что ты, Лаура. Я с тобой попрощался уже давно.

Он нажал отбой раньше, чем я успела продолжить.

Какое-то время я смотрела на погасший дисплей, а потом нажала «Удалить номер». Не знаю, когда со мной попрощался Бен, но я с ним попрощалась сейчас.

Глава 37

Полтора года спустя

– Торн, я сейчас умру, – честно призналась я.
– Ты так же говорила, когда рожала Льдинку.
– Тогда было другое дело. Я не могла умереть, не увидев свою дочь.

Льдинка в самом деле оказалась на редкость упрямой (совсем как мама с папой) и отказывалась меня покидать, то есть появляться на свет. Шестнадцать часов показались мне вечностью, которая стянулась в одно мгновение, когда я услышала первый крик и взяла на руки крохотный комочек, роднее которого уже не было никого на свете. Не считая ее отца, который был рядом с нами и напряженно вглядывался в личико.

Этот момент запечатлелся в моей памяти, как и мгновения нашей свадьбы. Впрочем, если последнее быстро разошлось по сети благодаря стараниям журналистов, то рождение нашей малышки, самое сокровенное, было только в семейных архивах. И в уголках моей памяти – точно так же, как сотни мгновений с Торном.

Минуты близости. Минуты наедине. Минуты на виду у всех.

Под вспышками камер или в тишине, согретой приглушенным светом гостиной.

Выходные в Аронгаре, на Зингспридском побережье.

Его взгляд, когда я держала на руках Льдинку, и как бережно он забирал ее у меня. Морщинка между бровей, когда я укачивала сына Солливер, и как он впервые взял мальчика на руки сам.

– Как мы его назовем?

– Эрвер.

– Эрвер? Дословно – обретший новую жизнь?

– По-моему, ему подходит.

Ему действительно подходило. Эрвер родился на два с половиной месяца раньше срока: организм Солливер не принимал никакие вариации пламени. Хотя в случае с полукровками подпитывать мать пламенем мог любой сильный иртхан (в идеале – отец ребенка, но критичным не были и другие доноры любого огня), у Солливер было

отторжение всех видов пламени, включая черное и даже синтезированное черное. В конце концов Арден сказал, что ей остается только верить в лучшее.

Роды у Солливер были спонтанными и больше напоминали выкидыш на поздних сроках, поэтому я даже к ней не успела. Но когда впервые взяла мальчика на руки, поняла, что все сделала правильно. Он смотрел на меня, в светло-серой радужке то вспыхивали, то гасли черные искры, которые окончательно растворились, стоило мне немного отпустить свое пламя.

Со своим, я, к счастью, научилась справляться, теперь мне предстояло учить справляться с этим детей. Раньше было проще: пламя иртханов просыпалось в осознанном возрасте и не представляло опасности для малыша, который, расстроившись, запросто мог подпалить кроватку, но за Эрвером и Яттой приходилось следить постоянно. Поэтому няни-воспитательницы у них были иртханессами, к тому же прошедшими специальную подготовку.

Впрочем, серьезных ситуаций у нас с ними не возникало: возможно потому, что мы с Торном делали все, чтобы дети чувствовали себя любимыми, и очень серьезно подошли к вопросам обеспечения безопасности.

— А сейчас можешь? Можешь умереть, не увидев собственное шоу и не сыграв в нем главную роль?

— Да!

От волнения сводило скулы, и мне казалось, что весь мой идеальный макияж, над которым работали часа два с половиной, сейчас слезет как нелепая маска. Когда я писала сценарий или когда строилась Хайрмарг-Арена (для шоу по приказу Торна была построена новая арена, где можно было в полной мере реализовать мою идею парения), мне представлялось, что все это безмерно далеко. Даже когда мы с Гроу ругались (через полгода общения с Гранхарсеном, который Великий Режиссер, я научилась огрызаться и рычать в ответ), мне все еще казалось это относительно нереальным.

А потом Танни Гранхарсен с командой взялась за создание спецэффектов, и я поняла, что основательно влипла. В смысле, что все это по-настоящему и что мне придется выйти в зал, где на меня будут смотреть тысячи глаз, потом выслушать комментарии критиков и

вообще комментарии по поводу формата, жизнеспособен ли такой вид искусства.

– Не верю, – прищурившись, заявил Торн.

– А зря!

– Моя жена – самая отважная женщина в мире и боится выйти на сцену? Даже не выйти, а вылететь?

– Вылететь – это, пожалуй, то самое, что я сейчас чувствую, – сообщила я с нервным смешком. – Ты когда вышел на свою первую пресс-конференцию, тебе не было страшно?

Торн пожал плечами.

– Да-да, я помню. Полный, стопроцентный самоконтроль, но в шоу такое не сработает. Мне нужны хоть какие-то минимальные эмоции.

– Эмоций у тебя через край, Лаура, и я еще никогда не встречал такой яркой, живой и непосредственной искренности. – Торн осторожно взял меня за плечи. – Ты сделаешь это шоу так же, как ты сделала сценарий и все остальное.

– Ах-ха, – вздохнула я.

Да. Я выпихнула из своей головы обезумевшего психа, использовавшего нейросеть, развернула драконов, не раз выходила с Торном под вспышки камер, но при мысли, что мне надо развернуть себя в сторону сцены, у меня начинали дрожать колени, поэтому я глубоко вдохнула и выдохнула. Снова глубоко вдохнула и выдохнула. И так несколько раз.

– Готова? – Торн улыбнулся.

– Да!

– Тогда я пойду занимать свое место. Не хочу пропустить начало представления, и уж тем более не хочу, чтобы меня не пустили в зал.

– Я с трудом представляю себе того, кто может не пустить тебя в зал. – Я фыркнула. – Тем более что у тебя ложа правящего.

– Удачи. – Торн легко коснулся губами моих губ и вышел.

А я подождала пару минут, подышала, глядя на свое отражение в зеркале, и тоже вышла из гримерной. Не знаю, чего я больше всего боялась: реакции зрителей, критиков или Гроу. Они с Танни, разумеется, тоже приехали на премьеру. Мы с Гроу успели пересечься перед его небольшой презентацией шоу, на которую я не попадала, потому что мне надо было готовиться. Зато Танни посидела со мной в

гримерной – мы немного пообщались на тему детей с сильным пламенем, которые ближе к шести годам становятся совсем непослушными и неуправляемыми.

– Готовы? – спросил у меня ассистент, когда я появилась на стартовой площадке за кулисами.

Шоу действительно было аэро, то есть от и до на лентах, в воздухе, и первый же мой шаг в зал начинался фактически с прыжка на лентах. Парить я не боялась: несмотря на то что в постановке мои крылья были голографическими, мои собственные никуда не делись. Уже после родов я как-то случайно их раскрыла от перенапряжения – после репетиции, вернувшись в резиденцию, сразу бросилась к детям, потом – обсуждать меню с Доражем (который снова работал у нас), а потом пришла в спальню и споткнулась о бросившуюся под ноги Гринни. Вместо того чтобы совершенно неромантично упасть, я раскрыла крылья и пролетела – буквально – над полом. Чем вызвала у виари невероятный восторг: она потом еще полчаса скакала вокруг меня, пищала, звала полетать и не понимала, почему я не хочу.

После того как Верраж, повзрослев, ушел в пустоши, ей было грустно и одиноко, особенно когда воспитательницы выгоняли ее из детской. Будь их воля, Ятта и Эрвер от нее бы не отходили, но им надо было спать, поэтому в такое время Гринни оставалась одна, плюхалась в своей игровой прямо по центру, демонстративно отворачивалась от игрушек и делала вид, что ее все забыли.

– Три минуты до начала.

Я глубоко вздохнула. Представила полный зал зрителей (все билеты на шоу были распроданы за неделю со старта продаж)! Представила ложу, где сидят Торн и мама. Он пригласил ее составить ему компанию, и мама не стала отказываться. Даргел и Мелори сидели вместе с Рин, Сэфлом и моим отцом в зале. При мысли о Гроу, который с Танны тоже занимал отдельную ложу, я мысленно слегка позеленела, но тут же отбросила все сомнения.

У меня. Все. Получится!

Рычание дракона оповестило о начале представления, эхом прокатившись над залом и отозвавшись, кажется, даже в корнях моих волос.

Я глубоко вздохнула, улыбнулась, вплетая руки в поданные мне ленты, и шагнула вперед.

Я чувствовала себя как пьяная. Учитывая, что я вообще ни капельки не пила, даже веоланского на своей свадьбе, сейчас это было более чем странное ощущение. Мне казалось, что меня не держат ноги и что я сейчас взлечу, как воздушный шарик. Прилипну головой к прозрачному куполу Хайрмарг-Арены и буду там болтаться, пока Торн не обернется драконом и меня не снимет.

Впрочем, до крыши и до холла еще надо было дойти, пока меня не выпускали из гримерки. Мергхандары и те, кто пришел меня поздравлять. В исполнении Гроу это звучало так:

– Вышло круто, Хэдфенгер.

– Я теперь Ландерстерг.

– Одна чешуя разница. Потому что вышло круто.

– В исполнении моего мужа это очень большой комплимент, можешь мне поверить, – сказала Танни. – Поздравляю!

Мы обнялись.

– У нас вышло, – сказала я. – У всех нас.

Гроу хмыкнул, Танни улыбнулась:

– Для такой крутоты спецэффекты было делать одно удовольствие.

«Одно удовольствие» превратилось в феерию. Разумеется, современные спецэффекты позволяют сделать все, что угодно, но Танни с командой превращали зал то в заснеженную пустошь, то в интерьеры закрытых помещений. Рычащие драконы выпускали пламя, от которого хотелось шарахнуться в сторону! Казалось, от него шел самый что ни на есть настоящий холод, но жемчужиной, разумеется, было создание глубоководного, выбравшегося из «океана». Когда он посмотрел в зал, тишина и напряжение чуть ли не зазвенели хрустом льда. Все выглядело настолько реалистично даже для меня, уже работавшей в частично созданных визуальных декорациях на репетициях, то что уж говорить о зрителях.

Судя по тому, как сияли глаза Танни, шоу зарядило ее не меньше, чем меня, а может быть, даже больше. Я хотела спросить ее о том, как она себя чувствовала – сыграв одну-единственную роль, потому что я собиралась поступить так же. Я не хотела продолжать выступать, мне гораздо больше понравилось писать сценарии и принимать участие в консультациях актеров, постановщика, создателей спецэффектов. Хотя,

судя по тому, как зрители встретили шоу – нас не отпускали минут пятнадцать, у нас все получилось.

У нас больше чем получилось.

Потому что мне уже обрывали телефон, но дотянуться до него я физически не могла. Едва попрощалась с четой Гранхарсен, в гримерную вбежали остальные участники шоу. Минут двадцать мы обнимались, делились впечатлениями, и я наконец-то выпила веоланского! После чего голова закружилась еще сильнее, а тело стало еще легче.

Потом наша команда разбежалась, и в гримерную вошли Даргел, Торн, Мелори, Рин, Сэфл, мама и папа.

Откуда Торн взял такой букет цветов, который едва пролез в дверь, оставалось только догадываться, но я даже поднять его не смогла – мне объёма рук не хватило. Впрочем, с цветами были все, а для зрительских даже пришлось открывать отдельную комнату.

– Как себя чувствует моя жена? – поинтересовался Торн, притягивая меня к себе.

Я посмотрела на букет, который занял весь диван.

– Безумно счастливой.

Все засмеялись.

– Нет, правда. Я представляла, что все должно получиться круто, но... даже не представляла, что это будет так!

Море оваций. Сияющие глаза зрителей. Ревущий от восторга зал.

– Это только начало. – Торн усмехнулся. – Мне уже сообщили...

Я приподняла бровь.

– Ты не отвечаешь на звонки, поэтому приходится пробираться к тебе всеми возможными способами, в том числе и через моего секретаря. Судя по тому, как и кто с тобой жаждет заключить контракты после «Парящей», тебе скоро понадобится свой.

У меня не осталось слов. Хорошо, что меня кинулись поздравлять Дар и Мелори, а после Рин с Сэфлом. Потом они вышли, Торн тоже – он что-то собирался сказать Сэфлу, и мы остались втроем. Я, мама и папа.

– Поздравляю, дочка. – Отец протянул мне букет.

– Спасибо!

Между нами установились ровные, спокойные отношения, далекие от семейной близости, но достаточные для вежливого

общения. Мы иногда созванивались, обменивались новостями. Я знала, что отец вернулся к практике и у него все хорошо, я даже через него узнала, что Ингрид снова вышла замуж в Аронгаре.

– Я хочу попросить прощения. – Отец посмотрел мне в глаза.

– Юргарн, сейчас это ну очень в тему, – хмыкнула мама.

Он обернулся.

С мамой у них так и не получилось ни разговора, ни чего бы то ни было еще. Они терпели друг друга на днях рождения и семейных встречах, а на моей свадьбе едва ли перекинулись парой слов. Я долгое время считала, что они должны разобраться сами, но сейчас только покачала головой.

– Пап, мне казалось, мы закрыли этот вопрос. Ты был под внушением и...

– Не за это. Точнее, не только за это. – Он нахмурился, посмотрел на меня, потом снова на маму. – И не только у тебя. Меня не было рядом, когда я был вам нужен. Мне не хватило смелости это сразу признать, а сейчас... боюсь, что сейчас уже слишком поздно. Тем не менее я прошу у вас прощения. Лаура, Оррис. Вы были и останетесь самыми дорогими моими женщинами, и мне жаль, что моя слабость стала причиной всего, что случилось.

В эту минуту я вспомнила Бена и наш последний разговор.

– Никогда не поздно, папа, – сказала я. – Потому что все мы здесь сейчас, и все мы можем обнять друг друга. Если захотим. Лично я хочу.

Я шагнула к нему и обняла, поймав немного растерянный взгляд мамы. Кажется, она такого не ожидала. Особенно того, что отец обнимет меня и мы так замрем на мгновение.

– Эй, мы собираемся пить кофе и праздновать успех Лали. Мам, пап, вы с нами? – В гримерную заглянул Даргел. – Ого. Чему я помешал?

– Собственно, ничему, – немного смущенно ответил отец, отстраняясь. – Да, я, разумеется, с вами.

– Я собиралась...

– А мама тоже с вами, – сказала я, – потому что она тоже хочет отпраздновать мой успех.

Мама возмущенно раздула ноздри, но возражать не стала. Зато, как только отец и брат вышли, накинулась на меня:

– Лаура!

– Что – Лаура? Вам давно пора поговорить.

– Мы уже все сказали друг другу!

– Все – это значит «Привет, Юргарн», и «Нет, я не хочу с тобой разговаривать»?! – Я перебила все ее возражения, кивнув на дверь. – Поговори с ним всего один раз. И я от тебя отстану. Но поговори нормально. Хорошо?

Мама снова возмущенно прищурилась, но тут к нам заглянул Торн.

– Лаура?

– Да. Уже едем. – Я поцеловала маму в щеку. – Завтра созвонимся, хорошо?

– Хорошо, – пробурчала она и вышла.

Торн усмехнулся.

– Все не оставляешь попыток?

– Им действительно стоит нормально поговорить. По своему опыту могу сказать, что я бы не наделала кучи ошибок, если бы мы сразу нормально поговорили.

– По своему опыту могу сказать, что, когда один хочет говорить, а другой нет, ничего не получится, но мы отвлеклись. Дома нас ждут два карапуза, а еще с тобой хочет кое-кто поговорить.

– Кое-кто – это кто?

– Кое-кто – это Арден.

– Я с ним говорить не хочу.

Торн хмыкнул и увлек меня за собой из гримерной.

– Ладно, помимо шуток, Лаура. Ты действительно на него злишься?

– Конечно! Он пропустил мою премьеру.

Мы вместе вышли под вспышки камер, но интервью я сегодня давать не планировала: завтра на это была отведена половина дня, поэтому сейчас мы просто прошли от дверей Хайрмарг-Арены до флайса, который стремительно унес нас и сопровождающие флайсы мергхандаров на аэромагистраль.

Глядя на удаляющиеся огни ледяного кристалла (именно его напоминала новая достопримечательность Ферверна), я положила голову Торну на плечо.

– Устала?

– Нет. Наоборот, я горы могу двигать. Просто мне нравится сидеть с тобой так.

– А мне нравится, что тебе это нравится. – Он коснулся пальцами моего подбородка, и, когда я повернулась к нему, – губами моих губ. Не знаю, чем бы закончился этот поцелуй, миготом отозвавшийся во всем теле тысячами ледяных драконьих искр, если бы нам не позвонил Арден.

Точнее, он позвонил Торну.

– Привет! – Таким счастливым я видела его, пожалуй, только когда они с Эллегрин объявили о помолвке. – Как все прошло?

– Лаура была великолепна, а вот актер, который исполнял мою роль...

– Не твою, – хмыкнула я. – Политкорректности ради все имена были изменены.

Не только имена, но и эпоха. Мы перенесли действие во времена древности Севера, и отбор туда отлично вписался. Справедливости ради надо отметить, что историки забросали бы нас тухлыми литтоновыми ягодками и что несмотря на историческую канву сама история по духу получилась все равно ближе к современности.

– Можно подумать, я не знаю, о ком шла речь.

Я фыркнула.

– Я вам не мешаю? – деловито осведомился Арден. – Мне попозже перезвонить?

– Поздравляю! – В объектив влезла Эллегрин. – Я тут заметила, по соцсетям, что вы взорвали Ферверн.

– Ферверн стоит, – сказал Торн с таким непробиваемым выражением лица, что я чуть не расхохоталась в голос. – А вот шоу удалось.

Эллегрин закатила глаза.

– Я вас тоже поздравляю, – сказала я. – Еще раз.

– Спасибо, – хором отозвались они.

Эти двое умудрились стать мужем и женой за неделю до премьеры и, что вполне логично, уехали праздновать это событие и путешествовать.

– Как вам Фиян?

– Интересно, – сказал Арден. – Тут под пустоши места много, поэтому драконов почти не видно. А когда они появляются, считается,

что это к счастью, богатству и долголетию. Увидеть дракона – к скорым счастливым переменам.

– Если на тебя упала тень дракона, ты автоматически считаешься благословленным, а если дракон пролетел над твоим домом, то благословлен весь ваш род, – вклинилась Эллегрин.

– Да, политики Фияна – гении, – буднично сообщил Торн, чем спровоцировал хохот Ардена.

В Хайрмарге, да и во всем Ферверне драконы над городами тоже появлялись редко. Огромные территории пустошей позволяли им вести тот же образ жизни, который они вели, когда были активны щиты, но даже если драконы случайно залетали в город, они проходили над аэромагистралями и над высотками. Правда, случалось это очень и очень редко: в городах драконам делать было особо нечего.

Конечно, первое время люди все равно нервничали – шутка ли, после столетий, когда драконов сдерживали с помощью щитов, убрать преграду между ними и городами, но тем не менее удачный опыт Аронгары и то, что драконы вообще не рвались знакомиться с новыми территориями, не говоря уже о том, чтобы на кого-то нападать, сделали свое дело. Отсутствие щитов понемногу становилось нормой, как и многое другое. Например, соправительство с людьми: тот, кто стоял рядом с Торном у власти, тоже присутствовал с женой и дочерью на моей премьере. Они сидели в соседней ложе, которая была в точности такая же, как у Торна.

Правда, не все принимали свершившуюся реформу как данность. Аронгара по-прежнему сохраняла правление исключительно иртханов, и многие страны ее в этом поддерживали. Но если многие просто поддерживали, то Рагран, например, очень агрессивно выступал против.

Хотя правильнее было бы сказать, очень агрессивно выступал против ее правитель.

Бенгарн Вайдхэн.

За это время прозвище Черное пламя Раграна уже стало его вторым именем, а несколько лично им раскрытых заговоров против него подарили второе – Неуязвимый.

За разговором с Арденом и Эллегрин мы почти не заметили, как оказались у здания телепорта, а через полчаса уже были дома. В резиденцию мы уезжали на выходные, и, хотя у Торна выходные

были символические, мне все равно нравился наш уютный, отрезанный от цивилизации островок, где мы могли побыть наедине.

К нам в резиденцию иногда прилетал Верраж. Когда это случалось, Гринни с визгом гонялась за огромным без преувеличения драконом над парком, а потом, запыхавшись, радостно верещала, когда ей удавалось цапнуть его за хвост. Цапать Верража за хвост позволялось только ей. И еще Ятте. Эта девочка как будто родилась среди драконов: впервые увидев огромного зверя, она не испугалась, а сразу же потянулась к нему со словами:

– Башой!

Так у Верража появилось второе имя, а у Ятты – первый ручной дракон. С Эрвером у него дружбы не сложилось: мальчик не особо к нему тянулся, и дракон тоже не стремился познакомиться поближе.

Стоило нам войти в детскую, дежурная воспитательница тут же поднялась.

– Ферн Ландерстерг. Ферна Ландерстерг, дети заснули.

Ятта и Эрвер и правда сладко посапывали в кроватке, и я кивнула:

– Оставьте нас ненадолго.

Мы с Торном приблизились: сын и дочь спали, взявшись за руки. Такое началось, когда мы впервые принесли Эрвера в детскую. Ятта протянула к нему руки и устроила нам концерт – до тех пор пока малыша не положили рядом. Теперь разделить их было почти невозможно, они вели себя как близнецы.

Торн предположил, что это родство пламени: глубоководные не были изучены по понятной причине, но уже сейчас становилось ясно, что их пламя существенно отличается от пламени других драконов. Даже не считая того, что оно многократно мощнее, оно отличалось и по структуре, и по воздействию на окружающий мир и на носителя.

– Доброй ночи. – Я наклонилась, поправила тонкую прядку, упавшую на лицо дочери. Потом повернулась к сыну. – Спокойной ночи, Эрвер.

В ответ он сунул палец в рот и продолжил сладко сопеть.

– Наши дети будут жить совсем в другом мире, – сказала я.

Торн подошел и обнял меня со спины, глядя на малышей.

– Даже не сомневаюсь.

– Все так быстро меняется... уже сейчас все изменилось. Еще двадцать лет назад никому даже в голову не могло прийти, что мы

отключим щиты. Не говоря уже о том, что происходит с силой иртханов и драконов. Черное пламя... разве мог кто-то представить такое?

– Лично я могу представить все, что вижу. И то, что я вижу, мне нравится. – Торн сцепил руки на моей талии.

– Мне тоже, – сказала я.

Потом повернулась в его руках.

– Сейчас – тоже.

Торн приподнял брови:

– Вот как?

Вместо ответа я его поцеловала. Вложив все свои чувства в эту простую ласку, которая была гораздо сильнее любых слов. И любых мыслей – хотя мы с Торном так и не перестали общаться мысленно, мы научились это блокировать и управлять этой взаимной особенностью.

Арден предполагал, что это – тоже часть особенности глубоководных, более серьезная ментальная связь, а я... я просто была рада, что рядом со мной лучший мужчина на свете.

– Ты сейчас слишком громко подумала, – произнес Торн, глядя мне в глаза.

Я коснулась пальцами его скулы. Улыбнулась и ответила:

– Я знаю.